МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2018 **№ 51**

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединённом каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

ISSN 1998-8613
e-ISSN 2311-2387

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета; **Дацишен Владимир Григорьевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Иванова Наталья Анатольевна**, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва); **Кирюшин Юрий Федорович**, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул); **Красильников Сергей Александрович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., зам. директора Института Дальнего Востока РАН; **Мерлин Од**, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии); **Функ Дмитрий Анатольевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой этнологии Московского государственного университета; **Ермекбай Жарас Акишевич**, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

EDITORIAL COUNCIL OF THE "JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY. HISTORY"

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, Deputy Director, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Ethnology of Moscow State University; **Ermekbay Zharas A.** Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Sulyak Sergey Georgiyevich**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

РЕДАКЦИЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории, декан исторического факультета; **Воробьева Вероника Сергеевна,** ответственный секретарь; **Фоминых Сергей Фёдорович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой современной отечественной истории; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф.; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета

EDITORIAL BOARD OF THE "JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY. HISTORY"

Zinoviev Vasiliy P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of History; **Vorobyeva Veronica S.**, Executive Editor; **Fominykh Sergey F.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Modern Russian History; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Faculty of History; **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

© Томский государственный университет, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Антюхова Е.А. Начальный этап холодной войны и процесс конструирования образа НАТО в советской периодической печати 1940-х гг. (на материале газеты «Правда») 5
Васильев Д.В. Административно-территориальное деление Азиатской России: дискуссия 1860–1887 гг. 13
Гордеева М.А. Волостной сход в системе местного крестьянского самоуправления Томской губернии в начале XX в. 21
Гришина Н.В. «…Возможность проехаться и подышать западноевропейским воздухом»: взаимоотношения науки и власти в сфере заграничных командировок в 1920-е гг. 28
Дмитриев А.В. Реорганизация частей русской регулярной армии в Забайкалье в первой половине 1760-х гг. ... 37
Иванов А.С. Иерархия спецпоселения (1940–1950-е гг.) 45
Катцина Т.А., Мезит Л.Э. Общественные кампании как способ решения социальных проблем в послереволюционные годы на территории Енисейской губернии 54
Кириченко С.В. Бурятская интеллигенция: национализм и национальный вопрос 60
Подрезов М.В. Чуйский вьючный путь: конец XVIII – первая половина XIX в. 69
Протасов Е.Т. Особенности государственного управления экономикой Бурятии в 1950–1960-е гг. 74

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Глинкин В.С. Периодизация национальной политики КНР (1949 г. – начало XXI в.) 81
Федорова Т.А. История как семиологическая система в творчестве Вальтера Скотта 85

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Водясов Е.В. Элитное захоронение с кузнечными клещами в курганном могильнике Архиерейская Заимка (Томское Приобье) 90
Горюнова О.И., Новиков А.Г. Радиоуглеродное датирование керамических комплексов с поселений эпохи неолита побережья Байкала 98
Козлов М.Н. Содержание древнерусских языческих святилищ: факты против мифов 108
Селиванов Д.Е. Проблема происхождения и содержания этнонима *теле* в современной этнологической науке 115
Тадышева Н.О. Отражение культа дерева в традиционном мировоззрении тюрков Саяно-Алтая 118
Черкасов А.В. Д.А. Крайнов как исследователь каменного века Крыма 124
Ярыгин С.А., Сарсамбекова А.С., Шаймердинова Н.Г. Традиционный костюм в системе знаковой репрезентации власти кочевников Евразии первой половины I тысячелетия 131

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

Демин М.А. Ученый и бюрократия (к истории нереализованного варианта научной биографии А.П. Уманского) 143
Марей Е.С. Грех и злодеяние в «Сентенциях» Тайона Сарагосского: содержание понятий и их источников 149
Свирина Д.В. Воспоминания о депортации поволжских немцев: основной нарратив и мотивы (на материалах Красноярского края) 157

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Antyukhova E.A. The initial stage of cold war and the process of designing the image of NATO in the soviet periodicals of the 1940s (a case study of the Pravda newspaper) 5
Vasilyev D.V. The administrative-territorial division of Asian Russia: discussion of 1860th – 1887th 13
Gordeeva M.A. Volost Gathering in the System of Local Peasant Self-government of Tomsk Province at the Beginning of the 20th Century 21
Grishina N.V. "...The opportunity of traveling and breathing the air of Western Europe": the relationships between the academic community and the authorities in respect of international trips during the 1920s 28
Dmitriev A.V. The restructuring of Russian regular army troops in Transbaikalia in the 1st half of 1760s 37
Ivanov A.S. Hierarchy of settlements (1940–1950) 45
Kattsina T.A., Mezit L.E. Public Campaigns as a Measure of Social Problems Solution during the Post-Revolutionary Period in Yenisseyskaya Province 54
Kirichenko S.V. Buryat intelligentsia: nationalism and ethnic question 60
Podrezov M.V. Chuysky Pack Path: the End of the XVIII – the First Half of the XIX Century 69
Protasov E.T. Features of state administration by the economy of Buryatia in 1950–1960 74

PROBLEMS OF WORLD HISTORY

Glinkin V. S. National policy of the People's Republic of China and its periodization 81
Fedorova T.A. History as a semiological system in the works of Walter Scott 85

PROBLEMS OF ARKHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Vodyasov E.V. The elite burial with forging tongs in the burial mound site «Arkhiereiskaya Zaimka» (Tomsk Ob River Region) 90
Goriunova O.I., Novikov A.G. Radiocarbon dating of pottery complexes from Neolithic settlements on the Baikal coast 98
Kozlov M.N. Keeping pagan sanctuaries in Ancient Russia: facts against myths 108
Selivanov D.E. The origin and the maintenance problems of "tele" ethnonym in the modern ethnology 115
Tadisheva Natalia O. The reflection of the tree cult in the traditional world outlook of the Turks of the Sayan-Altai 118
Cherkasov A.V. D.A. Kraynov as the researcher of the Stone age of Crimea 124
Yarygin S.A., Sarsambekova A.S., Shaimerdinova N.G. Traditional Costume in the System of Symbolic Representation of Power of Eurasian Nomads in the First Half of the First Millennium 131

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDY AND METODOLOGY OF HISTORY

Demin M.A. The scientist and the bureaucracy (to the history of the unrealized version of scientific biography of A.P. Umansky) 143
Marey E.S. Sin and crime in the "Sentences" of Taio of Zaragoza: the content and the sources of the concepts 149
Svirina D.V. Memories about the deportation of volga germans: main narrative and motives (based on Krasnoyarsky kray data) 157

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Мауль В.Я. Разинское восстание в хаосе временного коллапса (размышления об одной новой книге) 164
Мосейкина М.Н. Рецензия: Зарубежная Россия: организации российской эмиграции. 1917–1939 гг. материалы к межархивному справочнику / Н.С. Сабенникова, В.Л. Ггентшке, А.С. Ловцов. Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела. Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2017 170
Терентьев В.И. Рецензия: Кимеев В.М. Шорцы. Кто они? Этнографические очерки. 2-е изд., доп. и перераб. Кемерово : КемГУ, 2016. 255 с. 173

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 176

REVIEWS AND SCIENTIFIC LIFE

Maul V.Ya. Razin Uprising in the chaos of a temporary collapse (thinking about new book) 164
Moseikina M. N. Review: Foreign Rrussia: organizations of russian emigration. 1917-1939. Material for the inter-archive reference book. / compiled by I.S. Sabennikova, V.I. Gentshke, A.S. Lovtsov. All-russian research institute of archives and records management. Moscow; Berlin: Direct-media publ, 2017 170
Terentyev V.I. Review: Kimeev V.M. Shorians: who are they? Ethnographic essays: monograph. The second edition. Kemerovo: Kemsu, 2016. 255 p. 173

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 176

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94 (47).084+327.7
DOI: 10.17223/19988613/51/1

Е.А. Антюхова

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ И ПРОЦЕСС КОНСТРУИРОВАНИЯ ОБРАЗА НАТО В СОВЕТСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ 1940-х гг. (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»)

Проанализирована начальная стадия холодной войны, раскрыт процесс оформления идеи о создании военно-политических послевоенных союзов и показаны особенности конструирования образа агрессора в лице США и НАТО на страницах газеты «Правда». В рассматриваемый период именно печать занимала ведущие позиции, вынося оценки происходившему в стране и на международной арене, определяя главные направления, по которым партийной пропагандой формировались мировоззренческие установки в тогдашнем обществе.

Ключевые слова: внешняя политика; холодная война; газета «Правда»; партийная пропаганда; НАТО; массовое сознание; идеологические разногласия; блоковое противостояние.

В условиях формирования новой системы международных отношений, когда на разных уровнях всё отчетливее звучит обеспокоенность о возвращении ко временам холодной войны, усиленный интерес историков внешней политики СССР вызывает обращение к начальному этапу противостояния, ставшему своеобразной точкой отсчета формирования послевоенной системы международных отношений.

Особое место в исследованиях занимает история возникновения порожденных этим порядком военно-политических объединений: организаций Североатлантического и Варшавского договоров, превратившихся в «несущие конструкции» биполярности [1. С. 23]. Одним из важных аспектов общей проблемы выступает роль восприятия (верного или ошибочного) причин происхождения этого периода военного, экономического и идеологического противостояния, прежде всего СССР и США.

В советский период в отечественной научной литературе вина за глобальную конфронтацию между бывшими союзниками Второй мировой войны возлагалась исключительно на Соединенные Штаты и их сторонников. Знаменитая речь Уинстона Черчилля о «железном занавесе», произнесенная в Вестминстерском колледже в Фултоне, штат Миссури, в присутствии американского президента Гарри Трумэна, традиционно считалась сигналом к началу холодной войны и даже поводом для ее развязывания. Между тем очевидно, что произнесенные бывшим премьер-министром Великобритании слова являлись не причиной будущей конфронтации, а следствием произошедших необратимых процессов.

Говоря о планах СССР, У. Черчилль задавался вопросом, однозначного ответа на который не существует и по сей день: «Никто не знает, каковы планы Советской России и созданной ею международной коммунистической организации на ближайшее будущее и насколько далеко Советы готовы зайти в своем стремлении к экспансии и обращении других в свою “веру”» [2. С. 307]. Объяснений отсутствия доказательств, что СССР как «мировая супердержава» претендовал не только на господство в Восточной, но и в Центральной Европе, несколько. С одной стороны, для утвердительного и развернутого ответа по-прежнему недостает источников, а с другой – сама постановка проблемы длительное время не вписывалась в официальный советский дискурс и на долгие годы была выключена из научных исследований.

Только со второй половины 1990-х гг. в российской историографии сформировался более взвешенный подход к причинам конфронтации, наметившейся в 40-е гг. XX столетия. В соответствии с ним холодная война рассматривается как противоречивый процесс взаимодействия двух систем, в который свой вклад внесли обе стороны [3–6]. Предметом дискуссии остается пропорция усилий, приложенных обеими сторонами в процессе перехода к этому новому миропорядку. Лишь в постсоветское время появились первые работы, отражающие механизм формирования внешнеполитических представлений, общественного сознания и взаимовосприятия СССР и США в этот период [7–10].

Статья посвящена начальной стадии холодной войны, раскрывает процесс оформления идеи создания военно-политических послевоенных союзов и показывает особенности конструирования образа НАТО на страницах газеты «Правда». Интерес к печатным средствам массовой информации не случаен, поскольку среди форм, в которых проявлялось действие пропаганды: лекции, радиобеседы, художественная литература, документальное кино, театр, изобразительное

искусство, в рассматриваемый период именно периодическая играла ключевую роль в формировании внешнеполитических представлений советских людей.

Выбор «Правды» обусловлен тем, что именно на ее страницах после тщательной идеологической проработки воспроизводились важнейшие постулаты направления внутренней и внешней политики советского государства. Остальные средства информации чаще всего просто перепечатывали из органа ЦК материалы, касавшиеся основных политических вопросов, а в случаях более подробного их анализа, строго следовали изначальным определениям из главной газеты страны. Более того, публикации в «Правде» по актуальным проблемам, особенно внешней политики, оценивались за рубежом как официальная точка зрения советского государства. В условиях ограниченности внешнеполитических контактов газета выступала в качестве своеобразного средства публичной дипломатии, работая как на внутреннюю, так и на внешнюю аудиторию. Ежедневно выходившие номера издания представляют несомненную ценность для современных исторических исследований, поскольку они отчасти могут помочь восполнить недостающую информацию, восстановить процесс и механизмы выработки важнейших внешнеполитических решений. Речь не идет об определенной «утечке» сведений. Современный исследователь может использовать важную структурную информацию, содержащуюся между газетных строк статей, посвященных внешней политике.

Главным редактором газеты до августа 1949 г. являлся Петр Николаевич Поспелов, возглавлявший издание с 1940 г. После него до 1951 г. во главе редакции «Правды» находился Михаил Андреевич Суслов, совмещавший эту должность с постом начальника Управления пропаганды и агитации ЦК.

Среди новых тенденций советской политики в условиях послевоенной неопределенности, нашедших отражение в печати, можно, пожалуй, выделить две – критику капиталистического, в первую очередь, американского строя, противопоставление ему социалистических «достижений» и активное противодействие созданию политических межгосударственных блоков. Именно на фоне таких идеологических установок, получивших широкое распространение в прессе, происходила выработка сталинским руководством долговременной внешнеполитической концепции.

Разоблачение в газете «агрессивных планов американского империализма» было тесно связано с процессом создания Североатлантического альянса, напрямую сопряженного для Советского государства с понятием «национальная безопасность». Уникальность этой военно-политической организации состоит в том, что она изначально ставила перед собой не столько военные, сколько идеологические цели противодействия «коммунистической угрозе», исходившей от обескровленного войной Советского Союза. В отличие от своих оппонентов, НАТО сумела дожить до сегодняшнего дня, во многом сохранив традиции прежних времен, сформировавшиеся на базе противоречий, проявившихся в отношениях между «капиталистической» и «социалистической» моделями государственного устройства.

До настоящего времени не утратили своего исторического значения вопросы, связанные с особенностями принятия советским руководством решений относительно политики НАТО на начальном этапе существования этой организации, а также с проблемой восприятия данных процессов основной массой советских людей. Отношение к появлению военного блока, включившего в свой состав в 1949 г. США, Францию, Великобританию, Данию, Бельгию, Италию, Исландию, Люксембург, Нидерланды, Норвегию, Португалию и Канаду, формировалось на фоне ухудшавшихся отношений между СССР и Соединенными Штатами Америки.

Оформление Североатлантического альянса современный исследователь А.В. Пилько относит к 1947–1948 гг. [1. С. 24]. На наш взгляд, предпосылки формирования подобного военно-политического образования возникли еще в ходе Второй мировой войны, когда встал вопрос о создании так называемого западного блока, который первоначально не имел ни определенных географических контуров, ни точных идеологических ориентиров. Отсюда – многочисленные названия, под которыми популяризировалась эта идея: «западный блок», «западный альянс», «западный ансамбль», «западный комплекс», «западное содружество», «западное согласие» и даже «западная социалистическая федерация» [11. С. 3]. Несмотря на «размытость» представлений потенциальных организаторов этого объединения, их инициатива вызвала серьезную озабоченность идеологов советской внешней политики. В начале 1946 г. было организовано публичное выступление по этому вопросу кандидата юридических наук Д.Б. Левина в Лекционном зале в Москве. Стенограмма выступления была издана отдельной брошюрой.

Неопределенность идеи создания «западного блока» не смутила разнообразные политические силы, поддерживавшие эту инициативу. Впервые она была озвучена премьер-министром Южно-Африканского союза, в прошлом членом британского военного кабинета, фельдмаршалом Яном Христианом Смэтсом 25 ноября 1943 г. Он предлагал создать в рамках международной организации более тесное сотрудничество «малых держав» Западной Европы с Великобританией. Однако у этого замысла нашлись свои сторонники и противники. Среди последних были и союзные правительства, которые усматривали в такой идее единственную цель – усиление Англии «за столом великих держав» [Там же]. Однозначно отрицательное отношение к ней высказало сталинское руководство, усмотревшее в этих инициативах прямую угрозу создания против себя военного блока. Основы советской внешней политики как довоенной, так и послевоенной строились на принципе использования противоречий с целью раскола единства

капиталистического лагеря. С созданием же объединений государств в ближайшей перспективе вместо многополюсной системы возникала прямая угроза формирования единой антисоветской коалиции.

В Большой Советской энциклопедии из издания в издание содержалась соответствующая оценка деятельности Я.Х. Смэтса: «…уже в 1943 г. Смэтс выступил за создание антисоветского “западного блока”» [12]. Визит английского премьер-министра Черчилля и министра иностранных дел Идена в ноябре 1944 г. в Париж вновь вернул к жизни идею «западного блока». Так, в ходе переговоров речь шла об экономическом и военном соглашении между странами Западной Европы. После поездки генерала де Голля в августе 1945 г. в Соединенные Штаты Америки им было сделано заявление в интервью корреспонденту газеты «Таймс», в котором он подчеркнул тот факт, что «Западная Европа образует естественный комплекс» и является «Фактором географического, экономического, политического и культурного порядка» [11. С. 7]. Генерал не говорил открыто о необходимости объединения военных сил, но такая перспектива со всей очевидностью просматривалась для советского внешнеполитического ведомства.

В ходе кампании в пользу создания «западного блока» постоянно акцентировалось внимание на региональном характере подготавливаемого соглашения, отмечалось, что оно вполне укладывалось в рамки Устава Объединенных Наций. Однако в развернувшихся дискуссиях, связанных с этим проектом, в более конкретном виде проявились различные мотивы сторонников данной идеи. Одни считали, что «западный блок» должен служить обеспечению мира и безопасности Европы, другие – ее экономическому процветанию, наконец, третьи были убеждены в необходимости обеспечения безопасности через создание системы равновесия сил, противопоставив новое объединение экономической экспансии США и военным угрозам, исходящим якобы от СССР [Там же. С. 3]. Тогда же прозвучали призывы к оформлению военного союза западноевропейских государств с объединенным советом начальников штабов и с проведением стандартизации вооружения.

Не обошел своим вниманием проблему военного блока и У. Черчилль всё в том же выступлении в Фултоне. Говоря о возможном военном союзе между Соединенными Штатами и Британским Содружеством, в которое вошли почти все бывшие доминионы, колонии и протектораты Великобритании, он заявил: «Если описанному мною братскому союзу суждено стать реальностью и если мы твердо намерены совместными усилиями укреплять военную мощь и обороноспособность наших стран, давайте сделаем так, чтобы все знали о наших планах – одно это уже наверняка будет способствовать укреплению мира во всем мире» [2. С. 307].

В Советском Союзе подобные политические планы рассматривались исключительно с точки зрения угрозы разрушения системы военного и политического сотрудничества великих держав, сформировавшейся в годы войны. Тогда, в частности, были достигнуты соглашения о военном союзе и послевоенном сотрудничестве с Англией (26 мая 1942 г.) и Францией (10 декабря 1944 г.).

В международных разделах «Правды» говорилось о том, что идея «западного блока» таит угрозу для мира и безопасности, противоречит Уставу Объединенных Наций. Между тем ст. 52 гл. VIII Устава Организации Объединенных Наций, принятого 26 июня 1945 г., отмечала, что «Настоящий Устав ни в коей мере не препятствует существованию региональных соглашений или органов для разрешения таких вопросов, относящихся к поддержанию международного мира и безопасности <…> при условии, что такие соглашения или органы и их деятельность совместимы с Целями и Принципами Организации» [13. С. 601]. Более того, «Совет Безопасности должен поощрять развитие применения мирного разрешения местных споров при помощи таких региональных соглашений или таких региональных органов, либо по инициативе заинтересованных государств, либо по своей собственной инициативе» [Там же]. В советских изданиях отмечалась возможность заключения региональных соглашений на основе Главы VIII Устава Организации Объединенных Наций, но выдвигалось условие их соответствия «в первую очередь принципу единства и сотрудничества великих демократических держав» [11. С. 3].

Позиция СССР в отношении создания «блоков и группировок» государств была озвучена тогдашним главой внешнеполитического ведомства СССР В.М. Молотовым в докладе на торжественном заседании, посвященном годовщине Октябрьской революции в ноябре 1945 г. «Теперь происходит испытание прочности англо-советско-американской антигитлеровской коалиции, сложившейся во время войны, – говорил он в своем выступлении. – Окажется ли эта коалиция такой же сильной и способной к совместным решениям в новых условиях, когда возникают всё новые проблемы послевоенного периода?» [14. С. 2].

В основе послевоенной советской внешнеполитической концепции, из которой исходил в своем выступлении В.М. Молотов, лежали казавшиеся незыблемыми традиционные представления: через соблюдение принципа «баланса сил» сохранить сложившийся в ходе переговоров с союзниками раздел мира на «сферы влияния», через использование новых форм международного взаимодействия (переговоры, консультации, двусторонние договоры) активно реагировать «на действия субъектов международных отношений и изменения условий международной среды» [15. С. 64]. Формирование объединений отдельных государств, тем более на почве военного сотрудничества, никак не вписывалось в эту схему, поэтому Советский Союз в ходе послевоенных переговоров, связанных с желанием изменить расстановку политических сил в Европе, всячески препятствовал заключению договоренностей в данном направлении.

Так, активное противодействие со стороны СССР вызвала попытка США реализовать свою концепцию европейской безопасности, предусматривавшую восстановление экономики пострадавших во время войны государств при помощи плана Маршалла. Особые опасения советских дипломатов вызывала перспектива того, что восточноевропейские страны окажутся втянутыми в орбиту общеевропейских экономических отношений под контролем Соединенных Штатов.

В основе советской критики плана Маршалла лежал весьма сомнительный тезис об угрозах странам, которые вместе с ним будут «импортировать экономический кризис» из США [16. С. 13]. Подводя итоги 1948 г., газета «Правда» заявляла: «Практическая деятельность американской дипломатии строится на принципах отрицания международного сотрудничества великих держав, нарушения известных решений Ялтинской и Потсдамской конференций. Эти принципы легли в основу создания англо-американского блока. Они являются стержнем пресловутого “плана Маршалла”, они породили инсценировку “берлинского кризиса” и объясняют двукратный срыв соглашения об его урегулировании» [17. С. 4].

После короткого совещания в Париже Молотов заявил об отказе СССР от участия в реализации предложений по плану Маршалла. До этого приглашение было отклонено восьмью соседями России в Восточной Европе – Польшей, Чехословакией, Финляндией, Венгрией, Румынией, Югославией, Болгарией и Албанией, хотя первые три страны готовы были принять приглашение, а Чехословакия даже заявила о своем согласии [16. С. 13].

Встреча 16 государств в Париже началась 12 июля 1948 г., а через четыре дня был учрежден Комитет европейского экономического сотрудничества. Советское руководство не сумело разрушить создававшийся экономический альянс западноевропейских государств, но смогло предотвратить вхождение в него своих политических союзников в Восточной Европе, а также мобилизовать Коммунистические партии Западной Европы для их безоговорочной поддержки советской политики.

Население Советского Союза в своем большинстве поддерживало официальную антизападную пропаганду. Однако сформировавшееся у определенной его части в период союзничества в годы войны позитивное отношение к ряду государств, традиционно причисляемых к числу открытых врагов советского строя, требовало немедленной «корректировки» в условиях новой послевоенной ситуации, сложившейся ко второй половине 1947 г. К этому времени Советский Союз и Соединенные Штаты превратились в непримиримых противников, и ключевым моментом идеологической войны в обеих странах стало продуцирование «образа врага».

Процесс конструирования читательских представлений требовал от редакции газеты постоянного акцентирования внимания на тех или иных явлениях общественной жизни, вычленяя их из общего потока информации, анализируя представленный материал с заранее определенных позиций, убеждая в правильности собственных выводов.

Предположительно в последней декаде марта 1949 г. появился руководящий документ Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) под названием «План мероприятий по усилению антиамериканской пропаганды на ближайшее время», последняя фраза которого подчеркивала не только необходимость немедленных мер в реализации намеченных планов, но и неопределенность последующей позиции в заявленном вопросе.

В первом пункте документа ставилась задача организовать в газетах «Правда», «Известия», «Труд», «Литературная газета», «Комсомольская газета», журнале «Большевик» и пресс-бюро ТАСС «систематическое печатание материалов, статей, памфлетов, разоблачающих агрессивные планы американского империализма, антинародный характер общественного и государственного строя США, развенчивающих басни американской пропаганды о “процветании” Америки, показывающих глубокие противоречия экономики США, лживость буржуазной демократии, маразм буржуазной культуры и нравов современной Америки» [18].

Исследователи периодической печати неминуемо сталкиваются с необходимостью изучения огромного пласта газетного материала с последующей интерпретацией выявленных закономерностей. Исходя из однонаправленности размещенных на страницах «Правды» материалов, связанных с проблемой создания военно-политических блоков, в данной статье не ставилась задача количественного анализа публикаций, затрагивавших рассматриваемую тематику. Достаточно выделить наиболее общие тенденции формирования представления на этот счет у читателей газеты.

С учетом неоднородности аудитории на страницах «Правды» время от времени размещались публицистические статьи по заявленной тематике, содержавшие в себе элементы серьезного анализа рассматриваемой проблемы. Однако гораздо чаще стилеобразующими факторами публикаций выступала антиамериканская риторика, связанная с потенциальной угрозой агрессии США и военно-политического блока НАТО. Вот выдержки только из одной статьи газеты «Правда». «Разоблачаемые в своих авантюристических замыслах, поджигатели войны хотят обмануть простых людей», «свои преступные действия по подготовке новой войны они хотят прикрыть клеветой на честную политику мира, проводимую коммунистами», «пусть грязные и продажные писаки вопят, что им угодно насчет агрессивной политики Советского Союза», «никаким разбойникам пера из лагеря поджигателей войны не удастся оклеветать Сталинскую политику дружбы народов, не удастся зачеркнуть священное слово Мир, начертанное на знаменах свободолюбивых народов» [19. С. 2].

Противовесом выступал Советский Союз, который «является истинным поборником мира», «объединил сто-

ронников мира в могучую силу», «призвал народы к решительной борьбе против провокаторов новой мировой войны». «Все народы с благодарностью приветствуют ту решительную и безоговорочную политику мира, которую ведет и отстаивает товарищ Сталин», советская страна «способна вести и действительно ведет политику мира, ведет ее не фарисейски, а честно и открыто, решительно и последовательно» [19. С. 2]. В день семидесятилетия со дня рождения И.В. Сталина была учреждена международная премия «За укрепление мира между народами». Ежегодно от 5 до 10 премий с вознаграждением в размере 100 тыс. руб. в день рождения вождя должны были получать граждане любой страны, независимо от их политических, религиозных и расовых различий, «за выдающиеся заслуги в деле борьбы против поджигателей войны и за укрепление мира» [20. С. 2].

В «Правде» проблема блокового противостояния из номера в номер обсуждалась со второй половины января 1949 г. В докладе на торжественном траурном заседании, посвященном очередной годовщине смерти В.И. Ленина, главный редактор П.Н. Поспелов заявил: «Только участвуя в едином демократическом антиимпериалистическом лагере во главе с Советским Союзом, каждая страна народной демократии может в современной международной обстановке обеспечить свою независимость, суверенитет и безопасность против агрессии империалистических сил» [21. С. 2]. В следующем номере от 23 января 1949 г. в небольшой заметке, посвященной речи Г. Трумэна, произнесенной им 20 января в связи с его переизбранием на очередной президентский срок, излагались взгляды руководителя страны на будущую программу правительства США. Среди выделенных четырех основных направлений в качестве третьей задачи, разрешением которой займется кабинет президента, была названа подготовка создания военного блока в форме союза стран Северной Атлантики. «Кроме того, – заявил Трумэн, – мы будем давать военную консультацию и поставлять материалы свободным нациям, которые будут сотрудничать с нами в деле поддержания мира и безопасности» [Там же].

Анализ речи Трумэна содержался также в «Международном обозрении» газеты, подготовленном М. Марининым в номер от 26 января 1949 г. Здесь вновь говорилось о выдвинутых президентом США внешнеполитических задачах, однако теперь вопрос о создании военно-политических блоков был перемещен на вторую позицию и не получил подробного освещения. Было сказано лишь следующее: «Отсюда вытекает второе направление внешней политики США. Оно состоит в создании системы военно-политических блоков, которые, как это ясно каждому, под флагом обеспечения безопасности призваны закрепить американское господство в Западной Европе» [22].

Довольно нейтральная оценка блоковой политики Соединенных Штатов объяснялась необходимостью паузы, во время которой правительство Советского Союза пыталось изменить сложившуюся ситуацию в свою пользу. Еще 14 января 1949 г. Государственный департамент Соединенных Штатов Америки опубликовал пространное заявление под названием «Строим мир. Коллективная безопасность в североатлантическом районе», в котором была изложена официальная позиция США по вопросу о так называемом Североатлантическом пакте. Переговоры по поводу его создания правительство Соединенных Штатов Америки совместно с Канадой вели с лета 1948 г. с Великобританией, Францией, Бельгией, Голландией и Люксембургом.

Официальное заявление Министерства иностранных дел СССР о Североатлантическом пакте после многочисленных консультаций и согласований было напечатано в «Правде» 29 января 1949 г. [23. С. 2]. В документе было обозначено отношение СССР к Западному союзу и Североатлантическому объединению как к организациям, направленным против Советского государства: «В своем документе “Коллективная безопасность в североатлантическом районе”, – говорилось в публикации, – Государственный департамент США старается представить подготовленный им Североатлантический пакт как региональное соглашение по вопросам безопасности между странами Северной Атлантики, чем затушевываются действительный характер и истинный смысл этого пакта. Несостоятельность приведенного объяснения необходимости такого пакта видна уже из того, что, как всем известно, странам Северной Атлантики никакая агрессия не угрожает» [Там же].

В рассматриваемый период особенностью публикаций в «Правде» материалов, связанных с проблемами внешней политики, было наполнение аналитической информации выдержками из зарубежных газет. Для советского читателя, лишенного возможности самостоятельно знакомиться с иностранной прессой, такого рода материалы выглядели более убедительно. Для большей достоверности на страницах «Правды» регулярно помещались выдержки из изданий, содержавших информацию зачастую противоположную той, которая отражала официальную позицию Советского Союза по различным вопросам международной жизни. Однако при использовании такого рода сведений в обязательном порядке соблюдалась определенная пропорция.

В качестве одного из многочисленных примеров можно привести выдержку из «Правды» от 3 февраля 1949 г., в которой пересказывается содержание английских газет: «“Таймс” в редакционной статье, заявив, что “последние шаги Москвы” необходимо встречать “осторожно”, добавляет, что рано или поздно должна быть предпринята попытка возобновить переговоры “между двумя мировыми лагерями”. Однако “Таймс” сомневается в том, сплочены ли в достаточной мере силы Запада для того, чтобы можно было начать переговоры. Далее “Таймс” касается недавних советских заявлений и подчеркивает, что каждое по-своему направлено против Атлантического пакта» [24. С. 3].

В этом же номере «Правды» были приведены выдержки из газет США, Франции, Румынии, Болгарии,

Бельгии, Ливана, Египта, Дании, Швеции, Австрии, Афганистана. Все они посвящались интервью И.В. Сталина и должны были показать, какой огромный резонанс оно вызвало во всем мире. Руководитель СССР позиционировался как активный борец за мир, а обширная география представленных изданий убеждала читателя в высоком его авторитете. Приведенные же выдержки из английских и американских газет лишь показывали «полное замешательство в стане империалистов», тайно разрабатывавших свои милитаристские планы. Противопоставлялись этой «неопределенности» политической линии твердость и уверенность позиции советского руководства, подкрепленные соответствующей риторикой газеты «Правда»: «Сталин подтвердил волю Советского Союза к сотрудничеству во имя сохранения мира и безопасности народов», «ясные и точные ответы товарища Сталина нанесли сокрушительный удар по новым претендентам на мировое господство», «рабочие на предприятиях Вены высказывают глубокое удовлетворение тем, что заявление товарища Сталина наносит сокрушительный удар поджигателям войны» [24. С. 3].

Итогом усилий журналистов «Правды» являлась убежденность читателя в достоверности и объективности информации, представление о масштабах объединения всех демократических и социалистических сил против попыток создания Атлантического пакта, особая роль Советского Союза в борьбе за предотвращение возможных вооруженных конфликтов. Вместе с тем тщательно обходился стороной вопрос о том, что СССР, заключив соглашения о союзе, взаимной помощи и сотрудничестве с рядом стран Восточной Европы, создал своего рода «восточный блок», которому теперь противопоставлялось объединение западноевропейских государств. Такая перспектива создания западной коалиции под покровительством Соединенных Штатов грозила длительным периодом вражды в виде холодной войны, но СССР при этом достиг основных целей собственной безопасности за счет расширения послевоенных границ и установления контроля над Восточной Европой, не вызывая при этом прямых военных действий со стороны Запада. Кстати, в своей речи, произнесенной в Фултоне, Уинстон Черчилль заявлял: «Мы отлично понимаем, что русские хотят обезопасить свои западные рубежи, полностью исключив возможность агрессии со стороны Германии. Мы чрезвычайно рады видеть Россию среди ведущих мировых держав, ведь это место принадлежит ей по праву» [2. С. 307], а дальше шла речь о «железном занавесе», за которым оказались Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Бухарест и София.

В ноябре 1947 г. в заметках к докладу на торжественном заседании Моссовета по случаю празднования 30-й годовщины Октябрьской революции В.М. Молотов как бы отвечал У. Черчиллю: «…империализму никогда не удастся изолировать СССР в Европе, повторить политику “санитарного кордона” на советской западной границе» [25. С. 57].

Американская атомная монополия, риторика выступлений политических лидеров США, план Маршалла, создание военных баз вокруг СССР, призванные по отдельности и все вместе дестабилизировать советскую систему, в результате приносили противоположный результат.

Сталину и его окружению удалось убедить измученное войной и ожидавшее в мирные годы кардинального изменения своего положения население в том, что в экономических проблемах СССР в первую очередь виновен Запад, навязавший необходимость наращивания военного потенциала, требовавшего от советских людей принесения новых и новых жертв. В результате руководству страны не требовалось вырабатывать новую внутреннюю государственную политику применительно к изменившимся послевоенным условиям и по отношению к народу-победителю. Для жителей СССР предвоенный опыт существования в условиях капиталистического окружения и связанных с ними определенных ограничений и даже жертв 1936–1938 гг. позволял быстро адаптироваться к новым реалиям послевоенного времени.

Еще до подписания Североатлантического договора, состоявшегося 4 апреля 1949 г., объективные и субъективные факторы уже предопределили негативное отношение к нему в СССР, а его создание рассматривалось как прямое посягательство на договоренности, достигнутые между СССР, США и Великобританией в период Второй мировой войны. Более того, военно-политическое объединение представлялось в качестве специально созданного инструмента развязывания новых военных конфликтов, перспектива которых вызывала однозначно отрицательное отношение советских людей, вынесших на своих плечах все тяготы прошедшей войны. Опираясь на эти настроения, советская периодическая печать 40-х гг. XX в. сыграла одну из основополагающих ролей в процессе конструирования негативного образа НАТО.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пилько А.В. У истоков «холодной войны»: создание НАТО и его последствия (1947–1955) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2008. № 2. С. 22–38.
2. Черчилль У. Речь, произнесенная в Вестминстерском колледже в Фултоне, штат Миссури, 5 марта 1946 г. // Никогда не сдаваться! Лучшие речи Черчилля. М. : Альпина нон-фикшн, 2014. С. 301–310.
3. Нежинский Л.Н., Челышев И.А. О доктринальных основах советской внешней политики в годы «холодной войны» // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985 гг.). Новое прочтение / отв. ред. Л.Н. Нежинский. М. : Междунар. отношения, 1995. С. 9–46.
4. Сталинское десятилетие холодной войны: Факты и гипотезы / отв. ред. А.О. Чубарьян. М. : Наука, 1999. 256 с.
5. Pechatnov V.O. «The Allies Are Pressing on You to Break your Will…» Foreign Policy Correspondence between Stalin and Molotov and other Politburo Members. September 1945 – December 1946, translated by V.M. Zubok // CWHIP Working Paper № 26. Washington, 1999. P. 1–25.

6. Печатнов В.О. Итоги холодной войны (круглый стол Российской ассоциации историков-американистов) // Американский Ежегодник 2014. М., 2014. С. 58–63.
7. Лельчук В.С., Пивовар Е.И. Менталитет советского общества и «холодная война» (к постановке проблемы) // Отечественная история. 1993. № 6. С. 63–78.
8. Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. / отв. ред. Н.К. Петрова. М. : Ин-т рос. истории РАН, 1999. 261 с.
9. Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX в.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2006. № 2 (6). С. 54–72.
10. Николаева Н.И. Образ США в советском обществе в послевоенные годы. 1945–1953 (Послесловие Н.Н. Болховитинова) // Американский Ежегодник. 2004. № 2002. С. 244–270.
11. Левин Д.Б. О проектах «Западного блока»: Стенограмма публичной лекции, прочитанной 15 января 1946 г. в Лекционном зале в Москве / Комитет по делам высшей школы при СНК СССР. Всесоюзное лекционное бюро. М., 1946. 24 с.
12. Большая Советская энциклопедия / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М. : Советская энциклопедия, 1976. Т. 23. 640 с.
13. Устав Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.) // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля – 26 июня 1945 г.) : сб. документов / Министерство иностр. дел СССР. М. : Изд-во полит. лит., 1980. Т. V. 710 с.
14. 28-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад В.М. Молотова на торжественном заседании Московского Совета 6-го ноября 1945 г. // Советское искусство. 1945. № 45.
15. Зобнин А. К определению принципа баланса сил опыт неоинституционального подхода к международной среде // Международные процессы. 2014. Т. 12, № 3 (38). Июль–сентябрь. С. 55–69.
16. Реферат книги Э. и Ф. Бойд Западный Союз (Лондон, 1948). Приложение № 6 к бюллетеню «Новые книги за рубежом». Рассылается по специальному списку. М. : Гос. изд-во иностр. лит., 1948. 66 с.
17. Маринин М. Международное обозрение // Правда. 1949. № 4. 4 янв.
18. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 132. Д. 224. Л. 48.
19. Маленков Г. Товарищ Сталин – вождь прогрессивного человечества // Правда. 1949. № 355. 21 дек.
20. Указ Президиума Верховного Совета СССР. Об учреждении международных Сталинских премий «За укрепление мира между народами» // Правда. 1949. № 355. 21 дек.
21. Под великим знаменем Ленина – Сталина к победе коммунизма. Доклад тов. П.Н. Поспелова 21 января 1949 года на торжественном траурном заседании в Москве, посвященном XXV годовщине со дня смерти В.И. Ленина // Правда. 1949. № 22. 22 янв.
22. Маринин М. Международное обозрение // Правда. 1949. № 26. 26 янв.
23. Заявление Министерства иностранных дел СССР О Североатлантическом пакте // Правда. 1949. № 29. 29 янв.
24. Иностранные отклики на ответы товарища И.В. Сталина на вопросы Кингсбэри Смита // Правда. 1949. № 34. 3 февр.
25. Егорова Н.И. Европейская безопасность и «угроза» НАТО в оценках сталинского руководства // Сталинское десятилетие холодной войны: Факты и гипотезы. М., 1999. С. 56–78.

Antyukhova Ekaterina. A. Moscow State Institute of International Relations (University), (Moscow, Russia). E-mail: e.antyukhova@gmail.com

THE INITIAL STAGE OF COLD WAR AND THE PROCESS OF DESIGNING THE IMAGE OF NATO IN THE SOVIET PERIODICALS OF THE 1940S (A CASE STUDY OF THE PRAVDA NEWSPAPER)

Keywords: foreign policy; Cold War; Pravda newspaper; party advertising; NATO; mass consciousness; ideological disagreements; bloc opposition.

The History of emergence of military-political post-war associations is closely connected not only with the problems of national security of the states standing at the origins of the creation of the North Atlantic Bloc and the Warsaw Pact. Under the conditions of the processes of Cold War becoming irreversible the first place in making major foreign policy decisions is taken by ideological questions which in their turn were closely connected with the perception of these phenomena both within a given country and on the global stage. The purpose of this article is the analysis of the initial stage of the process of designing the image of NATO in the Soviet periodicals of the second half of the 1940s. The main source for the research is the Pravda newspaper, which played a special role in the public life of the country. The edition not just acted as media, it carried out the task of forming necessary, according to the main ideologists of the country, notions on various questions of domestic and foreign policy, acted as a peculiar means of public diplomacy sending signals to foreign partners and opponents. The process of designing the reader's notions was provided by the newspaper editorial office due to continuous emphasis on these or those phenomena of public life. The analysis of a foreign policy situation was carried out from the predetermined perspective by persuading the readers of the correctness of the decisions made at the state level. In the numerous publications the concept of non-resolution of the economic crisis in the capitalist countries, the growth of interimperialistic contradictions was asserted. War was represented as a tool which was surely used for an exit from the economic and political deadlock at which the western civilization would inevitably find itself. The formation of associations of certain states, especially because of military cooperation, could destroy the foreign policy concept which the Soviet Union adhered both in the pre-war and the post-war time. It was built on the principle of using contradictions for the purpose of splitting the unity of the capitalist camp. With the creation of military-political associations of the states instead of the multi-polar system there appeared a direct threat of the formation of the uniform anti-Soviet coalition. Therefore even before signing the North Atlantic Treaty in the USSR there had been developed a steadily negative attitude in relation to it. NATO was considered as the main instrument of infringement of the agreements reached between the USSR, the USA and Great Britain during World War II, as an instrument of the unleashing of a new war.

REFERENCES

1. Pilko, A.V. (2008) U istokov "kholodnoy voyny": sozdanie NATO i ego posledstviya (1947−1955) [At the onset of Cold War: Formation of the NATO and its consequences (1947–1955)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8. Istoriya*. 2. pp. 22–38.
2. Churchill, W. (2014) *Nikogda ne sdavat'sya! Luchshie rechi Cherchillya* [Never Give in! The Best of Winston Churchill's Speeches]. Translated from English by S. Chernin. Moscow: Al'pina non-fikshn. pp. 301–310.
3. Nezhinskiy, L.N. & Chelyshev, I.A. (1995) O doktrinal'nykh osnovakh sovetskoy vneshney politiki v gody "kholodnoy voyny" [On the doctrinal foundations of Soviet foreign policy in the Cold War]. In: Nezhinskiy, L.N. (ed.) *Sovetskaya vneshnyaya politika v gody "kholodnoy voyny" (1945–1985 gg.). Novoe prochtenie* [Soviet foreign policy in the Cold War (1945–1985). A new interpretation]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 9–46.
4. Chubaryan, A.O. (ed.) (1999) *Stalinskoe desyatiletie kholodnoy voyny: Fakty i gipotezy* [The Stalin decade of the Cold War: Facts and Hypotheses]. Moscow: Nauka.

5. Pechatnov, V.O. (1999) “The Allies Are Pressing on You to Break your Will…” Foreign Policy Correspondence between Stalin and Molotov and other Politburo Members. September 1945 – December 1946. *CWHIP Working Paper*. 26. pp. 1–25.
6. Pechatnov, V.O. (2014) Itogi kholodnoy voyny (kruglyy stol Rossiyskoy assotsiatsii istorikov-amerikanistov) [Results of the Cold War (The round table of the Russian Association of American Historians)]. *Amerikanskiy Ezhegodnik*. pp. 58–63.
7. Lelchuk, V.S. & Pivovar, E.I. (1993) Mentalitet sovetskogo obshchestva i “kholodnaya voyna” (k postanovke problemy) [The mentality of Soviet society and the “cold war” (to the problem)]. *Otechestvennaya istoriya*. 6. pp. 63–78.
8. Fateev, A.V. (1999) *Obraz vraga v sovetskoy propagande. 1945–1954 gg.* [The image of the enemy in Soviet propaganda. 1945–1954]. Moscow: Institure of Russian History, RAS.
9. Senyavskiy, A.S. & Senyavskaya, E.S. (2006) Istoricheskaya imagologiya i problema formirovaniya “obraza vraga” (na materialakh rossiyskoy istorii XX v.) [Historical imagology and the formation of the “enemy image” (in Russian history of the 20th century)]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii – Bulletin of Russian Peoples’ Friendship University. Series Russian History*. 2(6). pp. 54–72.
10. Nikolaeva, N.I. (2002) Obraz SShA v sovetskom obshchestve v poslevoennye gody. 1945–1953. (Posleslovie N.N. Bolkhovitinova) [The image of the United States in the postwar Soviet society. 1945–1953]. *Amerikanskiy Ezhegodnik*. pp. 244–270.
11. Levin, D.B. (1946) *O proektakh “Zapadnogo bloka”: Stenogramma publichnoy lektsii, prochitannoy 15 yanvarya 1946 g. v Lektsionnom zale v Moskve* [On the projects of the Western Bloc: A shorthand record of a public lecture delivered on January 15, 1946 in the Lecture Hall in Moscow]. Moscow: Committee for Higher School Affairs under the Council of People's Commissars of the USSR.
12. Prokhorov, A.M. (1976) *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia]. 3rd ed. Vol. 23. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
13. UNO. (1980) Ustav Organizatsii Ob"edinennykh Natsiy (San-Frantsisko, 26 iyunya 1945 g.) [Charter of the United Nations (San Francisco, June 26, 1945]. In: Gromyko, A.A. (ed.) *Sovetskiy Soyuz na mezhdunarodnykh konferentsiyakh perioda Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg. Konferentsiya Ob"edinennykh natsiy v San-Frantsisko (25 aprelya – 26 iyunya 1945 g.)* [The Soviet Union at the international conferences of the Great Patriotic War of 1941–1945. Conference of the United Nations in San Francisco (April 25 – June 26, 1945)]. Vol. 5. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
14. Molotov, V.M. (1945) 28-ya godovshchina Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii. Doklad V.M. Molotova na torzhestvennom zasedanii Moskovskogo Soveta 6-go noyabrya 1945 g. [The 28th anniversary of the Great October Socialist Revolution. V.M. Molotov’s report at the ceremonial meeting of the Moscow Soviet on November 6, 1945]. *Sovetskoe iskusstvo*. 45.
15. Zobnin, A. (2014) Balance of Power Principle Revisited. *Mezhdunarodnye protsessy – International Trends*. 3(38). pp. 55–69. (In Russian).
16. Boyd, E. & Boyd, F. (1948) *Zapadnyy Soyuz* [Western Union]. *Novye knigi za rubezhom*. Appendix to № 6ю t. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannoy literatury.
17. Marinin, M. (1949) Mezhdunarodnoe obozrenie [International Review]. *Pravda*. 4th January.
18. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 17. List 132. File 224.
19. Malenkov, G. (1949) Tovarishch Stalin – vozhd' progressivnogo chelovechestva [Comrade Stalin – the leader of progressive humanity]. *Pravda*. 21st December.
20. The Supreme Soviet of the USSR. (1949) Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR. Ob uchrezhdenii mezhdunarodnykh Stalinskikh premiy “Za ukreplenie mira mezhdu narodami” [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. On the establishment of international Stalin Prizes “For the strengthening of peace between nations”]. *Pravda*. 21st December.
21. Pospelov, P.N. (1949) Pod velikim znamenem Lenina – Stalina k pobede kommunizma. Doklad tov. P.N. Pospelova 21 yanvarya 1949 goda na torzhestvennom traurnom zasedanii v Moskve, posvyashchennom XXV godovshchine so dnya smerti V. I. Lenina [Following Lenin and Stalin to the victory of Communism. Report by Comrade. P.N. Pospelov on January 21, 1949, at a solemn mourning meeting in Moscow, dedicated to the 25th anniversary of Lenin’s death]. *Pravda*. 22nd January.
22. Marinin, M. (1949) Mezhdunarodnoe obozrenie [International Review]. *Pravda*. 26th January.
23. Ministry of Foreign Affairs of the USSR. (1949) Zayavlenie Ministerstva Inostrannykh Del SSSR O Severo-atlanticheskom pakte [Statement of the Ministry of Foreign Affairs of the USSR On the North Atlantic Pact]. *Pravda*. 29th January.
24. *Pravda*. (1949) Inostrannye otkliki na otvety tovarishcha I.V. Stalina na voprosy Kingsberi Smita [Foreign responses to Comrade I.V. Stalin’s answers to Kingsbury Smith]. 3rd February.
25. Egorova, N.I. (1999) Evropeyskaya bezopasnost' i “ugroza” NATO v otsenkakh stalinskogo rukovodstva [European security and the NATO “threat” in the assessments of Stalin's leadership]. In: Chubaryan, A.O. (ed.) (1999) *Stalinskoe desyatiletie kholodnoy voyny: Fakty i gipotezy* [The Stalin decade of the Cold War: Facts and Hypotheses]. Moscow: Nauka. pp. 56–78.

УДК 950
DOI: 10.17223/19988613/51/2

Д.В. Васильев

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ АЗИАТСКОЙ РОССИИ: ДИСКУССИЯ 1860–1887 гг.

Рассмотрена дискуссия об административно-территориальном делении Азиатской России, которая шла в правительственных кругах в 1860–1870-х гг. При этом особое внимание уделено Центрально-Азиатскому региону, на примере которого прослеживается весь комплекс политических мотивов при административной организации имперского пространства: традиционные – геополитические (военные и погранично-дипломатические) и гражданские (уровень социального и экономического развития) интересы, а также незаслуженно забытое опасение консолидации нерусского (коренного) населения. Подходы различных политических сил и экспертов впервые в столь полном объеме исследуются на материалах Российского государственного военно-исторического архива.

Ключевые слова: Российская империя; Азиатская Россия; Центральная Азия; Туркестанское генерал-губернаторство; Казахская степь; административно-территориальное деление; Н.А. Крыжановский; М.И. Венюков; А.П. Безак.

Вопросы административно-территориального устройства азиатских территорий Российской империи в той или иной мере привлекают внимание современных исследователей. Одни из них рассматривают вопросы, связанные с формированием российской границы в регионе [1], другие уделяют внимание вопросам административно-территориального устройства [2–4]. При этом организации центральноазиатских владений империи уделяется недостаточно внимания. Этому есть объяснение: на тех территориях сегодня существуют независимые государства, и исследования их истории в большей степени сконцентрированы в академических сообществах Казахстана, Узбекистана, Киргизстана, Таджикистана и Туркменистана.

В то же время отдельные аспекты указанного вопроса становятся в центре внимания современных отечественных трудов. Так, Н.Е. Бекмаханова в своей монографии обратила внимание на то, что административно-территориальное деление, реализованное Российской империей в Центральной Азии, совпадало с этническим размещением населения, объяснив такую региональную специфику особенностями геостратегического и социально-экономического положения, которые вынуждали власть опираться на местные родоплеменные общины [5. С. 234–235].

До сих пор вне зоны внимания исследователей остается правительственная дискуссия о принципах и формах административной организации азиатского пространства России. Настоящая статья рассматривает первый этап этой дискуссии, развернувшийся сразу после присоединения крупных территориальных массивов в Центральной Азии.

Целью статьи является исследование различных мнений высших чинов Российской империи об административно-территориальном устройстве центральноазиатских владений России, выяснение их мотивированности и причин реализации конкретных предложений. Источниками служат материалы работы различных комиссий, а также предложения региональных генерал-губернаторов, хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве.

Вторая половина XIX в. демонстрирует обилие особых единиц в административном делении Российской империи. Среди них Кавказское наместничество (14 губерний, областей и округов), наместничество на Дальнем Востоке, 9 генерал-губернаторств, из которых лишь Московское нельзя назвать окраиной государства. Практически вся территория России, за исключением центральных губерний, входила в состав того или иного специфического административно-территориального образования.

Российские генерал-губернаторства возникали в разное время, имели различный опыт администрирования. Их появление было далеко не спонтанным. Каждое создавалось для решения конкретных внутри- или внешнеполитических задач, пути и формы решения которых отдельными государственными деятелями и учреждениями виделись по-разному. Настоящая статья посвящена обсуждению в правительственных кругах административно-территориального устройства Азиатской России, а одним из ее главных действующих лиц является Туркестанское генерал-губернаторство, 150-летний юбилей со дня образования которого отмечался в 2017 г.

Присоединение в 1858 г. Амурского края к России поставило перед империей вопрос о новом административном делении ее азиатских территорий, который на длительное время стал предметом активного обсуждения в правительственных кругах. Вскоре на повестке дня встал вопрос и о разграничении в центральноазиатских владениях империи. Со временем в этом регионе сложились Туркестанское (1867), а позднее и Степное (1882) генерал-губернаторства, в рамках которых закладывались основы государственности современных стран Центральной Азии.

22 февраля 1860 г. генерал-губернатор Восточной Сибири граф Н.Н. Муравьев-Амурский представил на высочайшее усмотрение проект нового деления всей Сибири. Главная цель его состояла в предоставлении

большей самостоятельности Приморскому краю и сокращению Восточной Сибири.

Конкретно он предложил вывести Приморскую область из главного управления Восточной Сибири, предоставив местному военному губернатору права главного начальника края. Иркутскую губернию, а также Амурскую, Забайкальскую и Якутскую области следовало оставить в ведении восточносибирского генерал-губернатора с подчинением ему пограничных сношений с Китаем. Енисейскую губернию при этом предлагалось передать в состав Западно-Сибирского генерал-губернаторства.

Однако отделение Приморского края от Восточной Сибири всеми участвовавшими в его обсуждении высшими сановниками было признано преждевременным, и весь проект остался без последствий [6. Л. 317–317 об.].

Когда в 1863 г. возникла мысль о необходимости консолидации пограничных владений в Центральной Азии, первое предложение по этому вопросу было поднесено вице-канцлером и министрами военным и внутренних дел в декабре на усмотрение императора. Оно состояло в учреждении Степного (или Юго-Восточного) военного округа из всей территории Казахской степи (области Семипалатинская, Сибирских и Оренбургских киргизов), а также земель казахов Сырдарьинской линии и земель киргизов (дикокаменных киргизов) с разделением ее на западную и восточную области, из Сибирского, Оренбургского и Уральского казачьих войск, а также из территории Оренбургской области. Начальнику округа следовало предоставить власть генерал-губернатора, образовав при нем для управления гражданскими делами особую канцелярию вместо принятых в Сибири советов главного управления.

Уфимскую и Самарскую губернии в военном отношении следовало включить в состав вновь образуемого Казанского военного округа, а также подчинить его начальнику и управлению башкирами до передачи последнего в гражданское ведомство

Тобольскую, Томскую и Енисейскую губернии предлагалось объединить в составе гражданского генерал-губернаторства Западной Сибири. Уфимскую и Самарскую губернии, а также землю Внутренней орды было предложено передать на общем основании Министерству внутренних дел [6. Л. 323–323 об.].

Предложения министров военного, иностранных и внутренних дел, а также оренбургского и самарского генерал-губернатора генерал-адъютанта А.П. Безака были рассмотрены в Сибирском комитете, подготовившем записку за подписью статс-секретаря В.П. Буткова, в которой испрашивалось высочайшее повеление внести в Государственный Совет предположения о новом разделении Оренбургской губернии и об учреждении губернии Уфимской, составить соображения об устройстве Казанского военного округа, о подчинении Самарской и Уфимской губерний и Внутренней орды министерствам на общем основании и о соединении управления Казахской степью в военном и гражданском отношениях в руках одного главного начальника, об упразднении Оренбургского генерал-губернаторства, о порядке управления Казахской степью [Там же. Л. 323 об.–324].

В августе 1864 г. генерал-адъютант Безак обратился к Александру II с запиской, в которой настаивал на несколько ином делении: объединении в одно управление областей Сибирских киргизов и Семипалатинской, а округ внутренних киргизов с городами Семипалатинском и Усть-Каменогорском вернуть Томской губернии. Наконец, он считал целесообразным, видимо исходя из перспективы дальнейших территориальных приобретений, объединить управление Сырдарьинской линией и Алатауским округом с причислением к нему зачуйских владений. Сибирское казачье войско, по его мнению, надо было подчинить оренбургскому генерал-губернатору, а дислоцированные в степи войска сибирского ведомства причислить к Отдельному Оренбургскому корпусу. Таким образом все вооруженные силы, расположенные в Казахской степи, а также строевые части Уральского, Оренбургского и Сибирского казачьих войск должны были составить один военный округ под командованием оренбургского генерал-губернатора [Там же. Л. 318].

В середине августа 1864 г. состоялось заседание комитета из вице-канцлера, министров военного и внутренних дел, статс-секретаря В.П. Буткова, а 20 августа было издано высочайшее повеление, не столь радикально затрагивавшее административно-территориальное деление региона. Александр II повелел соединить летом 1865 г. в рамках одного генерал-губернаторства всю Казахскую степь, разделить Оренбургскую губернию на Оренбургскую и Уфимскую с сохранением их главного управления в лице одного генерал-губернатора. Самарской же губернии предписывалось дать общее учреждение. Внутреннюю орду надлежало предать из Оренбургского генерал-губернаторства в состав Астраханской губернии. Одновременно было предложено оренбургскому и самарскому генерал-губернатору ускорить выработку предложений о передаче башкир из военного в гражданское ведомство. Срок исполнения этих указаний был определен до 17 апреля 1865 г. [Там же. Л. 324 об.].

Тогда же в конце августа военный министр получил письмо западно-сибирского генерал-губернатора А.О. Дюгамеля от 8 августа 1864 г., в котором тот убеждал, что для устранения неудобств от раздвоения власти в управлении степью достаточно было для начала образовать отдельную область из Заилийского края и Зачуйского от Сырдарьи до укрепления Джулек. А образование отдельного самостоятельного степного управления предлагал отложить до полного умиротворения степи, когда возникнут предпосылки для поступательного развития хлебопашества и торговли. Вообще же генерал от инфантерии был уверен, что соединение степи не принесет казахам пользы, а правительству будет стоить неоправданных расходов.

В случае же волевого решения западносибирский генерал-губернатор предлагал:

«1. Вместо существующих областей образовать две: *Западную*, центр в *Оренбургском* укреплении, из киргизов Малой орды и *Восточную* из областей Сибирских киргизов и Семипалтинской, за отделением от последней Алатавского и внутреннего Семипалатинского округов, центр в *Каркаралах*.

2. К Алатавскому округу присоединить и Зачуйский край по Талас [киргизская река]; из остальной части Зачуйского края и Сыр-Дарьинской линии образовать *Туркестанский* округ, включив оба округа в состав пограничной линии и подчинив одному общему пограничному начальнику как в административном, так и в военном отношениях, но с тем, чтобы округам оставить свои управления и особых начальников <с> центрами: *Верное* и *Туркестан*, главному же начальнику линии поместиться в *Чимкенте* или *Аулиэ-ата*.

3. Города Павлодар, Семипалатинск и Усть-Каменогорск передать в казачье ведомство или Томскую губернию.

4. Киргизов [казахов] Малой орды уравнять в подсудности с киргизами Средней, подчинив суду по общим законам империи, ввести в Западную область систему внутреннего управления Средней орды и заменить кибиточный сбор ясачным.

5. Киргизов [казахов] Зачуйского края подчинить действию военных судов.

6. Приведение в действие предполагаемых изменений предоставить усмотрению главного начальника края, оставив степь в настоящем положении, до ближайшего ознакомления его с краем. Образование же пограничной области решить безотлагательно…» (Здесь и далее в цитатах авторские орфография и пунктуация сохранены) [6. Л. 325].

Восточносибирский генерал-губернатор М.С. Корсаков внес предложение объединить все сибирские владения (кроме Тобольской губернии и Казахской степи) в Сибирское генерал-губернаторство, а пограничные Забайкальскую, Амурскую и Приморскую области соединить в Амурское генерал-губернаторство.

Генерал-адъютант А.Е. Тимашев признал это проект неудобным и не соответствующим высочайшему повелению 20 августа 1864 г. Особо он подчеркнул неудобство управления всей степью и Оренбургской губернией из Омска, отдавая предпочтение Оренбургу. И в то же время поддержал идею объединения всей Казахской степи в одном генерал-губернаторстве, как и предполагалось первоначальным проектом 1863 г. [Там же. Л. 319].

Военное министерство в начале 1865 г. решило несколько изменить свою позицию, сформулированную в 1864 г. Д.А. Милютин признал желательным образовать из Тобольской и Томской губерний, Казахской степи и Оренбургской губернии с землями Оренбургского и Уральского казачьих войск один Западно-Сибирский военный округ с центром в Омске и присвоить начальнику округа звание генерал-губернатора. На территории нового округа предлагалось учредить четыре области – Туркестанскую, Семипалатинскую, Акмолинскую и Оренбургскую (с землями средней и западной частей Малой орды) без включения Сибирского и Уральского войск в состав этих областей. А вот губернатор Оренбургской области должен был стать и атаманом Оренбургского войска. Самарскую и Уфимскую губернию следовало передать на общих основаниях в прямое ведение министерств, а Оренбургское генерал-губернаторство упразднить [Там же. Л. 318 об.–319].

По мнению Военного министерства, степную часть Западно-Сибирского военного округа необходимо было разделить на области, на начальников которых следовало возложить заведывание войсками и управление кочевым населением по аналогии с Терской, Кубанской и Дагестанской областями Кавказского края. Предложенное административно-территориальное деление центральноазиатских владений России должно было выглядеть следующим образом:

«а) Передовая или Туркестанская область, от Аральского моря до китайских пределов, в ее состав войдут Алатаевский округ и Зачуйский край, Сырдарьинская линия и вновь занятая Туркестанская область.

На начальника ее возложить: 1) командование всеми войсками Сырдарьинской и передовой (Новококандской. – *Д.В.*) линии и Алатаевского округа; 2) заведывание Аральской флотилией; 3) сношения с среднеазиатскими владениями, и 4) управление состоявшими в то время в ведении Военного министерства Большой и Дикокаменной ордами, сырдарьинскими киргизами [казахам] и оседлым населением Туркестанской области.

Центром управления назначить *Аулиэ-ата, Чимкент* или *Туркестан*, соображаясь с местными условиями.

б) *Восточная* или *Семипалатинская* область, из Капальского, Сергиопольского, Кокпектинского округов нынешней Семипалатинской области (Округ внутренних киргизов войдет в состав Томской губернии. – *Д.В.*), и округов Баян-Аульского и Каркаралинского, Области сибирских киргизов и всех земель около Зайсана, которые по разграничению с Китаем отойдут к России, с центр<ом> <в> Семипалатинск<е>.

в) *Средняя* или *Акмолинская* область, из остальных округов Области сибирских киргизов (Кокчетавского, Атбасарского и Акмолинского) и восточной части Области оренбургских киргизов, обитаемой киргизами (казахами. – *Д.В.*). Средней же орды. Центр *Акмолы* или *Атбасар*, а на первое время Омск.

г) *Западная* или *Оренбургская* область из киргизов [казахов] Малой орды, входящих в состав Средней и Западной частей Области оренбургских киргизов. Центр управления, вследствие отсутствия в Оренбургской степи какого-либо удобного населенного пункта, должен быть по необходимости оставлен в *Оренбурге*» [Там же. Л. 326–326 об.].

Главное достоинство предложенного разделения состоит в том, что оно не требовало строительства но-

вых городов, дорогостоящего перевода управления из одного населенного пункта в другой и коренной ломки уже существовавших учреждений.

Военное министерство, прекрасно понимая, что вся тяжесть управления в регионе ляжет именно на него, подготовило и запасный план, который оптимизировал административно-территориальное деление и делал юго-восток империи более управляемым:

«1. В состав Западной Сибири включить не всю степь оренбургского ведомства, но только часть ее, лежащую к востоку от Мугоджар [южный отрог Уральских гор].

2. Затем из остальной части степи, Уральского, Оренбургского и Астраханского казачьих войск, Самарской и Уфимской губерний образовать *Уральский* или *Оренбургский* военный округ, возложив на его начальника управление киргизами Малой орды, звание атамана Уральского войска и отдав в его распоряжение и Каспийскую флотилию» [6. Л. 327].

В начале 1865 г. вопрос об устройстве и разделении Азиатской России и Оренбургского края был поднят на заседании особого комитета с участием военного министра Д.А. Милютина, министра внутренних дел П.А. Валуева, генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова, генерал-губернатора Западной Сибири А.О. Дюгамеля, генерал-адъютантов графа Н.Н. Муравьева-Амурского, А.П. Базака, А.И. Веригина и А.Е. Тимашева, статс-секретаря В.П. Буткова, генерал-лейтенанта Е.П. Ковалевского и директора Азиатского департамента П.Н. Стремоухова.

Рассмотрев все существовавшие проекты, комитет пришел к убеждению, «что соединение всей степи в одно общее управление, хотя и было бы желательно в видах развития киргизов [казахов], улучшения их быта и введения между ними гражданственности, но исполнение этой меры потребует значительных расходов и представляет существенные неудобства в административном и военном отношениях как по обширности пространства, которое должно быть вверено одному лицу, так и по невозможности приискания внутри степи удобного пункта для помещения управления новым генерал-губернаторством» [Там же].

Поэтому комитет признал необходимым временно отказаться от соединения степи в одно управление. Выход был найден в разделении пограничной администрации с таким учетом, чтобы политические и торговые сношения с Бухарой, Хивой, Кокандом остались в руках оренбургского генерал-губернатора, а сношения с Западным Китаем – в руках генерал-губернатора Западной Сибири.

Исходя их этого комитет признал возможным сохранить оба генерал-губернаторства в их настоящем составе, передав при этом Зачуйский край из ведения Западной Сибири в ведомство Оренбургского генерал-губернаторства. А из передовой [Новококандской] и Сырдарьинской линий от Иссык-Куля до Аральского моря было предложено образовать *Туркестанскую* область во главе с военным губернатором, которому следовало вручить командование всеми войсками и Аральской флотилией, а также управление кочевым и оседлым населением области, предоставив ему особые права.

Кроме того, комитет подтвердил необходимость изъятия Самарской губернии из состава Оренбургского края, а вот Внутреннюю орду было предположено все-таки оставить в ведении оренбургского генерал-губернатора.

Одновременно комитет предложил министерствам военному и внутренних дел «…войти в подробнейшее рассмотрение начал, на которых должно быть устроено управление киргизами (казахами. – *Д.В.*) как оренбургского, так и сибирского ведомств…», и подтвердил идею, которая впервые была озвучена М.М. Сперанским в 1822 г. и которой все это время руководствовалось российское правительство: «В какой мере возможно и желательно постепенное приведение тех и других к одинаковому образу управления. В чем должны заключаться начала, общие всем киргизам [казахам], и в чем необходимо применять или изменять их, смотря по различию местных условий» [6. Л. 328].

Следует обратить особое внимание еще на один принципиальный момент. Двум министерствам (военному и внутренних дел) предлагалось рассмотреть вопрос о возможности сосредоточения высшего (центрального) управления казахами в одном ведомстве, которое в рассматриваемое время было рассредоточено между Комитетом министров, Военным министерством и Министерством внутренних дел.

Журнал этого комитета получил высочайшее утверждение 25 января и все его предложения обрели силу императива. На основании этих решений была учреждена Туркестанская область под главным начальством оренбургского генерал-губернатора [7], для выработки начал управления кочевниками была образована Степная комиссия, разработавшая проекты положений об управлении Туркестанского края, а также Западной Сибири и Оренбургского генерал-губернаторства, которые были введены в действие в 1868 г. и с начала 1869 г. соответственно.

Следуя духу этого журнала, с расширением российских владений в Центральной Азии в 1867 г. были образованы Туркестанское генерал-губернаторство и военный округ в составе Сырдарьинской (бывшей Туркестанской) области и Семиреченской, образованной из части Семипалатинской области и востока Зачуйского края.

Оренбургское генерал-губернаторство и военный округ остались в составе Оренбургской и Уфимской губерний, Внутренней орды, Уральской и Тургайской областей.

В состав Западно-Сибирского генерал-губернаторства и военного округа вошли Томская и Тобольская губернии, Акмолинская (из западной части бывшей Области сибирских киргизов) и Семипалатинская (из северной части бывшей Семипалатинской области с присоединением Зайсанского края и двух округов бывшей Области сибирских киргизов) области.

Вопрос об органе центрального управления для всех казахских земель остался открытым.

Образование в 1867 г. Туркестанского генерал-губернаторства и деление Оренбургской степи на Уральскую и Тургайскую области не решили задач безопасности и стабилизации управления на юго-востоке империи.

Оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский в своем всеподданнейшем отчете по управлению краем за 1870 г. представил неудобства деления Оренбургской степи на области Уральскую и Тургайскую, причем центр последней находился за пределами самой области. Для удобства оперативного управления он предложил вместо двух областей учредить три – Уральскую (Гурьевский, Калмыковский и Уральский уезды), Оренбургскую (Илецкий, Иргизский и Эмбенский уезды) и область в восточных районах края с центром в Троицке. Против этого высказалось Главное управление иррегулярных войск, посчитавшее такое административное деление неудобным в связи с дроблением управления Оренбургского казачьего войска, что должно было повлечь за собой формирование нового – Троицкого – казачьего войска [6. Л. 346].

10 февраля 1871 г. состоялось специальное совещание по вопросам разграничения в Азиатской России под председательством генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича с участием министров военного, финансов и внутренних дел, которое приняло решение поручить военному министру и министру внутренних дел подготовить и представить проект переустройства всей Сибири с учетом изменений, происшедших в Туркестанском и Оренбургском генерал-губернаторствах. 16 февраля это мнение получило высочайшее утверждение [Там же. Л. 320].

В развитие этого министр внутренних дел А.Е. Тимашев поручил бывшему члену Совета главного управления Восточной Сибири В.Д. Карпову подготовить записку о новом переделе Азиатской России. Эта записка была представлена военному министру Д.А. Милютину и рассмотрена в особом совещании. Исходя из идеи о бессмысленности сохранения генерал-губернаторского управления в районах Сибири, уже достаточно развитых в гражданском отношении, статский советник Карпов предложил: упразднить Оренбургское генерал-губернаторство, подчинив обычному управлению не только Уфимскую и Оренбургскую губернии, но и Уральскую область; образовать Степное генерал-губернаторство и военный округ с центром в Омске в составе Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской областей и северной части Семиреченской области. Оренбургская, Уфимская, Самарская, Астраханская губернии и Уральская область должны были сформировать Оренбургский военный округ [Там же. Л. 320–320 об.].

На совещании под председательством военного министра в ноябре 1871 г. проект Карпова был признан неудобным из-за того, что лишал обширные и отделенные сибирские губернии сильной власти главного начальства, а также из-за преждевременного предложения передать по-прежнему подвергавшуюся нападениям извне Уральскую область в ведение МВД.

Основываясь на мысли о необходимости создания за Уралом «…таких больших административных групп, которые бы наиболее соответствовали естественным физико-географическим и экономическим условиям различных частей обширного края…», полковник М.И. Венюков предложил переформатировать четыре азиатских генерал-губернаторства. При этом Туркестанское генерал-губернаторство он проектировал в составе Сырдарьинской и Семиреченской областей с присоединением к последней Зайсанского приставства, а Степное генерал-губернаторство – в составе Уральской, Троицкой и Омской областей с центром в Оренбурге [6. Л. 320 об.–321].

Заведующий Азиатской частью Главного штаба полковник А.П. Проценко посчитал предложение Венюкова весьма сложным и возобновлявшим проект соединения Казахской степи, которое на протяжении столетия признавалось политически вредным. А потому посчитал целесообразным Оренбургское и Туркестанское генерал-губернаторства и военные округа оставить без изменений [Там же. Л. 321].

В переписке Военного министерства с главными начальниками Туркестанского и Западно-Сибирского краев в 1868–1873 гг. «…не раз упоминалось о неудобстве двоевластия на чжунгарской [джунгарской] границе и что, по мнению генерал-адъютанта Кауфмана, Семиреченская область имеет гораздо более общего с западносибирскими киргизскими (казахскими. – *Д.В.*) степями, чем с землями по берегам Зеравшана, Сыр- и Амударьи» [Там же. Л. 322].

20 марта 1873 г. при Министерстве внутренних дел была созвана комиссия по вопросу о новом административном делении Азиатской России под председательством члена Совета министра внутренних дел А.И. Деспот-Зеновича, в составе которой в разное время были контр-адмиралы И.В. Фуругель и А.Е. Кроун, генерал-лейтенант Н.П. Дитмар, генерал-майоры М.Н. Черкесов и А.И. Макшеев, полковник М.И. Венюков, капитан 1-го ранга А.С. Сгибнев и статские советники Я.С. Скропышев и В.Д. Карпов. Свои предложения комиссия должна была разработать с учетом изменившегося положения Оренбургского края и определить порядок местного управления азиатскими областями и губерниями [Там же. Л. 254 об.–255].

Необходимость сохранения крупных административных единиц, объединяющих в себе несколько губерний и областей, определялась отдаленностью и протяженностью отдельных территориальных единиц, состоянием путей сообщения, близостью к иностранным государствам, этнографическим и религиозным своеобразием, степенью социального, гражданского и экономического развития отдельных губерний и областей,

особенностями обеспечения военной и морской безопасности государства [6. Л. 256–256 об.].

На своих заседаниях в сентябре и октябре 1873 г. комиссия заслушала доклад М.И. Венюкова о положении Оренбургского, Туркестанского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств.

Проанализировав состояние Оренбургского края применительно к указанным выше параметрам, полковник Венюков пришел к выводу, что его современное положение не оправдывало дальнейшего обособленного существования, а его казахская часть вполне могла объединиться в одну область [6. Л. 273].

М.И. Венюков признал, что «*во всех отношениях* Западно-Сибирская генерал-губернаторская группа распадается на *две части, культурную и степную,* между которыми прочной естественной связи почти нет вовсе, а существующая административная, если и имела когда-либо важное значение для успеха русского дела в киргизских [казахских] степях, то ныне уже ничем не оправдывается» [6. Л. 275].

Сохранение же Туркестанского генерал-губернаторства М.И. Венюков признал необходимым по отдаленности края, его физико-географическому и пограничному положению, этническому составу, гражданскому устройству и быту населения. При этом он отметил существенное отличие Семиреченской области, которая в большей степени тяготела к Западной Сибири. А потому ее следовало выделить из состава края. В противном же случае, для обеспечения единства власти на джунгарской границе, к Семиречью надо было присоединить Зайсанское приставство [6. Л. 278].

Таким образом, М.И. Венюков полагал следующее:

«1. *Северо-западная часть* этого обширного края (100000 кв. м), состоящая из четырех губерний, Уфимской, Оренбургской (кроме казачьих земель), Тобольской и Томской, занята почти исключительно русским, и во всяком случае оседлым, населением и имеющим губернскую администрацию, устроенную правильно, с разделением ведомств, – *вовсе не нуждается в генерал-губернаторском управлении*.

2. *Средняя часть,* степи оренбургского, сибирского и частью туркестанского ведомств (в Семиречье), с включением и казачьих земель на Урале, Иртыше и пр., *составляют одну естественную группу*, где *одна* власть *могла бы* преследовать *одни и те же*, преимущественно гражданские, *цели* на всем протяжении края, имеющего 37 000 кв. миль пространства и 2 000 000 жителей, исключительно русских и киргизов (казахов. – *Д.В.*).

3. Наконец, *южная часть,* собственно Туркестанский край, от Иссык-Куля до Аральского моря, по границам с Восточным Туркестаном, Коканом, Бухарой и Хивой, т.е. земли, занятые исключительно мусульманами – дико-каменными киргизами, узбеками, сартами, курамою и пр., – необходимо *должна составлять одно целое*, под управлением сильной генерал-губернаторской власти, облеченной широкими полномочиями по делам политическим и по внутреннему устройству недавно приобретенных земель» [6. Л. 278–278 об.].

Большинство членов комиссии признали мнение М.И. Венюкова вполне обоснованным [Там же. Л. 279–279 об.]. Лишь А.И. Макшеев высказался за сохранение генерал-губернаторских управлений в Ташкенте, Оренбурге и Омске.

Исходя из территориальной обособленности российских владений в низовьях Амударьи и тесной исторической связи Хивы с Оренбургом, он предложил следующий вариант административно-территориального деления в регионе: «Туркестанское генерал-губернаторство составить из нынешней Сырдарьинской области, части Семиреченской к югу от Заилийского Ала-Тау и Зеравшанского округа. Оренбургское – из земель уральских и оренбургских казаков, оренбургской киргизской степи и наших владений на Аму-Дарье. Наконец, Омское – из земель сибирских казаков, сибирской киргизской степи и Семиреченской области до Заилийского Ала-Тау» [6. Л. 281 об.–282].

Обсудив соображения генерал-майора Макшеева, комиссия пришла к заключению, что его оправдание существования Оренбургского генерал-губернаторства строилось лишь вокруг Хивы – тезиса, не имевшего достаточных оснований, ибо члены комиссии допускали ее полное присоединение к империи в недалеком будущем [6. Л. 283, 282 об.]. Не сумев склонить А.И. Макшеева на свою сторону, комиссия отложила окончательное решение этого вопроса.

Последние заседания комиссии состоялись в марте 1874 г. Были подведены итоги ее работы и сформулированы окончательные мнения.

Окончательные выводы комиссии в части территориального деления заключались в изъятии Уфимской и Оренбургской (кроме казачьих земель) губерний из ведения генерал-губернатора, образования Степного (с центром в Омске) и преобразования Туркестанского генерал-губернаторств.

Далее были сформулированы конкретные предположения о составе генерал-губернаторств и принципах управления на западноазиатской окраине России:

1. Отделить Внутреннюю орду от Оренбургского края и передать ее в административно-полицейском отношении полностью в состав Астраханской губернии.

2. Оставить существовавшее деление Оренбургской степи на две области (Уральскую и Тургайскую), равно как и отказаться от объединения Акмолинской и Семипалатинской области в одну.

3. Отказаться от идеи Н.А. Крыжановского образовать третью степную область с центром в Троицке.

4. Семиреченскую область, за исключением Иссык-Кульского и Токмакского уездов, присоединить к Степному генерал-губернаторству.

5. Сформировать в составе Туркестанского генерал-губернаторства две области – Сырдарьинскую и Самаркандскую [6. Л. 350–352 об.].

В мае 1874 г. начальник Главного штаба граф Ф.Л. Гейден представил военному министру Д.А. Милютину записку полковника С.П. Зыкова по поводу соображений комиссии А.И. Деспот-Зеновича.

В ней он обратил внимание на непоследовательность комиссии в своих заключениях и отсутствие теоретических оснований в ее выводах. Еще один порок комиссии полковник Зыков усматривал в том, что она ориентировалась на прежние взгляды правительства, мало учитывая серьезную динамику региона. Указывая, что в условиях подвижности внешней границы и внутренней неустроенности региона невозможно дать ему четкую и окончательную организацию, С.П. Зыков настаивал на необходимости отказаться от каких-либо изменений в устройстве существовавших Оренбургского, Западно-Сибирского и Туркестанского генерал-губернаторств [6. Л. 377–383 об.].

29 мая 1874 г. Д.А. Милютин распорядился передать эту записку директору Азиатского департамента МИД П.Н. Стремоухову до сведения [Там же. Л. 376].

Так или иначе, но большинство предложений комиссии А.И. Деспот-Зеновича со временем были реализованы на практике. Внутренняя орда была полностью подчинена астраханскому губернатору. Уральская, Тургайская, Акмолинская и Семипалатинская области сохранили свою обособленность. Две последние вместе с Семиреченской областью (из Туркестанского края) в 1882 г. образовали Степное генерал-губернаторство. А спустя четыре года было законодательно утверждено разделение Туркестанского генерал-губернаторства на Сырдарьинскую, Самаркандскую и Ферганскую (сформированную из земель завоеванного Кокандского ханства в 1876 г.) области.

Решая вопрос об административно-территориальном устройстве своих центральноазиатских владений, российское правительство учитывало фактор экономии государственных финансов, географический фактор «естественных границ», внешние обстоятельства, этнический состав и уровень гражданского развития местного населения. Но приоритетным всегда оставался принцип политической целесообразности. Именно нескрывавшимся опасением консолидации казахов следует объяснять отказ от объединения управления Казахской степью в рамках одной административно-территориальной единицы и сдерживавшуюся долгое время унификацию управления казахскими областями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постников А.В. Становление рубежей России в Центральной и Средней Азии (XVIII–XIX вв.). М. : Памятники ист. мысли, 2007. 462 с.
2. Безвиконная Е.В. Административное пространство «азиатского пограничья» Российской империи в XIX веке // Азиатская Россия: люди и структуры империи : сб. науч. ст. / под ред. Н.Г. Суворовой. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2005. С. 128–142.
3. Ремнев А.В. Степное генерал-губернаторство в имперской географии власти // Азиатская Россия: люди и структуры империи : сб. науч. ст. / под ред. Н.Г. Суворовой. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2005. С. 163–222.
4. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. 552 с.
5. Бекмаханова Н.Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII–XIX вв. Историко-географическое исследование. М. ; СПб. : Ин-т рос. истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. 240 с.
6. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 400. Оп. 1. Д. 264.
7. Васильев Д.В. Туркестанская область: становление административного законодательства в Русском Туркестане. 1854–1866 // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2013. № 4. С. 174–180.

Vasilyev Dmitry V. Russian Academy of Business (Moscow, Russia). E-mail: dvvasiliev@mail.ru

THE ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL DIVISION OF ASIAN RUSSIA: DISCUSSION OF 1860TH – 1887TH

Keywords: Russian empire, Asian Russia; Central Asia; Turkestan Governorate General; The Kazakh Steppe; administrative-territorial division; N.A. Kryzhanovskiy; M.I. Veniukov; A.P. Besak.

The basic concern of article is to research various opinions of high officials of the Russian Empire on the administrative-territorial organization of Central Asian possessions of Russia, clarification of their motivations and the reasons of realization of concrete proposals. The government discussion about the principles and forms of the administrative organization of Asian space of Russia is in the limelight of the article. The present article considers the first stage of that discussion developed right after accession of large land mass in Central Asia to the Empire. The administrative policy of the Russian Empire in its peripheries is the object of the article, and the administrative-territorial organization of the Asian part of the country is the subject of it. The special attention is paid to Central Asia which was in a primary focus of the most lively administrative-territorial debates. The analysis of written historical sources and deduction which allowed to systematize selected material acted as the methods used in the article. These methods gave the chance to draw a deduction after accumulation and interpretation of empirical material. Comparison and generalization of separate opinions allowed to unify and identify various points of view and official positions. The same aim is pursued also by the method of rising from concrete to abstract which application allowed to get a general view of the government on the organization of administration of the region regardless of concrete ideas. The principle of historicism gave the chance to consider influence of a concrete political situation in which this or that figure making the offers motivated with concrete realities was acted. System concept affords an opportunity to formulate the position of the Russian government in administrating of the Kazakh Steppe (as a system) through understanding of its administrative-territorial organization (as a subsystem). The research of the bills offered by the ministries, governor generals and other actors demanded using of the method of legal comparison. The documents of various commissions, proposals of regional governor generals which are kept in the Russian State Military Historical Archives are the sources of the article. At the end of the carried-out research the author came to a conclusion that dealing with the problem of the administrative-territorial organization of the Central Asian possessions, the Russian government was considering a factor of economy of public finances, a geographical factor of “natural borders”, external circumstances, ethnic structure and level of civil development of local population. But the principle of political expediency was always a remained priority. Exactly an undisguised fear of consolidation of Kazakhs explain the rejection of aggregating of governance of the Steppe into the one administrative-territorial unit and the suppression measures against unification of administration of the Kazakh provinces for a long time.

REFERENCES

1. Postnikov, A.V. (2007) *Stanovlenie rubezhey Rossii v Tsentral'noy i Sredney Azii (XVIII – XIX vv.)* [The formation of Russian borders in Central and Middle Asia (the 18th–19th centuries.)]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli.
2. Bezvikonnaya, E.V. (2005) Administrativnoe prostranstvo "aziatskogo pogranich'ya" Rossiyskoy imperii v XIX veke [Administrative space of the "Asian borderland" in the Russian Empire of the 19th century]. In: Suvorova, N.G. (ed.) *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii* [Asian Russia: People and structures of the empire]. Omsk: Omsk State University. pp. 128–142.
3. Remnev, A.V. (2005) Stepnoe general-gubernatorstvo v imperskoy geografii vlasti [Steppe Governor-General in the imperial geography of power]. In: Suvorova, N.G. (ed.) *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii* [Asian Russia: People and structures of the empire]. Omsk: Omsk State University. pp. 163–222.
4. Remnev, A.V. (2004) *Rossiya Dal'nego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX – nachala XX vekov* [Russia of the Far East. The imperial geography of power of the 19th – early 20th centuries]. Omsk: Omsk State University.
5. Bekmakhanova, N.E. (2015) *Prisoedinenie Tsentral'noy Azii k Rossiyskoy imperii v XVIII–XIX vv. Istoriko-geograficheskoe issledovanie* [Accession of Central Asia to the Russian Empire in the 18th–19th centuries. A historical and geographical study]. Moscow; St. Petersburg: Institute of Russian History, RAS; Centre for Humanitarian Initiatives.
6 The Russian State Military Historical Archives. Fund 400. List 1. File 264.
7. Vasiliev, D.V. (2013) Turkestanskaya oblast': stanovlenie administrativnogo zakonodatel'stva v Russkom Turkestane. 1854–1866 [Turkestan Oblast: Formation of administrative legislation in Russian Turkestan. 1854–1866]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii – Intelligence. Innovations. Investments.* 4. pp. 174–180.

УДК 947:352(571.16)
DOI: 10.17223/19988613/51/3

М.А. Гордеева

ВОЛОСТНОЙ СХОД В СИСТЕМЕ МЕСТНОГО КРЕСТЬЯНСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX в.

Определяется роль волостного схода в системе местного крестьянского самоуправления Томской губернии в начале XX в. На основе материалов волостного правления Тулинской волости Барнаульского уезда выявляется круг вопросов, решаемых на сходе, проводятся их анализ и классификация. Выясняется степень самостоятельности схода в принятии решений. Автор приходит к выводу о том, что волостной сход являлся реальным механизмом в регулировании жизни крестьянского общества. Помимо проведения в жизнь указаний государственных органов власти, он способствовал решению насущных проблем местного населения.

Ключевые слова: волостной сход; постановления; крестьянское самоуправление; Томская губерния; Барнаульский уезд; сельское общество.

Механизм функционирования органов крестьянского самоуправления имеет богатую историю. Во второй половине XIX в. началось активное изучение низовых управленческих структур. Часть исследователей придерживалась мнения о способности общины к саморазвитию [1, 2]. Другая часть полагала, что включение волостных структур в государственный аппарат способствует более эффективному управлению [3–5]. Ценность данных исследований определяется их прикладным характером. Авторы многих из них впоследствии являлись разработчиками и исполнителями реформ органов управления.

Следующий всплеск интереса к проблемам крестьянского самоуправления произошел в 1970-х гг. и не угасает до настоящего времени. Основные выводы исследователей сводятся к двум точкам зрения. Первая из них заключается в признании постепенного усиления роли государства в местном самоуправлении и, в конечном итоге, полного подчинения волостных органов государственным структурам, превращения крестьянских институтов в низшие звенья административной власти [6–9]. Сторонники второй точки зрения придерживаются мнения о том, что, несмотря на постепенную бюрократизацию органов крестьянского самоуправления, они оставались защитниками интересов крестьян и имели широкую самостоятельность в системе управления [10–12].

Таким образом, вопрос о роли волостного схода, как основного элемента крестьянского самоуправления, в единой системе государственного управления остается открытым. В данной статье на основе постановлений и деловой переписки рассматривается механизм функционирования волостного схода, устанавливается степень его компетентности и самостоятельности.

Работа опирается на подборку материалов волостного правления, располагавшегося в с. Тулинском Тулинской волости Барнаульского уезда Томской губернии, которое находилось в непосредственной близости к г. Новониколаевску и в настоящее время входит в состав г. Новосибирска. Данная документация отложилась в фондах волостных правлений Государственного архива Новосибирской области и Государственного архива Томской области. Ценность данного комплекса определяется целостностью, непрерывностью ведения делопроизводственной документации. Следует отметить, что подобных подборок сохранилось очень мало, в связи с чем она представляет исключительный интерес для исследователей.

Волость в обозначенный хронологический период представляла собой административную единицу, в состав которой входило несколько деревень и сел. Волостное правление могло располагаться в селе, где находилась приходская церковь, если волость состояла из одного прихода, либо в самом многолюдном или отличающемся особым торговым и промышленным значением [13. С. 117]. Как правило, правление располагалось в самом крупном селе. Органом управления являлся волостной сход. На нем присутствовали выборные от всех сельских обществ, входящих в состав волости. На сельских сходах выбирались представители, по одному человеку от десяти дворов, для участия в заседаниях волостного схода и составлялись соответствующие приговоры.

Волостные правления были учреждениями, в которых сосредотачивались все дела по управлению волостью. Документация волостных правлений была сложна и разнообразна. Только по денежной отчетности велись десятки книг, а по текущему делопроизводству их количество доходило до четырех десятков по каждой волости [14. Л. 9–10].

Должностные лица крестьянского управления избирались, за исключением некоторых, которые могли замещаться по найму, по усмотрению общества. К числу выборных должностных лиц волостного правления относились старшина, заседатели, сборщики податей, судьи, помощник волостного старшины, сельские старосты. Прочие должностные лица (волостные и сельские писари, смотрители магазинов, лесные и полевые

сторожа и т.п.) могли назначаться либо по выбору, либо по найму [13. С. 168–169]. Избранию не подлежали лица моложе 25 лет, состоящие под судом и следствием и «заведомо развратного поведения» [Там же. С. 169]. Все выборные должностные лица избирались на три года, кроме сборщика податей и волостных судей, срок службы которых ограничивался одним годом [Там же. С. 172]. На практике же все избирались на трехлетний срок. Для служащих по найму срок службы не ограничивался. Все выборные должностные лица освобождались от натуральных повинностей на время службы. Назначение им жалованья предоставлялось на усмотрение общества.

Волостной старшина отвечал за сохранение общего порядка в волости. По делам общественным он был обязан созывать и распускать волостной сход, предлагать на его рассмотрение все вопросы, касающиеся нужд волостного общества, приводить в исполнение приговоры волостного схода, наблюдать за исправным состоянием дорог, мостов, за исправным отправлением обществом натуральных и денежных повинностей, заведовать мирскими суммами, надзирать за порядком в училищах, больницах и других общественных заведениях, которые состояли на балансе волостного общества [Там же. С. 122–125].

Должностные лица избирались на волостных сходах. Так, в мае 1913 г. Тулинским волостным сходом Барнаульского уезда Томской губернии «обсуждался вопрос о выборе Волостного старшины на место уволенного от службы Петра Бороздина». Всего на сходе присутствовали 110 человек из 127, имевших право голоса («от каждого десятка дворов по одному человеку, а всего 1 270 дворов»). Сход постановил: «...кандидатами двух человек: крестьянина села Тулинского Федосия Михайловича Поклонова (54 года, неграмотный) и Петра Кузьмича Новикова (40 лет, грамотный). Люди эти поведения честного, под судом и следствием не состояли и несть эту службу могут без особого ущерба в своих хозяйствах» [15. Л. 2].

Также имеется постановление волостного схода об избрании волостных должностных лиц, волостных судей и учетчиков на 1914 г. На сходе присутствовал 101 человек, и решение об утверждении в должностях было единогласным. Результаты избрания были таковы: «1. Помощником старшины – крестьянина д. Гуселетовой Гуселетова (34 года, неграмотный); 2. Заседателя по имуществу – крестьянина с. Тулы Лаврентова (40 лет, грамотный); 3. Заседателя по части полицейской – крестьянина д. Бороздиной Кунгурцева (37 лет, неграмотный); 4. Волостными судьями: Зверева (40 лет, грамотный), Останина (50 лет, грамотный), Харева (35 лет, неграмотный), Рогожкина (50 лет, неграмотный)» [Там же. Л. 39–40]. Из семи избранных крестьян четверо были неграмотными. Возраст их варьировался от 34 до 50 лет. Должностные лица избирались из разных сел и деревень. Видимо, это делалось для того, чтобы от каждого сельского общества в волостном правлении имелся свой представитель.

Из данного постановления мы можем сделать ряд выводов. Волостной старшина мог быть уволен со своей должности, скорее всего, за ненадлежащее исполнение должностных обязанностей или по личной просьбе. Избираемые должностные лица не должны были состоять под судом и следствием и могли быть как грамотными, так и неграмотными. Выбранные для исполнения общественных должностей лица должны были утверждаться официальной властью, после чего они принимали присягу.

Для волостного старшины, его помощников, волостных заседателей и сельских старост устанавливались специальные знаки из светлой бронзы, на лицевой стороне которых изображены герб губернии и наименование должности. А на обороте помещались императорский вензель и надпись: «19 февраля 1861 г.» [13. С. 177]. Неграмотные должностные лица волостного и сельского управления могли иметь вместо подписи штемпели с надписью их должности и названия волости или сельского общества. При смене должностных лиц штемпели передавались преемникам.

Как и всякая общественная служба, должность членов волостного правления казалась обременительной для крестьян. Исполнение должностных обязанностей отрывало крестьян от повседневной работы, поэтому они всячески старались ограничить их. Бывали случаи, когда они просили освободить их от службы, приводя различные доводы [16. С. 89]. Законом разрешалось сразу отказаться от должности только в следующих случаях: если крестьянину более 60 лет, если он уже прослужил по выбору полный срок или тяжело болен [13. С. 173]. Желавшие оказаться от службы крестьяне могли подать прошение об увольнении крестьянскому начальнику.

Волостной старшина не всегда был справедлив по отношению к общинникам. По крайней мере, в глазах местного населения он уже являлся «начальством» и к нему относились с осторожностью. Так, в июле 1913 г. тулинский волостной старшина постановил: «Глащика (крестьянин, имевший право голоса на волостном сходе. – *М.Г.*) Поклонова за то, что он, будучи на волостном сходе, позволил себе порицать мои действия по руководительству волостным сходом, а второго глащика за возмущение схода, направленное против состоявшегося уже решения схода, подвергнуть аресту по 2 дня каждого» [17. Л. 5]. В свою очередь, старшина мог быть обвинен крестьянами в совершении должностных преступлений, подлогах, превышении своих полномочий и т.д. Интересные наблюдения по этому поводу оставил Н.А. Ваганов: «Мирской капитал растрачен волостными должностными лицами. Эту сумму (542,99 руб.) придется списать, так как при порядках сибирского судопроизводства не дождаться законного взыскания растраченных сумм с имущества обвиняемых должностных лиц общественного управления» [18. С. 135].

Крестьяне могли жаловаться на членов волостного правления крестьянскому начальнику, в Губернское

управление и в Губернский совет по крестьянским делам. Как правило, должностные лица обвинялись в нанесении оскорблений, побоев и незаконных арестах [16. С. 90]. За маловажные проступки по службе должностные лица подвергались выговорам, денежным штрафам до пяти рублей или аресту до семи дней, за важные проступки и преступления – предавались суду [13. С. 178–179]. Однако критерии важности проступков никак не прописывались.

Сам волостной старшина, будучи главой волости с населением в несколько тысяч человек, не был защищен от мелочной опеки, а то и произвола крестьянского начальника. Из ревизионных материалов за 1907 г. по трем волостям Ишимского уезда Тобольской губернии видно, что старшины и другие должностные лица подвергались взысканиям. Поводом для наказания волостных старшин были «слабое взыскание податей», «арестование, будучи в пьяном виде, крестьянина», «слабый надзор за ямщиками» [19. С. 62–66]. Вообще, из материалов ревизий видно, что проверялись волостные правления весьма досконально.

Одним из главных должностных лиц волостного управления был писарь. По усмотрению общества он мог назначаться на волостном сходе или по найму. В последнем случае могли назначаться лица, не проживающие в волости, но «хорошего поведения» [20. С. 112]. Крестьяне, служившие по найму, в случае их дальнейшего избрания на ту же должность на волостном сходе не имели права от нее отказаться. Должность писаря не могла совмещаться с должностью судьи. Писарь, как и члены его семьи, не могли содержать питейные заведения и состоять в них сидельцами и приказчиками [Там же. С. 112–113].

Волостным писарем велось все делопроизводство в правлении, а также делопроизводство сельских обществ. Канцелярия волостного правления размещалась по возможности в отдельной комнате здания присутствия [Там же. С. 115–117]. Волостной писарь находился в подчинении волостного старшины. Однако на практике все могло быть ровно наоборот. Н.М. Чукмалдин, служивший сельским писарем, пишет в своих воспоминаниях: «Волостной писарь был истинный вершитель местных дел и посредник в отношениях между волостью и начальством, а голова, юридический хозяин волости и нередко даже судья, с безапелляционным приговором превращался фактически в полного манекена, руководимого писарем; он прикладывал к делам и приговорам свою печать и произносил словесные решения, руководствуясь тем, что написал или сказал писарь» [21. С. 63].

Волостные сходы проходили не часто. Календарь их проведения зависел от многих факторов. С января по март волостным правлением производилось взыскание торговых сборов и штрафов, окладных платежей, рассылались окладные листы и проводились проверки торгово-промышленных заведений. Напряженной работы на протяжении полутора-двух месяцев весной требовало составление призывных списков. Исполнение предписаний различных инстанций и должностных лиц, требующее выезда на место, занимало у волостного старшины и его помощников до двух недель ежемесячно [14. Л. 9–10 об.]. Кроме того, помимо своих должностных обязанностей, крестьяне вели и домашнее хозяйство, отнимающее много времени. В общем, в год проходило от пяти до восьми сходов. Как правило, в день заседания рассматривалось сразу несколько вопросов, по каждому из которых составлялся отдельный приговор. Но бывали случаи, когда на повестке был всего один вопрос или предложение. Например, 13 мая 1913 г. Тулинским волостным сходом решался вопрос «о 50-ти рублях подрядчику Спиридону Рублеву за ремонт здания волостного правления и амбара» [15. Л. 10]. Можно предположить, что подобные случаи происходили тогда, когда вопрос требовал скорейшего решения.

Следует отметить, что члены волостного правления были очень озабочены вопросами, касающимися места их службы и вознаграждения. Целый комплекс постановлений посвящен вопросу о здании для волостного правления. Так, 25 июня 1913 г. волостной сход рассматривал, каким должно быть здание волостного правления. Постановление было очень объемным (5 листов) и включало в себя 21 пункт, в которых подробно расписывалось, какими должны быть стены, сколько дверей, окон, какие наличники, как их выкрасить. Также отмечалось, из какого материала должно быть здание, каков должен быть фундамент и на какую глубину он должен быть углублен в почву. Тщательно прописывалось внутреннее убранство: количество печей, шкафов, столов и скамей. Указывалась даже такая подробность, что «должен быть слив, покрытый железом». Сумма подряда составляла 5 000 руб. без учета стоимости старого здания волости, очень большие деньги для того времени [Там же. Л. 24–28]. Однако в декабре того же года волостной сход принял решение о покупке здания за 3 600 руб., которое подходило под указанные критерии, но требовало небольшого ремонта и доработки [Там же. Л. 41].

Что же касается жалованья и различных выплат членам волостного правления, то постановления по подобным вопросам встречаются достаточно часто. Например, в постановлении о раскладке денег на 1914 г. мы можем увидеть следующую картину: [Установить:] «Вознаграждение 2 руб. каждому в сутки, жалованье волостному старшине – 200 руб., казначею – 60 руб., помощнику старшины – 25 руб., волостному заседателю – 25 руб., четырем волостным судьям по 12 руб.». В этом же постановлении были расписаны расходы на различные нужды: «...на освещение и отопление волости – 1 200 руб., на выписку книг и бланков – 50 руб., на возку воды – 30 руб., на непредвиденные расходы – 20 руб.» [Там же. Л. 37–38].

Также встречаются постановления о выдаче средств старшине и заседателям на командировки в Томск и

для участия в различных совещаниях [15. Л. 32, 34]. На волостных сходах рассматривались и вопросы, связанные с выплатой жалованья и о добавках к нему. Так, в мае 1913 г. «слушали просьбу помощника волостного старшины Волкова и волостного заседателя Мартынова об ассигновании жалованья. Постановили: выплатить по 25 руб.» [Там же. Л. 13]. В июне того же года удовлетворили просьбу казначея о добавке ему жалованья, к «40 руб. добавили еще 20» [Там же. Л. 19].

Таким образом, мы видим, что просьбы членов волостного правления удовлетворялись полностью и в кратчайшие сроки, в противовес остальным запросам. Так, на сходе, где «слушали предложение об ассигновании суммы на усилении средств Берской лечебницы для приобретения медикаментов и, имея в виду крайнюю нужду населения по случаю неурожая хлебов в 1912 г.», было принято решение в просьбе отказать [Там же. Л. 6]. При этом причины отказа не указывались. На этом же сходе «рассматривали вопрос о составлении посемейных списков ввиду того, что таковые составлены еще в 1900 г. и пришли в полную негодность и об ассигновании на этот предмет необходимой суммы». Постановили отказать, «так как работа эта необязательна» [Там же. Л. 4]. Через месяц оба вопроса вновь были поставлены на повестку и были решены в положительную сторону. Для Берской лечебницы «постановили: ассигновать 25 руб. Сумму собрать с населения мужского пола, получивших земельный надел, поровну» [Там же. Л. 17]. По вопросу о посемейных списках «постановили: ассигновать 100 руб.» [Там же. Л. 18]. Через две недели волостной сход принял решение об отмене предыдущего постановления: «...ассигновать 200 руб. с тем, чтобы на эту сумму были приобретены все материалы, для этого необходимые, переписаны и переплетены эти списки без особой доплаты, на каковые условия волостной писарь согласился» [Там же. Л. 30]. Можно предположить, что в данном случае решающее слово было за писарем, который не согласился на первоначальную сумму.

Стоит отметить, что не всегда требуемые для нужд волости деньги взимались с крестьян. Иногда волостные сходы обращались за помощью к представителям других сословий, проживающих на территории волости. Например, волостной сход, слушавший вопрос об открытии в с. Тулинском почтового отделения, постановил: «Вопрос этот оставить открытым до следующего очередного схода, поручив волостному правлению обратиться к местным торговцам с предложением прийти на помощь местному населению своими средствами, а затем вопрос этот подвергнуть детальному обсуждению на каждом сельском сходе» [Там же. Л. 8]. Однако до следующего волостного схода поручительства торгового класса получено не было, а потому постановили: «открытие почтового отделения на свои крестьянские средства, ввиду материальной нужды, отклонить». Торговому классу была предоставлена возможность предъявить свои условия и чтобы предложения эти были сделаны сходу «при собрании его для решения» [15. Л. 14]. Далее по данному вопросу постановлений не встречается. Судя по всему, предложение об открытии почтового отделения в с. Тулинском не нашло отклик у торгового класса, и вопрос этот более не поднимался.

Особенно много канцелярской работы и разъездов у членов волостного правления требовал сбор различных статистических сведений, которые направлялись в различные инстанции: Центральному статистическому комитету, Губернскому статистическому комитету, Уездному полицейскому управлению, крестьянским начальникам. Так, в записке управляющего Томской казенной палатой об обложении крестьян Томской губернии мирскими и земскими сборами, составленной в 1901 г., отмечалось, что по Семилуженской волости на каждый день в году приходилось по 36 входящих и 50 исходящих бумаг, 3 страховых акта, 17 полицейских дознаний, 55 руб. взысканий лесорубочных и 45 других взысканий. Для рассылки этой переписки ежедневно посылался сотник в г. Томск и 3–4 сотника постоянно разъезжали по волости [14. Л. 9–10 об.]. Следует, однако, отметить, что Семилуженская волость состояла из 63 селений с населением до 32 тыс. чел. и занимала площадь около 4 900 кв. верст. Не трудно догадаться, что штат волостного правления был весьма обширен для того, чтобы справится с большим объемом работы и на его содержание требовались большие суммы.

В записке управляющего Томской казенной палатой особо отмечалось, что при обсуждении сибирской сметы на 1900–1902 гг. Госсовет нашел, что сибирское обложение «крайне обременительно» по сравнению с окладами Европейской России [Там же. Л. 4 об.]. Здесь же была приведена таблица сравнения мирских сборов (в рублях) [Там же. Л. 5]:

Единица обложения	Томская губерния	Европейская Россия
Волость	14 509	5 819
Сельское общество	1 110	552
Наличная душа	2,71	1,58
Двор	8,2	5,56

Причем и эти повышенные сборы не удовлетворяли всех потребностей по управлению: волостные правления не справлялись с потоком канцелярской работы.

Вероятно, именно для уменьшения объемов и оптимизации работы волостных правлений, а также сокращения мирских сборов некоторые крупные волости делились на несколько более мелких. Так, 29 августа 1910 г. Берским волостным правлением решался вопрос о выходе из состава волости двух вновь образованных: Верх-Коенской и Тулинской. В состав Верх-Коенской волости с 1 января 1911 г. должно было войти 12 селений, а также образованные за р. Бердью переселенческие поселки и хутора. В состав же Тулинской волости вошло 7 селений [22. Л. 6 об.–8]. В октябре и ноябре 1910 г. Берским волостным правлением было созвано 3 схода для избрания должностных лиц и назначения им жалования в образуемых областях. Ви-

димо, это делалось для того, чтобы с января 1911 г. новоизбранные волостные правления могли полноценно функционировать [22. Л. 9 об.–18].

Волостное правление занималось также вопросами исполнения воинской повинности. Им составлялись списки лиц, подлежащих призыву. В случаях, когда крестьяне проживали ранее в других местностях, волостным правлением направлялись постановления для выяснения места и времени рождения. Сначала постановление направлялось лично крестьянину. Он был обязан выслать волостному правлению расписку, содержащую информацию о месте крещения его сыновей. Далее, волостным правлением с пометкой «срочно» отправлялось отношение притчу церкви, в котором был крещен крестьянин с просьбой «в возможно скорейшем времени прислать сему правлению метрическую выпись о времени рождения сына (сыновей) бывшего Вашего прихожанина <…> для установления призывного возраста и привлечения к отбытию воинской повинности». Отношение являлось возвратным, сведения писались на обороте [23. Л. 15–16, 18, 30, 58, 69].

Большой комплекс архивных материалов посвящен делу по мобилизации для участия в Первой мировой войне. 18 июля 1914 г. Тулинским волостным правлением от Барнаульского уездного полицейского управления в 5 часов 55 минут был получен розовый конверт с сургучной печатью и пометкой «вскрыть немедленно». В нем содержалось объявление от имени императора Николая II «о призыве нижних чинов запаса». Также была расписана процедура их прибытия на сборный пункт уездного воинского начальника в г. Новониколаевск воинскому начальнику, что и предписывалось привести в исполнение Тулинскому волостному правлению. Промежуточным сборным пунктом являлось с. Тулинское. По прибытии туда запасных нижних чинов волостным правлением составлялись списки состоящих на учете как по всей волости в целом, так и по каждому селу в отдельности, копии которых препровождались в г. Новониколаевск [Там же. Л. 79–80, 90–91, 93, 95, 100–101, 103]. Волостным правлением также были разосланы объявления содержателям пивных лавок, в котором предлагалось «сейчас же прекратить продажу пива и вовсе закрыть лавку и не открывать до сообщения» [Там же. Л. 83]. Исходя из данной документации, мы делаем вывод о том, что в ведение волостного правления входили составление списков и организация прибытия нижних чинов на сборочный пункт в случае мобилизации.

Рассмотрев постановления тулинского волостного правления, можно сделать ряд выводов. На волостных сходах рассматривался широкий круг вопросов, которые можно разделить на две группы. В первую входили выборы должностных лиц, а также раскладка мирских сумм на содержание персонала и помещений, объявление распоряжений властей. Ко второй группе можно отнести вопросы, связанные с повседневной жизнью волости. При этом следует отметить, что на решения схода влияли должностные лица волостного правления. К финансированию проектов, предлагавшихся волостным сходом для улучшения жизни местного населения, привлекались не только крестьяне, но и лица других сословий. Некоторые вопросы, стоящие в повестке волостного схода, переносились на следующие заседания для более тщательной подготовки к обсуждению.

Таким образом, можно говорить о том, что волостной сход не являлся слепым орудием для исполнения решений коронной администрации. Выполняя государственные задачи, сходы, тем не менее, содействовали решению жизненно важных проблем волости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пругавин В.С. Русская земельная община в трудах ее местных исследователей. М., 1888.
2. Качоровский К.Р. Русская община. Возможно ли, желательно ли ее сохранение и развитие? (Опыт цифрового и фактического исследования). СПб., 1900. Т. 1.
3. Бржеский Н.К. Общинный быт и хозяйственная необеспеченность крестьян. СПб., 1899.
4. Риттих А.А. Крестьянский правопорядок. Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. СПб., 1904.
5. Никольский А.П. Земля, община и труд. Особенности крестьянского правопорядка, их происхождение и значение. СПб., 1902.
6. Топчий А.Т. Крестьянские реформы в Сибири (1861–1899). Томск, 1979.
7. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983.
8. Амосов А.П. Право в деятельности волостного правления в Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Социально-демографические проблемы истории Сибири XVII–XX в. Бахрушинские чтения 1995. Новосибирск, 1996. С. 36–45.
9. Вронский О.Г. Крестьянское общинное самоуправление в эпоху «консервативной стабилизации» (конец XIX – начало XX в.) // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 2. С. 45–48.
10. Бурлова Г.В. Правовые аспекты деятельности волостных и сельских должностных лиц крестьянского самоуправления во второй половине XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 8 (14) : в 4 ч. Ч. III. С. 47–52.
11. Залюбовская Т.А. Деятельность волостных сходов в Забайкалье в конце XIX – начале XX века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 3. С. 14–19.
12. Якимова И.А. Крестьянская община на Алтае в конце XIX в.: общность или общество? // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения. 2016. № 8. С. 245–249.
13. Справочная книга и руководство для волостных правлений, старшин, сельских старост и писарей. С разъяснениями Правительствующего Сената и Министерств. СПб., 1912. Т. 1–2.
14. Российский государственный исторический архив. Ф. 573. Оп. 15. Д. 19973.
15. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 201.
16. Почеревин. Е.В. Низовая административно-судебная система в Алтайском округе (конец XIX – 1917 г.). Бийск, 2013.
17. ГАНО. Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 202.
18. Ваганов Н.А. Хозяйственно-статистическое описание волостей Алтайского округа. СПб., 1886. Ч. 1–4.

19. Организация самоуправления в Тобольской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов и материалов. Тюмень, 1995.
20. Волостное правление, волостной сход и их делопроизводство. Необходимая справочная и настольная книга-руководитель всем должностным лицам Волостных и Сельских Управлений, как то Волостным старшинам, писарям, их помощникам, сельским старостам, сотским и десятским, во всех делах и случаях, касающихся их служебной деятельности, с выяснением обязанностей, ответственности, прав и преимуществ по службе означенных лиц. СПб., 1904.
21. Чукмалдин Н.М. Мои воспоминания: Избранные произведения. Тюмень, 1997.
22. Государственный архив Томской области. Ф. 62. Оп. 1. Д. 142.
23. ГАНО. Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 197.

Gordeeva Mariya A. Institute of History of Siberian branch of RAS (Novosibirsk, Russia). E-mail: sharshova@yandex.ru

VOLOST GATHERING IN THE SYSTEM OF LOCAL PEASANT SELF-GOVERNMENT OF TOMSK PROVINCE AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY.

Keywords: volost gathering; decrees; peasant self-government; Tomsk province; Barnaul district; rural society.

The article is devoted to the definition of the role of volost gathering in the system of local peasant self-government of Tomsk province in the beginning of the 20th century. A brief historiographical review on this issue is presented. It is noted that some researchers consider the agencies of rural municipality as the lowest level of governance which is completely obeyed to state institutions. Another part believes that the agencies of peasant self-government remained defenders of the interests of the peasants. In this article, the author reveals the degree of independence of the gathering in decision-making. The basis of the study was the materials of the volost directorial board of the Tulinskaya volost of Barnaul Uyezd. The value of the source base of the article is defined by a continuity of maintaining office work documentation. These collected data have remained a few, in this connection they are of exclusive interest. The article describes the mechanism of functioning of a volost gathering, outlines the range of issues to be solved at the gathering, analyzes and classifies them. The author marks out two categories of questions to be resolved at the gathering. The first category has includes elections of officials, the maintenance of personnel and accommodation, the announcement of orders of the authorities. At the same time it is noted that requests of members of volost board for salary increase to them were granted in the shortest possible time, unlike other inquiries. All these issues were considered annually. The second category included issues related to the current life of the community. It is noted that for the solution of the extraordinary questions connected with big monetary expenditure, the volost gathering attracted the trade capital. Many issues which are on the agenda were transferred to the next meetings. This was done in order to more thoroughly study all possible options for its solution. The author pays much attention to the analysis of functions of peasants who served in the rural municipality. This is important for definition of competences which were possessed by a volost gathering in the system of public administration. The analysis of business correspondence allows to reconstruct what authority had a volost gathering among entire population of the volost. The author came to the conclusion that the volost gathering was a real mechanism in regulating the life of a peasant society. In addition to enforcing the instructions of state authorities, it helped to solve the vital problems of the local population.

REFERENCES

1. Prugavin, V.S. (1888) *Russkaya zemel'naya obshchina v trudakh ee mestnykh issledovateley* [The Russian land community is in the works of its local researchers]. Moscow: I.N.Kushnerev i Ko.
2. Kachorovskiy, K.R. (1900) *Russkaya obshchina. Vozmozhno li, zhelatel'no li ee sokhranenie i razvitie? (Opyt tsifrovogo i fakticheskogo issledovaniya)* [Russian community. Is it possible to preserve and develop it? (Experience of statistical and factual research)]. Vol. 1. St. Petersburg: Narodnaya pol'za.
3. Brzheskiy, N.K. (1899) *Obshchinnyy byt i khozyaystvennaya neobespechennost' krest'yan* [Community life and economic insecurity of the peasants]. St. Petersburg: V. Kirshbaum.
4. Rittikh, A.A. (1904) *Krest'yanskiy pravoporyadok. Svod trudov mestnykh komitetov po 49 guberniyam Evropeyskoy Rossii* [The peasant law and order. The collection of works of local committees for 49 provinces of European Russia]. St. Petersburg: V. Kirshbaum.
5. Nikolskiy, A.P. (1902) *Zemlya, obshchina i trud. Osobennosti krest'yanskogo pravoporyadka, ikh proiskhozhdenie i znachenie* [Land, community and work. Peculiarities of peasant law and order, their origin and significance]. St. Petersburg: A.Suvorin.
6. Topchiy, A.T. (1979) *Krest'yanskie reformy v Sibiri (1861–1899)* [Peasant reforms in Siberia (1861–1899)]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Goryushkin, L.M. (ed.) (1983) *Krest'yanstvo Sibiri v epokhu kapitalizma* [The Siberian peasantry during capitalism]. Novosibirsk: Nauka.
8. Amosov, A.P. (1996) Pravo v deyatel'nosti volostnogo pravleniya v Sibiri (konets XIX – nachalo XX v.) [Right in the activities of volost government in Siberia (the late 19th – early 20th centuries)]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Sotsial'no-demograficheskie problemy istorii Sibiri XVII – XX v.* [Socio-demographic problems of Siberian history in the 17th – 20th centuries]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 36–45.
9. Vronskiy, O.G. (2012) Krest'yanskoe obshchinnoe samoupravlenie v epokhu "konservativnoy stabilizatsii" (konets XIX – nachalo XX v.) [Peasant communal self-government during the "conservative stabilisation" (the late 19th – early 20th centuries)]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2. pp. 45–48.
10. Burlova, G.V. (2011) Pravovye aspekty deyatel'nosti volostnykh i sel'skikh dolzhnostnykh lits krest'yanskogo samoupravleniya vo vtoroy polovine XIX v. [Legal aspects of the activities of volost and rural officials of peasant self-government in the second half of the 19th century]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 8(14). Part III. pp. 47–52.
11. Zalyubovskaya, T.A. (2014) Rural District Assemblies in the Transbaikal Region (the late 19th – early 20th centuries). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki – Vestnik of Pomor University. Humanitarian and Social Sciences.* 3. pp. 14–19. (In Russian).
12. Yakimova, I.A. (2016) Krest'yanskaya obshchina na Altae v kontse XIX v.: obshchnost' ili obshchestvo? [The peasant community in the Altai in the late 19th century: community or society?]. *Evraziystvo: teoreticheskiy potentsial i prakticheskie prilozheniya*. 8. pp. 245–249.
13. Senate of Russian Empire. (1912) *Spravochnaya kniga i rukovodstvo dlya volostnykh pravleniy, starshin, sel'skikh starost i pisarey. S raz"yasneniyami Pravitel'stvuyushchego Senata i Ministerstv* [Reference book and guidance for volost boards, foremen, village headmen and scribes. With explanations of the Governing Senate and the Ministries]. Vol. 1–2. St. Petersburg: [s.n.].
14. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 573. List 15. File 19973.
15. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund D-78. List 1. File 201.
16. Pocherevin, E.V. (2013) *Nizovaya administrativno-sudebnaya sistema v Altayskom okruge (konets XIX – 1917 g.)* [Lower administrative and judicial system in the Altai region (the late 19th – 1917)]. Biysk: Altai State Academy of Education.
17. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund D-78. List 1. File 202.

18. Vaganov, N.A. (1886) *Khozyaystvenno-statisticheskoe opisanie volostey Altayskogo okruga* [A statistical economic description of volosts of the Altai District]. Parts 1-4. St. Petersburg: [s.n.].
19. Fominiykh, E.V. (ed.) (1995) *Organizatsiya samoupravleniya v Tobol'skoy gubernii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [Organization of self-government in the Tobolsk province (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. Tyumen: IPP Tyumen.
20. Anon. (1904) *Volostnoe pravlenie, volostnoy skhod i ikh deloproizvodstvo. Neobkhodimaya spravochnaya i nastol'naya kniga-rukovoditel' vsem dolzhnostnym litsam Volostnykh i Sel'skikh Upravleniy, kak to Volostnym starshinam, pisaryam, ikh pomoshchnikam, sel'skim starostam, sotskim i desyatskim, vo vsekh delakh i sluchayakh, kasayushchikhsya ikh sluzhebnoy deyatel'nosti, s vyyasneniem obyazannostey, otvetstvennosti, prav i preimushchestv po sluzhbe oznachennykh lits* [Volost board, volost meeting and their office work. The necessary reference and handbook of all the officials of the volost and rural departments, such as volost seniors, clerks, their assistants, village headmen, commander of sotnias and rural policemen, in all cases relating to their official activities, clarifying duties, responsibilities, rights and benefits]. St. Petersburg: [s.n.].
21. Chukmaldin, N.M. & Golovachev, P.M. (1997) *Moi vospominaniya: Izbrannye proizvedeniya* [My Memories: Selected Works]. Tyumen: SoftDizayn.
22. The State Archives of Tomsk Region. Fund 62. List 1. File 142.
23. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund D-78. List 1. File 197.

УДК 001 (47) «192»
DOI: 10.17223/19988613/51/4

Н.В. Гришина

«…ВОЗМОЖНОСТЬ ПРОЕХАТЬСЯ И ПОДЫШАТЬ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИМ ВОЗДУХОМ»: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАУКИ И ВЛАСТИ В СФЕРЕ ЗАГРАНИЧНЫХ КОМАНДИРОВОК В 1920-е гг.

Исследование выполнено при финансовой поддержке ФПМУ (проект № 2016/1) и РГНФ (Проект № 16-03-00264).

Статья посвящена исследованию заграничных научных командировок в 1920-е гг. Рассматривается процесс формирования нормативной стороны выездов за границу с научной целью; анализируются анкеты-заявления претендентов на командировки, а также научные отчеты по итогам поездок; выявляются основные цели и значимые результаты командировок. Автор выделяет основные типы заграничных научных командировок. Командировки исследуются сквозь призму отношений науки и власти: поднимаются вопросы идеологического статуса поездок, отбора командируемых, контроля за содержанием поездок.
Ключевые слова: заграничные научные командировки; международное сотрудничество; научная политика; академическая мобильность.

К началу XX в. заграничные командировки с ученой целью являлись неотъемлемой частью организации науки в России [1. С. 849–887; 2]. По подсчетам специалистов количество молодых ученых российских вузов, стажировавшихся в Европе, достигало 10–15% от общего числа оставленных для подготовки к профессуре [3. С. 221]. Наряду с ними в регулярные заграничные поездки ученые отправлялись самостоятельно для продолжения научной работы, заграница была популярна и как место проведения вакационного времени. Значимость международного сотрудничества, одной из форм которого являлись обучающие и исследовательские поездки за границу, осознавалась всеми акторами науки вплоть до начала Первой мировой войны. Общепринято считать, что дальнейшие события деформировали сложившуюся систему международного научного сотрудничества.

Статья нацелена на поиск ответов на вопросы о том, насколько кардинальными оказались институциональные изменения в сфере заграничных научных командировок, как в ситуации смены государственного управления в России проходил процесс выработки правил игры в функционировании этого сегмента международного сотрудничества, наконец, какие последствия для развития отечественной науки имели прогнозируемые колебания государственного курса в вопросе заграничного командирования ученых.

На протяжении 1920-х гг. произошли существенные изменения в организации научных командировок. Вместо длительных 2–3-летних поездок стали преобладать кратковременные выезды на конкретные научные мероприятия; основными командируемыми были уже состоявшиеся ученые; дореволюционный паритет между естественниками и гуманитариями, выезжающими за границу, нарушился в пользу ученых-естественников; наконец, Германия сохранила за собой статус наиболее посещаемой страны [4. С. 65–76]. За данными выводами просматривается стремление государства осуществлять подготовку ученых внутри страны с ориентацией на собственные научные достижения. Частично соглашаясь с подобным утверждением, подчеркну, что в 1920-е гг. вырабатываются новые подходы к организации заграничных командировок с ученой целью. В обсуждении этого вопроса, так или иначе, участвовали не только государственные деятели, но и представители академической среды.

В отчете одного из ученых, вернувшегося из зарубежной поездки в 1924 г., читаем: «Я полагаю, что <…> при скудости средств, следует молодым отдавать предпочтение над старыми преподавателями и учеными… Молодого следует посылать учиться, – не только фактам, но главным образом тому, как надо учиться, как надо “творить науку”. <…> Для успешного выполнения этой задачи требуется минимум 1 год, во всяком случае – не менее ½ года. Но зато. Не часто. Старый, опытный ученый и преподаватель нуждается для успешного ведения своего дела в кратковременном, но ежегодном выезде заграницу» [5. Оп. 2. Д. 564. Л. 70].

В 1929 г. один из разработчиков плана ГОЭЛРО, известный электротехник М.Я. Лапиров-Скобло, писал о важности посещения научных учреждений других стран и знакомства с организацией в них научной работы. Он подчеркивал необходимость длительных командировок для молодых ученых [6. С. 9–17]. Гораздо менее воодушевленно о зарубежных поездках высказывался врач В.М. Броннер, считая, в первую очередь, внутренние командировки важным инструментом борьбы «с шовинизмом научной школы», воспитавшей аспиранта. Заграничные командировки, по его мнению, являлись желательными в отдельных случаях, лишь как добавочный элемент аспирантской подготовки [7. С. 10–18]. Подобные рассуждения, с одной стороны, отражали то, как менялись взгляды на вопрос о командировках как составляющей международного научного

сотрудничества, с другой – влияли на ход дискуссии и принимаемые решения.

Законодательная база организации научных выездов за границу начала формироваться с середины 1920-х гг. В конце 1924 г. СНК РСФСР выпустил «Положение о Комиссии по научным заграничным командировкам» (до этого времени комиссия существовала при Особом временном комитете науки и через нее проходили только те командировки, на которые испрашивались государственные субсидии) [8. Оп. 19. Д. 229. Л. 1–1 об.]. Задачи комиссии заключались в рассмотрении ходатайств о командировках за границу, выдаче удостоверений о командировании, определении размеров финансирования командировок, наконец, в утверждении отчетов учреждений о результатах научных поездок их сотрудников [Там же. Оп. 1. Д. 2784. Л. 3, 7–8, 29–30].

В конце декабря 1925 г. вышло Постановление СНК РСФСР «О поднятии квалификации оканчивающих высшие учебные заведения», основная идея которого заключалась в осознании необходимости всесторонней работы по повышению уровня подготовки молодых ученых. В ряду предлагаемых мер авторы постановления указывали значимость научного обмена между вузами и научно-исследовательскими институтами, столичными и провинциальными учебными заведениями, а также маркировали важность «*правильной* (курсив мой. – *Н.Г.*) организации командировок научных работников за границу для усовершенствования» [9]. Выход постановления симптоматично совпал с внедрением практики планирования заграничных научных командировок.

Регулярно с осени 1926 г. выходило постановление по Главнауке «О порядке получения научных командировок за границу» [10. Оп. 2. Д. 50. Л. 9–10; Д. 79. Л. 2–2 об.], в котором «правильный» подход к их организации выражался в указании, что заграничные командировки предоставляются лишь в исключительных случаях. Напомню, что и дореволюционное Министерство народного просвещения считало, что выезды за границу должны носить ограниченный характер. Они необходимы для будущих профессоров основных кафедр и только при условии, что их научно-образовательная подготовка в России исчерпала себя. Важно подчеркнуть, что в 1920-е гг. ограничения носили не только идейный характер, но и часто были связаны с нехваткой финансирования. К примеру, еще в 1920 г. в Казанском университете обсуждался вопрос о заграничной командировке преподавателя иностранного языка. Совет университета отложил этот вопрос и рекомендовал факультетам «обсудить вообще вопрос о желательности и необходимости в настоящее время длительных командировок как за границу, так и внутри России» [11. Оп. 1. Д. 137. Л. 28].

В постановлении Главнауки детально была прописана процедура организации заграничной поездки с ученой целью. Во-первых, в комиссию по научным заграничным командировкам требовалось подать мотивированную заявку от учреждения, ходатайствующего о выезде своего сотрудника, и заявление с анкетой от самого претендента на поездку. Шаблоны заявлений и анкеты прилагались. В анкете потенциальный командируемый, помимо персональных данных, указывал срок, место командировки и ее цель, обязательно перечислял все предыдущие зарубежные поездки, а к концу 1920-х гг. еще указывал, были ли против него преследования со стороны власти.

Во-вторых, в постановлении предлагались варианты финансового обеспечения заграничного выезда. Основным источником являлись средства Наркомпроса, но командируемый мог заявить поездку за личный счет. Количество поездок даже без государственного финансирования было ограничено. Учреждениям предлагалось не заявлять больше 3–4 командировок, однако и такое нормирование не гарантировало полного удовлетворения заявок, а давало «лишь комиссии возможность произвести наиболее безошибочный отбор». В подтверждение этого пункта приведем следующие данные: в 1926 г. из 40 заявлений сотрудников РАНИОН на заграничные командировки изначально было поддержано 7, потом еще 4. Всего по субсидии Наркомпроса за границу были отправлены 4 человека [10. Оп. 2. Д. 50. Л. 5, 7–8].

В целом учебные заведения придерживались обозначенных квот. Так, институты РАНИОН в 1928 г. ходатайствовали о выделении следующего количества командировок: Институт истории, Институт советского права, Институт философии, Институт языка и истории литературы – по 3; Институт экспериментальной психологии и ГАИМК – по 1. Лишь Институт народов Востока и Институт археологии и искусствознания заявили по 5 поездок для своих сотрудников. При этом в обозначенное количество прошений входили командировки за счет государственных субсидий и за счет личных средств. К примеру, Институт истории ходатайствовал о предоставлении командировок двум действительным членам И.Л. Попову-Ленскому и А.И. Яковлеву за средства Наркомпроса, научный сотрудник 1-го разряда В.В. Терешкович предполагала поехать в Германию на 4–5 месяцев без государственной субсидии [Там же. Л. 69а об.–69в].

К этому времени определяется, что выдаваемые субсидии не должны покрывать всех расходов командируемого, т.е. софинансирование с помощью личных сбережений предполагалось и при выезде за границу с государственной поддержкой [5. Оп. 19. Д. 18. Л. 75].

Наконец, в-третьих, подчеркивался приоритет командировок для молодых ученых и аспирантов, выезжающих впервые и нуждающихся в поездке за границу «в целях личного научного усовершенствования». Уже в 1925 г. Комиссия определяет, что командировки выдаются «для ведения или окончания научных работ и для усовершенствования по специальностям, а отнюдь не для поездок с целью ознакомления с состоянием той или иной области наук за границей» [Там же. Л. 75 об.].

Основной вывод Комиссии состоял в том, что необходимо значительно увеличить командировки для молодых исследователей. Хотя курс на поддержку научной молодежи проводился недостаточно планомерно. В 1926 г. удалось достичь паритета между выездами молодых ученых и профессоров (43 и 42 соответственно), но в 1927–1929 гг. командировки молодых исследователей составляли лишь треть от общего количества зарубежных научных поездок. К примеру, в 1927/28 учебном году было осуществлено 122 поездки статусными учеными и только 29 командировок – научной молодежью [5. Оп. 19. Д. 75. Л. 1]. Заявленная цель первоочередной поддержки научного усовершенствования начинающих ученых была достигнута лишь к 1931 г. (93 командировки аспирантов и ассистентов против 62 поездок доцентов, профессоров и руководящих научных работников) [Там же. Д. 77. Л. 9].

К организации научных поездок, помимо Наркомпроса, подключались и другие институции. Поездки осуществлялись при участии административного и иностранного отделов при исполнительных органах власти, которые выдавали заграничные паспорта и разрешения на выезд [12–14], а также валютного отдела, отвечавшего за выдачу валютных средств. Система взаимоотношений между этими организациями была выстроена слабо, частые задержки с выдачей паспортов и валюты приводили к срывам уже разрешенных командировок. Организационную и информационную помощь при организации коллективных выездов на международные конгрессы или научные экскурсии оказывало Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС). Во второй половине 1920-х гг. в вопросе об организации заграничных командировок по линии Наркомпроса появляется тема пропаганды достижений советского общества, в частности «идей советской педагогики и ознакомления заграницы с достижениями и состоянием просвещенческого строительства РСФСР» [15. Оп. 1. Д. 79. Л. 49]. Реализация этой цели также предполагалась в ходе научных командировок и при содействии ВОКС.

Документальный комплекс, регулирующий организацию заграничных научных командировок, в котором отразились постепенные изменения государственного курса, свидетельствует о корректировках в определении целей научных поездок. В заявлениях начала 1920-х гг. в качестве основных целей ученые указывали намерение продолжить научные изыскания в архивах и библиотеках для продолжения прерванных исследовательских работ, стремление к восстановлению научных контактов с европейским академическим миром, а также желание ознакомиться с уровнем преподавания тех или иных дисциплин в мировых центрах науки. В ряде случаев испрашивалось разрешение на выезд для ведения занятий по приглашению иностранного университета либо присоединения к зарубежным коллегам для проведения какого-либо исследования. С 1925 г. на желание ознакомиться с уровнем преподавания за границей в качестве цели научной командировки был наложен негласный запрет, который с 1926 г. был закреплен законодательно. К концу 1920-х гг., наоборот, начались разговоры о необходимости выделять отдельные командировки для изучения устройства подготовки научных кадров за границей, а также включать в отчеты информацию о состоянии преподавания учебных дисциплин [5. Оп. 19. Д. 75. Л. 1 об.].

В итоговых отчетах о результатах поездок на протяжении всего периода 1920-х гг. темы общественно-политической ситуации в посещаемых странах, международного сотрудничества и знакомства с системой преподавания за границей не только не исчезли, но зачастую занимали центральное место. Историк Е.В. Тарле, вернувшийся из Франции в 1924 г., помимо перечисления проведенных исследовательских мероприятий, описания завершенной монографии, указывал на ознакомление с организацией науки и постановкой архивного дела на Западе. «Общее впечатление – несколько замедленный, сравнительно с довоенным временем, темп научной работы во Франции. Строго научных исследований появляется в области истории несравненно меньше, чем прежде. Объясняется это ухудшением в материальном положении французской профессуры, дороговизною печатного дела, наконец, страшными личными потерями, нанесенными ученым лицам Франции в годы войны (есть университеты, где были перебиты или искалечены до 90% всех оставленных при университете молодых ученых)».

Тарле отмечал усилия французских ученых по переосмыслению событий недавнего прошлого: в университетах ведутся курсы по новейшей истории (дипломатическая история войны 1914 г., финансы в годы войны), создана специальная «Библиотека войны 1914 г.», где имелся и русский отдел. Историк подчеркивал «в высшей степени теперь предупредительное и любезное» отношение ко всем приезжающим из советской России, особенно со стороны левого крыла французской историографии [5. Оп. 2. Д. 564. Л. 69, 69 об.].

Филолог Г.Г. Дингес, командированный в Берлин и Марбург в 1924 г., также указывал на то, что «лингвистическая наука в Германии, как и в других странах, сейчас переживает большой кризис» [Там же. Л. 87–87 об.]. Специалист по восточным древностям А.А. Фрейман в 1922 г. отчитывался, что находится в «непосредственном живом общении с германскими востоковедами» [Там же. Д. 567. Л. 85–85 об.]. О постоянных деловых беседах с немецкими профессорами и обмене с ними «речами о взаимной важности укрепления вековой связи между течениями научной мысли в Германии и России» указывал в отчете историк С.Ф. Платонов, командированный в Берлин и Лейпциг в 1924 г. [Там же. Д. 564. Л. 78]. Профессор-медик Казанского университета В.С. Груздев, посетивший в 1927 г. Германию и Чехословакию, отмечал радушный прием со стороны зарубежных коллег и возможность подробно познакомиться с постановкой дела радиоте-

рапии злокачественных новообразований в лучших европейских клиниках [11. Оп. 1. Д. 120. Л. 77].

В ряде отчетов фактически поднималась тема начинающегося изоляционизма советской науки, отсутствия должного обсуждения результатов проводимых в стране исследований с коллегами из-за рубежа. Профессор В.Н. Терновский в 1927 г. был отправлен в командировку в Германию, Голландию, Австрию и Францию. В ходе нее он принял участие в VI Интернациональном конгрессе по истории медицины в Лейдене и Амстердаме. Отчитываясь, он сокрушался: «...на этом съезде, необычайно оживленном и многолюдном, я был единственным русским, представителем нашего Союза» [11. Оп. 1. Д. 120. Л. 79].

Сложность получения командировки ученому из провинциального вуза внесла в научные отчеты дополнительный стихийно появившийся пункт – благодарности alma mater и местным властям. Казанский математик Н.И. Парфентьев, на 3 месяца в 1928 г. выезжавший в Германию и Францию, завершал отчет словами: «В заключении считаю своим приятным долгом выразить благодарность и Казанскому Университету в лице физико-математического факультета, и Правлению его, и НКП, за данную мне возможность провести истекшее лето в заграничных центрах Западной Европы» [Там же. Д. 137. Л. 28].

В ряде случаев отчеты признавались неудовлетворительными. Именно таковой была признана поездка историка Н.М. Лукина в 1927 г.: «Тов. Лукину не получилось работать в архивах. Ездил он читать печатные материалы и журнальные статьи» [10. Оп. 2. Д. 79. Л. 94–95].

К концу 1920-х гг. усиливается контроль за поездками за границу. В докладной записке Комиссии по обследованию состояния заграничных командировок (1929 г.) отмечалось, что «раньше смотрели на заграничные командировки как на устройство своего личного научного положения», ездили в них, чтобы «подышать западно-европейским воздухом». В государственной риторике и комментариях ярых проводников новой линии появились мотивы борьбы с научно-образовательным туризмом, усилением отбора претендентов, чтобы не допустить за границу «чуждых элементов». К примеру, авторы доклада указывали на недостаточную поддержку командировок молодежи, которая «самая надежная в политическом отношении». Симптоматично, что в докладе пофамильно упоминались исследователи, «недостойные» посещения заграницы: профессора и доценты мехмата 1 МГУ С.П. Фиников, Д.Ф. Егоров, Н.А. Глаголев, В.А. Костицын [5. Оп. 19. Д. 77. Л. 10, 11, 12]. Обстоятельства попадания в этот список были различными. Тут и член-корреспондент АН СССР профессор Д.Ф. Егоров, против которого в 1929 г. была развернута кампания, связанная с его религиозными взглядами; и профессор В.А. Костицын, выехавший в 1928 г. в командировку во Францию и не вернувшийся после получения сообщения о проверке Главнаукой совместно с ГПУ обстоятельств и порядка его выезда, а также его «политического поведения».

Пристальному регулированию подвергались вопросы участия советских ученых в международных научных мероприятиях. Отсутствие «достаточных политических гарантий» становилось поводом отказаться от участия в ряде из них. К примеру, в 1924 г. на закрытом заседании НКП было принято решение отказаться от участия в международном съезде историков в Германии (конгресс об обсуждении задач преподавания истории в международном разрезе) [15. Оп. 1а. Д. 24. Л. 66, 67]. Примерно то же произошло в июне 1927 г. с конференцией историков Восточной Европы в Варшаве. Отправленный на нее профессор ЛГУ, действительный член ГАИМК Б.Л. Богаевский был экстренно отозван с конференции. В телеграмме говорилось: «Ввиду выяснившегося характера конференции, а также отрицательного отношения к идеологическому направлению ее работ и ввиду участия в ней русских эмигрантов ГАИМК не считает возможным Ваше дальнейшее участие в конференции историков и предлагает немедленно выехать в Ленинград, о чем заявите Президиуму конференции» [16. Оп. 1. 1927. Д. 71. Л. 22]. Данная телеграмма расшифровывала телеграмму-молнию с запретом на участие, поступившую из Наркомпроса за подписью заместителя наркома И.И. Ходоровского [Там же. Л. 20]. На самом высоком уровне формировался список участников, приглашаемых на историческую неделю в Берлин в 1928 г. Симптоматично, что сначала отбирали претендентов по идеологическому принципу (в этот момент из списка «выпал» Н.И. Кареев), а потом по их научной специальности [15. Оп. 1а. Д. 107. Л. 94].

В этот период нередкими становятся задержки с выдачей проездных документов, происходившие в результате дополнительных проверок претендентов на командировки, даже уже после одобрения командировки комиссией при Наркомпросе и резервированием денежных сумм. Показателен случай с уже упомянутым историком Б.Л. Богаевским. После экстренного возвращения с Варшавской конференции он продолжил подготовку к поездке в Польшу, Австрию и Германию, поддержанной Наркомпросом еще в мае 1927 г. Его принадлежность к «правильным» ученым способствовала получению положительного решения на командирование, но не избавляла от проверки на лояльность. Это вызвало задержку выдачи загранпаспорта и поставило всю поездку под угрозу. Имела место и рассогласованность в действиях органов, осуществляющих выдачу заграничного паспорта и валюты. Но главная причина задержки, по всей видимости, крылась в проверке его отчета по итогам командировки на съезд историков в Варшаву. Во-первых, направленные телеграммы, запрещающие участие в форуме, были получены Б.Л. Богаевским с опозданием, и он был включен в Президиум конференции, хотя фактического участия в его работе не принимал. Во-вторых, в отчете он выразил непонимание, почему ему не доверили принять участие в конференции.

Он писал: «Считаю долгом заметить, что я сожалею о том, что был вынужден уклониться от участия в работах конференции по следующим основаниям: 1) Идеологически я в течение уже 20 лет провожу и в печатных своих трудах и в моей преподавательской деятельности матерьялистические взгляды, которые стремлюсь оформить марксистски. 2) Общий доклад мой был построен марксистски и должен был быть единственным матерьялистическим на конференции. 3) Работа в организационной Комиссии была бы критической и проводила бы матерьялистические взгляды и в то же время указывала бы на новые достижения в науке. Таким образом, в моих выступлениях я не создавал бы объединенного фронта с учеными-эмигрантами и наоборот, разрывал бы его и, выступая на Конференции с новыми достижениями науки в СССР, я в то же время заявлял бы о ценности матерьялистического понимания исторических фактов» [16. Оп. 1. 1927. Д. 71. Л. 32]. Положительно решить вопрос удалось только через прямые обращения самого Богаевского и его руководителя Н.Я. Марра к представителям власти – В.П. Яковлевой и А.В. Луначарскому [Там же. 1927. Д. 4. Л. 106, 118, 121–123, 126–127, 134, 142, 148].

Опираясь на архивные данные, включающие широкий спектр документов, начиная с заявок-анкет претендентов и заканчивая отчетами по возвращению из научной поездки, попытаемся выделить основные типы научных командировок, существовавших на протяжении 1920-х гг.

Командировка = эмиграция. В начале 1920-х гг. неоднократно принимались положительные решения о командировании за рубеж за личные средства ученых, которые теряли доверие власти. Возможность пересидеть сложные времена в другой стране нередко выливалась в окончательную эмиграцию. В начале 1920-х гг. решение о невозврате в Советскую Россию приняли некоторые ученые, командированные за границу до октябрьского переворота. К примеру, историк Е.Ф. Шмурло, находящийся в 1917 г. в Италии, принял решение не возвращаться на родину.

Достаточно массовыми выезды за рубеж под видом заграничных командировок были в период Гражданской войны, особенно из вузов, оказавшихся на территориях, контролируемых белыми правительствами. Так, в 1919–1920 гг. накануне и после занятия большевиками Одессы заграничные командировки были одобрены для 31 представителя вузовского сообщества, многие ученые выезжали за границу с семьями и в Россию уже не вернулись [17. С. 417]. Массовые отъезды облегчал тот факт, что решение о командировании принимали непосредственно советы вузов, что стало возможным в результате неожиданного обретения вузами автономии, так как политика несоветских правительств в их отношении была стихийной и случайной.

Иначе обстояло дело с учеными, работавшими в советских научно-образовательных институциях: принятие решения об их командировании осуществлялось только после прохождения всех инстанций, в том числе соответствующей Комиссии при Наркомпросе. В июне 1921 г. была одобрена заграничная поездка на 3 месяца в Италию для «производства научных исследований» ректору Пермского университета Н.П. Оттокару, из которой он также не вернулся в Россию [5. Оп. 2. Д. 553. Л. 66, 67, 68], хотя еще в 1924 г. продолжал числиться в штате Пермского университета [18. С. 254]. По схожему сценарию организовывалась научная командировка профессора Петроградского университета Б.Б. Беккера, которой удалось добиться не без протекции со стороны партийных коллег. Патроном стал историк-большевик В.А. Быстрянский, обратившийся лично к М.Н. Покровскому, с характеристикой Беккера как марксиста, который «вполне доброжелательно относится к советской власти и стоит на почве диктатуры пролетариата» [5. Оп. 2. Д. 551. Л. 221, 222]. В августе 1922 г. Беккер выехал в Голландию, где и остался преподавать в Амстердамском университете. В октябре 1924 г. было принято решение об его увольнении из Ленинградского университета [19. С. 337]. В июне 1922 г. были одобрены годовые командировки в США для изучения американской социологии и участия в социологическом конгрессе П.А. Сорокину и его жене биологу Е.П. Баратынской [5. Оп. 2. Д. 567. Л. 313, 314, 315, 410], которым было не суждено состояться. П.А. Сорокин попал в орбиту начавшегося в сентябре 1922 г. процесса над правыми эсерами. Чтобы избежать ареста, он дал подписку покинуть Россию в 10-дневный срок без права возвращения [20. С. 257–258]. В 1923–1924 гг. была поддержана командировка в Ригу Р.Ю. Виппера, отъезд в которую позволил решить вопрос с потерей им работы в Московском университете [5. Оп. 2. Д. 558. Л. 50 об.]. В Латвии он прожил потом около 20 лет и вернулся в СССР в 1940 г. после получения гарантий в возможности заниматься научной и педагогической работой [21. С. 82]. Известный византинист А.А. Васильев в 1925 г. выехал в заграничную командировку сначала в Берлин, потом в Париж и далее в США. 2 июня 1925 г. решением общего собрания его исключают из АН СССР. После того, как 1 июля 1928 г. было признано окончательным сроком его командировки, он принял решение не возвращаться [5. Оп. 19. Д. 18. Л. 64; 16. Оп. 1. 1927. Д. 4. Л. 117].

Командировка = продолжение научной работы. Как только в обществе стихло напряжение, вызванное гражданским противостоянием 1917–1920 гг., и началась нормализация научной жизни, возобновились планы исследований, в том числе основанные на материалах иностранных архивов и библиотек. Практика научных командировок восстанавливается достаточно быстро, особенно в среде исследователей, чьи научные интересы были непосредственно связаны с иностранными научными и образовательными центрами. При этом в начале 1920-х гг. они пытались организовывать зарубежные выезды по опыту дореволюционной си-

стемы научного командирования. Так, запрашивались разрешения на длительные поездки, нацеленные на размеренную работу в архивах, библиотеках и лабораториях, общение с коллегами, возможность передвигаться из одного европейского научного центра в другой. При этом даже когда поддержанные командировки сокращались до 2–3 месяцев, что происходило в силу недостаточного финансового обеспечения научных выездов или из опасения невозвращения командируемого, ученые рассчитывали на возможность продления срока пребывания за границей, как это практиковалось в дореволюционное время. К примеру, профессор-врач С.В. Констансов, командированный в Германию в 1921 г. на один год, получил право выезда и субсидию только на три месяца. Он писал: «Трех месяцев для научной работы, конечно, совершенно недостаточно и, выезжая за границу, я был уверен, что мне будет продлен срок командировки до года» [8. Оп. 107. Д. 2258. Л. 3–3 об., 6]. Ознакомившись с ходатайством, Комиссия отказала ему в дальнейшей субсидии.

Историки-всеобщники составили ту субкультуру ученых, которая наиболее активно стремилась к восстановлению возможности работать с иностранными источниками. Они массово начали подавать заявления на выезд за границу для продолжения научной работы как за счет государственной субсидии, так и за личные средства. Ярким примером может служить эпопея с организацией командировки историка А.Н. Савина. Заявление с приложенной к нему сметой он подал в Комиссию в августе 1921 г. Маститый исследователь подошел к обоснованию необходимости научной командировки со всей основательностью. Будучи специалистом по истории Англии, он хотел завершить сбор архивного материала по вопросу обезземеливания английских крестьян и огораживания, а также возобновить научные связи с английскими коллегами, ознакомиться с «ходом исторического исследования и университетского преподавания истории в англо-саксонском мире». Второй целью Савина было посещение Берлина для сбора материалов по истории русско-немецких отношений в XIX в. Командировка была поддержана, Савин получил мандат на выезд и заграничный паспорт [5. Оп. 2. Д. 553. Л. 77–81]. Однако случившаяся задержка с получением английской визы привела к тому, что ученый просрочил получение денежных средств на поездку и разрешительную процедуру во многом пришлось проходить заново [Там же. Д. 563. Л. 145, 146]. Все же Савину удалось выехать в научную командировку, во время которой он скончался.

Вряд ли хлопоты по организации выездов за границу с научной целью можно рассматривать сквозь призму политических объяснений, как демонстрацию намерения сотрудничать с советской властью, играть по новым правилам. Скорее мотивы ученых лежали в чисто исследовательской плоскости. Многие из тех, кто стремился выехать за рубеж в 1920-е гг., посещали Европу до революции, они ощущали себя частью интернационального мира «большой науки», потому стремились как можно быстрее восстановить практику заграничных поездок, чему способствовал их собственный предыдущий опыт.

Командировка = выражение доверия. В 1920-е гг. кредит доверия со стороны власти к ученым, большую часть которых составляли так называемые «старые» профессора, сохранялся, но значительно варьировался. Ряд исследователей, нашедших способы заручиться поддержкой власть имущих, составил своеобразный пул научных работников, которые могли рассчитывать на регулярные заграничные командировки. Таким «штатным» командируемым, к примеру, являлся историк Е.В. Тарле. Он выезжал за границу не менее 5 раз: в 1921 г. на 3 месяца в Англию [5. Оп. 2. Д. 553. Л. 206, 208, 209]; в 1924 г. на 3 месяца во Францию с субсидией [Там же. Д. 564. Л. 219]; в 1925 г. на 3 месяца во Францию с субсидией в 600 руб. [Там же. Оп. 19. Д. 18. Л. 21 об.]; в 1926 г. на 3 месяца во Францию с субсидией 500 руб. [Там же. Оп. 2. Д. 20. Л. 28об]; в 1927 г. на 3 месяца во Францию с субсидией 500 руб. [Там же. Д. 26. Л. 31]. Кроме того, ему удавалось выезжать с супругой, которая проходила в качестве его секретаря.

На особом счету были ученые, выполнявшие особо важные по государственным меркам научные проекты. К примеру, возможность выезжать в Европу имел директор Оптического института Д.С. Рождественский. Мало того, это право распространялось на его жену историка-медиевиста О.А. Добиаш-Рождественскую.

Командировка = возобновление международного сотрудничества. Советскому государству, на протяжении 1920-х гг. находящемуся в разной степени изоляции, необходимо было налаживание международных контактов, в том числе и по научной линии. Эта функция была возложена на профессуру, еще до революции снискавшую известность за границей. Многие ученые, которые получали отказы в выезде в долгосрочные командировки с сугубо научно-исследовательскими целями, командировались на короткое время по делам возглавляемых научных учреждений. Так, в 1921 г. в Финляндию по вопросам обмена научными изданиями и снабжения ученых дровами и предметами первой необходимости выезжал представитель Петроградской комиссии по улучшению быта ученых С.Ф. Ольденбург [Там же. Д. 553. Л. 191, 193]; по делам Академии наук побывал в июле 1924 г. в Германии С.Ф. Платонов [Там же. Д. 564. Л. 77, 78]; от библиотеки им. В.И. Ленина в 1928 г. в Норвегию, Швецию, Данию, Голландию, Германию, Австрию и Швейцарию выезжал заместитель директора Д.Н. Егоров [15. Оп. 1. Д. 95. Л. 29].

Соглашусь с Р.Р. Бакеевой, утверждающей, что на определенном этапе государство охотней финансировало представительские поездки ученых с мировым именем, нежели «рабочие» поездки в клиники, лаборатории, архивы [22]. Ученые с именем, известные на Западе, становились участниками международных научных мероприятий – конгрессов, конференций, фо-

румов. Хотя состав делегаций был комплексным: помимо статусных ученых, обладающих признанным научным капиталом, в них обязательно входили идеологически выдержанные исследователи.

Командировка = подготовка научных кадров. Командировки молодых ученых, рассматриваемые как важная часть научной подготовки, набирают обороты со второй половины 1920-х гг. в связи с формированием института аспирантуры. В их организации просматриваются параллели с дореволюционными стажировками оставленных для подготовки к профессорскому званию, получавшими заграничную командировку для подготовки к магистерским экзаменам либо для сбора диссертационного материала. Разница заключалась в сроках командирования, которые были несравненно короче, но сопоставимы со средней продолжительностью командировки советского ученого в 1920-е гг. – 2–3 месяца.

В 1920-е гг. для научной молодежи формируется практика организованных коллективных выездов, напоминающих дореволюционные научные экскурсии. В 1923 г. поездка в Германию на 3 месяца была организована для слушателей Института красной профессуры – историков С.М. Дубровского, А.М. Панкратовой, Б.Б. Граве, экономистов Д.П. Розита и В.Е. Мотылева [5. Оп. 2. Д. 573. Л. 25]. В 1928 г. Президиум РАНИОН организовал двухмесячную научную экскурсию во Францию и Германию для сбора материалов к научным диссертациям для группы аспирантов из 9 человек [10. Оп. 2. Д. 79. Л. 77]. Молодые исследователи проходили общепринятые этапы оформления заграничной командировки. Однако в их случаях чаще практиковались ходатайства научных руководителей и протекции видных государственных деятелей, в которых подчеркивался коммунистический облик претендента.

За сменой форм государственного управления и трансформацией политического режима закономерно следует пересмотр административных соглашений, правил игры, что может выразиться в радикальном реформировании той или иной сферы либо в менее травмирующей ассимиляции опыта взаимодействия, сложившегося на предыдущем историческом этапе. Заграничные научные командировки оказались в сфере внимания советских реформаторов, проводивших в жизнь новый образовательный проект, поэтому практики их организации на протяжении 1920-х гг. все более бюрократизировались и в них явно росла идеологическая составляющая. С другой стороны, само международное сотрудничество признавалось необходимым элементом развития науки, важным и для продолжения научных исследований, и для презентации советских достижений.

На протяжении исследуемого десятилетия восприятие заграничной научной поездки претерпело значительные изменения. Изначально понимаемая как нормальная и необходимая часть карьеры ученого, важная и для завершения его профессионального становления, и для поддержания дальнейшего научного тонуса, заграничная командировка становится экстраординарным событием, выражением доверия и лояльности по отношению к ученому со стороны государства. Идеологическая сторона таких поездок к концу десятилетия явно доминирует над собственно научным содержанием. В результате отсекается опыт дореволюционных поездок за границу, в которых видятся лишь развлекательный характер и желание проветриться и подышать европейским воздухом. Заграничные командировки наполняются новой сущностью: теперь это хорошо спланированные, информационно и коммуникативно перенасыщенные в силу кратковременности, идеологически выверенные, утилитарно направленные поездки. Поправки на артикулированные в документах и выступлениях новые цели заграничных командировок осуществляются в заявительной документации претендентов на поездки. При этом за скупыми обязательными строками анкет-заявлений и формализованных отчетов нередко скрывается стремление ученых к воспроизводству привычных практик профессионального общения и размеренного ритма научной работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Свешников А.В. Правительственная политика в сфере зарубежных командировок русских ученых второй половины XIX – начала XX века // Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М. : Новое лит. обозрение, 2012. С. 849–887.
2. Трохимовский А.Ю. Заграничные командировки ученых Московского университета в 1856–1881 гг. : дис. … канд. ист. наук. М., 2007.
3. Иванов А.Е. Высшая школа в России начала XX века. М. : Высш. шк., 1991.
4. Дмитриев А.Н. Заграничная подготовка будущих российских профессоров накануне Первой мировой войны // Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884–1917 гг.: исследования и документы / науч. ред.: М.В. Грибовский, С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 65–76.
5. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 2307.
6. Лапиров-Скобло М.Я. Проблема научных кадров // Научный работник. 1929. № 11.
7. Броннер В.М. К вопросу о подготовке аспирантов // Научный работник. 1929. № 12.
8. ГАРФ. Ф. 2306.
9. Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 1. ст. 6.
10. ГАРФ. Ф. 4655.
11. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 1337.
12. Постановление Народного комиссариата по иностранным делам РСФСР от 08 июня 1920 года «О заграничных паспортах (правила)». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=18075#0, свободный (дата обращения: 25.02.2017).
13. Декрет СНК РСФСР от 16 сентября 1921 года «Об оплате заграничных паспортов». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=17966#0, свободный (дата обращения: 25.02.2017).

14. Постановление СНК СССР от 6 апреля 1926 года «О сборах, взимаемых органами НКВД за выдачу общегражданских заграничных паспортов, разрешений и виз на въезд в Союз ССР и выезд из Союза ССР и видов на жительство для иностранцев» // Собрание законов СССР. 1926. № 51. Ст. 366.
15. ГАРФ. Ф. 5283.
16. Научный архив Института истории материальной культуры. Ф. 2.
17. Еремеева А.Н. Образовательная и научная политика в условиях гражданского противостояния // Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М. : Новое лит. обозрение, 2012.
18. Клюев А.И. Из истории одной книги: Н.П. Оттокар и его книга «Флорентийская коммуна в конце Дудженто» // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2011. № 34.
19. Дойков Ю. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Архангельск, 2008. Т. 1 (1889–1922).
20. Долгова Е.А. «Начинаю ходатайство о выезде за рубеж…»: о планах П.А. Сорокина в 1922 г. // Российское научное зарубежье: люди, труды, институции, архивы : сб. науч. тр. / отв. ред. П.А. Трибунский; Институт российской истории Российской академии наук. М. : Ин-т рос. истории РАН, 2016.
21. Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М. ; СПб. : Нестор-История, 2016.
22. Бакеева Р.Р. Государственная политика в области международного научного сотрудничества ученых Казанского университета 1917–1939 гг. (по архивным материалам) : дис. … канд. ист. наук. Казань, 2013.

Grishina Natalya V. Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia). E-mail: natalyagrishina@mail.ru

"...THE OPPORTUNITY OF TRAVELING AND BREATHING THE AIR OF WESTERN EUROPE": THE RELATIONSHIPS BETWEEN THE ACADEMIC COMMUNITY AND THE AUTHORITIES IN RESPECT OF INTERNATIONAL TRIPS DURING THE 1920ES.

Keywords: international academic trips; international cooperation; science policies; academic mobility.

The research is aimed at evaluating the importance of international academic trips for scientific and educational policies of Soviet Union in the 1920es and assessing the role of the scientists in its establishment. The article is based on a wide range of unpublished sources, mainly the documents of management and record-keeping, such as minutes, application forms and trip reports, stored at central and regional archives. The article attempts to reconstruct the establishment of the legislation, controlling the international trips during the 1920es. The main focus is on the alignment of the laws, the changes in which are the results of the cooperation between the academic community and the authorities. The year of 1926 is somewhat of a milestone in respect of the legislative control of international trips. Since then, these trips become planned and the amount of trips paid for by researchers themselves is going down due to the rising fees for visas and international passports. The trips aimed at the development of more politically reliable young scientists gain top priority.

The issue of gradual changes in the goals of academic trips receives special attention of the author. They are evident in the application forms from the traveling researchers and they reflect the shift in the attitude of the officials to this kind of trips. However, the reports concerning the results of the trips show smaller pressure from the authorities. Despite the introduction of a strict form of the reports, the authors used quite liberal digressions, speculating on the level of European science, the attitude of foreign colleagues towards the Soviet researchers, the incipient isolationism of Soviet science. The corpus of documents allowed to trace the establishment of the system of governmental control over the international trips, which materialized in the work of special commissions and the selection of candidates for the trips, especially the trips to international conventions and forums. The analysys of personal traveling experience of several dozens of researches allowed to define the main types of international trips: 1) academic trips leading to emigration; 2) trips to continue prerevolution researches; 3) regular trips abroad as a sign of trust; 4) high status trips to re-establish scientific cooperation; 5) trips as a stage in the education of researchers. International academic trips were integrated into the process of restructuring science and the system of higher education started in 1917. Their status in this process was ambiguous. On the one hand, international cooperation was seen as an important element in the establishment of Soviet science and education; on the other hand, international trips were seen as a powerful tool of ideological influence and promoting the "Soviet". By the end of the 1920es, international trips obtain new qualities: they become well-planned, ideologically precise and practical.

REFERENCES

1. Sveshnikov, A.V. (2012) Pravitel'stvennaya politika v sfere zarubezhnykh komandirovok russkikh uchenykh vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka [Government policy related to foreign trips of Russian scientists in the second half of the 19th – early 20th centuries]. In: Ivanov, K. & Dmitriev, A. (eds) *Raspisanie peremen: Ocherki istorii obrazovatel'noy i nauchnoy politiki v Rossiyskoy imperii – SSSR (konets 1880-kh – 1930-e gody)* [The Schedule of Changes: Essays on the history of educational and scientific policy in the Russian Empire – the USSR (the late 1880s – 1930s)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 849–887.
2. Trokhimovskiy, A.Yu. (2007) *Zagranichnye komandirovki uchenykh Moskovskogo universiteta v 1856–1881 gg.* [Foreign trips of Moscow University scientists in 1856–1881]. History Cand. Diss. Moscow.
3. Ivanov, A.E. (1991) *Vysshaya shkola v Rossii nachala XX veka* [Higher School in Russia in the early 20th century]. Moscow: Vysshaya shkola.
4. Dmitriev, A.N. (2012) Zagranichnaya podgotovka budushchikh rossiyskikh professorov nakanune Pervoy mirovoy voyny [Foreign training of future Russian professors before the First World War]. In: Gribovskiy, M.V. & Fominykh, S.F. (eds) *Professorsko-prepodavatel'skiy korpus rossiyskikh universitetov. 1884–1917 gg.: issledovaniya i dokumenty* [The faculty of Russian universities. 1884–1917: Research and documents]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 65–76.
5. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 2307.
6. Lapirov-Skoblo, M.Ya. (1929) Problema nauchnykh kadrov [The problem of academic staff]. *Nauchnyy rabotnik*. 11.
7. Bronner, V.M. (1929) K voprosu o podgotovke aspirantov [On the preparation of postgraduate students]. *Nauchnyy rabotnik*. 12.
8. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 2306.
9. Soviet Union. (1926) *Sobranie uzakoneniy RSFSR – Collection of Legal Acts of the RSFSR*. 1. Art. 6.
10. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 4655.
11. The National Archive of the Republic of Tatarstan. Fund 1337.
12. People's Commissariat for Foreign Affairs of the RSFSR. (1920) *Postanovlenie Narodnogo komissariata po inostrannym delam RSFSR ot 08 iyunya 1920 goda "O zagranichnykh pasportakh (pravila)"* [Decree of the People's Commissariat for Foreign Affairs of the RSFSR of June 8, 1920 "On Foreign Passports (regulations)"]. Available from: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=18075#0. (Accessed: 25th February 2017).

13. Council of People's Commissars of the RSFSR. (1921) *Dekret SNK RSFSR ot 16 sentyabrya 1921 goda "Ob oplate zagranichnykh pasportov"* [Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of September 16, 1921 "On the payment of foreign passports"]. Available from: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=17966#0. (Accessed: 25.02.2017).
14. Council of People's Commissars of the RSFSR. (1926) Postanovlenie SNK SSSR ot 6 aprelya 1926 goda "O sborakh, vzimaemykh organami NKVD za vydachu obshchegrazhdanskikh zagranichnykh pasportov, razresheniy i viz na v"ezd v Soyuz SSR i vyezd iz Soyuza SSR i vidov na zhitel'stvo dlya inostrantsev" [Decree of the Council of People's Commissars of the USSR of April 6, 1926 "On the fees levied by the NKVD bodies for issuing general civilian passports, permits and visas for entry to the USSR and departure from the USSR and residence permits for foreigners"]. *Sobranie zakonov SSSR –Collection of Law of the USSR*. 51. Art. 366.
15. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 5283.
16. The Scientific Archive of the Institute of the History of Material Culture. Fund 2.
17. Eremeeva, A.N. (2012) Obrazovatel'naya i nauchnaya politika v usloviyakh grazhdanskogo protivostoyaniya [Educational and scientific policy in the context of civil confrontation]. In: Ivanov, K. & Dmitriev, A. (eds) *Raspisanie peremen: Ocherki istorii obrazovatel'noy i nauchnoy politiki v Rossiyskoy imperii – SSSR (konets 1880-kh – 1930-e gody)* [The Schedule of Changes: Essays on the history of educational and scientific policy in the Russian Empire – the USSR (the late 1880s – 1930s)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
18. Klyuev, A.I. (2011) Iz istorii odnoy knigi: N.P. Ottokar i ego kniga "Florentiyskaya kommuna v kontse Dudzhento" [From the history of one book: N.P. Ottokar and his "Florentine Commune at the End of Dugmento"]. *Dialog so vremenem: al'manakh intellektual'noy istorii.* 34.
19. Doykov, Yu. (2008) *Pitirim Sorokin. Chelovek vne sezona. Biografiya* [Pitirim Sorokin. A man out of season. Biography]. Vol. 1. Arkhangelsk: [s.n.].
20. Dolgova, E.A. (2016) "Nachinayu khodataystvo o vyezde za rubezh . . .": o planakh P.A. Sorokina v 1922 g. ["I am launching a petition for going abroad . . .": On P.A. Sorokin's plans in 1922]. In: Tribunskiy, P.A. (ed.) *Rossiyskoe nauchnoe zarubezh'e: lyudi, trudy, institutsii, arkhivy* [Russian scholars abroad: people, works, institutions, archives]. Moscow: Institute of Russian History, RAS.
21. Tikhonov, V.V. (2016) *Ideologicheskie kampanii "pozdnego stalinizma" i sovetskaya istoricheskaya nauka (seredina 1940-kh – 1953 g.)* [Ideological campaigns of "late Stalinism" and Soviet historical science (mid-1940s – 1953)]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
22. Bakeeva, R.R. (2013) *Gosudarstvennaya politika s oblasti mezhdunarodnogo nauchnogo sotrudnichestva uchenykh Kazanskogo universiteta 1917–1939 gg. (po arkhivnym materialam)* [State policy in international scientific cooperation in Kazan University in 1917–1939 (on archives)]. History Cand. Diss. Kazan.

УДК 947.065/066(571)
DOI: 10.17223/19988613/51/5

А.В. Дмитриев

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ЧАСТЕЙ РУССКОЙ РЕГУЛЯРНОЙ АРМИИ В ЗАБАЙКАЛЬЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1760-х гг.

Изучаются особенности формирования в Забайкалье Якутского конного ландмилицейского (впоследствии Якутского карабинерного) полка в первой половине 1760-х гг. На основании материалов, выявленных в центральных и региональных архивохранилищах, установлено, что планы верховной власти по наращиванию армейского контингента для укрепления обороноспособности региона наталкивались на серьезную нехватку материальных и людских ресурсов. В результате значительную долю ответственности при решении возникающих вопросов вынуждены были принимать на себя местная сибирская администрация и военное командование.
Ключевые слова: русская армия; Сибирь; Забайкалье; материальное обеспечение; офицерский корпус.

Период 1760–1764 гг., ознаменовавшийся крупными реорганизациями в структуре и кадровом составе всей регулярной армии Российской империи, до сих пор редко становился объектом специального внимания в исследовательской литературе. С тем большим основанием это утверждение применимо к истории воинских частей, дислоцированных за Уралом, из которых как раз в 1764 г. был организован Сибирский корпус. При этом даже в работах, посвященных корпусу, речь идет, как правило, о подразделениях, дислоцированных в Западной и Южной Сибири, а регион Забайкалья, например, оказывается практически «выпавшим» из поля зрения исследователей [1, 2]. Конечно, основные вехи имперской государственной политики в сфере строительства вооруженных сил на территории Восточной Сибири получили отражение в ряде публикаций, посвященных общим проблемам изучения военно-служилого населения региона (прежде всего, казачества), однако приводимые в них данные зачастую оказываются неполными, что не дает адекватного представления о специфике положения воинских частей русской армии в Забайкалье. На ошибочность некоторых утверждений нам уже приходилось обращать внимание [3].

Наиболее подробно интересующий нас сюжет изложен еще в капитальной работе дореволюционного военного историка А.П. Васильева, постаравшегося проследить все количественные и качественные изменения в составе контингента вооруженных сил империи на протяжении XVIII в. [4. С. 151–156, 166–181]. Однако автор, во-первых, ограничивается по большей части простым перечислением тех или иных мероприятий центрального правительства и местной администрации в отношении армейских подразделений, не раскрывая механизмов их практической реализации, а во-вторых, опирается лишь на документы из архива Сената, в которых содержатся только формулировки принятых решений, но не уточняется, были ли они успешно проведены в жизнь, и если да, то какими способами. На информацию Васильева ссылаются в своих публикациях фактически все современные исследователи, останавливающиеся на истории армейских подразделений в Забайкалье середины – второй половины XVIII в. [5. С. 181–183; 6. С. 160–165; 7. С. 27, 28; 8. С. 106, 107]. В связи с этим хотелось бы заполнить указанные лакуны, используя изученные мной архивные материалы, чтобы продемонстрировать, как исполнялись на практике принимаемые властями решения в сфере военного строительства на восточной окраине империи и какие факторы приводили к неизбежному сокращению, а то и отказу от заявленных ранее планов, несмотря на нестабильность внешнеполитической ситуации тех лет, связанной с угрозой со стороны цинского Китая.

Первый шаг к формированию новых армейских подразделений в Забайкалье был сделан сибирским губернатором Ф.И. Соймоновым весной 1759 г., когда он представил Сенату свой проект об учреждении пяти полков ландмилиции для поселения их по всей линии границы с Китаем. Его предложение рассматривалось в Петербурге почти полтора года, и только в сентябре 1760 г. получило одобрение Сената, когда императрицей Елизаветой Петровной был «конфирмован» (утвержден) сенатский доклад [4. С. 151–155; 6. С. 160]. Соответствующий указ был получен Соймоновым 27 ноября 1760 г., однако формирование одного лишь только Якутского конного полка ландмилиции завершилось еще спустя более полутора лет, к августу 1762 г. В чем же была причина столь длительного срока исполнения принятого решения?

Губернатор Соймонов в феврале 1761 г. просил командующего сибирскими частями генерал-майора И. фон Веймарна выделить на формирование этого полка по одной роте из состава полевых Луцкого и Олонецкого, а также гарнизонных Сибирского и Новоучрежденного драгунских полков. Он особенно обращал внимание командующего на необходимость «выбрать ис каждого полку рядовых по роте способных и годных к пограничной службе людей и не престарелых, то есть не свыше сорока лет от роду… в том числе две

гарнизонныя роты выбрать с полным числом драгунских и подъемных лошадей, а две роты из армейских полков без лошадей» [9. Л. 41 об., 42]. Эти роты должны были выступить с началом весны – две из гарнизонных полков в Томск, две из полевых сначала в Омскую крепость, а оттуда также в Томск, чтобы вместе следовать далее до Иркутска. Вместе с тем Соймонов успокаивал Веймарна: «Дабы те полки в полном комплекте состоять могли, то оные укомплектованы быть имеют впредь из рекрут, как то вышеобъявленным Правительствующаго Сената указом точно обнодежено» [Там же. Л. 42 об., 43]. А.П. Васильев ошибся, считая две роты гарнизонных полков «пешими» [4. С. 155, 156]. Из приведенной выше цитаты следует, что они как раз отправлялись в поход «с полным числом драгунских и подъемных лошадей», а двум ротам полевых полков лошади должны были быть приданы в Омске.

О том, как происходил сбор лошадей и амуниции для отправляемых на восток четырех рот, дают представление изученные нами материалы делопроизводства канцелярий полков, а также командующего войсками. Так, 30 марта 1761 г. Сибирская губернская канцелярия извещала генерал-майора фон Веймарна, что не имеет возможности закупить непосредственно в Тобольске необходимое количество лошадей для двух рот полевых полков: «К продаже лошадей являетца мало, так что по сие число еще и ни одной не куплено» [10. Л. 74]. В связи с этим губернатор Соймонов принял решение попробовать приобрести для них лошадей в Ишимском и Ялуторовском дистриктах, а также в Таре, откуда отправлять их в Омскую крепость, плюс в Томске и Красноярске. Что касалось двух рот гарнизонных полков, то Веймарн еще 16 марта заявил Соймонову, что «в полку де Сибирском лошадей ныне в комплекте не состоит более трехсот, да наличныя де от далнего труда, как от дневных и ночных розъездов, а паче от перевоски правианта и фуража, от посылающихся партей в немалом изнурении, и к тому далнему до Селенгинска переходу весма ненадежны состоят» [10. Л. 75].

Губернатор вынужден был распорядиться о закупке лошадей сразу для трех рот, «полагая строевых драгунских в каждую роту по сту по семи, а подъемных по шести лошадей… летами от пяти до семи лет… самых добрых, здоровых и к военной службе крепких, не свыше вышеобъявленной цены, драгунских по десяти, подъемных по шести рублев, мерою драгунских в два аршина с вершком, а по крайней уже необходимости в два аршина, подъемных посредственной вышины» [Там же. Л. 78 об., 79]. При этом, правда, оплачивать эти покупки он предлагал «из штатских доходов, а по неимению оных и из других наличных зборов, какие бы ни были, ставя на щет новоучреждающагося в Сибире корпуса ландмилицких полков», а обеспечения их при транспортировке необходимым фуражем ожидая от самого генерала Веймарна [Там же. Л. 79–80]. Однако томский воевода Г. Бобровский 9 июля доносил, что несмотря на разосланные им объявления в городской магистрат, духовное правление, а также Чаусскую и Сосновскую заводские конторы, «к покупке объявленных лошадей в приводе ни от кого сего июля по 7 число не имелось, а того 7 числа, хотя лошадей до пяти привожено и было, точию… продавцы за объявленную в указе цену не отдают, а просят весма дороже» [11. Л. 1191 об., 1192]. Впрочем, он нашел выход из положения, передав соответствующие полномочия Красноярской воеводской канцелярии и находившемуся там адъютанту Сибирского полка Я. Ялымову на покупку 200 драгунских и 40 подъемных лошадей.

Проблемы возникли также и с амуницией. Хорошо понимая, что на закупку положенного количества вещей для целого полка рассчитывать на ассигнование средств от казны вряд ли возможно, военное командование предпочло воспользоваться случаем, чтобы избавить цейхгаузы полевых полков, остававшихся в Западной Сибири, от запасов вещей с уже превышенным сроком службы. Так, в конце июня 1761 г. премьер-майор Троицкого полевого драгунского полка М. Нестеров рапортовал генералу Веймарну, что из полковых запасов отправил в Омскую крепость следующий набор: «Перевязей знаменных из пунцового сукна с золотым позументом, с крюками и бляхами медными позолоченными – 5 шт. (в пользовании с 1745 г., срок вышел в 1755 г.); труб медных ветхих – 2 шт. (с 1750 г., срок вышел в 1757 г.); чушек (кобур) пистолетных – 923 пары, портупей яловичных – 918 шт. (с 1754 г., срок вышел в 1760 г.)» [Там же. Л. 795–798]. Перевозка производилась на десяти телегах силами 20 подъемных лошадей в сопровождении пятерых извозчиков и пятерых драгун под командой капрала И. Потехина. Оплачивать же прогоны предписывалось Сибирской губернской канцелярии, «записав в росход с роспискою на щет учреждающихся ландмилицких полков» [10. Л. 820, 820 об.].

Со своей стороны, губернатор Соймонов еще в 1760 г. затребовал от ведомства генерал-фельдцейхмейстера П.И. Шувалова и Оружейной канцелярии Военной коллегии на четыре полка ландмилиции 3 696 драгунских ружей (фузей), 4 052 пар пистолетов, 4 230 шпаг. Для нужд же Якутского конного полка предполагалось использовать запасы вооружения, хранившиеся непосредственно в Тобольске, «отпустить на тысячной комплект ружья, пистолет и палашей ис починенных, которые к действителной службе годны» [12. Л. 194, 194 об.]. Однако в мае 1761 г. тамошний цейхвартер (начальник арсенала) Липовцов объявил, что выдает только 998 пар пистолетов, а годных для выдачи драгунских ружей у него в распоряжении вообще нет. Правда, к маю 1762 г. в тобольском арсенале еще оставалось 2 746 пар пистолетов на остальные четыре полка. Кроме того, 1 000 шпаг с кузнечным инструментом успели привезти из Москвы. Поэтому спустя год с лишним, уже в сентябре 1762 г., канцелярия напомнила Соймонову, что ждет от него оплаты за вы-

дачу этих 3 744 пар пистолетов и шпаг с инструментом в сумме 9 591 руб. 57 коп., требуя эти деньги «прислать или по способности чрез какое в Москве присудственное место перевесть во Оружейную канцелярию немедленно» [12. Л. 194 об.–195 об.]. Без этого она отказывалась передавать в распоряжение сибирского губернатора оставшееся количество ружей и шпаг. Однако, несмотря на распоряжение Соймонова о передаче нужных сумм Главному комиссариату за отправляемые на полки ландмилиции предметы вооружения, после его отъезда из Сибири весной 1763 г. эти выплаты так и не были осуществлены.

Еще одной проблемой стало обеспечение формируемого Якутского конного полка надлежащим обмундированием. В июле 1761 г. Соймонов представлял Сенату, что «хотя верхней и нижней мундир от тех полков, а несколко ис Тоболска из старых за сроками и отправлен, однако ж из оных по болшой части многим сроки уже вышли, протчим же вскоре пройдут, а на взятых в тот полк из иркуцких и енисейских казаков, также посацких и цеховых и нисколко оного не отпущено, следовательно, они остаютца ничем еще и не обмундированы» [13. Л. 51, 51 об.]. А уже в сентябре того же года выяснилось, что хотя назначенный к приему вещей капитан И. Матюнин прибыл в Тобольск, но выдать ему ту сумму, которая была необходима к уплате за них Главному комиссариату и составляла чуть более 25 тыс. руб., невозможно: «За недостатком ныне здесь как камисариатских, так и протчих зборов денежной казны отправить толикого числа денег не ис чего» [Там же. Л. 56, 56 об.]. Поэтому Соймонов просил дозволения капитану Матюнину отправиться в Москву для приема вещей без предварительной оплаты, а произвести ее позднее, если Сенат согласится с его предложением о том, чтобы отчеканить на Екатеринбургском денежном дворе медной монеты на 2 млн руб. и использовать часть этих денег на формирование полков ландмилиции. Однако, как выясняется из следующего рапорта губернатора, отправленного Сенату уже в мае 1762 г., данное предложение не встретило поддержки в высших инстанциях, так что капитан Матюнин пока не смог исполнить вверенного ему поручения [Там же. Л. 63, 63 об.].

Вопрос об источниках финансирования новых воинских частей вообще оставался «больным местом» для сибирских властей. Вышеупомянутое предложение о перечеканке медной монеты было выдвинуто сибирским губернатором еще в июне 1761 г. в связи с хронической нехваткой на удовлетворение нужд всех армейских полков за Уралом денег, получаемых от подушного сбора (поскольку значительная часть крестьян-плательщиков оказалась приписана к казенным Колывано-Воскресенским и частным заводам), а также из сборов Кяхтинской пограничной таможни (из-за того, что большую их долю приходилось тратить на развитие Нерчинских сереброплавильных заводов) [12. Л. 128]. Сложившаяся ситуация была результатом принятого в 1760 г. решения о финансировании формирования пяти полков ландмилиции «из сибирских неокладных доходов, а в случае оных недостатка заимообразно и из окладных, то есть подушных откупных и таможенных зборов» [12. Л. 140]. Однако когда губернатор Соймонов запросил иркутского вице-губернатора генерал-майора И. Вульфа об имеющихся в распоряжении последнего денежных суммах, остающихся из ежегодных доходов, то получил совершенно недвусмысленный ответ: «Сверх бываемых там доходов на жалованье состоящим в отдаленных местах командам и на отправлении правианта отсюда ежегодно посылается, а ныне и более посылать надлежит от 50 до 60 тысяч рублев, а в Кяхтинской таможне ныне… денежной суммы не находится, да и в казну годовую не дослано на сей год 50 214 руб. 97 коп.» [Там же. Л. 142]. При этом денег зачастую не хватало не только для материального обеспечения, но даже и для элементарной выдачи жалования тем людям, которые переводились в состав Якутского конного полка.

Отправленным из состава армейских полков четырем ротам выдачу жалования взяла на себя Сибирская губернская канцелярия. В июне 1761 г. тобольские чиновники извещали генерал-майора Веймарна, что для двух рот Луцкого и Олонецкого полков из тобольской рентереи к выплате за майскую треть отправлены 865 руб. 55 коп. серебром, доставить их в Омскую крепость должен был вахмистр Шестаков, получив подорожную на две ямские и уездные подводы до Камышевской слободы Ишимского дистрикта, а оттуда до Омска на казачьих лошадях с оплатой за прогоны [11. Л. 246]. Другие две роты (из Сибирского и Новоучрежденного полков) должны были получить жалование за майскую треть по прибытии в Томск, причем по армейским окладам: «По требователным от тех рот за руками обер афицеров ведомостям отпустить Томской воеводской канцелярии из налично имеющихся в той канцелярии зборов, какие бы ни были» [Там же. Л. 246 об.]. В случае, если наличных денег в Томске окажется недостаточно, возмещать недостачу предписывалось уже воеводской канцелярии в Красноярске – следующем пункте на пути следования этих рот в Иркутск.

Однако в случае с офицерами дело обстояло не так просто. Пункт о выдаче жалования всем офицерам, направляемым в Сибирь в состав будущих полков ландмилиции, не по гарнизонным, а по армейским окладам, смутил чиновников губернской канцелярии. Пока губернатор Соймонов сохранял свою должность, эти выплаты осуществлялись бесперебойно. По свидетельству премьер-майора К. Пекурина, возглавлявшего партию офицеров, прибывших в Тобольск для определения на службу в полки ландмилиции к декабрю 1761 г. [12. Л. 51–52], им выдавали деньги, «чтоб в пути не иметь нужды, на щет предидущей службы из Штатс канторы и из других мест по окладом за треть года… а по прибытии своем являлись с пашпортами у вашего высокопревосходителства, и всегда того ж

оклада неотъемлемо свое денежное жалованье по заслужении, как штап и обер, так и произведенныя вашим высокопревосходителством ундер афицеры и капралы получали» [14. Л. 593 об.]. Но после получения отставки и отъезда Соймонова из Тобольска весной 1763 г. ситуация изменилась к худшему. Сибирская губернская канцелярия «излишним расходом предпочла» выдавать офицерам жалование по армейским окладам, заменив его гарнизонными.

В своем прошении Сенату от 27 октября 1763 г. майор Пекурин нарисовал прямо-таки душераздирающую картину. Многие из этих офицеров были определены к отправлению в состав формирующихся в Сибири полков ландмилиции после завершения Семилетней войны из-за невозможности по состоянию здоровья продолжать полевую службу: «Мы по притчине нашего от бывших пруских сраженей раззорения, потому что неоднократно лишались своих экипажев, а потом за тяшкими ранами, следуючи чюжим государством, и по дороговизны всего, а паче по притчине еще не затворенных от прострелов ран и за лежащими в костях пулями, кои и доныне у некоторых из нас имеются, от случившихся жестоких припадков, ползуяся в тамошних местах волными их лекарями, и покупая из аптек, кои у них во всех местах волные имеются, немалою ценою медикаменты, и из своего жалованья тратясь, едва в Россию до Санкт Питербурга добрели. А потом и от государственной Военной коллегии по тогдашней нашей к службе невозможности по выключке ис прежних полков отосланы были в Правительствующий Сенат на расмотрение, при котором, будучи немалое ж время в Санкт Питербурге, а затем и в Москве, от найма квартир, от переездов, тож и от излечения предписанных наших болезней ,немало тратясь же, и не толко последнее имущество, что ни было, распродавая все за бесценок, с понесением и голода, много одолжали» [Там же. Л. 594 об., 595].

Когда же они, определившись в полки ландмилиции, выехали к новому месту службы, получив жалование за треть года вперед, «расплатя несколко долги и себя в одеже мало поправя, с великим же недостатком в Тоболск отбыли, а по приезде своем… от неимущества своего ничем не исправясь, ласкали себя надеждою на положенное нам жалованье, и прилагая все возможные способы во исправление себя порадными вещми, также присовокупляя долгу, старались». Теперь же губернская канцелярия их «к вящему неимуществу довела, так что не толко себя поправлять или означенныя долги уплатить чем не осталось, а к выезду ис Таболска в те еще далнейшия места, где означенным полкам быть определено, лошадей и повоски исправлять не на что, по неимению ж собственных людей наемных содержать невозможно, а принуждено самим, и оставя пожалованныя за беспорочныя наши и усердныя к отечеству службы, во всякую работу входить самим» [Там же. Л. 595, 595 об.]. В связи с этим, поскольку уже последовала резолюция о том, чтобы отложить дальнейшее формирование четырех полков, Пекурин и его товарищи просили определить их либо в Якутский конный полк на имеющиеся вакансии, либо причислить в другие армейские полки, с выдачей удержанного у них жалования по полевым окладам. После рассмотрения этой жалобы в пятом департаменте Сената 22 марта 1764 г. было вынесено положительное решение – находившимся в Тобольске офицерам выплатили недостающие суммы, а кроме того, наказали местных чиновников: «...за вышеписанное неоснователное Сибирской губернской канцелярии… определение вычесть у присудствующих, кои объявленное определение крепили, из заслуженого ими по прежде положенным окладам жалованья в штраф по силе Генералного регламента 50 главы с каждого за месец и отослать в Канцелярию конфискации, дабы они впредь в делах осмотрителнее поступали» [14. Л. 606 об.].

В донесении Сенату от 1 июня 1762 г. губернатор Соймонов подвел промежуточные итоги своей деятельности за прошедшие два года. В частности, он сообщал, что Якутский конный полк уже сформирован и отправлен в Забайкалье, «на селенгинскую границу», а обмундирование для него заказано в Главном комиссариате (об этом см. выше), за исключением шляп, которые вызвался поставить тобольский фабрикант Бетюков. Как указано в работе А.П. Васильева, «из Красноярска и Енисейска команды, сведенные в роты, прибыли в Иркутск, где Якутского полка секунд-майор Линеман сводил прибывающие роты в полк… Из Иркутска конный ландмилиционный полк перевели в Селенгинск по льду Байкала зимой 1761–1762 года» [4. С. 156]. Драгунские ружья полк получил из тех запасов, которые предназначались для выписных казаков и хранились в Енисейске и Красноярске. Из этих запасов были отобраны и отправлены в Иркутск 418 шт., хотя, как специально отмечалось, «из них некоторые требуют починок, а и протчия имеютца ис починочного старого» [13. Л. 105 об., 106]. Недостачу предполагалось восполнить за счет поставок из Оружейной канцелярии (см. выше). Всего же, как этому полку, так и предполагаемым еще четырем, как подсчитал губернатор, на полное снабжение всем необходимым требовалось почти 120 тыс. руб., которые Соймонов, по существу, предлагал взять в долг: «Повелено б было заплатить из суммы камисариацких зборов, поставя оныя на щет состоящей на Главном камисариате здешней губернии долговой суммы, издержанной здесь на щет оного Главного камисариата, от Сибирской губернской канцелярии ис таможенных, кабацких, канцелярских и протчих зборов» [13. Л. 108]. Он также предлагал, в случае необходимости, воспользоваться теми денежными суммами, которыми располагал Сибирский приказ.

Однако в то же самое время стало очевидным, что реализовать проект о формировании пяти полков ландмилиции в Забайкалье не представляется возможным. А.П. Васильев указывал, что уже 22 августа того же 1762 г. Соймонов отправил донесение Сенату, в кото-

ром прямо констатировал, что на еще четыре полка «денег в Сибирской губернии (т.е. на Нерчинских заводах) не было» [4. С. 166]. На это утверждение ссылается и Г.Ф. Быконя [5. С. 181, 182; 6. С. 161, 162]. Изученные нами документы позволяют дополнить это утверждение: мы видим, что вполне определенную роль в таком исходе сыграла также позиция ведомств, отвечавших за снабжение войск – Главного комиссариата и Оружейной канцелярии, не пожелавших принимать во внимание стратегические соображения государственной обороны и требовавших от сибирского губернатора и его подчиненных оплаты в полном объеме из дозволенных законом источников всей той продукции, которая предназначалась для забайкальских полков. Отставка Соймонова и его отъезд из Сибири весной 1763 г. фактически привели к тому, что этот вопрос остался в «подвешенном» состоянии. Новые подвижки наметились лишь к концу 1763 г.

Как раз в 1763 г. созданная при Екатерине II очередная Воинская комиссия выступила с проектом формирования в Сибири семи регулярных армейских полков, предполагая зачислять в них выводимых с территории Речи Посполитой беглых старообрядцев – бывших российских подданных. В частности, составленным на основе предложений комиссии докладом Сената, «конфирмованным» (утвержденным) императрицей 26 ноября 1763 г., предлагалось «полков сочинить: пехотных пять, конных два; из которых уже один и есть, и называется Якутской Ландмилицкой конной полк… и быть конным противу Карабинерных полков» [15. С. 37]. Данному сюжету посвящена одна из наших предыдущих публикаций [16]. А.П. Васильев ошибочно именует эти семь полков также «ландмилиционными» [4. С. 166, 174]. Заметим, что в этой связи необходимо уточнить утверждение, содержащееся в классической работе Л.Г. Бескровного, что только «за счет драгунских полков были образованы тяжелые карабинерные полки», а «об имеющихся 14 конных ландмилицких полках… комиссия, очевидно, забыла, и они не брались в расчет» [17. С. 317]. Именно недавно сформированный Якутский конный полк ландмилиции и должен был быть переформирован в карабинерный.

Правда, относительно необходимых для такого переформирования материальных ресурсов решения принимались с заметным запозданием. Например, в июне 1764 г. находившийся в Москве для приема вещей от Главного комиссариата еще на полки ландмилиции (по предыдущему проекту) премьер-майор В. Зубрицкий запрашивал Сенат, как понимать поступивший к чиновникам Комиссариата указ Военной коллегии, основанный на высочайшей «конфирмации» полгода назад: «Того не упомянуто, вместо ль тех… ландмилицких пяти конных полков, или сверх помянутых ландмилицких полков оные полки учредить велено?» [18. Л. 18 об.]. Спустя еще месяц с небольшим Военная коллегия представила Сенату соответствующее разъяснение, что «в Сибири карабинерных два и пехотных пять полков повелено учредить вместо прежде назначенных тамо четырех ландмилицких полков, ис которых бывшей до сего Якуцкой ландмилицкой полк по нынешнему положению и в карабинерной переформировать велено, и что на те полки мундирных и аммуничных вещей, а особливо ныне на первой случай на карабинерной один и пехотныя два полка потребно, велено ж отпустить» [18. Л. 23, 23 об.]. И только в начале осени в Главном комиссариате было получено данное разъяснение вместе с соответствующим сенатским указом. Как видим, только для того, чтобы решить проблему выдачи вещевого довольствия будущему Якутскому карабинерному полку, у центральной власти ушло более девяти месяцев.

Одновременно с этим в течение 1764 г. генерал-майор и селенгинский комендант В.В. Якоби развернул целую программу действий, направленных на переформирование Якутского полка ландмилиции в карабинерный. Уже весной он потребовал срочно заготовить необходимый объем провианта, рапортуя Военной коллегии, что «для воинских служителей не толко запасного, но и на нынешней год в селенгинских магазинах, за выключкою имеющагося в Удинске ко отправлению в Нерчинск, правианта недостаточно, и кроме поставки из Иркуцка, удоволствоватца вскоре неоткуда» [19. Л. 2 об.]. Новому сибирскому губернатору Д.И. Чичерину в связи с этим предписывалось «ныне в селенгинския могазеины правианта не токмо на нынешней, но и з достатком и на будущей год приготовить немедленно, и в том приготовлении и доставлении в Селенгинск Иркуцкую правинциалную канцелярию наикрепчайше понудить, дабы воинския служители ни в чем никакого недостатку и неудоволствия иметь не могли» [Там же. Л. 2 об., 3]. Однако принятые решения далеко не всегда исполнялись. Скажем, у А.П. Васильева упомянуто о том, что на содержание Якутского карабинерного полка «приказано было ассигновать с Колывано-Воскресенских заводов 20 тысяч рублей» [4. С. 181], но нет сведений о том, что уже в июле 1764 г. Военная коллегия получила из 1-го департамента Сената указ «о неимении надежды в отпуск с Колывано Воскресенских заводов на учреждаемые в Сибире полки определенной денежной суммы до времяни, и о ненасылании в канцелярию Колывано Воскресенского горного началства о том осигнацей» [19. Л. 8]. Только к концу того же года по предложению генерал-квартирмейстера кн. А.А. Вяземского Сенат решил взамен этих денег отпустить соответствующие суммы из Москвы и Екатеринбурга [20. Л. 6, 6 об.].

Снабжение Якутского карабинерного полка вооружением, порохом и артиллерией должно было происходить по линии ведомства генерал-фельдцейхмейстера А.Н. Вильбоа. Однако быстро выяснилось, что последний счел за благо переложить эти заботы на плечи губернатора Чичерина, ограничившись отправкой из Москвы в Забайкалье двух 8-фунтовых «единорогов», а остальные предписав «ис Таболска или ис

тамошних ближайших и способных к Селенгинску мест… доставить доволное число» [19. Л. 3 об., 4, 5]. Генерал-майор Якоби в мае 1764 г. просил Чичерина прислать взамен пришедших в негодность 19 3-фунтовых пушек с комплектами пороха и снарядов, а также по несколько 6-фунтовых и тяжелых 24-фунтовых орудий и гаубиц. Через месяц губернатор, исходя из того, что «по невозможности ныне артилерии ис Таболска по великой отдаленности вскоре доставить, определил оной по близости и способности отправить из Иркуцка, где еще не такая, как в Селенгинску, опасность», всего 29 орудий: 10 из 14 6-фунтовых, 19 из 21 3-фунтовых [4. С. 178; 21. Л. 109 об., 110].

Наконец, даже к 1764 г. Якутский конный полк ландмилиции все еще не был укомплектован до полного штата офицерами, рядовыми и лошадьми. По данным генерал-майора Якоби, вместо 1 164 чел. штатного состава летом 1764 г. налицо были лишь 591 чел., из числа которых еще 33 чел. находились вне расположения полка в разных «командированиях» [4. С. 175, 176, 179]. В связи с такой нехваткой личного состава Якоби в сентябре того же года получил от Военной коллегии предписание – включить в состав формируемого карабинерного полка конную гренадерскую роту, ранее предназначавшуюся для распределения по драгунским полкам, а также своей властью производить в обер-офицерские чины из унтер-офицеров и вахмистров «людей состояния добраго и знающих службу и воинской порядок» [4. С. 179; 22. Л. 365, 365 об.]. Эта последняя мера была обусловлена наличием почти полутора десятков офицерских вакансий – в полку недоставало по одному ротмистру и полковому квартирмейстеру, девятерых поручиков и троих корнетов; соответствующие должности временно исполняли определенные из других полков двое адъютантов, аудитор, двое подпоручиков и представлявшие Инженерный корпус поручик и двое прапорщиков [22. Л. 368, 368 об.]. На штаб-офицерские должности предназначались двое премьер-майоров, В. Волков и Н. Тютчев, однако до их прибытия Якоби мог временно произвести в майоры кого-либо из старших ротмистров. Полковым командиром назначался подполковник И.А. фон Линеман (5 августа он был повышен в чине до полковника) [Там же. Л. 366]. Наконец, предстояло решать проблему нехватки конского состава, ибо в полку недоставало 244 лошади.

В сентябре Якоби доносил Военной коллегии о предпринятых им мерах. Прежде всего, он успел перевести из гренадерской роты в ряды карабинерного полка 50 чел. рядовых, восьмерых унтер-офицеров и капралов и еще одного поручика, плюс 119 лошадей: «При людях же отчислены карабины одне, а протчия вещи все с тех отчисленных по состоянию в том полку таковых же отобраны и велено хранить в полковом цейхоузе» [22. Л. 369, 369 об.]. Кроме того, он своей властью произвел в обер-офицеры на имевшиеся вакансии 18 чел. и просил выписать этим людям патенты на соответствующие чины и отправить к нему в Селенгинск для выдачи. Этих людей он предписал полковому командиру привести к присяге и начать выплачивать им жалование по соответствующим окладам уже с нынешнего месяца, а также обращал внимание фон Линемана на то, «чтоб тот полк в самоскорейшем времени не толко в доброе состояние знание воинскаго распорядка приведен был, но в случае, чего Боже сохрани, неприятелского нападения против онаго в поле всегда с храбростию действовать мог» [22. Л. 369 об.–370 об.]. Из лиц дворянского происхождения, к лету 1764 г. продолжавших службу в рядах Якутского конного полка ландмилиции, воспользовались манифестом 1762 г. и пожелали выйти «в отставку на свое пропитание» только двое: вахмистр Вралов и капрал Тезев: «С данными о свободном в пути их пропуске пашпортами на прежния их жилища, Вралов в Новогородскую, а Тезев в Белогородскую губернии при сообщениях отпущены быть имеют» [Там же. Л. 371]. Еще двое офицеров – поручик Воинов и аудитор Литаврин, находились на тот момент при губернаторе Чичерине в Тобольске, их Якоби просил отпустить в расположение полка для прохождения службы.

Уже в 1765 г. Якутский карабинерный полк оказался полностью укомплектован и расквартирован в Селенгинске и его окрестностях для охраны границы с цинским Китаем. Одновременно с этим командующему Сибирским корпусом генерал-поручику И. Шпрингеру предписывалось вновь зачислить генерал-майора Якоби в штат армейского генералитета, назначить вместо него в Селенгинск и еще в некоторые пограничные пункты комендантов из числа армейских офицеров, а также «Селенгинск обнести земляным рвом, и где полевая артиллерия постановлена будет зделать, неболшее особливое земляное укрепление» [20. Л. 3 об., 4]. Выполняя данное предписание, Шпрингер выбрал двоих армейских капитанов, И. Апелгрина и С. Силкина, «не смотря на старшинство, по спискам следующее, но полагаясь на совершенное их к тому достоинство и способность», и определил первого комендантом Селенгинска, второго – Акшинской крепости. Свой выбор он обосновал тем, что «тут, яко в новых местах, немалого поправления, учреждения и проворности требуетца, а на сих, кажетца, положитца безсумненно» [Там же. Л. 55]. Таким образом, окончательно сложилась та структура управления воинскими частями, дислоцированными в Забайкалье, которая станет действовать на протяжении всей второй половины 1760-х гг.

Данный материал позволяет существенно скорректировать наши представления о тех факторах, которые оказывали непосредственное влияние на ход и результаты выполнения ряда мер государственной политики в сфере обороноспособности и военного строительства применительно к территории Забайкалья в первой половине 1760-х гг. Военная угроза со стороны цинского Китая диктовала центральной власти настоятельную необходимость реорганизации и увеличения здесь армейского контингента, однако согласованность дей-

ствий столичных инстанций и местной администрации, как мы убедились, оставляла желать много лучшего. Недостаточная эффективность механизмов материального снабжения воинских частей и отсутствие постоянных источников для их финансирования приводили к длительным задержкам, а то и срывам поставок вооружения и обмундирования в полки. Предпочитая перекладывать значительную часть забот по комплектованию и содержанию войск на плечи сибирского губернатора, Сенат тем самым ставил под удар и Военную коллегию, чьи ведомства – Главный комиссариат и Оружейная канцелярия – оказывались лишены возможности исполнять поступающие к ним запросы из-за отсутствия оплаты сибирских заказов. Финансовое же состояние казны Сибирской губернии не позволяло рассчитывать на изыскание там необходимых средств, даже несмотря на работу Колывано-Воскресенских и Нерчинских заводов, где велась чеканка монеты.

Выше уже было показано, каким образом позиция, занятая именно Комиссариатом и Оружейной канцелярией, привела, по существу, к отказу от проекта формирования пяти полков ландмилиции для обороны Забайкалья. А при переформировании Якутского конного полка в карабинерный опять-таки большая часть необходимых мер была проведена в жизнь генерал-майором В.В. Якоби и губернатором Д.И. Чичериным, поскольку центральные ведомства не проявили особой заинтересованности в оказании материальной поддержки этому процессу. Изученный нами сюжет лишний раз демонстрирует, что при оценке степени эффективности и адекватности имперской политики в сфере военного строительства на протяжении XVIII в. следует исходить не из содержания принимаемых верховной властью решений, но, прежде всего, из тех конкретных обстоятельств, которыми сопровождалось их исполнение, зачастую принимавшее формы, весьма далекие от первоначального замысла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрейчук С.В. Сибирский корпус в системе военной безопасности на юге Западной Сибири (1745–1808 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2010. 24 с.
2. Андрейчук С.В. Становление Сибирского корпуса : структура, численный состав и принципы дислокации (1745–1771 гг.) // Военно-исторический журнал. 2011. № 3. С. 38–42.
3. Дмитриев А.В. К вопросу о передислокации армейских регулярных частей в Забайкалье во второй половине 1750-х гг. // Исторический ежегодник. 2012 : сб. науч. тр. Новосибирск, 2012. С. 243–254.
4. Васильев А.П. Забайкальские казаки. Исторический очерк. Чита : Тип. Войскового хозяйств. правл. Забайкал. казачьего войска, 1916. Т. 2. 368 с.
5. Быконя Г.Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX вв. Формирование военно-бюрократического дворянства. Красноярск : Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1985. 299 с.
6. Быконя Г.Ф. Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX века (демографо-сословный аспект). Красноярск : Изд-во Краснояр. гос. пед. ун-та, 2007. 414 с.
7. Зуев А.С. Русское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII – первой половине XIX вв. Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1994. 191 с.
8. Демин Э.В. Полки селенгинские (Якутский гарнизонный, Селенгинский драгунский гарнизонный, Селенгинский мушкетерский, Селенгинский пехотный) // «Золотая россыпь» Селенгинска : Ист.-краевед. очерки. Улан-Удэ, 2010. Кн. 2. С. 99–119.
9. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1092. Оп. 1. Д. 31.
10. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 95.
11. ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 96.
12. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2722.
13. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 23. Оп. 1. Д. 583.
14. РГАДА. Ф. 263. Оп. 1. Кн. 9.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб. : Тип. II Отд. собств. е. и. в. канцелярии, 1830. Т. 43, Отд. 1-е : Книга штатов. 864 с.
16. Дмитриев А.В., Зуев А.С. Формирование подразделений регулярной армии в Сибири середины 1760-х гг. : планы и достигнутые результаты // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 1 : История. С. 31–38.
17. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке (Очерки). М. : Воениздат, 1958. 645 с.
18. РГАДА. Ф. 263. Оп. 1. Кн. 15.
19. РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 486.
20. РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 742.
21. РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 722.
22. ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 124.

Dmitriev Andrey V. Novosibirsk National Research State University (Novosibirsk, Russia). E-mail: khaldeus@academ.org

THE RESTRUCTURING OF RUSSIAN REGULAR ARMY TROOPS IN TRANSBAIKALIA IN THE 1ST HALF OF 1760S.

Keywords: Russian army; Siberia; Transbaikalia; material supply; officer corps.

The article is devoted to studying the formation of one military unit of Russian regular army in Transbaikalia – Yakutsk cavalry land-militia regiment, further rearranged into Yakutsk field carabineer regiment. The purpose of submitted paper is to find out the principles of competencies' distinction between the central state institutions, local Siberian administration and military command. This example shows the distinction, mentioned above, in solving some questions, concerning material supply and recruitment for army units. Sources, that we used, mainly come from the funds of Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA), Russian State Military History Archive (RGVIA) and State Historical Archive of Omsk Region (GIAOO). Both federal archives contain documents of the Senate, the Military collegium and their subordinate offices. Files, including correspondence of the Siberian corps commander's office, which was stationed in Omsk, are deposited in the mentioned regional archive. In the study it's been established, that Siberian governor F. I. Soymonov's project of forming five land-militia regiments in order to strengthen the defense of Transbaikalia could not have been realized due to lack of manpower and material resources. Even the formation of the only Yakutsk cavalry regiment took almost two years and met serious difficulties in obtaining armament and uniform for its personnel. The necessity of payments from the Siberian province's budget to

the Main Commissariat and the Armory Chancellory, without any help from Russian empire's superior financial institutions, led to delays or even failure of weapon and clothing delivery. Even the salary payments for the army officers, appointed to this regiment, haven't been always made in proper amounts. Artillery and provision delivery for restructuring land-militia regiment into the field carabineer regiment have been also entrusted to Soymonov's successor, Siberian governor D. I. Chicherin and Transbaikalia army units' commander Mayor-General V. V. Yakobie. The author comes to a conclusion that mechanisms of material supply for military units of Russian regular army in Siberia in the reviewed period were not sufficiently effective, as the sources studied have proved. Both the inability to provide funding for army units beyond Ural from the Siberian province's budget, and the reluctance of central state institutions to raise other funds to payments for weapon and clothing delivery to army regiments have had clear effect. This effect led to significant cuts and only partial realization of the supreme power's plans of increasing military contingents for protecting Russian empire's borders in Transbaikalia.

REFERENCES

1. Andreychuk, S.V. (2010) *Sibirskiy korpus v sisteme voennoy bezopasnosti na yuge Zapadnoy Sibiri (1745–1808 gg.)* [Siberian Corps in the system of military security in the south of Western Siberia (1745–1808)]. Abstract of History Cand. Diss. Barnaul.
2. Andreychuk, S.V. (2011) Stanovlenie Sibirskogo korpusa : struktura, chislennyy sostav i printsipy dislokatsii (1745–1771 gg.) [The formation of the Siberian Corps: structure, numerical composition and principles of dislocation (1745–1771)]. *Voenno-istoricheskiy zhurnal – Military Historical Journal*. 3. pp. 38–42.
3. Dmitriev, A.V. (2012) K voprosu o peredislokatsii armeyskikh regulyarnykh chastey v Zabaykal'e vo vtoroy polovine 1750-kh gg. [On the redeployment of army regular units in Transbaikalia in the second half of the 1750s.]. In: Elert, A.Kh. (ed.) *Istoricheskiy ezhegodnik* [Historical Yearbook]. Novosibirsk: Institute of History, SB RAS. pp. 243–254.
4. Vasiliev, A.P. (1916) *Zabaykal'skie kazaki. Istoricheskiy ocherk* [Transbaikalian Cossacks. A historical essay]. Vol. 2. Chita: Tip. Voyskovogo khozyaystv. pravl. Zabaykal. kazach'ego voyska.
5. Bykonya, G.F. (1985) *Russkoe nepodatnoe naselenie Vostochnoy Sibiri v XVIII – nachale XIX vv. Formirovanie voenno-byurokraticheskogo dvoryanstva* [Russian tax-exempt population of Eastern Siberia in the 18th – early 19th centuries. Formation of the military-bureaucratic nobility]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
6. Bykonya, G.F. (2007) *Kazachestvo i drugoe sluzhebnoe naselenie Vostochnoy Sibiri v XVIII – nachale XIX veka (demografo-soslovnyy aspekt)* [Cossacks and other service population of Eastern Siberia in the 18th – early 19th centuries (demographic and social aspect)]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University.
7. Zuev, A.S. (1994) *Russkoe kazachestvo Zabaykal'ya vo vtoroy chetverti XVIII – pervoy polovine XIX vv.* [Russian Cossacks of Transbaikalia in the second quarter of the 18th – first half of the 19th centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State Univeristy.
8. Demin, E.V. (2010) *"Zolotaya rossyp'" Selenginska: Istoriko-kraevedcheskiye ocherki* [Selenginsk "gold placer": History and local lore essays]. Vol. 2. Ulan-Ude: NovaPrint. pp. 99–119.
9. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 1092. List 1. File 31.
10. The State Historical Archive of Omsk Region (GIAO). Fund 1. List 1. File 95.
11. The State Historical Archive of Omsk Region (GIAO). Fund 1. List 1. File 96.
12. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214. List 5. File 2722.
13. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 23. List 1. File 583.
14. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 263. List 1. Kn. 9.
15. Russia. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 43. St. Petersburg: Tip. II Otd. sobstv. e. i. v. kantselyarii.
16. Dmitriev, A.V. & Zuev, A.S. (2013) Formirovanie podrazdeleniy regulyarnoy armii v Sibiri serediny 1760-kh gg. : plany i dostignutye rezul'taty [The formation of regular army units in Siberia in the mid-1760s: plans and results]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya – Vestnik of Novosibirsk State University. History. Philology*. 12(1). pp. 31–38.
17. Beskrovnyy, L.G. (1958) *Russkaya armiya i flot v XVIII veke (Ocherki)* [Russian army and navy in the 18th century (essays)]. Moscow: Voenizdat.
18. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 263. List 1. Book 15.
19. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 248. List 113. File 486.
20. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 20. List 1. File 742.
21. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 20. List 1. File 722.
22. The State Historical Archive of Omsk Region (GIAO). Fund 1. List 1. File 124.

УДК 93/94
DOI: 10.17223/19988613/51/6

А.С. Иванов

ИЕРАРХИЯ СПЕЦПОСЕЛЕНИЯ (1940–1950-е гг.)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (грант № 16-11-86009 а(р)).

Исследуются вопросы соотношения статусов отдельных контингентов депортированных и «внутриконтингентных» групп в их среде. В результате автор приходит к выводу о том, что спецпоселенческий социум был разделен на «социально близких» власти, основную массу спецпереселенцев («социально не опасных») и группы «социально опасных» элементов. Практика трудоустройства спецпереселенцев-педагогов позволяет утверждать, что на поселении сложилась иерархия «более лояльных» и «менее лояльных» контингентов спецпереселенцев, в которой к «более лояльным» относились калмыки и немцы, а к «менее лояльным» – «прибалтийские контингенты», выселенцы с Северного Кавказа, крымские татары, бандеровцы и истинно православные христиане.

Ключевые слова: депортация; спецпереселенцы; спецпоселение; репрессии; среда обитания.

Исследователи национальной политики советского государства говорят о существовании иерархии народов СССР. С точки зрения советского национально-государственного строительства депортация народа на спецпоселение бросала его на самое дно, к основанию пирамиды национально-территориальных образований Советского Союза. Депортированные представители «наказанных народов» (немцы, калмыки, чеченцы, ингуши и др.) превратились из титульной нации автономной республики, занимавшей второе место в иерархии национальностей СССР, в этнодисперсное «нацменьшинство» – некоренное население краев и областей вселения, не имевшее собственной территории [1. С. 53–55].

В рамках известной дискуссии на страницах журнала «Russian Review» Э. Вайц говорил о существовании в СССР иерархий различия, систем доминирования и подчинения, которые могут иметь своим результатом весь спектр действий: от неформальной дискриминации до геноцида [2. P. 65]. Американский исследователь Д. Хили отмечает, что в основе внутренней колонизации, осуществляемой силами «большого» ГУЛАГа (включающего систему спецпоселений), находились «иерархии принуждения», которыми «создавалась гамма тонких различий, существовавших между работниками…» [3. С. 692].

Современные российские исследователи обращают внимание на трансформацию статуса спец(труд)поселенцев. Известный специалист по истории спецпоселения В.Н. Земсков отмечал, что «открытым остается вопрос», кем являются спецпоселенцы – наиболее дискриминируемой частью обычного гражданского населения либо наиболее льготной частью гулаговского социума, либо одновременно, «и то и другое» [4. С. 34]. Не противоречат в этой части позиции В.Н. Земскова, результаты исследований С.А. Красильникова и его учеников. Изучение сибирского опыта ссыльных крестьян позволило новосибирским авторам увидеть в спецпереселенцах маргиналов [5. С. 18, 360]. Признавая высокую значимость проведенных исследований, отметим, что фиксация «промежуточности» положения ссыльных, основанная на выявлении дискриминационных практик, отнюдь не снимает вопросов соотношения статусов отдельных контингентов депортированных и внутриконтингентных групп в их среде.

Основная исследовательская проблема заключается в выявлении «тонкой гаммы» различий, превращающей спецпоселение из сообщества людей, объединенных режимным статусом, в структуру, обладающую существенными внутри- и межконтингентными различиями на основе режимного статуса, налагавшего на спецпоселенцев ряд ограничений, отделявших каждую конкретную группу спецпоселенцев от «правового» советского социума. В рамках данной статьи мы предлагаем свое видение указанной проблемы, раскрыв ее на примере положения спецконтингента «калмыки», т.е. проведя компаративный анализ статусных характеристик депортированного на сибирское спецпоселение в конце 1943 – начале 1944 г. калмыцкого населения с представителями других групп спецпереселенцев.

В период тотальных депортаций народов времен Великой Отечественной войны вышли ключевые документы, конституировавшие иерархию различий на внутриконтингентном и межконтингентном уровнях.

Спецкоменданты в своей деятельности опирались на вышедшие 8 марта 1944 г. «Правила хозяйственного и трудового устройства спецпереселенцев». В этом документе спецпереселенцы были формально разделены на «социально опасных» и «социально не опасных». Спецпоселенческий социум только внешне представлял собой единое целое, внутри он был разделен комплексом формальных и неформальных различий.

К категории «опасных» были причислены те из спецпереселенцев, «которые в период временной оккупации немецко-фашистскими войсками районов их прежнего местожительства служили полицейскими, старостами, комендантами или по собственной инициативе выполняли другие обязанности, способствовав-

шие немцам в проведении карательных и репрессивных мер по отношению к советским гражданам» [6. С. 146–147]. Обустройство на поселении первой группы производилось в условиях, обеспечивающих постоянный и усиленный надзор за ними со стороны органов НКВД [Там же. С. 147].

Список лиц, относящихся к «враждебным элементам», по этому положению ограничивался только фактическими немецкими пособниками, однако, как показала практика постановки спецпереселенцев-калмыков на оперативный учет, круг «опасных» лиц был значительно шире (табл. 1).

Таблица 1

Спецпереселенцы-калмыки, находившиеся на оперативном учете (начало декабря 1944 г.)

Окраска:	Омская	Тюменская	Всего по СССР
Изменники Родины	–	158	619
Члены семей изменников Родины	126	–	297
Бывшие бандиты	22	19	77
Дезертиры РККА	4	–	35
Контрреволюционная работа	–	–	6
Пособники фашистских властей	45	13	80
Полицейские	35	–	41
Старосты	8	–	20
Гелюнги	10	–	41
Белогвардейцы	1	–	1
Асоциальный элемент	53	10	202
Уголовные преступления	–	–	50
Подозреваемые в шпионаже	–	3	19
Прочие преступления	–	49	144
Подготовка к побегу	–	–	21
Контрреволюционные буржуазные националисты	–	–	15
Итого:	304	252	1 661

Примечание. Гелюнги – буддистские священнослужители, преследовались как представители «контрреволюционного» духовенства. Составлено и подсчитано по: [10. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 176. Л. 137].

Калмыки, состоявшие на оперативном учете в целом по стране, были разделены по 16 «окраскам». К началу декабря 1944 г. на изучаемой территории находились депортированные, принадлежавшие к 12 учетным графам. Им действительно было уделено особое внимание. Так, спецпереселенцы, проходившие по графе учета «изменники Родины», были сконцентрированы в Тюменской области, в то время как в Омской области на поселении находились «члены семей изменников Родины». Выявление лиц, изменивших Родине, продолжалось и на поселении [7. С. 106]. Уголовников среди находившихся на учете по областям не было.

Важно отметить, что выявление «бандитских элементов» продолжалось. В 1944–1945 гг. органами НКВД Урало-Сибирского региона по подозрению в измене Родине, предательстве и пособничестве немцам было арестовано 198 калмыков [8. С. 204]. За первое полугодие 1947 г. в Тюменской области были возбуждены «политические» дела против 47 немцев и калмыков, большинство калмыков обвинялось по статье 58 – пункты 1 («измена Родине в период войны») и 10 («антисоветская агитация и пропаганда») [9. Ф. 1103. Оп. 5. Д. 3. Л. 30, 72 об.]. Список «социально опасных» граждан также постоянно расширялся. Если к 14 августа 1944 г. на оперативном учете в УНКВД Омской области состояли 358 калмыков [10. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 160. Л. 63 об.], то в декабре 1944 г. количество таких лиц на исследуемой территории увеличилось до 556 (1 661 – по СССР). К началу 1948 г. на оперативном учете по СССР состояли 2 559 человек. Это означало, что почти за четыре года на спецпоселении количество калмыков, подозреваемых в преступной деятельности, возросло на 54% [Там же. Д. 366. Л. 309]. В отсутствии контроля за деятельностью комендатур режим продолжал искать и репрессировать «враждебные элементы», произвольно корректируя состав населения.

Для второй группы спецпереселенцев – «социально неопасных» – предлагалось создавать «благоприятные условия» для трудоустройства [6. С. 147]. Все спецпереселенцы, не относящиеся к категории «опасных», попадали во вторую группу. В особом положении находились коммунисты и комсомольцы, не утратившие общественного статуса, который они имели до депортации, хотя они выселялись на общих основаниях, даже если имели заслуги перед государством [Там же. С. 25]. По прибытии на поселение их статус определен не был, в связи с чем возникла проблема с постановкой на учет калмыков, прибывших из других парторганизаций.

В конце января 1944 г. Омский обком ВКП(б) в ответ на запросы из районов разослал информацию, в которой говорилось, что калмыки-коммунисты должны браться на временный учет и только после получения «особого указания» могут быть поставлены на постоянный партийный учет [11. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3944. Л. 1]. К концу марта 1944 г. на территорию Омской области прибыли 226 коммунистов-калмыков [Там же. Л. 36]. «Особое указание» было получено в конце 1944 г., поскольку с 1 января 1945 г. калмыки уже находились в составе Омской областной парторганизации [Там же. Д. 3989. Л. 8]. Процесс постановки на учет был достаточно растянут во времени, поскольку у многих коммунистов отсутствовали учетные карточки, которые необходимо было запрашивать в местах выселения [Там же. Л. 49, 58].

Ситуация в комсомольских организациях, видимо, развивалась по сходному сценарию. Ф. Надь вспоминал, что сразу по прибытии на поселение несколько калмыков пришли в Исилькульский райком комсомола, чтобы стать на учет, однако вместо этого у них комсомольские билеты были изъяты [12]. Первые сводные данные по областям относятся к 1 декабря 1944 г., когда на учете в комсомольских организациях Омской и Тюменской областей состояли 177 комсомольцев (21 – в Омской, 156 – в Тюменской). Всего к этому времени в СССР на спецпоселении насчитывалось 777 калмы-

ков-комсомольцев [10. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 176. Л. 134]. В марте 1949 г. по всему Советскому Союзу насчитывалось 7 659 спецпереселенцев-коммунистов (в том числе 1 301 калмык) и 11 669 комсомольцев (764) [13. С. 15].

Трудоустройство относящихся к этим социальным группам спецпереселенцев в народном хозяйстве областей имело свои особенности. Многие лица, занимавшие посты секретарей районных комитетов партии, председателей райисполкомов, уже в первые месяцы депортации назначались на управленческие должности, хотя и более низкого уровня.

К 14 августа 1944 г. среди спецпереселенцев-калмыков на территории Омской области сложилась группа руководящих советских и партийных работников: бывший зам. председателя Совнаркома, два зав. отделами обкома ВКП(б), три зав. отделами РК ВКП(б), три председателя райисполкомов [10. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 140. Л. 4 об.]. За одним исключением все они заняли на поселении нерядовые должности. К примеру, бывший заведующий отделом Калмыцкого обкома ВКП(б) работал на поселении инструктором райкома партии, а бывший заведующий отделом райкома ВКП(б) – председателем колхоза. Управленческий опыт этих людей оказался востребован в ситуации острого дефицита кадров, наблюдавшегося в военное время. Были также востребованы коммунисты, имевшие производственный опыт, один из таких практиков-производственников стал заместителем директора Усть-Иртышского рыбозавода [14. Ф. 118. Оп. 1. Д. 383. Л. 113, 116, 138].

Фиксируются случаи использования коммунистов и комсомольцев для агитации среди соплеменников, не владеющих русским языком [15. Ф. 107. Оп. 1. Д. 878. Л. 3 об., 4 об.]. Бывшая спецпоселенка-калмычка П.И. Хурюмова вспоминала об особом отношении местных властей к семье депортированных партийных работников уже начиная с момента расселения на Севере: «А Зундуевым-то дали хорошую [квартиру], раз она [Мария Зундуева] партийная была. Она ж только языком и трёкала: “Я партийная! Я партийная!” <…> Мы работали, а она все [ходила,] выбивала! <…> А потом ее комендант перевел из Сатыги в Кондинск, там дескать привилегия им больше стала…»[1]. Из воспоминаний калмыков-комсомольцев можно сделать вывод о том, что членство в ВЛКСМ содействовало карьерному росту в условиях спецпоселения [16. С. 215; 17. Л. 4]. В то же время отмечались случаи трудоустройства рядовых коммунистов без учета специальности [11. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3944. Л. 23]. Но на партийных спецпереселенцев и членов ВЛКСМ распространялись все ограничения по спецпоселению, что не давало им возможности полноценно участвовать (к примеру, выезжать на партийные и комсомольские конференции) в работе структур ВЛКСМ и ВКП(б)/КПСС [10. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 725. Л. 75, 181].

Проведенные в 1955–1956 гг. Омским и Тюменским обкомами КПСС проверки показали, что привлечение калмыков на ответственные должности (секретарей первичных комсомольских, профсоюзных и партийных организаций) было исключительным явлением [11. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 7084. Л. 1–5; 15. Ф. 124. Оп. 96. Д. 104. Л. 73–76]. Это делало спецпереселенцев неполноправными коммунистами и комсомольцами. Анализируя участие спецпереселенцев в общественно-политической жизни республик Средней Азии, Н.Ф. Бугай и А.М. Гонов указывали, что одной из важнейших задач спецпереселенцев-коммунистов и комсомольцев была «политическая работа» среди спецпоселенцев [18. С. 259–261], т.е. прибывшие на поселение члены ВЛКСМ и ВКП(б), наряду с мусульманским духовенством, использовались государством для интервенции в среду спецпоселенческого социума.

В особую группу были выделены сотрудники спецслужб. Несмотря на то что они в акте от 8 марта назывались «бывшими» и, следовательно, лишенными всех преференций, интерес власти к этой группе лиц сохранялся. В начале мая 1944 г. руководство Управления НКВД Омской области направило в Москву «список работников НКВД, НКГБ и Милиции, переселенных из бывшей Калмыцкой Республики». Важно отметить, что эти люди, несмотря на статус спецпереселенцев, не лишились своих званий и, что еще важнее, не именовались «бывшими». В списке насчитывалось 29 сотрудников спецслужб [10. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 177. Л. 177].

Прибывшие партийные сотрудники НКВД и НКГБ почти все стали рядовыми рабочими и колхозниками. Исключение составили два человека. Один, бывший оперуполномоченный НКВД одного из районов Калмыцкой АССР, устроился командиром отделения пожарной охраны райотдела НКВД, второй, бывший оперуполномоченный Троицкого райотдела НКВД Калмыцкой АССР, стал комендантом на лесозаводе в Ялуторовском районе. В последнем случае спецпереселенец, видимо, надзирал за своими земляками [11. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3944. Л. 11]. Важно отметить, что единственным, кто уже к началу мая 1944 г. был трудоустроен в качестве оперуполномоченного НКВД, был член ВКП(б), до переселения также работавший оперуполномоченным, но в комиссариате госбезопасности [10. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 177. Л. 177]. Это назначение уникально тем, что человек сам, будучи репрессированным, был наделен карательными полномочиями.

Эта коллизия возникла в условиях войны, когда дефицит кадров, ввиду призыва на фронт работников ведомства, ощущался особенно остро. Чтобы устранить подобные неувязки, в августе 1944 г. Наркомат внутренних дел принял директиву «О снятии с учета спецпоселений бывших сотрудников НКГБ и НКВД», а в сентябре – инструкцию «О порядке оформления на работу бывших сотрудников НКВД–НКГБ, относящихся к переселенным национальностям». На основании этих распоряжений калмыки стали приниматься на работу в управления НКВД краев и областей. При этом с них снимался статус спецпереселенцев. Однако каж-

дый калмык, принятый на службу, давал расписку в том, что он и его семья не имеют права покидать новое место жительства [19. С. 68]. По воспоминаниям репрессированных восстанавливаются два эпизода работы калмыков спецкомендантами [16. 244, 253].

Ужесточение режима спецпоселения сказалось на положении и этих групп. Отчетливо изменение режима в местах поселения мы можем видеть по сведениям о приеме в ВКП(б). Согласно данным статотчетов, первый калмык в Омской области был принят в кандидаты в члены ВКП(б) уже в первом квартале 1944 г. Начиная с 1948 г. прием калмыков в партийные ряды сокращается, а с 1950 г. (в Омской области с 1951 г.) – прекращается (табл. 2).

Таблица 2

Количество принятых в партию калмыков по Омской и Тюменской областям (1944 г. – 1 апреля 1954 г.)

Омская область				
Принято в:	Члены ВКП(б)		Кандидаты в члены ВКП(б)	
I квартал 1944 г.	–		1	
II квартал 1944 г.	–		–	
III квартал 1944 г.	–		–	
	Омская область		Тюменская область	
Принято в:	Члены ВКП(б)	Кандидаты в члены ВКП(б)	Члены ВКП(б)	Кандидаты в члены ВКП(б)
IV квартал 1944 г.	–	–	–	–
1945 г.	2	1	1	–
1946 г.	5	–	5	–
1947 г.	3	2	3	–
1948 г.	–	–	–	2
1949 г.	1	–	1	–
1950 г.	1	–	–	–
1951 г.	–	–	–	–
1952 г.	–	–	–	–
1953 г.	–	–	–	–
I квартал 1954 г.	–	–	–	–

Составлено по: [11. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3974. Л. 3 об.; Там же. Д. 3980. Л. 2 об.; Там же. Д. 3984. Л. 3 об.; Там же. Д. 3989. Л. 3 об.; Там же. Д. 4303. Л. 3 об.; Там же. Д. 4307. Л. 2 об.; Там же. Д. 4312. Л. 2 об.; Там же. Д. 4316. Л. 3 об.; Там же. Д. 4618. Л. 3 об.; Там же. Д. 4622. Л. 2 об.; Там же. Д. 4628. Л. 2 об.; Там же. Д. 4632. Л. 4 об.; Там же. Д. 4919. Л. 4 об.; Там же. Д. 4925. Л. 3 об.; Там же. Д. 4931. Л. 3 об.; Там же. Д. 4936. Л. 2 об.; Там же. Д. 5177. Л. 2 об.; Там же. Д. 5183. Л. 2 об.; Там же. Д. 5189. Л. 3 об.; Там же. Д. 5194. Л. 4 об.; Там же. Д. 5453. Л. 2 об.; Там же. Д. 5458. Л. 3 об.; Там же. Д. 5465. Л. 3 об.; Там же. Д. 5469. Л. 15 об.; Там же. Д. 5695. Л. 3 об.; Там же. Д. 5700. Л. 4 об.; Там же. Д. 5707. Л. 3 об.; Там же. Д. 5712. Л. 7 об.; Там же. Д. 5937. Л. 4 об.; Д. 5941. Л. 7 об.; Там же. Д. 5947. Л. 3 об.; Там же. Д. 5951. Л. 10 об.; Там же. Д. 6231. Л. 3 об.; Там же. Д. 6236. Л. 4 об.; Там же. Д. 6243. Л. 4 об.; Там же. Д. 6248. Л. 9 об.; Там же. Д. 6480. Л. 4 об.; Там же. Д. 6487. Л. 2 об.; Там же. Д. 6497. Л. 3 об.; Там же. Д. 6504. Л. 4 об.; Там же. Д. 6704. Л. 2 об; 15. Ф. 124. Оп. 2. Д. 20.; Там же. Оп. 4. Д. 139. Л. 9 об., 21 об., 38 об., 53 об.; Там же. Оп. 9. Д. 161. Л. 14 об., 32 об., 51 об., 71 об.; Там же. Оп. 15. Д. 121. Л. 13 об., 28 об., Л. 49 об., Л. 66 об.; Там же. Оп. 21. Д. 195. Л. 12об., Л. 29 об., Л. 45 об., Л. 68 об.; Там же. Оп. 40 Д. 185. Л. 13 об., Л. 28 об., Л. 52 об., Л. 66 об.; Там же. Оп. 54. Д. 230. Л. 13 об., Л. 33 об., Л. 53 об., Л. 72 об; Там же. Оп. 66 Д. 189. Л. 12 об., Л. 26 об., Л. 49 об., Л. 67 об.; Там же. Оп. 72. Д. 251. Л. 12 об., Л. 25 об., Л. 34 об., Л. 54 об., Л. 68 об.; Там же. Оп. 78. Д. 214. Л. 14 об., Л. 32 об., Л. 55 об. Л. 72 об.; Там же. Оп. 86. Д. 152. Л. 13 об.].

Параллельно происходит постепенное сокращение численности калмыков в рядах парторганизаций областей. Этот процесс совпадает с пиком ужесточения режима спецпоселения после принятия известного Указа Президиума Верховного Совета от 28 ноября 1948 г. Фактически к началу 1950-х гг. начинает действовать негласный запрет на прием спецпереселенцев-калмыков в ряды ВКП(б) (табл. 3).

Таблица 3

Количество калмыков-коммунистов в Омской и Тюменской областях (1945–1961 гг.)

На 1 января:	Омская область		Тюменская область	
	Членов ВКП(б)	Кандидатов в члены ВКП(б)	Членов ВКП(б)	Кандидатов в члены ВКП(б)
1945 г.	95	15	нет данных	
1946 г.	154	48	126	61
1947 г.	189	45	146	40
1948 г.	178	52	159	40
1949 г.	168	30	131	30
1950 г.	170	24	105	18
1951 г.	165	23	103	14
1952 г.	161	23	95	11
1953 г.	157	15	84	10
1954 г.	140	5	74	3
1955 г.	146		74	
1956 г.	138		70	
1957 г.	126		59	
1958 г.	53		48	
1959 г.	21		21	
1960 г.	12		14	
1961 г.	9		15	

Примечание. В 1954 г. форма отчетности меняется, в графе «национальный состав парторганизации» указывается общее число коммунистов – членов и кандидатов ВКП(б) – по отдельным национальностям.

Составлено по: [11. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3989. Л. 8 об.; Там же. Д. 4316. Л. 8 об.; Там же. Д. 4632. Л. 9 об.; Там же. Д. 4936. Л. 8 об.; Там же. Д. 5194. Л. 11 об.; Там же. Д. 5469. Л. 20 об.; Там же. Д. 5712. Л. 13 об.; Там же. Д. 5951. Л. 17 об.; Там же. Д. 6248 Л. 21 об.; Там же. Д. 6504. Л. 10 об.; Там же. Д. 6717. Л. 2 об.; Там же. Д. 6931. Л. 3 об.; Там же. Д. 7102. Л. 4 об.; Там же. Д. 7265. Л. 3 об.; Там же. Д. 7399. Л. 3 об.; Там же. Д. 7553. Л. 2 об.; Там же. Д. 7693. Л. 2 об; 15. Ф. 124. Оп. 4. Д. 139. 59 об.; Там же. Оп. 9. Д. 161. Л. 75 об.; Там же. Оп. 15. Д. 121. 76 об.; Там же. Оп. 21. Д. 195. Л. 72 об.; Там же. Оп. 40 Д. 185. Л. 72 об.; Там же. Оп. 54. Д. 230. Л. 78 об.; Там же. Оп. 66 Д. 189. Л. 80 об.; Там же. Оп. 72. Д. 251. Л. 78 об.; Там же. Оп. 78. Д. 214. Л. 98 об.; Там же. Оп. 86. Д. 152. Л.39 об.; Там. же. Оп. 96. Д. 121. Л. 13 об.; Там же. Оп. 98. Д. 96. Л. 13 об.; Там же. Оп. 117. Д. 100. Л. 11.; Там же. Оп. 127. Д. 107. Л. 14 об.; Там же. Оп. 134. Д. 104. Л. 5 об.; Там же. Оп. 150. Д. 106. Л. 5 об.].

Усиление административных барьеров сказалось и на практике приема в комсомол. По результатам спецпереписи (на 1 апреля 1949 г.) на территории Омской и Тюменской областей находился 271 комсомолец-калмык (105 – в Омской; 166 – в Тюменской) [10. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 484. Л. 136, 139, 241–242, 247]. Стремительный рост рядов комсомольцев из числа спецпереселенцев-калмыков в Омской области (в пять раз) произошел, по всей видимости, из-за их недоучета в военные годы и растянутости во времени постановки на учет на местах, так как в Тюменской области число членов ВЛКСМ возросло всего на 10 человек [Там же. Л. 136, 247].

Ограничения, несомненно, существовали, так как количество спецпереселенцев-калмыков, состоявших в комсомоле по всему Советскому Союзу, сократилось к тому времени до 764 человек [Там же. Д. 455. Л. 193]. Этот запрет был более «мягким», чем в партии, и зависел от конкретных местных условий. В Тюменской обла-

сти к концу 1949 г. среди спецпереселенцев всех категорий насчитывалось 488 комсомольцев, а в 1953 г. уже 1 443 комсомольца [10. Д. 725. Л. 232]. Вопрос о приеме в комсомол, как и десятилетие назад в отношении «бывших кулаков», решался в индивидуальном порядке [20. С. 308].

Послевоенное ужесточение режима спецпоселения в сочетании с улучшением положения с кадрами внутри НКВД побудило ведомство Берии к постепенному отказу от услуг сотрудников калмыцкой национальности. Из структур УНКВД Красноярского края все калмыки были уволены в 1946 г. с одинаковой формулировкой: «...не может занимать данную должность» [19. С. 69]. В других областях этот процесс затянулся до начала 1949 г. [10. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 455. Л. 43]. В соответствии с циркуляром заместителя министра внутренних дел В.С. Рясного от 12 марта 1949 г. периферийные органы взяли калмыков – сотрудников спецслужб на спецучет снова [6. С. 227].

После возвращения этой группы лиц на спецпоселение перед руководством НКВД встал вопрос об их дальнейшей судьбе, так как «бывшие сотрудники МВД имели на связи агентуру и вели агентурные разработки, следовательно, им известна значительная часть агентуры среди выселенцев и спецпоселенцев, расселенных в области» [10. Ф. 9479. Оп. 1. 455. Л. 43]. В связи с этим отдел спецпоселений МВД СССР в марте 1949 г. посчитал целесообразным «выселенцев быв[ших] оперативных сотрудников МВД вместе с их семьями переселить [из Новосибирской области] на спецпоселение в Казахскую ССР» [Там же. Л. 45]. 5 сентября 1949 г. заместитель министра внутренних дел СССР В.С. Рясной поддержал инициативу начальника отдела спецпоселений В.В. Шияна [10. Ф. 9479. Оп. 1. 456. Л. 15]. В результате калмыки, имевшие опыт работы в НКВД, после повторного выдворения на спецпоселение были вторично переселены вместе с семьями в другие области или республики СССР ввиду владения ими секретной оперативной информацией о структуре спецпоселений по месту первоначального расселения. Известно, что аналогичная практика (снятия с учета, трудоустройства в органы МВД и повторного зачисления на спецучет) существовала также в отношении депортированных сотрудников спецслужб из других этнических «контингентов», например балкарцев [21. С. 37].

Административный надзор являлся регулятором состава населения – инструментом интервенции (проникновения) в социальную среду, обеспечивающим чистоту формируемой в ходе «общественно-полезного» труда структуры населения. Он являлся инструментом контроля за рабсилой, позволявшим отделить «вредные элементы» от «здорового ядра», сформировать социальную структуру, необходимую государству.

Спецпоселенческий социум был искусственно разделен властью на «опасных» и «неопасных». Среди «неопасных» выделялись две «социально близкие» власти группы: 1) коммунисты и комсомольцы, сохранившие членство в ВКП(б)/КПСС и ВЛКСМ, а главное – общественный статус, которым они обладали до депортации; 2) сотрудники НКВД и НКГБ – снятые со спецучета, а в отдельных случаях – инкорпорированные в структуры карательных ведомств, наделенные соответствующими полномочиями и, тем самым, максимально приближенные (без права покидать поселение) к своему додепортационному статусу.

Принадлежность к одной из «благонадежных» групп сама по себе не снимала клейма спецпереселенца, но создавала благоприятные предпосылки для быстрой и успешной социализации. В то же время система, нацеленная на подавление любого неповиновения, могла каждого спецпереселенца фактически бесконтрольно зачислить в категорию «социально опасных» и вторично репрессировать.

Вопрос существования межконтингентной иерархии не менее важен и сложен. Не так много официальных источников, подтверждающих ее существование. Один из них – докладная записка, направленная в Москву начальником УМВД Тюменской области Н.Ф. Шеваровым. Обобщая результаты оперативно-розыскной работы по поиску бежавших спецпереселенцев и причинах их побегов с мест поселения, начальник УНКВД Тюменской области Н.Ф. Шеваров в августе 1948 г. отмечал, что «основными причинами побегов спецпоселенцев-немцев и калмыков являются разрозненность семей, а спецпоселенцев “указников”, оуновцев и литовцев – стремление путем побега избежать пребывания в ссылке. Эти настроения усиливаются в случаях, когда хозорганы не создают им нормальных трудовых и жилищно-бытовых условий» [10. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 416. Л. 147].

В результате уже на поселении спецпереселенцы разделялись на «более лояльных» и «менее лояльных». В соответствии с представлением о степени лояльности разных «контингентов» варьировалась строгость административного режима: в Тюменской области была «организована регулярная явка глав семей спецпоселенцев-калмыков для отметок в спецкомендатуру один раз в месяц, глав семей оуновцев и литовцев два раза в месяц и всех “указников” (выселенные по указу ПВС от 2 июня 1948 г. – *А.И.*) один раз в неделю» [Там же. Л. 141]. Аналогичным образом в соседней Омской области в конце 1949 г. в местах поселения калмыки и немцы являлись для отметки в комендатуре один раз в месяц; оуновцы и латыши – два раза в месяц; и эстонцы – 3 раза в месяц [Там же. Д. 471. Л. 271].

При сопоставлении данных о «побеговой активности» калмыков с количеством лиц, находившихся в заключении, а также «побеговой активностью» других «контингентов» можно сделать вывод о том, что калмыки были одной из наиболее законопослушных групп спецпереселенцев (табл. 4). К примеру, в Омской области количество находившихся в бегах среди бандеровцев[2] на 1 июля 1948 г. достигло 2 070 человек (среди калмыков к концу года 10 беглецов) [Там же. Д. 416. Л. 141], а к 1 января 1951 г. числился 521 бежавший (сре-

ди калмыков – 3), при том что калмыков на спецучете состояло 9 573 и 12 915 ОУНовцев [10. Д. 556. Л. 14]. По Тюменской области только в первые месяцы нахождения на поселении (июнь–июль 1948 г.) было «выявлено 600 человек, склонных к совершению побега» среди «указников» [Там же. Д. 416. Л. 141].

Таблица 4

Доля спецпереселенцев, находившихся в местах лишения свободы, к количеству состоявших на спецучете (на 1 января 1951 г.), %

Контингент	Омская область	Тюменская область	По СССР
Немцев	0,78	1,01	1,3
Из Прибалтики	0,32	–	0,21
Оуновцев	8,5	7,1	4,55
Калмыков	2,8	2,89	2,71
Немецких пособников	7	–	4,29
Бывших кулаков	–	3,72	1,21
Из Молдавии	–	0,21	0,31
Указников	–	10,1	7,76
Из Литовской ССР	–	3,21	2,07
ИПХ	–	18,6	19,23

Составлено и подсчитано по: [7. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 556. Л. 14–17, 19–23].

Власть эти данные интерпретировала достаточно определенно и давала на это свой «симметричный» ответ. Доля калмыков и немцев, попавших в заключение на поселении, в сравнении с другими «контингентами», была сравнительно невелика: на 1 января 1951 г. в заключении находились 2,71% калмыков и 1,3% немцев по СССР от числа состоящих на спецучете. В то время как среди открыто антисоветски настроенного контингента – «истинно-православных христиан»[3], доля заключенных (по СССР) приблизилась к 20% к числу находящихся на поселении, а среди «указников» [выселенных по указу ПВС от 2 июня 1948 г.] она составляла 7,76% (по Тюменской области – 10,1%).

Представители власти учитывали различные поведенческие стратегии и этику поведения депортантов по отношению к режиму спецпоселения и органам власти в целом. Информация о «побеговой активности» и степени восприимчивости к требованиям административного режима интерпретировалась с позиций лояльности. Исходя из этих данных конституировалась административно-режимная политика в отношении каждого конкретного «спецконтингента». В сибирских областях именно бандеровцы, «указники», а также ИПХ воспринимались властью как наиболее опасные группы среди спецконтингента. Отметим, что враждебность властей по отношению к ИПХ дошла настолько далеко, что 17 мая 1945 г. советскими властями в Ханты-Мансийском округе было утверждено беспрецедентное решение «об изъятии у сектантов их детей и о размещении последних в детских домах [Самаровского] района». В итоге по округу у дееспособных родителей был изъят 261 ребенок [22. С. 25]. Вероятно, целью изъятия являлось идеологическое перевоспитание.

Важнейшими индикаторами, отражающими существование межконтингентной иерархии, являются наличие / отсутствие возможности продолжить образование и практика трудоустройства депортированных в образовательной сфере.

Здесь мы обратимся к анализу одного из важнейших правительственных решений, по мнению многих авторов характеризующих политику сталинского государства в отношении «наказанных народов» в целом. Речь идет о распоряжении СНК № 13287 рс от 20 июня 1944 г., принятом после обращения Л.П. Берии к В.М. Молотову от 19 июня того же года [23. С. 546–547]. А. Статиев полагает, что Л.П. Берия, апеллируя к В.М. Молотову, изложил «суть ассимиляционной политики» в следующих словах: «Спецпереселенцы размещены небольшими группами в колхозах и районах вперемешку с местным – русским, казахским, узбекским и киргизским населением» [Там же. С. 546]. Видимо, чтобы усилить впечатление от документа, Статиев добавляет, что детей депортированных «учили на русском» для того, чтобы они «забыли свою культуру» [24. P. 258]. В цитируемом документе действительно говорится о необходимости начального образования на русском языке для спецпереселенцев из числа представителей «наказанных» народов, расселенных в республиках Средней Азии (чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев и крымских татар), «в силу *отсутствия соответствующих проверенных педагогических кадров*» (выделено мной. – *А.И.*), способных организовать обучение депортированных на их национальных языках НКВД СССР считало целесообразным обучение детей спецпереселенцев проводить на русском языке в существующих школах по месту спецпоселения [23. С. 546]. Обучение детей в средних и высших учебных заведениях проводилось также на общих основаниях, но с правом перемещения только в пределах республик спецпоселения.

Обращает на себя внимание отсутствие в списке двух крупных этнических контингентов – немцев и калмыков. Это, безусловно, не было случайностью, точно так же, как и сам перечень «спецконтингентов» в распоряжении СНК, так как среди не попавших в «черный список» национальных групп подобные проверенные кадры были. Исследователь практик адаптации чеченского и ингушского населения в Казахстане С.Ш. Казиев, отмечает, что и партийные руководители республики «рассматривали чеченцев и ингушей как “опасных” и “нежеланных” жителей», а сами вайнахи, в отличие от других депортантов (немцев, греков и др.), “придерживались линии на противопоставление другим народам и тайное сопротивление официальным властям”» [25. С. 133, 136].

Не случайно в современных исследованиях истории спецпоселения народов Северного Кавказа мы не находим упоминаний о трудоустроенных по специальности учителях, не говоря уже о директорах школ из числа спецпереселенцев «северокавказцев» [26–29]. Это позволяет говорить о существенных отличиях в практиках дискриминации различных контингентов спецпереселенцев, при которой «более лояльные» немцы и кал-

мыки могли работать в органах образования на спецпоселении, в то время как представители «менее лояльных» контингентов такой возможности были лишены. Для подтверждения указанного тезиса рассмотрим практику трудоустройства спецпереселенцев-педагогов в одной из Западно-Сибирских областей – Тюменской (табл. 5).

Таблица 5

Спецпереселенцы-выселенцы в органах народного просвещения Тюменской области (по состоянию на 20 июля 1949 г.)

Работают в органах народного просвещения	Немцы	Калмыки	Указники	Литовцы	Сектанты (ипх)	Оуновцы	Бывшие кулаки (данные только по г. Тюмени)
Директора (Зав.) школ	3	4	–	–	–	–	1 (Заместитель директора школы № 21 г. Тюмени)
Преподаватели	62	1	–	–	–	–	–
Учителя	110	30	–	–	–	–	–
Воспитатели	–	3	1	–	–	–	1
Зав. избами-читальнями	–	1	–	–	–	–	–
Всего трудоустроено по области	12 842	5 196	2 829	466	211	107	79

Составлено по: [15. Ф. 124. Оп. 40. Д. 143. Л. 65–83, 103–119].

Данные статистики коррелируют со сведениями отчётной документации МВД – учителя и руководители школ среди депортированных после войны «спецконтингентов» имелись лишь среди немцев и калмыков. Указанное обстоятельство позволяет утверждать, что на спецпоселении калмыки и немцы относились к числу «более лояльных спецконтингентов», имея относительно широкий (в сравнении с другими категориями спецпереселенцев) доступ к занятию должностей в органах образования. Если сопоставить эти сведения с текстом «образовательного» распоряжения СНК № 13287 рс от 20 июня 1944 г., то у нас выстроится своеобразная иерархия «более лояльных» и «менее лояльных» контингентов спецпереселенцев, в которой к «более лояльным» относились калмыки и немцы, а к «менее лояльным» – «прибалтийские контингенты», выселенцы с Северного Кавказа, крымские татары и оуновцы. При этом, пожалуй, самой нелояльной группой считались этнические русские спецпереселенцы – «истинно-православные христиане».

В результате на спецпоселении возникла всепроникающая «иерархия лояльности контингентов» и «внутриконтингентных» групп. Положение в этой системе отношений определялось представлениями власти о степени лояльности той или иной внутриконтингентной группы и / или контингента спецпереселенцев. Сам спецпоселенческий социум был выстроен иерархически – разделен на «социально близких» власти, основную массу спецпереселенцев («социально неопасных») и группы «социально опасных» элементов. Эту систему конституировала разная степень жесткости режимного пространства для каждой из групп. Депортирование различных контингентов на спецпоселение было также выстроено в определенной последовательности от «более лояльных» к «менее лояльным».

При этом «лояльность» выступала в качестве интегрального понятия, была синонимична «подконтрольности» и «благонадежности», включая в себя: сопротивляемость контингента мероприятиям власти (понимаемая через количество нарушений режима, в первую очередь – число побегов); этику поведения представителей «спецконтингента» в отношении государственных структур (оценивалась через «настроения в среде «спецконтингента»»); принадлежность к социально близкой «внутриконтингентной» группе (страдникам спецслужб, ВКП(б) и ВЛКСМ); трудовые показатели (степень вовлеченности трудоспособных в производственные процессы и показатели выполнения норм).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Интервью с П.И. Хурюмовой (1928 г.р.) // Полевые материалы автора.

[2] Члены семей участников организаций украинских националистов (ОУН).

[3] Истинно-православные христиане» (ИПХ) – общее название и самоназвание направлений в русском православии, оформившихся после декларации митрополита Сергия 1927 г. о лояльности советской власти. Основной идеологемой «истинно-православных христиан» был антикоммунизм, имевший специфический религиозный характер. 14 июля 1944 г. появился приказ НКВД–НКГБ СССР о переселении 1 673 ИПХ. В Тюменскую область было переселено и размещено на территории Ханты-Мансийского округа 664 человека из Орловской и Рязанской областей [10. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 161. Л. 264].

ЛИТЕРАТУРА

1. Дённингхаус В. В тени «Большого Брата»: Западные национальные меньшинства в СССР (1917–1938 гг.). М. : РОССПЭН, 2011. 744 с.
2. Weitz E. On Certainties and Ambivalences: Reply to My Critics // Slavic Review. 2002. Vol. 61, № 1. P. 62–65.
3. Хили Д. Наследие ГУЛАГа: принудительный труд советской эпохи как внутренняя колонизация // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России : сб. ст. М. : Новое лит. обозрение, 2012. 960 с.
4. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960 : автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2005. 50 с.
5. Красильников С.А., Саламатова М.С., Ушакова С.Н. Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири в 1930-х – начале 1950-х гг. Новосибирск : Сова, 2008. 392 с.
6. Ссылка калмыков: как это было : сб. док. и мат-лов. Элиста : Калм. кн. изд-во, 1993. Т. I, кн. 1. 264 с.
7. Спецпереселенцы в СССР в 1944 году, или Год большого переселения / сост. А.И. Кокурин // Отечественные архивы. 1993. № 5. С. 103–111.

8. Вольхин А.И. Выявление и розыск органами госбезопасности Урала и Сибири изменников родины, предателей и пособников немецких оккупантов в годы Великой Отечественной войны // Урал в стратегии Второй мировой войны : мат-лы Всерос. науч. конф., посвящ. 55-летию победы в ВОВ. Екатеринбург : СВ-96, 2000. С. 199–205.
9. Государственный архив Тюменской области.
10. Государственный архив Российской Федерации.
11. Исторический архив Омской области.
12. Надь Ф. Помнит земля сибирская… // Комсомолец Калмыкии. 1989. 13 авг. С. 8.
13. Земсков В.Н. Спецпоселенцы (по документации НКВД – МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 3–17.
14. Государственный архив Ханты-Мансийского округа.
15. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области.
16. Мы – из выселенных навечно. Воспоминания депортированных калмыков (1943–1957 гг.) / сост. П.О. Годаев. Элиста : АПП Джангар, 2003. 464 с.
17. Копия письма Э.М. Павлова Г.В. Гурьяновой // Прифондовые материалы Архивного отдела Администрации Березовского района Ханты-Мансийского округа. Л. 1–6.
18. Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах. М. : ИНСАН, 1998. 368 с.
19. Зберовская Е.Л. Спецпоселенцы в Красноярском крае (1940–1950-е гг.). : дис. … канд. ист. наук. Красноярск, 2006. 247 с.
20. Красильников С.А. Спецпереселенцы // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). 2-е изд. Новосибирск : ИД «Сова», 2007. С. 287–373.
21. Тетуев А.И. Повседневная жизнь и стратегия выживания спецпереселенцев 40–50-е гг. XX в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 3. С. 33–42.
22. Загороднюк Н.И. «Опальная Югра» // Родина. 2005. № 12. С. 22–26.
23. Сталинские депортации. 1928–1953. М. : МФД Материк, 2005. 904 с.
24. Statiev A. Soviet ethnic deportations: intent versus outcome // Journal of Genocide Research. 2009. Vol. 11(2–3). June–September. P. 243–264.
25. Казиев С.Ш. Стратегии адаптации «наказанных» народов и местное население в Казахстане (1941–1953 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 4 (88). С. 133–137.
26. Агиев Р.С. Трагедия чеченского и ингушского народов в 30–50-е гг. XX века: депортация, спецпоселения, реабилитация : дис. … канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2002. 159 с.
27. Бугай Н.Ф., Мамаев М.И. Кабардино-Балкарская АССР: «Спасение в единении и надежде…». М. : Аквариус, 2015. 416 с.
28. Сабанчиев Х-М.А. Депортация, жизнь в ссылке и реабилитация балкарского народа (1940-е – начало XXI в.) : дис. … д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 2007. 411 с.
29. Яндарова С.Х. Чеченцы и ингуши: образование, культура в условиях спецпоселения // Общество: философия, история, культура. 2016. № 5. С. 60–64.

Ivanov Aleksander S. Surgut oil and gas Institute (branch) of the Tyumen industrial University (Surgut, Russia). E-mail: 88d@bk.ru

HIERARCHY OF SPECIAL SETTLEMENTS (1940–1950).

Keywords: deportation; special immigrants; special settlement; repressions; habitat.

In this article an attempt is made to identify “intercontingental” and “intracontingental” differences that existed in terms of administrative of the special settlement regime of the Stalin era. To solve this problem, the author conducts the comparative analysis of the status of the deported to Siberian special settlements in late 1943 – early 1944, the Kalmyk population of the Omsk and Tyumen regions with representatives of other groups of settlers. The source base of this article is the record keeping documentation of the NKVD/MVD at various levels (central and regional). Significant role to understand the status and characteristics of the regime environment played narratives of the repressed people, first introduced by the author in the scientific circulation. Indicators have been developed for measuring the degree of hierarchy: the severity of the regime (from removal from settlement to the increase in attendance on special registration and imprisonment in prisons and camps); the practice of recruiting special settlers (on the basis of admission to work in the specialty in the education system of the Tyumen region, it is shown that the Kalmyks and Germans enjoyed the greatest confidence). As a result, the author came to the conclusion about the existence in the environment special settlement socium of deportees during the war of peoples “intracontingental” socially close power groups (employees of the Soviet security services – as close as possible to the status before deportation; members of the CPSU (b)/Communist party of the USSR and Komsomol – retained their membership in these organizations and elements of the former status). The research showed two levels of the hierarchy of settlements: “intercontingental” and “intracontingental”. “Intercontingental” – deportees divided into “socially close” to the authorities (secret service, Communists and Komsomol members), the main part of the settlers (“socially non-dangerous”) and the group of “socially dangerous” (consisting of the operational registration); “intracontingental” – on “more loyal” (Kalmyks, Germans) and “less loyal” (“the Baltic contingents”, the deportees from the North Caucasus, the Crimean Tatars, the OUN and TOkh).

REFERENCES

1. Dönninghaus, V. (2011) *V teni “Bol'shogo Brata”: Zapadnye natsional'nye men'shinstva v SSSR (1917–1938 gg.)* [In the shadow of “Big Brother”: Western national minorities in the USSR (1917–1938)]. Moscow: ROSSPEN.
2. Weitz, E. (2002) On Certainties and Ambivalences: Reply to My Critics. *Slavic Review*. 61(1). pp. 62–65.
3. Healy, D. (2012) Nasledie GULAGa: prinuditel'nyy trud sovetskoy epokhi kak vnutrennyaya kolonizatsiya [Legacy of the Gulag: forced labour of the Soviet era as an internal colonisation]. In: Etkinda, A., Uffel'manna, D. & Kukulin, I. (eds) *Tam, vnutri. Praktiki vnutrenney kolonizatsii v kul'turnoy istorii Rossii* [There, inside. Practices of internal colonisation in the cultural history of Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
4. Zemskov, V.N. (2005) *Spetsposelentsy v SSSR, 1930–1960* [Special Settlers in the USSR, 1930–1960]. Abstract of History Dr. Diss. Moscow.
5. Krasilnikov, S.A., Salamatova, M.S. & Ushakova, S.N. (2008) *Korni ili shchepki. Krest'yanskaya sem'ya na spetsposelenii v Zapadnoy Sibiri v 1930-kh – nachale 1950-kh gg.* [Roots or chips. The peasant family in a special settlement in Western Siberia in the 1930s – early 1950s]. Novosibirsk: Izdatel'skiy Dom Sova.
6. Bakaev, R.D. (ed.) (1993) *Ssylka kalmykov: kak eto bylo* [The exile of Kalmyks as it was]. Vol. 1. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatelstvo.
7. Kokurin, A.I. (1993) Spetspereselentsy v SSSR v 1944 godu, ili God bol'shogo pereseleniya [Special settlers in the USSR in 1944, or the Year of Large Resettlement]. *Otechestvennye arkhivy*. 5. pp. 103–111.
8. Volkhin, A.I. (2000) [Search for traitors to the nation and collaborationists during the Great Patriotic War by the organs of state security of the Urals and Siberia]. *Ural v strategii Vtoroy mirovoy voyny* [Ural in the Strategy of World War II]. Proc. of the All-Russian Conference. Ekaterinburg. pp. 199–205. (In Russian).
9. The State Archives of Tyumen Region.
10. The State Archives of the Russian Federation (GARF).

11. The Historical Archive of Omsk region.
12. Nad, F. (1989) Pomnit zemlya sibirskaya . . . [The Siberian land remembers . . .]. *Komsomolets Kalmykii*. 13th August. pp. 8.
13. Zemskov, V.N. (1990) Spetsposelentsy (po dokumentatsii NKVD – MVD SSSR) [Special settlers (according to the documentation of the NKVD – USSR Ministry of Internal Affairs)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 11. pp. 3–17.
14. The State Archives of the Khanty-Mansiysk District.
15. The State Archive of Social and Political History of Tyumen Region.
16. Godaev, P.O. (2003) *My – iz vyselennykh navechno. Vospominaniya deportirovannykh kalmykov (1943–1957 gg.)* [We are from those deported forever. Memories of the Kalmyk deportees (1943–1957)]. Elista: APP Dzhangar.
17. Pavlov, E.M. (n.d.) *Kopiya pis'ma E.M. Pavlova G.V. Gur'yanovoy* [A copy of the letter from E.M. Pavlov to G.V. Guryanova]. Fund materials of the Archival Department of the Administration of the Berezovsky District, the Khanty-Mansiysk District. pp. 1–6.
18. Bugay, N.F. & Gonov, A.M. (1998) *Kavkaz: narody v eshelonakh* [The Caucasus: the peoples in the echelons]. Moscow: INSAN.
19. Zberovskaya, E.L. (2006) *Spetsposelentsy v Krasnoyarskom krae (1940–1950-e gg.)* [Special settlers in the Krasnoyarsk Territory (1940–1950s)]. History of Cand. Diss. Krasnoyarsk.
20. Krasilnikov, S.A. (2007) Spetspereselentsy [Special settlers]. In: Krasilnikov, S.A. (ed.) *Marginaly v sotsiume. Marginaly kak sotsium. Sibir' (1920–1930-e gody)* [Marginals in society. Marginals as a society. Siberia (1920–1930s)]. 2nd ed. Novosibirsk: ID Sova. pp. 287–373.
21. Tetuev, A.I. (2012) Povsednevnaya zhizn' i strategiya vyzhivaniya spetspereselentsev 40–50-e gg. XX v. [Daily life and survival strategy of special settlers in 1940-1950s]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. 3. pp. 33–42.
22. Zagorodnyuk, N.I. (2005) “Opal'naya Yugra” [Yugra in disgrace]. *Rodina*. 12. pp. 22–26.
23. Yakovlev, A.N. (ed.) (2005) *Stalinskie deportatsii. 1928–1953* [Stalin's deportations. 1928–1953]. Moscow: Materik.
24. Statiev, A. (2009) Soviet ethnic deportations: intent versus outcome. *Journal of Genocide Research*. 11(2–3). pp. 243–264. DOI: 10.1080/14623520903118961
25. Kaziev, S.Sh. (2015) Adaptation Strategies for the “Punished” People and Local Communities in Kazakhstan (1941–1953). *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Altai State University Journal*. 4(88). pp. 133–137. (In Russian). DOI: 10.14258/izvasu(2015)4.1-20
26. Agiev, R.S. (2002) *Tragediya chechenskogo i ingushskogo narodov v 30–50-e gg. XX veka: deportatsiya, spetsposeleniya, reabilitatsiya* [The tragedy of the Chechen and Ingush peoples in the 1930-1950s: deportation, special settlements, rehabilitation]. History Cand. Diss. Rostov-on-Don.
27. Bugay, N.F. & Mamaev, M.I. (2015) *Kabardino-Balkarskaya ASSR: “Spasenie v edinenii i nadezhde . . . ”* [Kabardino-Balkarian ASSR: “Salvation in Unity and Hope . . .”]. Moscow: Akvarius.
28. Sabanchiev, Kh-M.A. (2007) *Deportatsiya, zhizn' v ssylke i reabilitatsiya balkarskogo naroda (1940-e – nachalo XXI v.)* [Deportation, life in exile and rehabilitation of the Balkar people (the 1940s – early 21st century)]. History Dr. Diss. Rostov-on-Don.
29. Yandarova, S.Kh. (2016) Chechentsy i ingushi: obrazovanie, kul'tura v usloviyakh spetsposeleniya [Chechens and Ingush: education, culture in special settlements]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura – Society: Philosophy, History, Culture*. 5. pp. 60–64.

УДК 364.075.2
DOI: 10.17223/19988613/51/7

Т.А. Катцина, Л.Э. Мезит

ОБЩЕСТВЕННЫЕ КАМПАНИИ КАК СПОСОБ РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта № 16-11-24002.

На основе материалов из государственного архива Красноярского края и региональной периодической печати рассматриваются общественные кампании как один из элементов советской социальной политики на территории Енисейской губернии в первой половине 1920-х гг. Отмечен регулярный и продолжительный характер проводимых социальных кампаний, их унифицированный сценарий, организаторская и координирующая роль государства. Часто проводимые кампании не давали желанного результата (материальные поступления были незначительными), но был накоплен опыт их проведения и сформировался актив вокруг подотделов социального обеспечения, поддерживавший все инициативы власти.

Ключевые слова: социальная политика; детские дома; инвалидные дома; общественные инициативы; губернский отдел социального обеспечения; общественные организации.

После прихода большевиков к власти социальная помощь и защита разных категорий населения были объявлены сферой государственной деятельности. Государство брало на себя заботу об обездоленных – инвалидах, стариках, сиротах, неимущих, одновременно была начата работа по созданию новой системы, объединяющей все сферы социальной политики и полностью исключающей благотворительность. С этой целью 29 октября 1917 г. был образован Народный комиссариат государственного призрения. В апреле 1918 г. он был преобразован в Наркомат социального обеспечения [1. С. 21–23].

Основными видами социального обеспечения являлись врачебная помощь, пенсии, пособия, а формами – денежные выплаты и натуральная помощь в виде продуктов питания, одежды, обуви и т.п. Объем социального обеспечения, финансовый и управленческий механизмы его реализации регламентировало «Положение о социальном обеспечении трудящихся», принятое 31 октября 1918 г. Этим документом государство гарантировало бесплатную социальную помощь и услуги, но только тем гражданам, для которых источником существования являлся собственный труд. Еще до Гражданской войны был принят целый ряд декретов, направленных на создание системы государственного социального страхования трудящихся. Советское государство декларировало 8-часовой рабочий день, оплачиваемый отпуск, материальную компенсацию при потере трудоспособности, пенсии, декретный отпуск и так далее, чего не могло обеспечить трудящимся в то время ни одно самое демократическое государство в мире. В этом смысле Советская Россия стала первым в мире социальным государством, однако для обеспечения данных гарантий не хватало материальной базы, поэтому в первое время государственной поддержкой была охвачена лишь часть населения, а сама помощь исчислялась в мизерных для отдельного человека суммах. Историк В.В. Тевлина отмечает, что ведомственная разобщенность и отсутствие единого законодательства привели к отказу от медико-социальной, социально-психоло-гической, социально-педагогической и правовой помощи, которые получили развитие в социальной системе еще до октября 1917 г. [2. С. 402]. Из-за более позднего установления советской власти в Сибири, по сравнению с европейской частью России, реализация мер социального обеспечения началась в регионе с некоторым отставанием.

Становление советской системы социальной помощи происходило в годы разрухи, политического и экономического кризиса. В 1920 г. в губернии насчитывалось 12,5 тыс. безработных. Крестьянство, составлявшее 85% населения, выражало недовольство продразверсткой [3. С. 57]. В городах и селах скопились тысячи людей, оставшихся без крова, лишившихся кормильцев, потерявших имущество, инвалидов, беспризорников, беженцев. Широкое распространение в это время получили социальные болезни – туберкулез, сифилис. Поэтому в социальных учреждениях – детских домах, приютах для престарелых, больницах – царила крайне неприглядная картина: теснота и неустроенность помещений, плохое питание, крайний недостаток обуви, одежды, белья, медикаментов, топлива и пр.

Начальный период становления системы социальной помощи в Енисейской губернии был отмечен многочисленными трудностями: скудным финансированием, постоянными реорганизациями, происходившими из-за неопределенности функций между Наркоматом труда и Наркоматом социального обеспечения. Дефицит опытных кадров не позволял организовать должным образом контроль, учет, статистику. Например, из 4 990 случаев заболеваний, зафиксированных по губернии в 1920 г., на долю Красноярска пришлось 84,26%

(4 205 случаев) [4. С. 42]. Отсутствие в распоряжении собесов материальных ресурсов как необходимого фонда по обеспечению инвалидов и пенсионеров, жертв контрреволюции приводило к неполному охвату помощью нуждающихся. В 1920 г. помощь носила натуральный характер, исключительно предметами первой необходимости (продовольствие, дрова, мануфактура, спички). В отчете Енисейского губернского экономического совещания за 1921–1922 гг. указывалось на почти полное отсутствие активных и опытных технических работников, мизерное вознаграждение их труда, частую смену ответственных руководителей и, наконец, отсутствие материальных ресурсов в распоряжении собесов как необходимого фонда по обеспечению инвалидов и пенсионеров. Губсобес в 1920 г. руководил четырьмя приютами для взрослых и инвалидов (127 человек), двумя детским приютами (67 человек), лагерем инвалидов бывших военнопленных (1 999 человек), располагал двумя центральными складами (продуктовым и вещевым с раздаточными пунктами), пошивочной и сапожной мастерскими, прачечной, а также большим огородом в целях обеспечения овощами контингента социальных учреждений на зиму [5. С. 195–197].

Молодое советское государство из-за дефицита финансовых средств, отсутствия сложившейся системы государственных социальных учреждений в тяжелейших условиях вынуждено было искать действенные методы реализации своей социальной политики. Одним из таких методов станет организация общественных социальных кампаний. Целью подобных кампаний были стимулирование общественных инициатив, привлечение дополнительных финансовых средств.

До середины 1920-х гг. государственные органы определяли главную цель акции, устанавливали сроки, планировали ее конечный результат. Реализацию намеченных планов проводили местные органы власти, они же привлекали общественные организации, рядовых граждан в специальные комиссии, на которые возлагалась ответственность за ход кампании.

Большинство проводимых в дни социальных кампаний мероприятий не были новаторской находкой большевиков. Механизм их проведения был заимствован из опыта работы благотворительных организаций и земств дореволюционного периода («кружечные сборы», подписные листы, отчисление процента от дохода развлекательных учреждений, проведение благотворительных концертов, спектаклей и т.п.).

Помимо сбора средств, проводимые акции выполняли другую функцию – агитационно-пропагандистскую. Все мероприятия сопровождались лекциями, докладами, рассказывающими населению о сущности того или иного социального вопроса. Всегда подчеркивалась ведущая роль новой советской власти в решении социальных проблем. Характерная особенность проводимых в пореволюционные годы социальных кампаний заключалась в том, что они были регулярными, продолжительными, хотя именовались «день», «неделя»; сценарии проведения кампаний были унифицированными, подготовленными в центре.

Анализируя ход социальных кампаний в губернии в 1920-е гг., можно констатировать, что по мере упрочения советской власти они становились более организованными, не такими продолжительными. Сказывался опыт, который обретали губернские и волостные руководители по их проведению, начались строгий учет собранных в ходе кампаний средств и их распределение по социальным учреждениям. С 1923 г. появились совершенно новые формы проведения социальных акций: проводились временные мобилизации в «ударные» отряды по санитарной очистке социальных учреждений, введение сверхурочных работ в фонд комиссий «недель».

Сталкиваясь с неспособностью властей решить социальные проблемы, люди часто сами выступали организаторами благотворительных акций, т.е. социальные кампании превращались в повседневность, становились удобной формой выражения социальных чувств. Так, в октябре 1920 г. газета «Красноярский рабочий» писала, что в Усть-Ярульской волости Канского уезда крестьянин Тарарынин пожертвовал 28 пудов и 28 фунтов пшеницы и 26 пудов и 26 фунтов ржи на помощь сиротам. Так как в данной волости детского дома не было, волисполком передал данный хлеб в уезд [6].

К числу наиболее частых из проводимых государственных кампаний следует отнести те, которые были связаны с поддержкой материнства и детства. Положение детей, охрана материнства – важнейшие показатели состояния общества. В Енисейской губернии в рамках реализации этой программы был проведен ряд социальных кампаний: «Неделя ребенка» (1920 г.), «День помощи голодающему ребенку» (1921 г.), «Неделя помощи матери и ребенку» (1922, 1923 гг.). Эти кампании проходили, как правило, ежегодно, нередко их приурочивали к общегосударственным праздникам нового советского календаря.

Так «Неделя ребенка», проходившая в Красноярске 15 июля 1920 г., предусматривала организацию праздника для ребят в возрасте от 5 до 12 лет (просмотр спектаклей, инсценировки детских пьес, участие в гимнастическом празднике и т.п.). Для участников праздника был организован обед [7]. Государство таким образом демонстрировало внимание и заботу к подрастающему поколению, однако реальная забота выглядела более скромной и охватывала небольшую группу детей, находящихся в двух приютах, закрепленных за секцией охраны младенчества и материнства, и в Доме матери и ребенка [8. Д. 3. Л. 196].

Стимулирование общественных инициатив в советском обществе в пореволюционный период стало неотъемлемой частью государственной политики. Усилиями государства 1921 г. (в период голодомора в европейской части страны) в Красноярске был открыт детский дом для сирот на 200 человек, 26-я стрелковая

дивизия организовала два детских дома для 208 ребят [9. Д. 20. Л. 11].

На заседании чрезвычайной комиссии по улучшению жизни детей (г. Ново-Николаевск, 21 декабря 1921 г.) сообщалось, что «День помощи голодному ребенку» был назначен на 17 декабря, но ввиду невозможности подготовиться (не получены листовки и др.) «отложен до 25 дек[абря], а в Н[ово]-Николаевске до 5 января. Выполнена и выполняется агитационная работа (статьи, фельетоны в газетах, листовки), поднят вопрос об обязательстве коммунистов брать хотя бы одного ребенка на содержание в свою семью. Выработаны и утверждены соответствующие положения и инструкции по проведению дня и пр. На обращение комиссии помочь ребенку сибирские учреждения откликнулись. Совнархоз дал распоряжение, чтобы все производственные предприятия работали в этот день на детей, а также о выполнении всех нарядов, данных в «Неделю ребенка»: Сибуголь – каменноугольные копи работают на детей: выработка в этот день дает 350 000 п[удов]угля; Центросоюз – на 2 000 р[уб]. золотом разных продуктов и предметов; Упсансиб – 450 п[удов] рису, сахар и мед; Сибздрав – 1 000 бут[ылок] вина для устройства лотереи, парфюмерные предметы и предметы диетического питания; Сибвнешторг – 10 п[удов] сахару, 10 п[удов] какао, 100 п[удов] варенья и пуд чаю; Сибнаробраз дал распоряжение об участии детей в платных спектаклях, а также отдает весь чистый сбор с театров, зрелищ и др. в этот день на детей; Сибпродком – 10 000 арш[ин] сукна. Професс[ио-нальные организации отчисляют однодневный заработок своих членов [8. Д. 76. Л. 12].

При проведении «Дня голодающего ребенка» в 1921 г. губернские власти вменили всем государственным и частным организациям однодневные доход и зарплату перечислить в фонд комиссии помощи голодающим детям. Все частные столовые, кафе, чайные и буфеты, лавки были обложены определенным процентом, установленным Губкомиссией помощи голодающему ребенку; организовывался сбор вещей и продуктов. Из собранных 5 008 000 руб., наибольший доход (87,73%) принес аукцион американских вещей [10. Д. 242. Л. 1–1 об.]; все средства направлялись в фонд помощи голодающим детям. Только что созданная губернская комсомольская организация выступила с инициативой отчисления в фонд помощи голодающего ребенка 5% пайка штатными комсомольскими работниками или 3% заработной платы и 15% от поступлений в кассы взаимопомощи [3. С. 59]. Комсомольцы Даурского района поставили спектакль и установили плату за вход – миска пшеницы и две миски овса. Обойдя окрестные села со своим спектаклем, они собрали 37 пудов зерна и передали его в фонд голодающих [Там же. С. 60]. Губком, учитывая все значение «Дня помощи голодному ребенку», выделил самых авторитетных работников партии для выступления во всех местах зрелищ и собраний в этот день [Там же. С. 52].

В 1923 г. «Неделя по охране материнства и детства» была приурочена к Международному женскому дню и проводилась с 8 по 15 марта. Цель акции – материальная поддержка детских домов губернии, повышение инициативы масс в решении проблем охраны материнства и детства. Инициатива проведения данной недели принадлежала отделу здравоохранения, была создана комиссия для успешного ее проведения. Она включала представителей партийных, профсоюзных организаций, женотдела и подотдела охраны материнства губздравотдела. В ходе кампании были выпущены тематические стенгазеты, проведены санитарная уборка детских домов, сбор денежных средств путем «кружечного сбора» по квартирам, отчисление от спектаклей, организованных самодеятельными артистами. В ходе кампании комиссия вела учет поступающих средств и затем распределила их среди детских домов губернии [10. Д. 378. Л. 7–7 об.].

Решением социальных проблем детей-сирот со второй половины 1920-х гг. стали заниматься специализированные общественные организации, созданные под руководством государства, например «Друг детей». Это стало возможно благодаря тому, что за период кампаний проявились неравнодушные, инициативные люди, активно помогающие власти решать проблемы обездоленных ребят.

К числу часто проводимых государственных кампаний следует отнести те, которые были связаны с Красной армией, являвшейся опорой режима. В течение подобных «Дня раненого и больного красноармейца» (март 1920 г.), «Недели сбора вещей в помощь фронту» (ноябрь 1920 г.) приводились в порядок казармы, собирались подарки для воинов Красной армии, в госпиталях и военных городках Красноярска проводились спектакли, концерты-митинги [11]. Сбор вещей шел очень трудно. Как правило, вещи были очень поношены, и для передачи красноармейцам надлежало привести их в порядок, отреставрировать (из двух-трех вещей сделать одну).

Отношение населения к часто проводимым кампаниям было неоднозначным. Так, в Канском уезде Семеновской волости в период «Недели сбора вещей для фронта» был сорван сбор добровольных пожертвований, так как населению жертвовать было нечего [6].

В 1922 г. губернская комиссия помощи больным и раненым выпустила воззвание-обращение к жителям губернии о необходимости сбора пожертвований для домов инвалидов, семей увечных военнослужащих [12]. К социальным кампаниям приурочивались тематические лекции, выпускались листовки-агитки, брошюры, нередко устраивались спектакли, концерты, сборы от которых шли в пользу военнослужащих. Для привлечения средств организовывались «кружечные сборы» на улицах, предприятиях, государственных учреждениях, в селах организовывали субботники. Все полученные средства отправлялись в фонд кампаний.

В ноябре 1922 г. губернская Комиссия помощи больным и раненым красноармейцам, инвалидам и членам их семей обнародовала публичный отчет об эффективности государственной поддержки и социальных кампаний, регулярно проводившихся на территории региона. Комиссия отмечала улучшение материального снабжения красноармейцев, текущий ремонт, проведенный во всех казармах в военных городках, организацию шефства над военными городками. Однако в отчете отмечали, что сделано далеко не все: «…казармы хотя и отремонтированы, но многим не оборудованы, мало света, нет умывальников, плохо остеклены, недостаточно вентилируются.

Каждый красноармеец спит теперь на отдельной койке, но койка эта – деревянный топчан, ничем не покрытый. Матрацев, подушек, одеял, постельных принадлежностей нет, столиков для хранения хлеба и несложного красноармейского имущества тоже нет.

У многих нет своей, кружки, ложки, ножа, вилки и поэтому трудно приучить красноармейца к чистоплотности, привить ему более культурные навыки по сравнению с теми, какие он усвоил у себя дома, в деревне.

В казармах почти всюду существуют красные уголки, но снабжены так плохо, что едва ли можно признать их соответствующими назначению. В сущности, нынешний красный уголок ограничивается нескладным столом, на котором валяются две-три газеты и какой-нибудь журнал. Все перечисленное определяет объем работы шефов в неделю “уюта красноармейца”» [13].

Не менее значимой и важной оставалась помощь инвалидам, для которых вид социального обеспечения определялся степенью (группой) нетрудоспособности (в начале 1920-х гг. в РСФСР было установлено шесть групп инвалидности). Правом устанавливать степень трудоспособности принадлежало губернским органам здравоохранения (местным здравотделам). В декабре 1920 г. в ходе реструктуризации в губернском отделе социального обеспечения был выделен подотдел инвапод, целью которого были руководство четырьмя имеющимися приютами и организация новых приютов для инвалидов, открытие учебных мастерских для обучения их сапожному, портняжному делу, проведение надлежащего учета инвалидов в губернии [6]. По словам руководителей Енисейского губернского отдела социального обеспечения, около 70% инвалидов имели 2-ю группу нетрудоспособности и были в своей массе престарелыми [14. С. 170]. Размер их пенсий был низким. Так, инвалиды 1-й группы в Красноярске получали пенсию 6 руб., в уездах – 5 руб., инвалиды 2-й группы в городе получали 4 руб., в уезде – 3 руб. 44 коп. Инвалиды 3-й группы в городе получали 3 руб., в уезде – 2 руб. 58 коп. В уездах выплаты задерживались на три месяца из-за отсутствия средств [14. С. 39].

В целом в Енисейской губернии положение инвалидов во многом оставляло желать лучшего. Губсобес не располагал точными сведениями об их количестве. Предполагалось, что в одном Красноярске пенсионеров насчитывается до 1 000 человек, по всей же губернии – более 10 000. Из этой массы в инвалидных домах содержались 615 человек, в том числе в Красноярске – 121 человек. Значительное число инвалидов находилось на содержании родственников и от государства получало лишь пенсию. Из-за очень ограниченных средств, которые государство отпускало на содержание инвалидных домов, контингент этих учреждений испытывал острую нужду в обмундировании, терпел недостаток питания. В красноярском доме инвалидов были случаи заболевания на почве недоедания. «Ясно, – писала газета Красноярский рабочий 24 февраля 1922 г., – что нужно немедленно и организованно прийти на помощь государству в деле обеспечения и устройства жизни тех, кто пострадал за наше общее благополучие и лишился способности зарабатывать себе хлеб без поддержки со стороны. Кооперативы должны выделить для инвалидных домов известное количество товаров. Профсоюзы –наладить в домах инвалидов культурно-просветительную работу. Далее следует организовать при инвалидных домах ряд мастерских, в которых разумно мог бы быть использован посильный труд увечных и калек» [15].

В течение 1922 г. были проведены четыре «Недели помощи инвалидам». 23 февраля 1922 г. вслед за «Неделей помощи Красной Армии» в губернии организуется «Неделя помощи инвалидам». Однако, как констатировал губернский отдел социального обеспечения, она фактически свелась к организации гуляний в городском саду и небольшой лотереи. В августе 1922 г. вновь была проведена «Неделя помощи инвалидам», удалось собрать 120 млн руб. В ноябре 1922 г. в рамках очередной «Недели помощи инвалидам» организационный комитет кампании спланировал формат участия разных организаций в проводимой кампании. Губернскому отделу народного образования и политотделу 26-й дивизии, дислоцированной в Красноярске, поручались однодневные сборы от спектаклей перечислить в фонд инвалидных домов; губисполкому надлежало продать неликвид со склада губернского отдела социального обеспечения, губернскому союзу кооперации, обществу «Самодеятельность» и губернской продовольственной комиссии – обеспечить минимальным количеством материала и продовольствия инвалидные дома [10. Д. 378. Л. 76]. В 1923 г. очередная «Неделя помощи инвалидам» дала слабые результаты, собранные по губернии небольшие средства использовались на выдачу проездного пособия инвалидам [14. С. 43].

Эффективность проводимых кампаний была невысока, так как материальное положение населения губернии было бедственным после Гражданской войны, авторитет новой власти – еще незначительным. В условиях неурожая 1921 г. крестьяне не испытывали доверия к начавшимся нововведениям, поэтому расставание даже с частью продовольственных запасов воспринималось как бедствие, угрожавшее выживанию собственных семей. Поэтому основными участниками

социальных кампаний были комсомольцы, активисты профсоюзных и прочих организаций. По мере укрепления советской власти необходимость в проведении таких общественных акций уменьшалась.

К середине 1920-х гг. в губернии в основном завершилось формирование патерналистской модели социальной политики, основополагающей идеей которой был принцип «социального воспитания», т.е. приоритет общественного над частным. В ходе кампаний сформировался актив инициативных людей, которые составили основу общественно-государственных социальных организаций. Так, в губернии формируются общественные организации «Друг детей», «Комитеты помощи инвалидам» и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебина Н.Б., Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Забота и контроль: социальная политика в советской действительности, 1917–1930-е годы // Советская социальная политика 1920–1930-х гг.: идеология и повседневность / под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. М. : Вариант, ЦСПГИ, 2007. С. 21–67.
2. Тевлина В.В. Система социальной помощи населению в период формирования советского государства (1918–1930-е гг.) // Благотворительность в истории России. Новые документы и исследования / ред. Л.А. Булгакова. СПб. : Нестор-История, 2008. С. 397–414.
3. Славное сорокалетие: из истории Красноярской партийной организации (1917–1957 гг.) / гл. ред. В.П. Сафронов. Красноярск : Краснояр. кн. изд-во, 1957. 446 с.
4. Катцина Т.А., Крылов И.И., Пашина Н.В., Мезит Л.Э. Становление советского здравоохранения в Российской провинции в 1920-е гг. // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2017. № 25 (1). С. 41–45. DOI: http://dx.doi.org/10.1016/0869-866X-2017-25-1-41-45
5. Полгода Советской власти в Енисейской губернии. Обзор деятельности советских учреждений с января по 1 августа 1920 г. Красноярск : Государственная типография, 1920. 227 с.
6. Красноярский рабочий. 1920. 10 дек.
7. Красноярский рабочий. 1920. 24 июля.
8. Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. Р-93: Енисейский губернский отдел народного образования Енисейского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.
9. ГАКК Ф. П-8: Енисейский губернский комитет РЛКСМ.
10. ГАКК. Ф. П-1: Енисейский губернский комитет РКП(б).
11. Красноярский рабочий. 1920. 14 марта.
12. Красноярский рабочий. 1922. 10 мая.
13. Красноярский рабочий. 1922. 26 нояб.
14. Ковалев А.С. Социальное обеспечение пожилых инвалидов в 1920-х годах (по материалам Красноярского края) // Современная наука. 2010. № 3 (3). С. 167–172.
15. Отчет Второго сибирского областного совещания губернских работников учреждений и организаций социального обеспечения: (государственного обеспечения, крестьянской взаимопомощи, инвалидной кооперации и помощи больным и раненым красноармейцам, инвалидам войны и семьям красноармейцев). Новониколаевск: Конкуренция, 1924. 175 с.

Kattsina Tatyana A. Siberian Federal University (Russia Krasnoyarsk,). E-mail: tkatsina@sfu-kras.ru
Mezit Lyudmila E. Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafev (Russia, Krasnoyarsk) E-mail: mezit@yandex.ru

PUBLIC CAMPAIGNS AS A MEASURE OF SOCIAL PROBLEMS SOLUTION DURING THE POST-REVOLUTIONARY PERIOD IN YENISSEYSKAYA PROVINCE

Keywords: social policy; orphan asylums; residential care home; public initiatives; provincial welfare rights unit; public organizations.

The article analyzes the stages of social campaigns organization and holding in the further-flung Siberia that aimed at giving material support to the people in hardships and at gathering the population around the new government. The period under study (the first half of the 1920s) bears a special interest thanks to the newly-formed Soviet welfare system character which was determined by political, economic and ideological factors. Studies of Soviet social policy during the complicated post-Revolutionary period allow better understanding of contradictory Soviet reality. Documents from the State Archive of Krasnoyarsk Region and published resources let us reveal the fact that numerous issue-related social campaigns represented a specific way of collaboration between the state and the public institutions; social support measures carried out through organization and holding thematic events touched upon a wide range of problems (maternal and child welfare, children famine relief, disabled and Red Army soldiers welfare). These measures coincided with the declared social policy basic directions. They were conducted in a resource-constrained environment (financial as well as human) in the sphere of social care and service. Although held in Yenisseyskaya Province quite often, the campaigns did not achieve desired result, and financial takings were insignificant. However, they managed to gain the experience of the campaigns conduct and to form a core group among the social care sub-units that supported all the governmental initiatives. Working by campaigns as a way of acute problems solution carried out educational function as well by showing the progressiveness of the taken measures and the humanism of the Soviet State to the citizens. Social campaigns conducted during the period in question played a significant part in the development of welfare system to the population in hardships in Yenisseyskaya Province. The formation of state welfare institutions and mass public organizations finished by the mid-1920s. They organized the registration of the population in need for state support and established the paternalistic assistance measures. The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research, Government of Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk Region Science and Technology Support Fund to the research project № 16-11-24002 Revolutionary Russia: Alteration of models and practices of social care in the first quarter of the 20th century (on the basis of materials for East Siberia).

REFERENCES

1. Lebina, N.B., Romanov, P.V. & Yarskaya-Smirnova, E.R. (2007) Zabota i kontrol': sotsial'naya politika v sovetskoy deystvitel'nosti, 1917–1930-e gody [Care and control: social policy in Soviet reality, 1917–1930s]. In: Romanov, P.V. & Yarskaya-Smirnova, E.R. (eds) *Sovetskaya sotsial'naya politika 1920–1930-kh gg.: ideologiya i povsednevnost'* [Soviet social policy of the 1920–1930s: Ideology and everyday life]. Moscow: Variant, TsSPGI. pp. 21–67.

2. Tevlina, V.V. (2008) Sistema sotsial'noy pomoshchi naseleniyu v period formirovaniya sovetskogo gosudarstva (1918–1930-e gg.) [The system of social assistance to the population during the formation of the Soviet state (the 1918–1930s)]. In: Bulgakova, L.A. (ed.) *Blagotvoritel'nost' v istorii Rossii. Novye dokumenty i issledovaniya* [Charity in the history of Russia. New documents and studies]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 397–414.
3. Safronov, V.P. (ed.) (1957) *Slavnoe sorokaletie: iz istorii Krasnoyarskoy partiynoy organizatsii (1917–1957gg.)* [The Glorious Forty: From the history of the Krasnoyarsk party organisation (1917–1957)]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo.
4. Kattsina, T.A., Krylov, I.I., Pashina, N.V. & Mezit, L.E. (2017) The becoming of the Soviet health care in Russian province in 1920s. *Problemy sotsial'noy gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny – Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine.* 25(1). pp. 41–45. (In Russian). DOI:10.1016/0869-866Kh-2017-25-1-41-45
5. Yenisei Provincial Revolutionary Committee. (1920) *Polgoda Sovetskoy vlasti v Eniseyskoy gubernii. Obzor deyatel'nosti sovetskikh uchrezhdeniy s yanvarya po 1 avgusta 1920 g.* [Six months of Soviet power in the Yenisei province. Review of the activities of Soviet institutions from January to August 1, 1920]. Krasnoyarsk: Gosudarstvennaya tipografiya.
6. *Krasnoyarskiy rabochiy*. (1920a) 10th December.
7. *Krasnoyarskiy rabochiy*. (1920b) 24th July.
8. The State Archives of the Krasnoyarsk Territory (GAKK). *Fund R-93: Eniseyskiy gubernskiy otdel narodnogo obrazovaniya Eniseyskogo gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta Soveta rabochikh, krest'yanskikh i krasnoarmeyskikh deputatov* [Yenisei Provincial Department of Public Education of the Yenisei Provincial Executive Committee of the Council of Workers ', Peasants' and Red Army Deputies].
9. The State Archives of the Krasnoyarsk Territory (GAKK). *Fund P-8: Eniseyskiy gubernskiy komitet RLKSM* [Yenisei Provincial Committee of the RLKSM].
10. The State Archives of the Krasnoyarsk Territory (GAKK). *Fund P-1: Eniseyskiy gubernskiy komitet RKP(b)* [Yenisei Provincial Committee of the RCP (B)].
11. *Krasnoyarskiy rabochiy*. (1920c). 14th March.
12. *Krasnoyarskiy rabochiy*. (1922a) 10th May.
13. *Krasnoyarskiy rabochiy*. (1922b) 26th November.
14. Kovalev, A.S. (2010) Sotsial'noe obespechenie pozhilykh invalidov v 1920-kh godakh (po materialam Krasnoyarskogo kraya) [Social provision of elderly disabled in the 1920s (based on materials from the Krasnoyarsk Territory)]. *Sovremennaya nauka – Modern science: actual problems of theory and practice*. 3(3). pp. 167–172.
15. Soviet Union. (1924) *Otchet Vtorogo sibirskogo oblastnogo soveshchaniya gubernskikh rabotnikov uchrezhdeniy i organizatsiy sotsial'nogo obespecheniya: (gosudarstvennogo obespecheniya, krest'yanskoy vzaimopomoshchi, invalidnoy kooperatsii i pomoshchi bol'nym i ranenym krasnoarmeytsam, invalidam voyny i sem'yam krasnoarmeytsev)* [Report of the Second Siberian Regional Meeting of Provincial Workers of Social Security Institutions and Organisations: (state provision, peasant mutual assistance, invalid cooperation and assistance to sick and wounded Red Army soldiers, war invalids and Red Army families)]. Novonikolaevsk: Konkurentsiya.

УДК 93+008
DOI: 10.17223/19988613/51/8

С.В. Кириченко

БУРЯТСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: НАЦИОНАЛИЗМ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Работа выполнена в рамках государственного задания ИМБТ СО РАН по проекту «Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество».

Рассмотрены позиции бурятской интеллигенции по национальному вопросу в России и СССР с конца XIX до конца XX в. В национальном движении бурят выделены различные идейные и политические течения – от консервативного религиозного универсализма и панмонголизма до национального коммунизма. Изучение двух основных этапов бурятского национализма показывает, что если в 1920-е гг. он был проектом модернизации, то в конце XX – начале XXI в. бурятский национализм выполнял в основном функцию легитимации политических требований.
Ключевые слова: бурятское национальное движение; национализм; интеллигенция; модернизация.

В XX в. национализм развивался так стремительно, что это столетие можно по праву назвать «веком национализма». В связи с этим он стал объектом пристального внимания со стороны исследователей. При этом до сих пор существуют разногласия по поводу понимания национального вопроса в СССР, а политическая и социальная значимость данной проблемы диктует необходимость ее детального анализа.

Некоторые исследователи рассматривают национализм как идеологию, особое внимание уделяя стремлению к завоеванию и сохранению независимости, а также окончательному его оформлению «в рамках группы, определенная часть которой рассматривает ее как уже существующую или потенциальную нацию» [1. С. 88; 2. P. 102–103, 171]. Возникает вопрос, следует ли национализм определять исключительно как «идеологию» или рассматривать как «общественное, национальное движение», поскольку такое определение представляется наиболее адекватно отражающим его социальное измерение.

Говоря об интеграционном и мобилизационном потенциале национализма, нельзя не отметить роль политических элит в превращении этнических, культурных сообществ в политические, государственные. Как отмечает Д. Конверси, вплоть до XX в. концепция национального строительства означала реализуемый и возглавляемый элитами тот или иной проект укрепления государственности [3. P. 1–21].

М. Хрох [4. P. 91–106] и Э. Хобсбаум [5. С. 239] подчеркивали роль интеллектуальных элит в качестве решающих факторов формирования национализма. Именно элиты играют ведущую роль в формировании политического ресурса на основе элементов этничности и культуры.

В российской науке и публицистике термин «национализм» долгое время понимался в негативном смысле – как превосходство одного народа над другими и использовался как ярлык, с помощью которого осуществлялось политическое преследование. Лишь позднее, с постепенной демократизацией, национализм стал рассматриваться не в оценочном значении, а как категория научного анализа.

Тоталитарное государство подавляет проявления низового национализма, как правило, имеющего этнический, периферийный характер. Государство может само проповедовать разные формы национализма, в том числе шовинистического толка, дискриминируя или ассимилируя малые культуры или народы. Понятие нации в России выступает как некий социальный конструкт, члены которого, не зная друг друга лично, тем не менее рассматривают себя как общность с единой судьбой и надеждами.

В. Тишков предложил принять термин «нация» в значении совокупности граждан одного государства, отказавшись от его этнических характеристик [6. С. 51, 95]. В зависимости от конкретной концепции, термины «этнос» или «этническая группа» предполагают соответствие целому ряду критериев, при этом во всех теориях этноса особую роль играет понятие культуры как одной из его важнейших составляющих. К примеру, К. Калхун рассматривает культуру как конструкт, аналогичный народу и обществу [7. P. 53]. Другие авторы сходятся во мнении, что те или иные сообщества отличаются друг от друга определенным набором характеристик; никто не подвергает сомнению существование элементарных категорий восприятия человека человеком как «своего» или «чужого». П. Брасс определяет этнос как «чувство этнического самосознания… состоящее из “субъективного, символического или знакового использования” группой людей какого-либо из аспектов культуры с целью отграничения себя от других групп» [8. P. 3]. Важно, что члены этнической группы не определяют себя как «этническая группа» и не рассматривают объединяющие их связи как «этнические узы». Вероятно, этнос можно определить как теоретическую категорию, которая потенциально служит для самоидентификации нации, в то же время не оформленную до конца, ограниченную тем сектором социальной сферы, который не связан с политической деятельностью и не имеет культурной направленности.

Научное содержание понятия «нация» является предметом начавшихся еще век назад длительных и зачастую не вполне продуктивных дискуссий, несмотря на участие в них крупных ученых и публицистов. В мировой науке до сих пор нет общепринятой дефиниции нации, особенно если речь идет о ее границах, членстве в ней или о нации как статистической категории. Тем не менее до недавнего времени в обществознании господствовало и сохраняет свои позиции понимание нации как реальной общности. В этом случае нация рассматривается как коллективный индивид (или тело), обладающий базовыми потребностями, (само)сознанием, общей волей и способный на единое и целенаправленное коллективное действие. Одной из таких потребностей является обеспечение условий своего сохранения и развития, и из этой потребности вытекает стремление к автономии и независимости в форме отдельного «национального государства». Феномен национализма в данном случае представляется как общественно-политическое явление, в котором нации остаются главными акторами.

П. Брасс [9. С. 84] и Л. Гринфельд [10. С. 94] ставят знак равенства между возникновением нации и выдвижением от ее имени политических требований. Неоднозначность понятия «национализм», его близость и к общественному движению, и к идеологии в значительной мере являются следствием неопределенности границ между данными явлениями в целом. Если речь идет об идеологии, то, с одной стороны, подчеркивается ее практическая направленность, легитимация деятельности, формулировка ее целей, значение, приписываемое каким-либо событиям, чувство сопричастности, которое они дают людям. С другой стороны, общественные движения непременно предполагают наличие идей, ценностей, они ищут обоснования для своей деятельности, свои исторические корни. Под национализмом мы понимаем идеологию, создающую идейные рамки для национальных движений. Оба эти явления можно рассматривать как взаимозависимые и отчасти взаимопроникающие, но в то же время обладающие собственной спецификой.

Формирование бурятской интеллигенции происходило под влиянием общих культурно-исторических процессов и тех специфических условий, в которых шло развитие бурятского общества. Эти условия характеризовались, с одной стороны, воздействием центрально-азиатской культуры, буддизма. С другой – экономический и социально-политический строй Российского государства, система управления и идеологическое воздействие, непосредственные контакты с русским народом накладывали отпечаток на развитие бурятской интеллигенции. Буряты и русские были интегрированы в единую государственную систему, что в конкретно-исторических условиях вело к неизбежной русификации бурят, включая интеллигенцию. В конце XIX в. социальные и экономические изменения разрушали традиционный образ жизни бурят, как и многих нерусских народов. Прежде всего, это строительство Транссиба, определенная (пусть невысокая) степень урбанизации, давшие мощный импульс колонизационному движению, направленному на заселение русскими различных регионов России, в том числе и Бурятии. В этот период начинается формирование современного русского национализма, а в части правящей элиты складывается убежденность в том, что этническая неоднородность России со временем будет становиться все более и более серьезным препятствием на пути создания сильного государства [11. С. 321; 12. С. 375].

Для бурят вхождение в состав Российского государства означало одновременно расшатывание универсальных устоев миропорядка как в идеологической, так и в сугубо практической сфере. Как оказалось, мир европейцев не может быть описан при помощи существовавших ранее категорий. Не существовало понятийного аппарата, который позволил бы рассуждать о мире, обществе и политике в нерелигиозных категориях – тех, которые использовала европейская политическая мысль. Обстоятельства, сопровождавшие отделение бурят от остальных монголов (установление границы между Россией и Китаем), привели к тому, что они оказались отрезанными как от халхаских ханов, по отношению к которым они находились в вассальной зависимости, так и от непосредственных контактов с важнейшими религиозными авторитетами – Далай-ламой и Богдо-гэгэном. Можно сказать, что южнее российско-монгольской границы остались не только родственные племена, но и вся политическая жизнь монгольских народов. Отсутствие собственной сильной светской власти способствовало укреплению позиций ламаизма в общественной жизни бурят (прежде всего, восточных). Дополнением к семейным и племенным узам были узы религиозные, которые на рубеже XIX и XX вв. стали основой для собственно бурятских теократических теорий. Западные буряты, номинально перешедшие в христианство, по существу, оставались в сфере влияния шаманизма.

«Столкновение» бурят с Россией характеризуется всеми чертами феномена, который Э. Смит называет конфронтацией с организованным, согласно современным европейским образцам, «научным государством», что, по его мнению, является одним из базовых условий возникновения национализма [13. С. 131]. Интерпретация этого «столкновения» производилась представителями образованной элиты, которая распалась на две группы – первую составили те, кто получил образование в традиционных религиозных школах, вторую – выпускники высших учебных заведений Казани, Петербурга, Цюриха, а также созданных светских школ, основанных на модели европейского образования.

Происходили изменения также и в формах описания социальной действительности. Нельзя не согласиться с В. Зайончковским в том, что помимо традиционных форм анализа начали использоваться модели описания и интерпретации мира, базирующиеся на европейской системе знаний [14. С. 164]. Различные подходы к ин-

терпретации социальной действительности, на которые наложились различия в образовании, привели к складыванию следующих идейных и политических течений:

1. Реакционный религиозный консерватизм, преследовавший цель восстановления некогда существовавшей «истинной», «чистой» религии, отвергавший возможность какого бы то ни было компромисса с современной европейской цивилизацией и являвшийся проявлением исторической девиации. Идеал, к которому следовало стремиться, находился в данном случае в прошлом. На бурятской почве это течение представляли «стародумцы». В целом идеология «стародумцев» была направлена на социокультурную изоляцию в рамках консервативных этнических традиций.

2. Религиозный модернизм, признававший необходимость усвоения определенных достижений европейской цивилизации. Его сторонники выступали за рационализацию образования, не подвергая при этом сомнению религиозную базу социального самосознания. Общественный идеал в данном случае не предполагал возврата к корням, не был локализован в прошлом. Представители этой среды (так называемая партия прогрессивных бурят) выражали интересы нарождавшейся буржуазии и выдвигали требования конституционно-демократического характера, принимая реформы 1901–1903 гг. Основные программные цели «прогрессистов» – суверенитет бурятской нации, политическое и культурное равноправие народов Российской империи, гражданская свобода, обеспеченная новыми формами государственности – национальной автономией бурятского народа на основе буржуазной демократии.

3. Национализм, признававший необходимость восприятия не только отдельных достижений западной цивилизации, но и перехода на путь развития, проложенный европейцами. Концепция нации становилась не только новой формой выражения социального самосознания, но и одним из существенных этапов развития, который должен был привести к выравниванию неевропейской и европейской цивилизаций. Общественный идеал проецировался в данном случае в будущее, не предполагая полного разрыва с традицией, он одновременно отрицал приоритет религиозных уз.

4. Социализм, характеризовавшийся критическим отношением к традиции и признававший многие ее элементы (особенно если речь шла о религиозной жизни) проявлением ложного сознания, от которого необходимо было отказаться. Общественный идеал проецировался в будущее и фактически никак не был связан с традицией.

Подобное разделение носило в определенной степени условный характер, поскольку взгляды авторов постоянно эволюционировали. Тем не менее эти идейные течения в целом определяли рамки политического дискурса представителей неевропейской цивилизации в составе России в конце XIX в. Крайние позиции, а именно религиозный консерватизм и социализм, отмежевавшиеся, с одной стороны, от всего европейского, а с другой – от собственной традиции, были в общественной жизни бурят своеобразными полюсами. Между ними простиралась сфера, в которой взаимодействовали течения, связанные и с традицией, и с европейской цивилизацией. Поэтому нет ничего удивительного в том, что возникновению национализма предшествовали попытки религиозных реформ, а позже религиозный модернизм существенным образом повлиял на формирование националистических идей.

В годы Революции 1905–1907 гг. бурятская интеллигенция не только с огромным интересом следила за ходом событий в России, но и активно включилась в общероссийский контекст национального движения. Наибольшую активность в нем проявили деятели народного образования, создавшие союз «Знамя бурятского народа» и «Общество просвещения бурят», целенаправленно ориентировавшие свою деятельность на возрождение традиционных этнических форм культуры, прежде всего буддизма, обладавшего высокими интеграционными возможностями. Национал-демо-краты, возглавляемые Ц. Жамцарано, Б. Барадиным, А. Доржиевым, настаивали на консолидации бурят в рамках национально-территориальной автономии и создании национальных науки, литературы, искусства на основе обновленного ламаизма и его культурных средств. Ц. Жамцарано был хорошо знаком с настроениями различных слоев монгольских народов, прежде всего с рядом бурятских лидеров, знал об их попытках «объединить все группы бурятского населения Забайкальской области и Иркутской губернии на почве угнетенного духовно-правового и экономического положения, развивать правосознание и самосознание массы до общечеловеческих принципов, поддерживать и способствовать развитию существующих коммунистических начал, все более и более расширяя поле их деятельности» [15. С. 170]. Он также знал, что эти настроения разделяет основная масса бурятского народа, за исключением немногих родоначальников, понимая, что «буряты добиваются быть полноправными гражданами и, как таковые, участвовать в политической жизни страны вместе с другими народностями; а как национальность – требуют права на культурное самоопределение» [15. С. 184].

«Западники» же были настроены пессимистически в отношении бурятского национально-культурного возрождения в условиях капитализма. Они считали необходимым введение единого с русским населением земского управления, скорейшее усвоение достижений европейской культуры с помощью латинизации бурятской письменности. Ярким выразителем идей о необходимости вступления бурят на путь модернизации был М.Н. Богданов, рационально объяснявший будущие результаты русификации и отказа от традиционных форм жизни. Он писал: «Пока мы оживим застывшую монгольскую литературу и дойдем до создания «шедевров национального художественного творчества», не успеет ли уже раздавить нас всемогущий бог западноевропейской культуры – капитал, который с водворением в России новых форм жизни, мощными шагами пойдет вперед? Нужно

помнить, что мы живем не в эпоху Средневековья, когда каждая маленькая национальная группа могла жить внутри своей ячейки совершенно изолированно от внешнего мира, а в XX в., когда процесс капиталистического развития разрушает почти все национальные различия, какими бы китайскими стенами они не отгораживались. Спасение наше не в том, чтобы дрожать над выдуманными нами национальными особенностями, а в возможно скором и прочном усвоении цивилизации. Для этого необходим русский язык…» [16. С. 43].

На почве совместной борьбы с существующим строем происходил взаимный процесс сближения бурятской и русской сибирской интеллигенции, выступившей в лице Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева в защиту коренного населения Сибири. Во многом этому процессу способствовало и то обстоятельство, что русский язык для бурятской интеллигенции являлся не только средством общения, но и языком литературы и науки. Малочисленность интеллигенции, сложившаяся политическая обстановка способствовали совмещению ее представителями различных видов деятельности: профессиональной, общественно-политической и творческой. Научные интересы бурятских интеллектуалов распространялись на изучение различных сторон духовной и материальной культуры народов Центральной Азии, их верований, истории, семейного и общественного быта, европейскую теорию нациестроительства. Выход из отсталости и темноты они видели в распространении европейского просвещения, их объединяло стремление взять лучшее из культур Востока и Запада.

Влияние социокультурной и общественно-политической среды России проявилось и в том, что политическое мышление элиты бурятской интеллигенции во многом опережало уровень массового сознания бурятского народа. Идентификационные практики определяли активное конструирование идей национально-культурной идентичности бурят. В результате их взаимодействия и последующего развития в регионе возникла так называемая бинациональная культура, национальный компонент которой, с одной стороны, придает уникальность и силу общероссийской, а с другой – выделяет то, что присуще каждому народу [17. С. 159].

Лидеры бурятской интеллигенции на всех бурятских съездах, проходивших во время буржуазно-демократических революций 1905–1907 гг. и 1917 г., были заняты юридическим конструированием новой буржуазно-демократической государственности. В социальном плане декларировались такие цели, как установление всеобщего равенства, всеобщей справедливости и благоденствия, национальной солидарности бурят для спасения от «пролетаризации» и «капитализации», к которым ведет политика правительства и социал-демократической партии большевиков. Этот диссонанс между антикапиталистическими высказываниями и объективным смыслом общественно-политической деятельности, расчищавшей дорогу капитализму, был характерен для большинства мелкобуржуазных демократических партий России – сказывалась патриархальная отсталость страны в целом и ее национальных окраин в частности. В Бурятии это было обусловлено и такой особенностью общественного развития, как незавершенность процессов классообразования (как на феодальной, так и на буржуазной основе).

Октябрьская революция и начало Гражданской войны открыли новый этап в истории народов, населявших Российскую империю. Значение движений национальных меньшинств оценили большевики, сочтя, что идея разделения человечества на народы, стремящиеся к обретению определенных политических прав, может стать хорошей почвой для нахождения общего языка с населяющими Россию народами. Компромисс был достигнут после согласия новых властей на создание национальных республик взамен на отказ националистических слоев от религии, признание классовой теории общества и доминирующей роли большевиков. В СССР были созданы национальные административные образования, одним из которых стала Бурят-Монгольская автономная советская социалистическая республика (1923 г.). При этом создатели руководствовались жесткими, вытекающими из сталинского определения нации, критериями, которые предполагали существование «национальной» территории, литературного языка и единой народной культуры [18. С. 296–297]. Был запущен самораскручивающийся механизм образования национальных сообществ, состоящий в восполнении имевшихся «недостатков» в обществах, наделенных статусом союзных или автономных республик, но не до конца соответствовавших названным критериям. Эту цель призваны были решить разнообразные институты (в сфере организации науки, культуры, прежде всего народной, средства массовой информации), которые просуществовали до самого распада СССР.

Политический потенциал национального движения впервые проявился во время Революции 1905–1907 гг., однако одновременно обозначились также проблемы, связанные с сочетанием светского и партикулярного по своему характеру национализма и религиозного универсализма. Недовольство бурят возбуждали конфискация земель, ограничения, касавшиеся религиозной жизни и образования, а также попытки навязывания российскими властями системы самоуправления, основанной на территориальном принципе. Царские законники полагали, что сокращение земельных наделов бурят до нормы русских землевладельцев заставит кочевых скотоводов перейти к оседлому земледелию и в целом ускорит русификацию бурят. Роспуск Степных дум означал ликвидацию самоуправления в бурятских ведомствах и введение волостного управления по русскому образцу с подчинением русским крестьянским начальникам. Власть должна была перейти от сословия нойонов к новым социальным силам, складывавшимся в бурятских улусах в процессе развития капиталистических отношений [19. С. 23]. Объявление правительственных реформ вызвало массовые волнения в Забайкалье в 1903 г. и позже – в 1905–1907 гг.

Этот конфликт интерпретировался как противостояние русских и бурят, при этом оказалось возможным пренебречь племенными и родовыми различиями (характерно, что подобные требования выдвигали после 1905 г. как восточные, так и западные буряты). В это же время заявило о себе течение, подчеркивавшее связь с монгольским миром. Его проявлением стало требование введения монгольского языка в школы и снятия ограничений на монголоязычные издания. Главной целью ратующих за эти лозунги «радикальных народников» стало объединение монгольских народов, а ведущую роль здесь призваны были сыграть буряты [20. С. 143]. Часть бурятской интеллигенции начала движение в этом направлении, стремясь к созданию нового большого национального сообщества с опорой на когда-то существовавшую монгольскую историко-культурную общность.

Это был политический проект, в котором важное значение придавалось созданию собственной государственности как необходимому атрибуту и предпосылке создания нации. Создать государство, чтобы создать нацию – достаточно распространенная и осмысленная в XIX в. стратегия. Специфика «панмонголизма» заключалась в том, что нацию предполагалось формировать на базе монгольской историко-культурной общности, давно и прочно разделенной государственными границами.

В Бурятии так же, как и в других национальных регионах, не все было гладко. Возникли разногласия между сторонниками национального партикуляризма, подготовившими создание в 1921 г. в Дальневосточной Республике Бурят-Монгольского автономного округа, и приверженцами консервативного религиозного универсализма под предводительством ламы Лубсан-Сандана Цыденова [19. С. 60].

Летом 1918 г. в Забайкалье при поддержке японских империалистов была установлена военная диктатура атамана Г.М. Семенова. 23 января 1919 г. его Указ о призыве бурят на военную службу вызвал недовольство со стороны коренного населения. Весной 1919 г. противостояние усилилось, дело стало доходить до репрессивных действий со стороны семеновцев. Население не хотело отдавать своих сыновей в армию. Представители верующих обратились к Л.-С. Цыденову с письменной просьбой о принятии населения под свое покровительство для того, чтобы уберечь бурятскую молодежь от призыва в армию. Организованное Л.-С. Цыденовым теократическое движение носило реформаторский характер. Идея реформирования буддизма легла в основу социально-политического движения и создания теократического правительства. Политическое значение этого движения состояло в кратковременной попытке основания отдельного государства, которое могло бы дать народу свободу – свободу от военной эксплуатации Семенова, свободу от экономической эксплуатации ДВР. Семеновские власти объявили Цыденова преступником, созданное им государство было упразднено, а сам Л.-С. Цыденов после нескольких месяцев тюрьмы исчез.

Интеллигенция оказалась перед дилеммой: отказаться от общественных идеалов, базировавшихся на некоторых конфессиональных принципах, или принять предлагавшийся победившей партией образ социальной действительности. Отказ от религии, однако, не означал достижения компромисса с коммунизмом, поскольку эта идеология оказалась в определенном отношении изоморфна национализму. «Нация и класс как альтернативные источники социального самосознания были в принципе несовместимы, поскольку претендовали на аналогичную роль посредника между личностью и человечеством, необходимого для определения места личности в исторической реальности» [21. С. 48].

Стремление избежать выбора между лояльностью по отношению к классу, а точнее к партии, и лояльностью по отношению к нации привело к возникновению национального коммунизма, пытавшегося обосновать необходимость учета некоторых националистических постулатов в ходе строительства коммунистического общества. На практике значительная часть интеллигенции, согласившаяся сотрудничать с большевиками, давала понять, что именно национальная принадлежность рассматривается ею как важнейшая точка отсчета. Складыванию такой позиции способствовала также политика «коренизации», развернутая ВКП(б) в середине 1920-х гг. [22. С. 385–391].

Существовало несколько вариантов позиций, занятых представителями национальной интеллигенции по отношению к коммунизму. Крайнюю точку зрения выражал В. Трубачеев, представлявший течение национального нигилизма. Между полярными точками обнаружились разнообразные вариации компромиссных воззрений. Некоторые старались найти свою нишу и работать, избегая (насколько это было возможно) политики (Г. Цыбиков), другие пытались найти форму сочетания коммунизма с национализмом, создавая течение, которое можно обозначать как «национальный коммунизм». В числе наиболее видных представителей этого течения можно назвать Ц. Жамцарано и Э.-Д. Ринчино. Сочетание коммунизма и буддизма (ламаизма) предлагали представители обновленческого движения, ярчайшим представителем которого был А. Доржиев [23. С. 10–17].

Поиски соответствующей формы сосуществования с коммунизмом не были лишены рациональных предпосылок. В 1920-е гг. в республике начался процесс, который можно определить термином «националистическая модернизация». Он состоял в развитии национальных культурных и образовательных институтов, создании новой интеллигенции, выработке научной основы литературного языка. Его целью было достижение в ускоренном темпе уровня, демонстрируемого европейскими обществами.

Стремительное расширение сферы социальной активности в общественной жизни знаменует первый и наиболее важный этап националистической модерни-

зации. Началом процесса сознательной модернизации можно считать распространение печати и прессы, повышение статуса национального языка за счет превращения его в письменный (в ущерб старомонгольской письменности), а также реформу системы школьного образования. Это происходило на фоне кардинального изменения отношения бурятской интеллигенции к собственному обществу: адресатами тех идей, которые представители элиты стремились передать при помощи новых или модернизированных средств информации, были все без исключения члены этнического сообщества. Благодаря этому процессу были созданы условия, способствовавшие складыванию нового самосознания в рамках общественного движения, в которое были вовлечены представители иных, кроме интеллигенции, слоев населения.

Б. Андерсон подчеркивал значение «печатного капитализма», «лингвистических революций» и новых способов видения мира [24. С. 100–105], он полагал, что национализм возник благодаря развитию СМИ, в результате чего оказалось, что мысли и чувства людей стали синхронны, похожи друг на друга, стало возможным появление общности людей, которые друг друга не знают, но, тем не менее, воспринимают происходящие события сходным образом.

Начиная с 1928–1929 гг., в СССР постепенно сужаются допустимые границы участия национальной составляющей в общественной жизни. В качестве примера можно привести развернувшуюся дискуссию, которая завершилась поражением сторонников сохранения традиционных вариантов письменности, базировавшихся на старомонгольском алфавите [25. С. 176–179]. Дискуссия по поводу алфавита была последней, в которой национальная интеллигенция принимала участие как социальная группа, пытавшаяся руководствоваться в своих действиях стремлением к достижению определенных национальных целей.

Замена традиционных алфавитов совпала по времени с началом борьбы с «правым уклоном» в партии, что предполагало, в частности, преодоление буржуазного национализма, который впервые стал объектом нападок еще в 1920–1923 гг. В Бурятии атака была направлена на панмонголистов. Результат – отстранение от власти и вывод из государственных институтов сторонников национального коммунизма или тех, на кого пало подозрение в симпатиях такого рода. Наступившие вскоре трагические 1937–1938 гг. положили конец не только попыткам сочетать коммунизм с национализмом, но и уничтожили все поколение национальной интеллигенции, которое пыталось осуществить эту идею. Практически лучшая часть дооктябрьской интеллигенции, включая художественную и духовенство, была изгнана из страны или уничтожена. Заодно была уничтожена часть новой интеллигенции, воспринявшая традиции прошлого.

Как отмечал В.Ц. Найдаков, произошел новый перерыв постепенности [26. С. 2]. Это относится ко всем народам без исключения. Но особенно тяжело пострадали восточные народы и их интеллигенция, связанная с цивилизацией и культурой Востока. Они вынуждены были во многом отказаться от национальных корней, от своих традиций, верований, обычаев. Многое из культурного наследия, национальных обычаев, традиций было объявлено буржуазным, националистическим, поставлено вне закона.

Деформирующее воздействие на бурятский народ и его культуру оказал 1937 г.: расчленение Бурят-Монгольской АССР на три автономии, выделение части бурят из состава автономии, ликвидация общенациональных, социально-политических и культурных институтов, истребление духовной элиты, лидеров нации. Идеологизация культуры и чрезмерная централизация власти оказались пагубными, привели к утрате культурного суверенитета и исторических корней. В течение нескольких лет с учетом потерь, понесенных в Великой Отечественной войне, с политической арены сошло целое поколение людей, у которых был опыт иной, несоветской, политической жизни и для которых выбор между религией, классом и нацией действительно представлял дилемму.

Почва для возрождения национализма появилась на рубеже 1980–1990-х гг. в связи с перестройкой и распадом СССР. Причинами такого хода событий стали, во-первых, ускорение процесса повышения социального статуса представителей национальных меньшинств. Доля бурят с высшим образованием в Бурятии увеличилась в период с 1950 до 1989 г. в несколько раз (так, в 1950 г. на тысячу человек населения республики было 19 бурят с высшим образованием, в 1970 г. показатель вырос до 41, в 1979 – до 73, в 1989 – до 118) [27. С. 5, 14]. Во-вторых, были упрочены институциональные основы культурной и научной жизни в республике, что создавало необходимость подготовки специалистов. В-третьих, выросла численность городского населения: 1970 г. в городах Бурятии проживало 44,6% населения, в 1979 г. – 56,9%, в 1989 г. – 61,5% [28. С. 147]. При этом к концу 1980-х гг. доля горожан в общей массе бурятского населения достигла 44,5% [29. С. 27]. Наконец, в-четвертых, новая интеллигенция в подавляющем большинстве случаев имела крестьянское происхождение, а это означало ее принадлежность к среде, относительно слабо русифицированной. Условия адаптации молодой интеллигенции негородского происхождения в городе были довольно сложными.

Большая часть представителей интеллигенции принимала сознательную ассимиляцию с целью обеспечения собственной карьеры или успешного будущего детей. Распространена была инерционная позиция, сторонники которой стремились избегать драматичных решений. Принадлежность к бурятскому народу была естественной, но не представляла той ценности, которая пробуждала бы желание сохранить этническую самоидентификацию вопреки окружению. Не отмечалось явного протеста, который принял бы формы диссидентского движения.

Вместе с тем проявилась активность немногих непокорных (Лубсан Доржиев и др.), впрочем, здесь большее значение имела религия, чем национальная традиция. Деятельность Бидии Дандарона представляет собой один из примеров независимой позиции представителя национальной интеллигенции [30]. Он сыграл значительную роль в возникновении буддийских общин в Москве, Ленинграде, Таллинне, Риге и других городах Советского Союза. В условиях идеологической нетерпимости все это привело к тому, что в 1972 г. был инспирирован судебный процесс против Б.Д. Дандарона и его учеников по обвинению в сектантской деятельности. Оставшуюся часть жизни он провел в заключении.

Эти немногие непокорные пытались в различных сферах найти формы выражения своего национального сознания и независимого образа мыслей, но власть не смогла их принять.

Обращаясь к истории и пытаясь вписать себя в некое более широкое сообщество, представители интеллигенции старались дополнить «базовую систему ценностей» государства определенной альтернативной, имеющей национальную направленность. Принятие национальных ценностей и национальное самосознание отнюдь не означали, что коммунистическая идеология не играла никакой роли в формировании взглядов интеллигенции. Безусловно, играла, притом весьма существенную. Стиль исторического мышления бурятских интеллигентов формировался под влиянием марксистско-ленинской концепции истории. А сама история и интерес к культурной традиции всегда играли важную роль в обществе. Здесь трудно не согласиться с В. Зайончковским, полагающим, что исследование истории могло стать «для представителей национальных меньшинств началом политической рефлексии или заменить ее полностью, а реконструкция национального прошлого при помощи историографии могла восприниматься как ритуал, символизирующий существование политического сообщества, базирующегося на иных принципах, чем те, которые предлагала официальная идеология, ратующая в пользу гипотезы об исчезновении наций в СССР и создании «советского народа» [14. P. 172–174].

На рубеже 1980–1990-х гг. свидетельством национальных устремлений интеллигенции стала деятельность национальных организаций, выступавших первоначально с требованиями культурного и языкового характера, а позже и с политическими требованиями. В 1988 г. было создано региональное политическое объединение «Гэсэр». Основными положениями его программы были воссоединение бурятских автономных округов с республикой, выдвижение представителей этноса на высшие руководящие посты, возрождение национального языка и культуры. В конце 1980-х гг. в Бурятии возникло еще несколько общественных организаций – Союз бурятской интеллигенции, Клуб избирателей, Народный фронт. Их деятельность заключалась в организации непосредственного обращения к руководителям партии и правительства, проведении публичных форумов по национальному вопросу.

Процесс демократизации общественной жизни в БурАССР обусловил развитие форм бурятского национального движения, обеспечивших политическую консолидацию его участников. В 1989 г. в Улан-Удэ состоялось расширенное собрание, на котором обсуждалась проблема государственно-правового и территориального единства бурятского народа. В ноябре 1990 г. была создана Бурят-Монгольская народная партия, в состав которой вошли представители бурятской интеллигенции. Стержнем ее платформы являлась идея о возрождении бурят-монгольского народа через духовное и территориальное воссоединение, воссоздание единой Бурят-Монгольской республики, этнизация образования и культуры, возвращение к общемонгольским корням. На закате перестройки произошло возрождение одной из традиционных форм бурятского национального движения – общебурятских съездов. В феврале 1991 г. в Улан-Удэ состоялся I Всебурятский съезд. Основными направлениями его работы стали обсуждение вопросов политического и национально-культурного развития Бурятии, осуждение акта 1937 г. о разделении БМАССР. По инициативе делегатов была учреждена Всебурятская ассоциация развития культуры (ВАРК).

Формирование современной бурятской государственности в составе России способствовало возникновению новых общественных объединений этнического толка. В 1992 г. организовано Движение национального единства «Нэгэдэл». В конце 1992 г. произошло объединение «Нэгэдэла», Бурят-Монгольской народной партии (БМНП) и бурятского отделения Демократической партии России в блок «Народное согласие», члены которого разработали программу по «комплексному восстановлению политических, гражданских и культурных прав бурятского народа». Во второй половине 1990-х гг. в условиях стабильного развития республики бурятское национальное движение пошло на спад. В 1996 г. по инициативе делегатов II Всебурятского съезда был создан Конгресс бурятского народа, деятельность которого в основном была направлена на проведение мероприятий по обсуждению проблем воссоединения и реабилитации бурятского народа [31. С. 70–82]. Однако подобные акции не оказывали значительного воздействия на общественно-политические процессы в республике, а национальная идея в этот период не получила серьезной поддержки ни в массах, ни в политической и интеллектуальной элите.

Выводы, вытекающие из анализа позиций бурятской интеллигенции по национальному вопросу в России и СССР с конца XIX до конца XX в., можно разделить на две группы. Первая связана с характером процессов создания наций. Вторая группа касается более общих вопросов, связанных с теорией нации. Национализм начала XX в. и рубежа 1980–1990-х гг. не представляет собой единого общественного движения. Потери, понесенные национальной интеллигенцией в

1930-е гг. и в ходе Великой Отечественной войны, привели к разрыву общественной традиции в рамках национального движения. При этом идеологическая традиция была сохранена, поскольку представители национальной интеллигенции обратились к опыту бурятского национального движения начала XX в.

Несмотря на сохранение традиционного националистического дискурса у бурят на протяжении нескольких десятилетий существенно изменилась его функция. Если в 1920–1930-х гг. национализм был проектом модернизации, то в условиях 1990-х гг. он выполнял в основном функцию легитимации политических требований (касающихся, в частности, сферы автономии республик и статуса коренного населения). Целый ряд исторических условий – распад религиозной, племенной, родовой общности, развитие современных средств коммуникации, а также культурных и научных институтов, влияние европейской системы знаний – способствовал тому, что люди в различной степени начали ощущать свое социальное самосознание как национальное.

Национализм и модернизм принадлежат к числу тех культурно-политических феноменов, между которыми существует устойчивая связь. Национализм своим появлением обязан модернизации, разрушению традиционализма и архаики. Националистическая модернизация, включавшая как институциональный (создание национальных административных образований, развитие культурных и научных институтов), так и духовный аспекты (создание национального литературного языка, рождение национальной историографии), привела к превращению бурят в нацию. Исторический опыт продемонстрировал, что в конце XX в. нация представляет собой форму, способную наиболее полно удовлетворить потребности личности в коллективной самоидентификации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер М. Избранное. Образ общества / пер. с нем. М. : Юрист, 1994. 704 с.
2. Connor W. Ethnonationalism. The Quest for Understanding. Princeton, 1994. 234 p.
3. Conversi D. Conceptualizing Nationalism: An Introduction to Walker Connor's Work // Ethnonationalism in the Contemporary World: Walker Connor and the Study of Nationalism / Daniele Conversi Ed. L. ; N.Y. : Routledge, 2003. P. 1–21.
4. *Hroch M.* Real and Constructed: The Nature of the Nation // The State of the Nation: Ernest Gellner and the Theory of Nationalism / John A. Hall Ed. Cambridge UK ; N.Y. : Cambridge University Press, 2004. P. 91–106.
5. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб. : Алетейя, 1998. 160 с.
6. Тишков В.А. Российский народ: Книга для учителя. М. : Просвещение, 2010. 191 с.
7. Calhoun C. Critical Social Theory / Culture, History and the Challenge of Diversity. Oxford ; Cambridge, Mass., 1994. 356 p.
8. Brass P. Ethnic Groups and the State. London : Croom Helm, 1985. 341 p.
9. Brass P. Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison. New Delhi : Sage Publications, 1991. 358 p.
10. Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М. : ПЕРСЭ, 2012. 528 с.
11. Победоносцев К.П. Письмо Александру III (4 мая 1882 г.) // Письма Победоносцева к Александру III. М. : Новая Москва, 1926. Т. 1. 464 с.
12. Витте С.Ю. Воспоминания. М. : Соцэгиз, 1960. 723 с.
13. Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма / пер. с англ. А.В. Смирнова, Ю.М. Филиппова, Э.С. Загашвили и др. М. : Праксис, 2004. 466 с.
14. Zajonczkowski W. Ethnic Minority Organizations in the Federation of Russia at the turn of the 1980s and 1990s // Polish Sociological Review 2(134). 2001. P. 157–174.
15. Жамцарано Ц. О правосознании бурят (К предстоящим общим реформам) // Сибирские вопросы. 1906. № 2. С. 168–186.
16. Богданов М.Н. Бурятское «возрождение» // Сибирские вопросы. 1907. № 3. С. 38–49.
17. Балдано С.В. Формирование национальной интеллигенции и становление художественной культуры Бурятии (XVIII – начало XX в.) // Власть. 2011. № 6. С. 157–160.
18. Сталин И. Марксизм и национальный вопрос // Сочинения. М. : ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит., 1946. Т. 2. С. 296–297.
19. Елаев А.А. Бурятия: путь к автономии и государственности. М., 1994. 176 с.
20. Ринчино Э.-Д. Документы. Статьи. Письма. Улан-Удэ, 1994.
21. Геллнер Э. Нации и национализм. М. : Прогресс, 1991. 126 с.
22. Санжиева Т.Е. Политика «коренизации» в модернизационном процессе Бурятии // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение : материалы Всерос. конф., посв. 75-летию акад. РАН В.В. Алексеева / отв. ред. И.В. Побережников. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2009. С. 385–391.
23. Герасимова К.М. Обновленческое движение бурятского ламаистского духовенства (1917–1930 гг.). Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1964. 179 с.
24. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева ; вступ. ст. С.П. Баньковской. М. : Кучково поле, 2016. 416 с.
25. Базарова В.В. Реформа бурят-монгольского языка в зеркале политических дискуссий 1920-х гг. // Власть. 2012. № 6. С. 176–179.
26. Найдаков В.Ц. Проблемы национально-культурного развития народов Республики Бурятия // Бурятия. 1997. 10 апр. С. 2.
27. Буряты в зеркале статистики. Улан-Удэ / Госкомитет Рос. Федерации по статистике, Госкомитет Респ. Бурятия по статистике. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1996. 28 с.
28. Афанасьева И.П. Особенности урбанизационных процессов в Бурятии во второй половине XX века // Вестник Бурятского Университета. Сер. 4. История. Вып. 6. 2003. С. 146–155.
29. Республика Бурятия – 75 лет : стат. сб. Улан-Удэ : Госкомстат РБ, 1998. 320 с.
30. Гармаев Д.О. Философские основы необуддизма Б.Д. Дандарона : дис. … канд. филос. наук. М., 2005. 152 с.
31. Балдано М.Н. Трансформация идеи создания единого монгольского государства // Россия в Монголии: история и современность. Улан-Батор, 2008. С. 70–82.

Kirichenko Svetlana V. Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of RAS (Ulan-Ude, Russia). E-mail: : l-a-n-a@mail.ru

BURYAT INTELLIGENTSIA: NATIONALISM AND ETHNIC QUESTION.

Keywords: Buryat national movement; nationalism; intellectuals; modernization.

The purpose of this article is the analysis of positions of the Buryat intellectuals on an ethnic question in Russia and the USSR since the end of 19th until the end of the 20th century. For achievement of this purpose the author needed to solve the following tasks: first, to decide on the concepts "ethnos", "nation", "nationalism"; secondly, using empirical material, to analyse some aspects of problems of the

Buryat national intelligenzia; thirdly, to track process of national modernization and, at last, fourthly, to reveal features of the Buryat national movement. The article is based on materials of the published works of the Buryat national intellectuals and the analysis of works of the Russian and foreign researchers considering various aspects of nationalism. In the course of this research the author has come to the following conclusions. Nationalism and modernism belong to the number of cultural and political phenomena closely connected by stable relations. Nationalism has appeared thanks to modernization, destruction of traditionalism and antiquity. Nationalist modernization including institutional (creation of national administrative structures, development of cultural and scientific institutions), and spiritual aspects (creation of national literary language, birth of a national historiography) led to transformation of the Buryats into the nation. A number of historical conditions – disintegration of a religious, tribal, patrimonial community, development of modern mass medium, and also cultural and scientific institutions, influence of the European system of knowledge – promoted that people in different degree began to feel the social consciousness as national. The author emphasizes that nationalism of the beginning of the 20th century and a boundary of the 1980th – 1990th did not represent one general social movement. The losses incurred by the national intelligentsia in the 1930th and during the Great Patriotic War led to a gap of public tradition within national movement. Despite revival of nationalism in the Buryat society, its function cardinally changed during several decades. If originally it was the project of modernization, then in conditions of the 1980s – 1990s it performed only function of legitimation of political requirements and was not supported by the people.

REFERENCES

1. Weber, M. (1994) *Izbrannoe. Obraz obshchestva* [Selected Works. The Image of Society]. Translated from German by M. Levina et al. Moscow: Yurist.
2. Connor, W. (1994) *Ethnonationalism. The Quest for Understanding*. Princeton: Princeton University Press.
3. Conversi, D. (2003) Conceptualizing Nationalism: An Introduction to Walker Connor's Work. In: Conversi, D. (ed.) *Ethnonationalism in the Contemporary World: Walker Connor and the Study of Nationalism*. London; New York: Routledge. pp. 1–21.
4. Hroch, M. (2004) Real and Constructed: The Nature of the Nation. In: Hall, J.A. (ed.) *The State of the Nation: Ernest Gellner and the Theory of Nationalism*. Cambridge UK; New York: Cambridge University Press. pp. 91–106.
5. Hobsbawm, E. (1998) *Natsii i natsionalizm posle 1780 g.* [Nation and nationalism after 1780]. Translated from English by A. Vasiliev. St. Petersburg: Aleteyya.
6. Tishkov, V.A. (2010) *Rossiyskiy narod: Kniga dlya uchitelya* [The Russian people: Teacher's Book]. Moscow: Prosveshchenie.
7. Calhoun, C. (1994) *Critical Social Theory: Culture, History and the Challenge of Diversity*. Oxford; Cambridge; Mass.: Wiley-Blackwell.
8. Brass, P. (1985) *Ethnic Groups and the State*. London: Croom Helm.
9. Brass, P. (1991) *Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison*. New Delhi: Sage Publications.
10. Grinfeld, L. (2012) *Natsionalizm. Pyat' putey k sovremennosti* [Nationalism. Five Ways to the Present]. Moscow: PERSE.
11. Pobedonostsev, K.P. (1926) *Pis'ma Pobedonostseva k Aleksandru III* [Pobedonostsev's letters to Alexander III]. Vol. 1. Moscow: Novaya Moskva.
12. Witte, S.Yu. (1960) *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Sotsegiz.
13. Smith, A. (2004) *Natsionalizm i modernizm. Kriticheskiy obzor sovremennykh teoriy natsiy i natsionalizma* [Nationalism and modernism: A Critical Survey of Recent Theories of Nations and Nationalism]. Translated from English by A.V. Smirnov, Yu.M. Filippov, E.S. Zagashvili et al. Moscow: Praksis.
14. Zajonczkowski, W. (2001) Ethnic Minority Organizations in the Federation of Russia at the turn of the 1980s and 1990s. *Polish Sociological Review*. 2(134). pp. 157–174.
15. Zhamtsarano, Ts. (1906) O pravosoznanii buryat (K predstoyashchim obshchim reformam) [On the legal awareness of the Buryats (Towards the forthcoming general reforms)]. *Sibirskie voprosy*. 2. pp. 168–186.
16. Bogdanov, M.N. (1907) Buryatskoe "vozrozhdenie" [The Buryat "revival"]. *Sibirskie voprosy*. 3. pp. 38–49.
17. Baldano, S.V. (2011) Formirovanie natsional'noy intelligentsii i stanovlenie khudozhestvennoy kul'tury Buryatii (XVIII – nachalo XX v.) [Formation of the national intelligentsia and artistic culture of Buryatia (the 18th – early 20th centuries)]. *Vlast' – The Power*. 6. pp. 157–160.
18. Stalin, I. (1946) *Sochineniya* [Works]. Vol. 2. Moscow: OGIZ; Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. pp. 296–297.
19. Elaev, A.A. (1994) *Buryatiya: put' k avtonomii i gosudarstvennosti* [Buryatia: The path to autonomy and statehood]. Moscow: Antal.
20. Rinchino, E.-D. (1994) *Dokumenty. Stat'i. Pis'ma* [Documents. Articles. Letters]. Ulan-Ude: Redaktsionno-izdatel'skiy otdel Minpechati Respubliki Buryatiya.
21. Gellner, E. (1991) *Natsii i natsionalizm* [Nation and nationalism]. Translated from English. Moscow: Progress.
22. Sanzhieva, T.E. (2009) Politika "korenizatsii" v modernizatsionnom protsesse Buryatii [The policy of indigenisation in the modernisation process of Buryatia]. In: Poberezhnikov, I.V. (ed.) *Tsivilizatsionnoe svoeobrazie rossiyskikh modernizatsiy: regional'noe izmerenie* [Civilizational uniqueness of the Russian modernisation: the regional dimension]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii. pp. 385–391.
23. Gerasimova, K.M. (1964) *Obnovlencheskoe dvizhenie buryatskogo lamaistskogo dukhovenstva (1917–1930 gg.)* [The renewal movement of the Buryat Lamaist clergy (1917–1930)]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatelstvo.
24. Anderson, B. (2016) *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Orgin And Spread of Nationalism]. Translated from English by V. Nikolaev. Moscow: Kuchkovo pole.
25. Bazarova, V.V. (2012) Reforma buryat-mongol'skogo yazyka v zerkale politicheskikh diskussiy 1920-kh gg. [The reform of the Buryat-Mongolian language in the mirror of the political discussions of the 1920s]. *Vlast' – The Power*. 6. pp. 176–179.
26. Naydakov, V.Ts. (1997) Problemy natsional'no-kul'turnogo razvitiya narodov Respubliki Buryatiya [Problems of national and cultural development of the peoples in the Republic of Buryatia]. *Buryatiya*. 10th April. p. 2.
27. The State Committee of the Russian Federation on Statistics; The State Committee of the Republic Buryatia. (1996) *Buryaty v zerkale statistiki* [Buryats in the mirror of statistics]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatelstvo.
28. Afanasieva, I.P. (2003) Osobennosti urbanizatsionnykh protsessov v Buryatii vo vtoroy polovine XX veka [Peculiarities of urbanization in Buryatia in the second half of the 20th century]. *Vestnik Buryatskogo Universiteta. Istoriya – The Buryat State University Bulletin. History*. 6. pp. 146–155.
29. The State Committee of Statistics of the Republic of buratiya. (1998) *Respublika Buryatiya – 75 let* [The Republic of Buryatia – 75 years]. Ulan-Ude: Goskomstat RB.
30. Garmaev, D.O. (2005) *Filosofskie osnovy neobuddizma B.D. Dandarona* [Philosophical basis of B.D. Dandaron's Neobuddhizm]. Philosophy Cand. Diss. Moscow.
31. Baldano, M.N. (2008) Transformatsiya idei sozdaniya edinogo mongol'skogo gosudarstva [Transformation of the idea of creating a single Mongolian state]. In: *Rossiya v Mongolii: istoriya i sovremennost'* [Russia in Mongolia: History and modernity]. Ulan-Bator: [s.n.]. pp. 70–82.

УДК 908
DOI: 10.17223/19988613/51/9

М.В. Подрезов

ЧУЙСКИЙ ВЬЮЧНЫЙ ПУТЬ: КОНЕЦ XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.

История Чуйского тракта до середины 1860-х гг. практически не освещена в отечественной историографии. Предпринята попытка представить развитие Чуйского тракта в этот период. Подробно рассматриваются первые упоминания о тракте, выделяются различные этапы изменения торговли по Чуйскому пути. Наибольшее внимание сделано описанию тех проблем, с которыми сталкивался путешественник или торговец, решившийся преодолеть этот опасный, порой гибельный путь. Отмечается важность работ бийского исправника Е. Замятнина и выдающегося русского востоковеда, этнографа, археолога В.В. Радлова, оставивших ценнейший материал по истории Чуйского тракта.
Ключевые слова: Чуйский тракт; чуйский вьючный путь; русско-монгольская торговля; дорожное строительство; бийское купечество.

Чуйский тракт разными современниками и исследователями обозначал разные участки современной федеральной автомобильной дороги Р-256 «Чуйский тракт» Новосибирск – Новоалтайск (подъездная дорога к Барнаулу) – Бийск – Майма (подъездная дорога к Горно-Алтайску) – государственная граница РФ с Монголией (Ташанта). Наиболее раннее использование названия «Чуйский тракт», «Чуйский путь» и т.п. применялось исключительно к вьючной тропе по р. Чуе (отсюда и название дороги) или к пути по горам Алтая от с. Онгудай до монгольской границы. Однако в скором времени данным названием уже обозначался весь путь, начиная от с. Алтайского, а затем и от г. Бийска. Несмотря на тот факт, что еще в 1961 г. официально «Чуйский тракт» стал начинаться в г. Новосибирске, до сих пор жители Алтая и многие местные краеведы считают его началом переправу (мост) через р. Бию в г. Бийске, где 27 октября 2013 г. был установлен памятник «Нулевому километру» [1].

По некоторым свидетельствам, Чуйский вьючный путь имеет давнюю историю. Так, согласно некоторым легендам, «История Чуйского тракта уходит в глубину веков. Когда-то эта дорога была вьючной тропой, ответвлением Великого Шелкового пути, как ее называли, «китайской дорожкой» [2. С. 73]. А.В. Абакаева, ссылаясь на материалы музея Чуйского тракта и отмечая древность Чуйского тракта, пишет, что «люди возили свои товары в Монголию и Китай по тропе, существовавшей еще со времен Тамерлана» [3]. О том, что ранее по Чуйскому вьючному пути существовала довольно приспособленная дорога, говорят многочисленные факты.

Так, многие авторы и исследователи, в том числе М.А. Басов, упоминают о наличии признаков существования паромной переправы или подвесного моста в урочище Кор-Кечу в прежние времена: «Доказательством же тому, что в прежние времена ходил здесь паром, может служить то, что на обеих сторонах реки еще в настоящее время видны два глубоко продолбленных в утесах отверстия и прямо противоположном направлении. Вероятно, в эти отверстия вставлялись столбы; к ним и прикреплялся канат, по которому уже двигался паром» [4. С. 80–82]. Похожие факты имеются и в отношении перевала Чике-Таман, о которых пишет, в частности, инженер М.А. Брещинский: «Замечательно, что на северном склоне Чичке-Таману видны следы древней, высеченной в скалах колесной дороги. По словам инородцев, ее прокладывали когда-то китайцы, хотя мудрено судить насколько подобные сказания безошибочны. Эта дорога шириною до 2 сажень, заросла деревьями и загромождена валунами, скатившимися с ближайших горных вершин. Она тоже идет зигзагами, но повороты ее по-видимому, не круты, а подъемы пологи…» [5. С. 13–18]. Однако в русской историографии и источниках более или менее регулярные упоминания об этом пути появляются лишь в XIX в. Объяснениями данному обстоятельству служат в первую очередь два объективных факта: Горный Алтай добровольно вошел в состав Российской империи лишь в 1756 г., но контроль за ним со стороны российских властей был слаб даже в первой половине XIX в., а также долгие ограничения на заселение русскими крестьянами территорий, принадлежавших кочевникам. Более подробно общая ситуация вокруг путей сообщения по Томской губернии изложена в коллективной монографии «История дорожного дела в Томской области» под редакцией известного томского исследователя Сибири В.П. Зиновьева [6].

Авторы приводят разные данные относительно начала русской торговли по Чуйскому пути. Бийский исправник Е. Замятнин в 1871 г. писал, что торговые отношения между бийскими купцами, монголами и китайцами начались в первой половине прошлого столетия [7. С. 225], т.е. в первой половине XVIII в. На наш взгляд, данное мнение весьма спорно. Во-первых, подобной позиции не придерживается ни один автор ни до выхода работы Е. Замятнина, ни после. Во-вторых, вероятнее всего, имелось ввиду «настоящее столетие», т.е. XIX в., так как активная торговля по тракту, по данным иных источников, началась именно в это вре-

мя. В то же время Е. Замятнин сообщает: «Основание заграничной торговли в долине р. Чу положил пращур ныне живущих в Бийске купцов Хабаровых, Иван Хабаров… Одновременно с Хабаровым начал торговые сношения с Китаем змейногорский житель Токарев, а потом постепенно присоединялись к ним бийские купцы: Мальцевы, Кузнецовы, Шебалины и змейногорские Просековы» [7. С. 225]. Первые торговые контакты купца Хабарова в долине р. Чуи датируются авторами 1788-м годом, когда он достиг Курайской степи. Подобной позиции придерживаются Е.А. Грехова, А.В. Абакаева, С.А. Могулчина и др. Данное мнение не подвергается сомнению, особенно учитывая тот факт, что в 1820-х гг. русские купцы стали обосновываться в совсем отдаленных районах. Так, в урочище Кош-Агач «устроили избушки для склада товаров на берегах Чуи…», по данным В.В. Радлова, в 1820-х гг. [8. С. 345], по данным других исследователей, например Г. Ба-ова, около 1840 г. [9. С. 75]. Позиции Г. Ба-ова придерживается и директор музея Чуйского тракта Е.А. Грехова, отмечающая, что начало 40-х гг. XIX в. – это время, когда русские торговцы впервые достигли урочища Кош-Агач [10. С. 5].

Активная торговля по Чуйскому пути стала развиваться с 1820-х гг., как следствие, всё чаще данная дорога стала упоминаться в исторических и историографических источниках. Одной из основных проблем того времени для развития тракта представляла слабая заселенность Горного Алтая. По сообщениям Г. Ба-ова, крайним русским поселением в данной местности к 1820 г. было с. Алтайское [9. С. 75]. При этом он отмечает, что в последующее время начинается активное освоение территорий, находящихся на Чуйском пути, положивших начало многим современным деревням и селам: «Когда же торговля на Алтае более развилась, один из бийских купцов построил дом на р. Семе, где ныне дер. Шебалина, и завел здесь склады товаров и заимку…» [Там же]. Отметим, что во время путешествия по Алтаю трех известных ученых-естество-испытателей К.Ф. Ледебура, А.А. Бунге и К.А. Мейера летом 1826 г. в составе экспедиции, организованной Дерптским университетом, не содержится информации об активных торговых операциях между русским и местным населением. Однако уже в ходе указанной экспедиции содержатся отсылки на проблемы Чуйского вьючного пути, которые будут оставаться нерешенными до конца XIX в.: «Спуск с горы был поэтому крайне трудным, так как из-за дождливой погоды здесь образовалось множество ручейков, делавших почву очень скользкой; кроме того, дорога шла по густому лесу… где лежало множество упавших деревьев. Из-за непомерной лени калмыки, которые обязаны следить за дорогой, предпочитают делать объезды по головокружительным тропам, нежели прикладывать усилия, чтобы разрубить и убрать с дороги упавшее дерево для удобства езды» [11. С. 180].

Что представлял собой Чуйский тракт, правильнее даже сказать Чуйская вьючная тропа, в конце XVIII – первой половине XIX в., сложно осознать современному обывателю. Двигаясь сейчас по современной федеральной трассе Р-256 даже по узким долинам рек Катуни и Чуи, мы не сталкиваемся ни на йоту с теми преградами, которые представали перед путешественниками, купцами и местными жителями в ту эпоху. В наиболее общих представлениях тракт представлял собой труднопроходимую и опасную горную тропу, все перевозки по которой совершались исключительно вьючным способом. В силу этого расстояние между Бийском и Кош-Агачем в 519 верст, по сообщениям А.Ч. Камзабаевой, преодолевалось за 12–14 суток, а в межсезонье на это требовалось более 20 суток [12. С. 85]. Отмечу, что расстояние в 519 верст – довольно условное, так как даже в более позднее время в самых труднопроходимых районах Горного Алтая существовало несколько альтернативных обходов одной и той же преграды, в силу чего эта величина лишь в XX в. стала постоянной. Бийский исправник Е. Замятнин привел слова купцов Хабаровых, описывавших семейную историю о том, как начиналась чуйская торговля и как трудно приходилось их предкам: «Предки их отправлялись в Алтай зимою и выходили пешком на лыжах до местности, где ныне находятся селения Алтайской волости, а отсюда выезжали верхами в горы до урочища Чаган Узун и наконец в вершины р. Чу» [7. С. 226].

Перспективы развития торговли по Чуйскому тракту оценил известный русский географ и геолог П.А. Чихачев во время экспедиции на Алтай в марте–декабре 1842 г. Он констатировал важность г. Бийска с точки зрения торговых связей с Китаем и Монголией, но при этом заметил: «Эти отношения пока что незначительны по своим масштабам, но в дальнейшем они смогут приобрести большой вес с точки зрения как экономической, так и политической, пробивая для России еще одну брешь в той неприступной стене, которая возвышается между двумя самыми обширными империями мира» [13. С. 33].

Товарооборот купечества по Чуйскому тракту, несмотря на все трудности, представлялся значительным. В середине XIX в. известный русский путешественник Семенов-Тянь-Шанский сообщал: «Несмотря на всю затруднительность горных путей в южной части Бийского округа, представлявших из себя тропы, годные только для проезда всадника и каравана верблюдов, размеры торга достигали 300 тыс. руб.» [10. С. 8–9]. Е. Замятнин оценивал ежегодные торговые обороты по Чуйскому пути к середине века в 400 тыс. руб. [7. С. 228]. По этой причине неудивительно, что власти стали активно обсуждать перспективы развития Чуйского тракта и торговли по нему. Так, из обращения к Томскому гражданскому губернатору от 1837 г. мы видим, что государство понимало, какие упущенные выгоды от беспошлинной торговли оно имеет: «Г. Министр финансов в отношении ко мне от 28 минувшего октября № 15892 между прочего просит о сообщении ему моего мнения на счет учреждения на Колыванской

линии таможенной заставы, с правом очищать пошлиной все товары в Катунском редуте расстоянии от г. Бийска в 24 верстах, потому движению, что отсюда поворачивают торгующие из Бийска по реке Катунь на Чую…» [14. Л. 1–1 об.]. Относительно реальных объемов торговли по Чуйскому тракту судить сложно, так как никакой официальной статистики, разумеется, не существовало. Из Рапорта бийского земского исправника Томскому гражданскому губернатору от 1838 г. мы видим: «Чуйская торговля есть самая незначительная и едва достигает весь меновый товар русского и китайского произведения до пятидесяти тыс. руб., следовательно, с учреждением таможни казна настолько не приобретет никакой пользы, но даже тех издержек, какие нужно будет употребить на содержание оной» [14. Л. 12–12 об., 14 об.]. Сложно судить, насколько реальна данная цифра, так как вполне можно допустить, что она была искусственно занижена. Даже после учреждения Онгудайской таможни в 1891 г. практически все исследователи и современники отмечали занижение реальной стоимости перевезенных по тракту товаров.

Одно из наиболее ранних описаний Чуйского вьючного пути и торговли по нему принадлежит перу Г.Н. Потанина, составленное в 1856 г. во время полугодового пребывания на Алтае. Наверное, самым ярким описанием состояния пути является меткое выражение путешественника: «...алтайские дороги не проведены, а только протоптаны» [15. С. 279–280]. Среди прочего Г.Н. Потанин отмечает основные статьи перевозки по тракту. Среди русского вывоза он выделяет прежде всего железные изделия: ловушки, топоры и прочее; среди русского ввоза – «чуйские кирпичи» («кирпичный чай»), а также главную статью импорта на многие десятилетия – шкурки сурка [Там же. С. 279].

Стоит заметить, что до 1860 г. все данные о Чуйском тракте очень обрывочны и малы. Первым, по настоящему информативным описанием непосредственно Чуйского тракта является работа выдающегося востоковеда-тюрколога, этнолога и археолога В.В. Радлова, совершившего многократные поездки по Алтаю, только Чуйский вьючный путь он преодолевал трижды – в 1860, 1865 и 1870 гг.

По сообщениям В.В. Радлова, Чуйский вьючный путь в 1860 г. проходил по следующему маршруту: Бийск – спуск к Оби – дер. Иконникова – дер. Катунская – дер. Смоленск – ст. Белокурихинская – с. Алтайское – Сараса – Черга – Мыюта – заимка Балгасаина (на этом месте затем появилась дер. Шебалина) – Коротта – Талда – юрта зайсана Муклай – пос. Онгудай – заимка Хабарова – Чике-Таман – Кор-Кечу – Сальджарский перевал – р. Иня – р. Катунь – Бичикту-бом – левый берег р. Чуи – бом Кызылотыру – бом Калбак-Таш – Акташар-бом – Белый бом – Второй Белый бом (Белый бом Айгулака) – Чибит – Кош-Агач [16. С. 17–38]. Это наиболее краткое описание путевых точек, которых, разумеется, было гораздо больше.

Радлов в своих записях обращает внимание на целый ряд интересных фактов. Бросается в глаза, что он не переправлялся через р. Бию в г. Бийске, а направился по ее правому берегу к Оби, где и совершил переправу в районе современного пос. Сорокино. По аналогичному маршруту в 1842 г. двигался и П.А. Чихачев [13. С. 34]. Он также отметил: «Паром был так велик, что вместе с нашим тарантасом на него смогли въехать еще пять-шесть крестьянских телег…» [16. С. 17]. В указанном описании есть две интересные детали: во-первых, все последующие заметки путешественников, купцов и т.д. будут описывать исключительно переправу через р. Бию в черте г. Бийска; во-вторых, практически все они будут жаловаться, что на всем протяжении тракта переправы представляли собой значительную трудность как из-за бурности рек, так и из-за маленьких размеров паромов. Второй интересный факт, который приводит Радлов, заключается в следующем: перевозки зерна на Алтае по Чуйскому тракту осуществляются зимой, так как это позволяет использовать замерзшие реки в качестве естественной дороги [Там же. С. 18–19]. Это объясняется, прежде всего, большой себестоимостью вьючной перевозки по тракту, превращающей муку или зерно в очень дорогой продукт.

Первым серьезным препятствием на пути в Кош-Агач становился Комарский перевал, находящийся между селами Алтайским и Чергой. Особую трудность на всем протяжении XIX и в начале XX в. он вызывал после дождей, которые превращали дорогу по нему в топкое болото. Радлов в полной мере оценил эту негативную сторону данного участка: «Земля здесь настолько размокла от дождей, что колеса нашего тарантаса глубоко врезались в нее, и была так неровна, что тарантас наш скользил и клонился то вправо, то влево» [Там же. С. 20]. Во многих местах путешественник того времени также сталкивался с тем, что мосты были, как правило, непозволительной роскошью, а весеннее половодье превращало местные речушки в серьезные преграды: «Недалеко от деревни нам пришлось переехать реку вброд [р. Сему недалеко от с. Черги]. Но река и на месте брода была столь глубока, что наш тарантас зачерпнул воды» [Там же]. Стоит заметить, что в 1860 г. В.В. Радлов осуществлял свою поездку во второй половине мая, поэтому неудивительно, что в вода в реках была высокой.

Чуйский тракт к 1860 г. не был исключительно вьючной дорогой. Так, до с. Мыюты вполне можно было добраться на тарантасе. Дальнейшее передвижение осуществлялось, в лучшем случае, на обыкновенной крестьянской телеге до заимки калмыка Балгасаина (существовала на месте с. Шебалино). Последующий путь был исключительно вьючным и представлял собой в некоторых местах известную трудность, даже для верховой езды, о чем нам сообщает В.В. Радлов [Там же. С. 22]. Для «разминки» все проезжающие преодолевали Семинский перевал и перевал Чике-Таман, но первой преградой, ставящей под угрозу даже жизнь,

была переправа через Катунь в урочище Кор-Кечу, которую на то время осуществляли в небольшом челне, представляющим собой «выдолбленный ствол дерева десяти футов длины и около трех футов ширины... за один раз можно было перевезти через реку только три-четыре мешка с поклажей… Лошадям нужно было переплыть реку» [16. С. 30]. Можно лишь представить, насколько затягивалась переправа, когда ее достигали купеческие караваны.

Переправа в Кор-Кечу лишь открывала собой неприступный характер алтайских гор. Сальджарский перевал, многочисленные бомы, нависшие над рекой, заставляли порой даже опытных всадников слезать с лошадей и буквально карабкаться вверх. Радлов приводит подобные факты неоднократно, например: «Здесь скала под названием Бичиктюкая на много сотен футов вертикально спадает к берегу Катуни… Дорога здесь очень узкая и вьется меж высоких скал, поэтому мы перебрались через пом пешком…» [Там же. С. 33]. Дневник В.В. Радлова за 1860 г., к сожалению, не содержит подробного описания всех трудностей передвижения по катунским и чуйским бомам, которые он сделает уже в последующих поездках.

Н.Г. Чмелев заметил, что «до шестидесятых годов Чуйский тракт торговому миру был мало известен и только с половины шестидесятых годов начали им пользоваться наши бийские купцы для меновой торговли в Монголии и Китае» [17. С. 24]. Стоит обратить внимание также на следующий факт: «Первоначально торговля велась с так называемыми двоеданцами – кочевыми народами, платившими ясак русскому царю и китайскому императору, но постепенно, по мере продвижения русских на юг и принятием двоеданцев в русское подданство, необходимость в посредничестве отпала» [18. С. 276].

Подписание Пекинского договора в 1860 г. между Российской и Китайской империями, а также Чугучакского протокола о размежевании русско-китайской границы 1864 г. стали поворотным пунктом в истории развития тракта. Отныне к нему было приковано внимание не только бийского купечества, но и самых высоких чиновников. Начиная с поездки томского губернатора Г.Г. Лерхе по Чуйскому тракту летом 1864 г., история Чуйского тракта стала кардинально трансформироваться. Начались первые, пусть и незначительные изменения дорожного полотна, регулярными станут изыскательские работы по тракту. Однако ограниченность финансовых ресурсов империи еще долго не позволит бийским купцам проехать весь путь от Бийска до Кош-Агача на таратайке, хотя нужда в этом, т.е. в проведении колесного пути, назрела уже к 1860-м гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Нулевой километр Чуйского тракта» откроют в Бийске // Бийский рабочий. 22.10.2012. URL: http://biwork.ru/c231-vse-novosti/65571-nulevoj-kilometr-chujskogo-trakta-otkroyut-v-bijske.html (дата обращения: 28.08.2017).
2. Дмитриев А.В. Шукшин. Алтай. Чуйский тракт // Литературный календарь: книги дня. М. : Образование 3000, 2009. Т. 1, № 4. С. 73–82.
3. Абакаева А.В. Роль Чуйского тракта в развитии сел Горного Алтая (на примере села Иня) // Вестник молодых ученых : сб. науч. работ. Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2010. № 7. URL: http://e-lib.gasu.ru/vmu/arhive/2010/01/1.pdf (дата обращения: 13.07.2017).
4. Басов М.А. Путевые заметки по Алтаю // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков. Барнаул : Алт. краев. универс. б-ка им. В.Я. Шишкова, 2009. Т. 3. С. 75–92.
5. Брещинский М.А. Исследование путей в Алтайском крае // Записки Западносибирского отдела Императорского Русского географического общества. Омск : Тип. Окружного штаба, 1881. Кн. III. С. 1–30.
6. Андрющенко Б.К., Бузанова В.А., Зиновьев В.П., Зыкова В.Г., Коновалов П.С. История дорожного дела в Томской области / отв. ред. В.П. Зиновьев. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. 284 с.
7. Замятнин Е. О торговле бийских купцов с китайцами и монголами на Кош-Агаче в долине реки Чу // Памятная книжка Томской губернии на 1871 год. Томск : В Губернской типографии, 1871. С. 225–241.
8. Радлов В. Торговые сношения России с Западной Монголией и их будущность // Записки Императорского Русского географического общества по отделению статистики. СПб., 1871. Т. 2. С. 339–383.
9. Ба-ов Г. Чуйский торговый путь в Монголию (Его настоящее как вьючного пути, и будущее, как колесного) // Дорожник по Сибири и Азиатской России. Томск : Долгоруков В.А., 1899. Кн. II (март–апрель). С. 74–86.
10. Грехова Е.А. Чуйский тракт до монгольской границы. Историко-краеведческий очерк. Бийск, 2006. 100 с.
11. Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. Новосибирск : Наука, 1993. 415 с.
12. Камзабаева А.Ч. Чуйский тракт – история и современность (по документам архивного фонда Кош-Агачское ФГУ «Дорожно-эксплуатационное предприятие № 221») // История и современность Республики Алтай : материалы республ. науч.-ист. конф. Горно-Алтайск, 2012. С. 85–89.
13. Чихачев П. Путешествие в Восточный Алтай. М. : Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1974. 360 с.
14. Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 18. Д. 120.
15. Потанин Г.Н. Полгода на Алтае // Русское слово. 1859. № 12. С. 245–302.
16. Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника / пер. с нем. К.Д. Цивиной, Б.Е. Чистовой ; примеч. и послесл. С.И. Вайнштейна. М. : Наука, 1989. 749 с.
17. Чмелев Н.Г. Чуйский тракт и наша торговля в Китайской империи // Сибирский наблюдатель. Бывший дорожник по Сибири и Азиатской России. Томск : Долгоруков В.А., 1902. Кн. 5 (май). С. 23–32.
18. Старцев А.В. Строительство Чуйского тракта во второй половине XIX – начале XX в. // Ползуновский вестник. 2004. № 3. С. 276–282.

Podrezov Michail V. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia), Altai State Humanitarian and Pedagogical University (Biysk, Russia). E-mail: misha_1101@mail.ru

CHUYSKY PACK PATH: THE END OF THE XVIII – THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Keywords: Chuysky Tract; Chuysky Pack Path; Russian-Mongolian trade; road construction; Biysk merchantry.

Article represents the first attempt to unite scattered and fragmentary data on this well-known Siberian road, which played a significant role in the development of the Altai Mountains, Tomsk Province, as well as Russian-Mongolian and Russian-Chinese relations.

The purpose of this research is to analyze the origin of the Chuysky Tract as a trade route between the Russian and the Chinese empires at the end of the 18th and the first half of the 19th century (from the voluntary entry of the Gorny Altai and the first mention of trade in the River Chuya Valley until attention from the provincial and imperial authorities after the signing of the Beijing Treaty and the Chuguchak Protocol in the 1860s). The research is based on several groups of historical sources. Firstly, there are the materials of ethnographers, travelers, officials and engineers of that time: M.A. Basov, M.A. Breshchinsky, E. Zamyatnin, V.V. Radlov, G.N. Potanin and others. Secondly, the materials of the archival funds: State Archives of the Tomsk Region. F. 3. Op. 1. D. 381. Decisions of the Biysk City Duma, State Archive of the Altai Territory. F. 65. Tomsk Gubernia Department and a number of other funds of these archives, which allow to assess the overall situation in the field of road construction in the Altai Region. The historiography of this topic can be divided into two groups. The first is the work of pre-revolutionary researchers - N.G. Chmelev, G. Ba-ov and others, which are of considerable value, because a significant part of the data they provide is not reflected in subsequent generalized works. The second group is the work of researchers of the Siberian road system and Russian-Mongolian trade relations - V.P. Zinoviev, A.V. Startsev, E.A. Grekhova, A.C. Kamzabaeva, A.V. Abakayeva, in which various aspects of road construction in Siberia and the Altai are revealed on the basis of archival materials and other evidence, where one of the prominent roles was assigned to the Chuysky Tract due to its strategic importance. In the course of the research, the author came to some conclusions. Firstly, earlier on the site of the Chuysky Pack Path, there was a very developed road, which was, apparently, much more advanced, as the remnants of man-made construction show. Secondly, the establishment of the border and the rules of trade between the Russian and the Chinese empires in the 1860s gave Chuysky Pack Path a significant impulse in development, as it was in the center of attention not only of Biysk officials, but also of provincial and imperial authorities. Thirdly, all the main difficulties of movement along the Chuysky Tract - mountain passes, crossings across the Katun and numerous bumps - had already required immediate development by the middle of the XIX century, but due to various financial and technical problems, the tract remained at the same stage of development until the beginning of the XX century, and that became a significant brake for the development of Russian-Mongolian-Chinese trade.

REFERENCES

1. *Biyskiy rabochiy*. (2012) “Nulevoy kilometr Chuyskogo trakta” otkroyut v Biyske [“Zero kilometer of the Chuysky Trakt” to be opened in Biysk]. 22nd October. [Online] Available from: http://biwork.ru/c231-vse-novosti/65571-nulevoj-kilometr-chujskogo-trakta-otkroyut-v-bijske.html. (Accessed: 28th August 2017).
2. Dmitriev, A.V. (2009) Shukshin. Altay. Chuyskiy trakt [Shukshin. Altai. Chuysky Trakt]. *Literaturnyy kalendar': knigi dnya*. 1(4). pp. 73–82.
3. Abakaeva, A.V. (2010) Rol' Chuyskogo trakta v razvitii sel Gornogo Altaya (na primere sela Inya) [Chuysky Trakt in the rural development of Gorny Altai (a case study of Inya)]. *Vestnik molodykh uchenykh*. 7. [Online] Available from: http://e-lib.gasu.ru/vmu/arhive/2010/01/1.pdf. (Accessed: 13.07.2017 g.).
4. Basov, M.A. (2009) Putevye zametki po Altayu [Travel notes on the Altai]. In: Skubnevskiy, V.A. (ed.) *Altay v trudakh uchenykh i puteshestvennikov XVIII – nachala XX vekov* [Altai in the works of scientists and travelers of the 18th – early 20th centuries]. Vol. 3. Barnaul: Altaiskaya kraev. univers. b-ka im. V.Ya. Shishkova. pp. 75–92.
5. Breshchinskiy, M.A. (1881) Issledovanie putey v Altayskom krae [The study of ways in the Altai Territory]. In: Slovtsov, P. et al. *Zapiski Zapadnosibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva* [Notes of the West Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Book 3. Omsk: Tipografiya Okruzhnogo shtaba. pp. 1–30.
6. Andryushchenko, B.K., Buzanova, V.A., Zinoviev, V.P., Zykova, V.G. & Konovalov, P.S. (1999) *Istoriya dorozhnogo dela v Tomskoy oblasti* [The history of the road business in the Tomsk region]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Zamyatnin, E. (1871) O torgovle biyskikh kuptsov s kitaytsami i mongolami na Kosh-Agache v doline reki Chu [About the trade of the Biysk merchants with the Chinese and Mongols on the Kosh-Agach in the valley of the Chu River]. In: *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1871 god* [The Memorandum Book of Tomsk Province for 1871]. Tomsk: V Gubernskoy tipografii. pp. 225–241.
8. Radlov, V. (1871) Torgovye snosheniya Rossii s Zapadnoy Mongoliey i ikh budushchnost' [Trade relations of Russia with Western Mongolia and their future]. In: Radlov, V. et al. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu statistiki* [Notes of the Imperial Russian Geographical Society on the Division of Statistics]. Vol. 2. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 339–383.
9. Ba-ov, G. (1899) Chuyskiy torgovyy put' v Mongoliyu (Ego nastoyashchee kak v'yuchnogo puti, i budushchee, kak kolesnogo) [Chuysky trade route to Mongolia (Its present as a pack track, and the future as a wheel road)]. In: Dolgorukov, V.A. (ed.) *Dorozhnik po Sibiri i Aziatskoy Rossii* [Travelogue on Siberia and Asian Russia]. Book 3. Tomsk: Dolgorukov V.A. pp. 74–86.
10. Grekhova, E.A. (2006) *Chuyskiy trakt do mongol'skoy granitsy* [Chuysky Trakt to the Mongolian border]. Biysk: [s.n.].
11. Ledebour, K.F., Bunge, A.A. & Meyer, K.A. (1993) *Puteshestvie po Altayskim goram i dzhungarskoy Kirgizskoy stepi* [Journey through the Altai Mountains and the Dzhungarian Kirghiz Steppe]. Translated from German. Novosibirsk: Nauka.
12. Kamzabaeva, A.Ch. (2012) [Chuysky Trakt – history and modernity (according to the documents of the archival Fund of the Kosh-Agach FGU “Road-operational enterprise No. 221”)]. *Istoriya i sovremennost' Respubliki Altay* [History and the Present of the Altai Republic]. Proc of the Republican Conference. Gorno-Altaysk. pp. 85–89. (In Russian).
13. Chikhachev, P. (1974) *Puteshestvie v Vostochnyy Altay* [Journey to the Eastern Altai]. Moscow: Nauka.
14. The State Archives of Tomsk Region. Fund 3. List 18. File 120.
15. Potanin, G.N. (1859) Polgoda na Altae [Six months in the Altai]. *Russkoe slovo*. 12. pp. 245–302.
16. Radlov, V.V. (1989) *Iz Sibiri: Stranitsy dnevnika* [From Siberia: Diary pages]. Translated from German by K.D. Tsivina & B.E. Chistova. Moscow: Nauka.
17. Chmelev, N.G. (1902) Chuyskiy trakt i nasha torgovlya v Kitayskoy imperii [Chuysky Trakt and our trade in the Chinese empire]. In: Dolgorukov, V.A. (ed.) *Sibirskiy nablyudatel'* [Siberian observer]. Vol. 5. Tomsk: Dolgorukov V.A. pp. 23–32.
18. Startsev, A.V. (2004) Stroitel'stvo Chuyskogo trakta vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [Construction of Chuysky Trakt in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Polzunovskiy vestnik – Polzunovsky Almanac*. 3. pp. 276–282.

УДК 342.518
DOI: 10.17223/19988613/51/10

Е.Т. Протасов

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ БУРЯТИИ В 1950–1960-е гг.

Представлены вопросы государственного управления экономикой Бурятии во второй половине 1950–1960-х гг. Отражены различные аспекты территориального развития автономной республики с учетом кардинальных изменений структуры и форм работы органов власти и управления различных уровней. Преодолевая проблемы, используя возможности новых хозяйственных структур Восточно-Сибирский и Бурятский советы народного хозяйства добились существенных результатов в развитии производительных сил в регионе. Созданы десятки новых предприятий в промышленности и строительстве с учетом территориальной кооперации и интеграции. Но постепенно проявились и негативные стороны хозяйственной реформы.
Ключевые слова: Советы народного хозяйства; территориальное экономическое развитие; отрасли промышленности; предприятия.

Сформировавшееся положение страны на международной арене во второй половине 1950-х гг. выявило целесообразность внесения изменений в экономическую, региональную политику. Кардинальное возрастание доли народного хозяйства для реального осуществления геополитических целей и приоритетов государства требовало изменения подходов к региональному развитию.

Экономика Бурятии была представлена девятью отраслями, состоящими из нескольких отдельных подотраслей. К этому времени валовый выпуск продукции отраслей тяжелой промышленности возрастал быстрее, чем в иных отраслях. Продукция группы «А» уже составляла 62% общих объемов продукции промышленности региона, несмотря на то, что имелись условия для роста промышленности группы «Б» [1. Л. 23]. Устойчивый рост в данный период получили машиностроение и металлообработки, электроэнергетика, угольная, лесная, деревообрабатывающая, целлюлозно-бумажная, стекольная, легкая и пищевая промышленность, а также производство стройматериалов. Большинство предприятий находилось в союзном и республиканском подчинении и всего 10% – в ведении Совета министров Бурятии. Поэтому крупные предприятия в основном выпускали продукцию союзно-республиканских ведомств. Новые перспективы открывались перед народным хозяйством автономной республики, богатой природными ресурсами. Это уголь, железная и марганцевая руды, редкие и цветные металлы, бокситы, асбест, слюда, минералы, лес, запасы водной энергии [2. Л. 222].

Новый этап в изменении форм государственного управления экономическим развитием страны и регионов начинается с 1957 г. К этому времени действовало 37 союзных и союзно-республиканских министерств в сфере промышленности и строительства. Сформировавшаяся структура управления промышленностью позволила создать решающие отрасли индустрии, подготовить кадры. Число промышленных предприятий превысило 200 тыс., строительных объектов – 100 тыс. Руководство таким количеством предприятий из центра усложнилось. Произошла невиданная сверхцентрализация управления производством [3. Л. 1]. Кроме того, отраслевые барьеры препятствовали специализации и кооперированию предприятий, ограничивали реализацию местной инициативы. Постепенно формировалось мнение о том, что изменить ситуацию можно иной системой управления, не отраслевой, а территориальной.

В соответствии с решениями февральского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС в стране проходило всенародное обсуждение мероприятий по проведению реформирования управления ключевыми отраслями экономики. В Бурятии на предприятиях и строительных организациях, в учреждениях, сельскохозяйственных предприятиях, образовательных учреждениях было проведено 2 257 собраний. В них приняли участие более 110 тыс. человек, 10 705 из них выступили с предложениями и замечаниями [4. Л. 5]. Многие опубликовали свои предложения в республиканских газетах. Эти вопросы обсуждались также на V пленуме Бурятского областного комитета партии в апреле того же года [4. Л. 6].

10 мая 1957 г. был принят Закон Союза ССР «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством» [5], в котором признавалось необходимым образование в экономических административных районах страны советов народного хозяйства (далее – совнархозы). Происходил переход от отраслевых промышленных министерств к территориальной системе управления.

В стране было образовано 105 экономических районов, из них 70 в РСФСР. Бурят-Монгольский совнархоз вошел в Восточно-Сибирский совнархоз (председатель М.Н. Маркелов) Восточно-Сибирского экономического административного района, в состав которого были включены также Иркутский, Красноярский и Читинский совнархозы. Вместе с тем было упразднено 25 общесоюзных, союзно-федеративных промышленных министерств [6. С. 241]. В Бурятии в этом процес-

се также сократился управленческий аппарат из-за упразднения нескольких республиканских министерств и ведомств. Так, в Бурят-Монгольский совнархоз (с 1958 г. – Бурятский совнархоз) было отнесено 109 из 229 крупных предприятий республики, его председателем был утвержден директор Улан-Удэнского авиационного завода А.В. Давыдов, первым заместителем стал министр местной промышленности Бурятии Н.Б. Пивоваров, заместителем – Г.П. Ерченков [3. Л. 56]. Руководители и члены совета народного хозяйства входили в состав его коллегии, состоящей из семи человек. В 1960 г. в нее вошли также руководители крупнейших предприятий и строительных организаций.

В ведение совнархоза от упраздненных министерств были переведены промышленные предприятия общегосударственного значения, тресты, строительные подразделения и другие производственные организации и подведомственные учреждения. Объем их валовой продукции в 1957 г. составлял 2 млрд руб., или 87% всего выпуска валовой продукции индустрии региона [4. Л. 20]. Вместе с тем в подчинение местных Советов определено было 90 предприятий регионального значения: местной и значительная часть пищевой промышленности, строительных материалов, топливной промышленности [Там же. Л. 21].

Новый государственный орган управления координировал с Советом министров Бурятской АССР работу по комплексному развитию хозяйства, использованию сырьевой и энергетической базы, осуществлению кооперированных поставок, а также организовывал другие необходимые связи между предприятиями совнархоза и предприятиями союзного, республиканского и местного значения [7].

Структура совнархоза определялась спецификой региона, но организационные подходы оставались едины. В нем имелись отраслевые и функциональные управления и отделы, которые занимались вопросами координации, планирования, контроля исполнения. Бурятский совнархоз имел следующие отраслевые управления:

1. Управление металлообработки и машиностроения.
2. Управление строительства.
3. Управление снабжения и сбыта.
4. Управление лесной и деревообрабатывающей промышленности.
5. Управление горнорудной промышленности.
6. Управление легкой и пищевой промышленности.
7. Энергоуправление.
8. Управление рабочего снабжения.
9. Управление по развитию транспорта.
10. Проектная организация «Промпроект» [3. Л. 9].

Вместе с тем центральный аппарат совнархоза имел функциональные отделы. Это производственно-технический, планово-экономический, капитального строительства, финансовый, труда и зарплаты, кадров, а также бухгалтерию [Там же. Л. 23]. При отделах создавались технические советы, секции по отраслям [Там же. Л. 29], бюро технической информации [Там же. Л. 37]. На 1958 г. установленная совнархозом численность административно-управленческого персонала по подведомственным учреждениям и организациям составляла 1 136 единиц, а служащих и инженерно-технических работников по предприятиям – 5 335 единиц [3. Л. 72]. Документы по штатному расписанию показывают постепенное увеличение численности управленческого аппарата совнархоза, в том числе его центрального аппарата.

Становление кадрового состава аппарата совнархоза, а также его многих предприятий и учреждений происходило поэтапно. В начальный период была заметна доля работников упраздненных министерств и ведомств, отправленных в регион из столицы страны, и пополнение рядов специалистов, в том числе из вузов Иркутска, Новосибирска, Москвы. Тем не менее наблюдался невысокий образовательный уровень специалистов, работало значительное количество практиков. В дальнейшем усилия совнархоза по комплектованию квалифицированными кадрами были сосредоточены на создание республиканской системы подготовки специалистов различных профилей. В сложившейся ситуации действовали специальные курсы повышения квалификации непосредственно на предприятиях и направлению на учебу с отрывом от производства, а также принимались меры с целью открытия технического вуза в столице Бурятии.

Новый хозяйственный орган при необходимых согласованиях с Советом министров Бурятской АССР решал все основные вопросы: планово-экономические, материально-технического снабжения, вопросы внедрения нового оборудования, достижений науки и техники, капитальных вложений из государственного и республиканского бюджета, утверждение финансовых планов совнархоза, план по труду и себестоимости, план валовой и товарной продукции. Свою деятельность Бурятский совнархоз осуществлял в соответствии с постановлениями, распоряжениями Совета министров РСФСР и Совета министров СССР [Там же. Л. 28], нормативными документами Госплана РСФСР, Восточно-Сибирского совнархоза. Планирование работы на календарный год и месячный период осуществлялось посредством утверждения на заседаниях этих планов работы. Основными нормативными документами совнархоза были принимавшиеся постановления и распоряжения, являвшимися обязательными для нижестоящих организаций.

Все научно-исследовательские и проектные институты, конструкторские и экспериментальные подразделения были переподчинены совнархозам. Содержание и направленность управления научно-техническим прогрессом основательно были преобразованы. Совнархозы сами стали координаторами и исполнителями научно-технической политики. Следует отметить, что членами технико-экономического совета новой структуры являлись первый секретарь обкома партии, а также руководители его отделов, ученые, специалисты

различных направлений, передовики производства, представители советских и общественных организаций. Он обсуждал и принимал рекомендации, решения по наиболее значимым экономико-управленческим проблемам и координировал усилия по их реализации.

В соответствии с Положением о совнархозах в их составе были образованы также научно-технические комитеты на правах совещательного органа, в которые входили научные и инженерно-технические работники, специалисты, передовики производства, также руководители функциональных управлений. На них возлагались обязанности обсуждения и выработки предложений по ключевым вопросам развития промышленности, науки и техники, прогрессивной технологии и организации производственных процессов, воплощения их на предприятиях и строительных объектах конкретного экономического района.

В своей работе Бурятский совнархоз поддерживал деятельность отраслевых научно-технических обществ, создание центра научно-технической информации, технических библиотек. Результатом этой политики явилась возраставшая творческая и политическая активность рабочих и инженерно-технических работников промышленности, находившая конкретное выражение в широком развитии рационализаторства и изобретательства, подъеме массового технического творчества. В 1963 г. насчитывалось около 7 тыс. рационализаторов и изобретателей. За первые пять лет семилетки их численность, а также количество внесенных ими предложений и экономический эффект от их внедрения увеличились вдвое [8. С. 518]. Подразделения совнархоза также контролировали и координировали работу подведомственных учебных заведений по подготовке кадров, утверждали фонды заработной платы для предприятий, учебных заведений, учреждений культуры и здравоохранения.

В шестой пятилетке и семилетке было намечено выполнение значительного объема работ по механизации и автоматизации производственных процессов, уменьшение ручного труда. В Бурятском совнархозе это движение осуществлялось по двум направлениям: посредством технического перевооружения существующих производственных объектов и возведения новых современных мощностей. Уровень ручного труда на промышленных предприятиях был высок. Так, в 1960 г. ручным трудом было охвачено 39,4% рабочих [9. С. 33]. В угольных шахтах республики углепогрузочные машины применялись лишь на 43,9%. Более 60% рабочих в строительстве выполняли вручную трудоемкие погрузочно-разгрузочные и земляные работы, а также транспортные операции, в то время как в большинстве строительных организаций машины и механизмы работали в одну смену, часто простаивали и длительное время находились в ремонте [4. Л. 18].

На предприятиях совнархоза в 1960 г. имелось неустановленного оборудования на сумму более 60 млн руб. [10. С. 41]. Объяснением этого являлось отсутствие у директоров предприятий мотивации к модернизации производства. Основным критерием являлся факт выполнения плановых заданий. Совнархозы, регулярно утверждавшие показатели внедрения нового оборудования и технического перевооружения, применяли в основном административные методы. Более половины современной техники было введено в эксплуатацию в первый период работы совнархозов. В последующие годы из-за этих и других причин данным вопросам не уделялось должного внимания, объемы модернизации значительно снизились.

Вместе с тем ускоренное развитие отдельных местных отраслей в определенной степени затрудняло координацию и эффективное функционирование ряда основных секторов экономики. В сфере управления промышленностью основное внимание было перенесено на места, ближе к производству. Увеличились права нового органа управления в вопросах координации и планирования, материально-технического снабжения, финансирования.

В территориальном размещении промышленного производства, представлявшегося совнархозу одним из ключевых факторов экономического развития, в разных местах республики появились индустриальные зоны [11. С. 32]. Проводилась реконструкция Паровозовагоноремонтного, Селедумского моторoремонтного, Стекольного, Судостроительного заводов и других предприятий. Наряду с основными отраслями происходит динамичное развитие легкой и пищевой промышленности. В городе Улан-Удэ началось строительство кожевенно-обувного комбината, шерстомоечной, швейной и кондитерской фабрик, хлебозаводов, овощеконсервного, маслодельного, сыроваренного заводов, фабрики макаронных изделий, прядильно-трикотажной фабрики в г. Кяхте [4. Л. 28]. Почти две трети товарной продукции вырабатывали в г. Улан-Удэ, при этом его доля постепенно возрастала.

Кроме столичного города и нескольких других населенных пунктов преимущественными территориями размещения производительных сил являлась нижняя часть бассейна реки Уды, где было создано два промышленных района – Заиграевский и Прибайкальский. Расположение заводов и фабрик в крупных промышленных узлах способствовало последующей специализации производства, раскрытия потенциальных возможностей кадров и трудовых ресурсов, установления технологических и хозяйственных связей между отдельными предприятиями, увеличения производительности труда, эффективного развития городского хозяйства [2. С. 223]. Одновременно это обостряло ряд социальных и экономических проблем, прежде всего в г. Улан-Удэ. Территориальная организация промышленного развития содержала опасность экономической и социальной напряженности, что в условиях многонациональной республики имело еще и этнические аспекты.

В целях наилучшего использования передового опыта руководящих и инженерно-технических работников и новаторов производства Бурятский совнархоз, его предприятия, организации и учреждения ежегодно

созывали совещания актива, на которых заслушивались и обсуждались доклады о важнейших партийно-правительственных решениях, главных вопросах производственно-хозяйственной деятельности [12. С. 78–79]. Председатель совнархоза А.В. Давыдов на годовом активе 10 марта 1959 г. наряду с производственными проблемами подчеркивал, что «выполнение годовых планов немыслимо без широкого развертывания социалистического соревнования среди коллективов предприятий и строек. Десятки тысяч рабочих приняли обязательства работать по методу Николая Мамая. Задача состоит в том, чтобы всемерно поддерживать это ценное начинание, шире развернуть соревнование за перевыполнение плана каждым предприятием, стройкой, участком, бригадой и отдельными рабочими, оказывать всемерную помощь соревнующимся в выполнении принятых ими обязательств» [3. Л. 42].

Повышение уровня индустриального развития в начале 1960-х гг. создало условия для укрепления хозяйственных связей Бурятского совнархоза с другими областями и территориями. За пределы республики направлялась почти 100% изделий машиностроения и металлообработки, обрабатываемой древесины. Из территорий Восточной Сибири предприятия региона принимали 70% шифера, четвертую часть обогащенного черного металла, кожсырья, тканей, пластмассы. В 1960 г. удельный объем производства Бурятской АССР в экономике Восточной Сибири несколько возрос.

В декабре 1960 г. произошла смена руководителей республики. Постановлением Верховного Совета Бурятской АССР освобожден от обязанностей Председателя Совета министров В.Р. Филиппов в связи с утверждением первым секретарем обкома партии. А.У. Хахалов был избран Председателем Президиума Верховного Совета республики. Председателем Совета министров стал А.У. Модогоев [8. С. 506–508], который в июне 1962 г. был избран первым секретарем обкома партии.

В этот период произошли изменения, касающиеся учебных заведений республики и характеризующие внимание региональных органов власти к вопросам образования. В 1960 г. приказом Министерства сельского хозяйства РСФСР Бурятский зооветеринарный институт реорганизован в Бурятский сельскохозяйственный институт, Правительство Союза ССР приняло постановление о создании Восточно-Сибирского государственного библиотечного института. В 1961 г. Совет министров Бурятии принял постановление об открытии Улан-Удэнского электротехникума связи и хореографического училища. В 1962 г. союзными органами государственной власти было принято постановление об организации Восточно-Сибирского технологического института в столице республики [13. С. 79].

Закреплению позитивных экономических процессов в рамках совнархоза во многом не позволял недостаток электрической энергии. Партийные, исполнительные органы региона приложили целенаправленные усилия по преодолению серьезного отставания. В 1959 г. годовое потребление электроэнергии составляло 445 млн кВт, из которых 65% приходилось на потребности промышленности. Для наращивания энергомощностей были предприняты существенные меры. В 1963 г. Восточно-Сибирский совнархоз после всестороннего анализа принял решение о развитии энергетики в Бурятии. В начале 1960-х гг. в Баргузинском районе была сооружена и сдана в эксплуатацию автоматизированная сельская электростанция, были установлены опоры для линий электропередач из государственных энергосистем во многих направлениях, постоянно велась подготовка кадров соответствующих профилей. В конце пятилетки было закончено строительство высоковольтных линий электропередач из соседних регионов. В 1964 г. была сооружена двухцепная ЛЭП Иркутск – Улан-Удэ, позволившая войти Бурятской энергосистеме в объединенную энергетическую систему Сибири. Названная ЛЭП связала Улан-Удэ с Гусиноозерском и Кяхтой, что создало бесперебойное энергоснабжение южных районов Бурятии. При этом следует отметить, что энергомощность республики в 1965 г. составляла 712 млн кВт [1. С. 27] и превзошла уровень 1923 г. в 2 365 раз.

Ноябрьский (1962 г.) Пленум ЦК КПСС рассмотрел вопросы об организационной перестройке руководства партии народным хозяйством, положив в его основу так называемый производственный принцип [8. С. 509]. Также были определены основные задачи государства в рассматриваемый период: организация создания материально-технической базы коммунизма; преобразование социалистических отношений в коммунистические; контроль за мерой труда и потребления; подъем благосостояния трудящихся; развитие братского сотрудничества с социалистическими странами, борьба за мир. Существенно изменяются и функции социалистического государства в этот период. Функция хозяйственно-организаторская (т.е. организация общественного производства, руководство экономикой, хозяйством) чрезвычайно усиливается и возрастает в этот период и по объему и содержанию, направлена на обеспечение непрерывного роста производительности труда, подъема благосостояния народа. В этой работе государство начало более широко опираться на профсоюзы и другие общественные организации рабочих и служащих.

В соответствии с решением Правительства РСФСР от 26 декабря 1962 г. состоялась передача предприятий и учреждений упраздненного Бурятского совнархоза укрупненному Восточно-Сибирскому совнархозу. Бурятский совет народного хозяйства прекратил свою деятельность. Руководителем нового ведомства остался М.Н. Маркелов, одним из его заместителей был назначен Н.Б. Пивоваров.

Частые преобразования, структурные изменения и связанная с ними смена кадров имели как позитивные, так и негативные стороны, неоднозначно сказывались на деятельности партийных, советских и хозяйствен-

ных органов. Тем не менее и в таких условиях партийные организации, трудовые коллективы работали с должной настойчивостью, возглавляли творческую активность масс и направляли ее на достижение неуклонного подъема экономики и культуры.

В 1960-е гг. принимались крупные решения о перспективах развития и размещения промышленности. Эти вопросы решал Бурятский обком партии в тесном контакте с Восточно-Сибирским совнархозом. В 1963 г. они обсудили схему развития и размещения производительных сил Бурятской АССР до 1970 г., в мае 1965 г. – перспективы освоения высокогорных районов республики, а в ноябре того же года – основные направления генеральной схемы комплексного использования природных ресурсов озера Байкал и его бассейна [14. Л. 5, 30–31]. При этом следует отметить, что органы власти Бурятии в пятидесятые годы не могли активно заняться этими важными вопросами из-за недостаточной геологической изученности территории.

В конце 1950-х гг. природопользование бассейна оз. Байкал вызывало тревогу. Реки и их притоки, находящиеся на территории республики и представляющие места размножения промысловых рыб, подверглись негативному влиянию лесосплава и укрупняющейся промышленности. На берегах рек, в том числе на склонах гор вдоль побережья, велась интенсивная рубка леса [14. Л. 96]. Бурятский и Иркутский совнархозы принимали несколько природоохранных решений, но они являлись частными и недостаточно выполнялись. В 1958–1959 гг. на союзном и республиканском уровнях предпринимались усилия по всестороннему изучению данной проблемы и подготовке к принятию необходимых мер. Были созданы и действовали рабочая, а затем правительственная комиссии по байкальской проблеме с привлечением соответствующих научных учреждений, видных ученых. Инициативу проявляла и общественность смежных регионов с активным участием средств массовой информации.

Бурятский совнархоз наряду с природоохранными мероприятиями предлагал не только расширить зону улова рыбы на Байкале, но и создать в предприятия по ее искусственному разведению, хотя отдел рыбной промышленности Госплана РСФСР не поддерживал эту инициативу. Тем не менее названный вопрос был положительно решен. В 1961–1963 гг. предусмотрели строительство рыбоводных заводов общей мощностью 3 млрд икринок в год. Много иных мероприятий регионального и межрегионального уровня было намечено в принятом 9 мая 1960 г. Постановлении Совета министров РСФСР «Об охране и использовании природных богатств озера Байкал».

В целом же активность совнархозов при разработке таких важных постановлений была менее заметной в сравнении с работой местных советских органов [15. С. 43]. Это отличие во многом объяснялось их статусом. При этом совнархозы во многом являлись органами государственно-хозяйственного центра на местах. Кроме этого они больше и оперативнее получали сведения о планах центральных органов власти по решению вопросов конкретных территорий.

Экономический потенциал республики возрастал в основном благодаря строительству и вводу в эксплуатацию новых предприятий, реконструкции, расширения и технического перевооружения действующих производственных мощностей. Хотя перевод в 1962 г. совнархоза в Иркутск, а затем создание там Главвостоксибстроя Министерства промышленного строительства РСФСР в известной степени затормозили развитие надежной базы стройиндустрии в регионе [16. С. 157].

В 1965 г. в Бурятии выпускали продукцию более 300 предприятий 25 отраслей с общим объемом валовой продукции 2,9 млрд руб. в год [17. С. 4]. В региональной экономике трудились более 240 тыс. рабочих и служащих, в том числе 28 тыс. дипломированных специалистов [Там же. С. 5].

Посредством освоения капитальных вложений основные фонды промышленности Бурятского совнархоза возросли за семилетку (1959–1965) в 2,1 раза, тогда как по стране лишь в 2 раза. Благодаря этому объемы валовой продукции возросли в несколько раз, а выпуск, например, шифера возрос с 1959 по 1965 г. в 9,9 раза, сборных железобетонных конструкций – в 5 раз, мебели в 3,7 раза [1. С. 31]. Ускоренными темпами на этом этапе развивались машиностроение, металлообработка, промышленность строительных материалов, легкая и пищевая промышленность, было возведено 46 предприятий. Это фабрика первичной обработки шерсти, Усть-Баргузинский мясокомбинат, хлебозавод в г. Улан-Удэ, карьер «Татарский ключ» и др. Введена в строй вторая очередь одного из крупнейших на востоке страны механизированного стекольного завода, началось освоение Холбольджинского угольного разреза. Значительно увеличилась география лесозаготовок посредством появления новых леспромхозов комбината «Забайкаллес» и других предприятий. В сравнительно небольшие сроки была проведена реконструкция старых ремонтных предприятий. На их базе образованы более крупные и современные предприятия «Электромашина», «Теплоприбор». Была сдана в эксплуатацию первая очередь приборостроительного завода Министерства авиационной промышленности страны – очередного крупного предприятия оборонного комплекса. В регионе были созданы новые отрасли индустрии, характеризующие технический прогресс, – приборостроение и электротехническое машиностроение. Эти заводы уже в 1961 г. выпускали соответствующей продукции на сумму более 5 млн руб. На данных производствах увеличивался выпуск востребованных во многих странах электродвигателей и оборудования для кабельной промышленности, средств автоматизации и приборов теплового контроля.

В начале 1960-х гг. на базе родственных предприятий одной отрасли на добровольной основе стали появляться производственные объединения. Их формирование и развитие показывали определенный прогресс в действующей

территориальной системе управления. Структурные сдвиги появились не только на управленческих уровнях, но и в хозяйственных звеньях. Процедуры административного характера в какой-то мере уравновешивались устойчивыми формами эффективной производственно-хозяйственной кооперации. Система совнархозов в значительной мере способствовала возникновению производственно-хозяйственных комплексов [11. С. 32].

В новых условиях укрепилась роль Советов различных уровней. Для более эффективного руководства экономикой в исполкомах организовали отделы промышленности и коммунального хозяйства. В обязанности местных Советов вошли организация планирования, распределения продукции. Они начали заниматься вопросами материально-технического снабжения и распределения выпускаемых товаров и продуктов кооперативной промышленности. При этом общим руководством артелями занимался региональный промсовет.

Период деятельности совнархозов примерно совпадал со сроками семилетки, во время которой в народное хозяйство Бурятии были направлены очень значительные финансовые вложения, составившие 730 млн руб., что определялось общегосударственной политикой. Основной задачей при этом было стремление к последующему выравниванию степени развития регионов [18]. Первостепенное внимание отводилось отстающим районам, которых нужно было ускоренно выводить на более высокий уровень. Развитие территории Бурятии как самой восточной автономной республики в стране и расположенной на рубеже Азиатско-Тихоокеанского региона имело также геополитический, стратегический характер с учетом международной обстановки. В республике постепенно создаются предприятия оборонного комплекса страны.

Деятельность совнархозов первые годы полностью оправдала себя. Однако в последующие четыре года темпы роста стабилизировались и постепенно стали проявляться недостатки этой системы [6. С. 243].

В результате изучения документов Бурятского совнархоза, в частности народнохозяйственных планов, годовых отчетов выполнения планов по всем направлениям предприятий и учреждений и других материалов, находим обоснование происходившим ускорению процессов воспроизводства, повышению технико-экономических показателей промышленности, углублению специализации и кооперирования, улучшению экономических показателей капитального строительства. Вырос национальный доход экономики страны, его ежегодное увеличение за 1958–1965 гг. достигло в среднем около 8% [6. С. 242]. А промышленность Бурятии за восемь лет увеличила объемы производства более чем в полтора раза.

Следует отметить, что мнения зарубежных исследователей разделились в отношении итогов работы совнархозов в СССР. Французский писатель Н. Верт считал, что реформа управления была проявлением волюнтаризма Н.С. Хрущева [19. С. 338]. Историки-эмигранты М.Я. Геллер и А.М. Некрич также отмечали, что реформа не могла быть успешной из-за ошибочности направлений развития, реализуемых в Советском Союзе [20]. Итальянский историк Дж. Боффа [21] рассматривал реформирование как попытку советского руководства дать новый импульс экономическому развитию страны и решению социальных проблем на основе децентрализации управления экономикой и повышения роли регионов.

Таким образом, совнархозы осуществили качественный прорыв, освежающий импульс в развитии производительных сил. Произошли институциональные изменения в макроэкономике и региональной политике. Территориальные методы управления имели несомненные достоинства. В инфраструктурном отношении решено немало вопросов, которые необходимо было урегулировать на определенном этапе экономического развития Бурятии как многонационального региона. Были созданы возможности по расширению и углублению местного хозяйственного потенциала и активности, проявлению межотраслевой специализации и кооперирования промышленного производства в пределах определенной территории. Одновременно существенно ограничивались развитие отраслевой специализации, а также интеграция и рациональные экономические связи между предприятиями, находящимися в разных экономических районах. Это отдаляло научные результаты от производства, создавало многоступенчатую систему руководства отраслями, потерю оперативности в работе. Но суть административно-командной системы была такова, что невозможно было обеспечить полноценного сочетания отраслевого и территориального принципов управления. Оно проявило чувствительный рецидив бюрократизма с его последствиями. Совнархозы убедительно проявили себя в качестве лишнего звена в управлении. Проявлялись также и геополитические проблемы с учетом того, что народное хозяйство страны своевременно не было интегрировано в мировую экономику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Народное хозяйство Бурятской АССР. Статистический сборник. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1986. 143 с.
2. История Бурятии : в 3 т. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. Т. 3 : XX–XXI вв. 461 с.
3. Государственный архив Республики Бурятия (далее ГАРБ). Ф. Р-900. Оп. 1. Д. 1.
4. ГАРБ. Ф. 1. Оп. 197. Д. 94.
5. Закон СССР «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством». М., 1957. 97 с.
6. Коржихина Т.П. История и современная организация государственных учреждений СССР. 1917–1972. М. : Изд-во РГГУ, 1974. 308 с.
7. Положение о советах народного хозяйства экономических административных районов: Постановление Совета Министров СССР от 26 сентября 1957 г. № 1150 // Собрание постановлений правительства СССР 1957 г. № 12.
8. Очерки истории Бурятской организации КПСС. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1970. 612 с.
9. Бурятская АССР в цифрах (1923–1973). Юбилейный статистический сборник. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1973. 197 с.

10. Народное хозяйство Бурятской АССР. Статистический сборник. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1971. 256 с.
11. Веденеев Ю.А. Организационные реформы государственного управления промышленностью в СССР. М. : Наука, 1990. 288 с.
12. Республика моя Бурятия. Краткая хрестоматия по истории Бурятии. 1946–1997 гг. Улан-Удэ : Изд-во ОАО «Республиканская типография», 1998. 334 с.
13. Рабочий класс Бурятии (1917–1982). Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1999. 224 с.
14. ГАРБ. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 7289.
15. Мерцалов В.И. Реформирование управления промышленностью и строительством в 1957–1964 гг. (на материалах Восточной Сибири) : автореф. дис. … д-ра ист. наук. Иркутск, 2001. 48 с.
16. Модогоев А. У. Годы и люди. 2-е изд., доп. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2004. 221 с.
17. Бурятия от съезда к съезду. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1986. 117 с.
18. Правда Бурятии. 1986. 18 янв.
19. Верт Н. История советского государства. 1900–1991. М. : Прогресс, 1992. 480 с.
20. Геллер М. Я., Некрич А. М. Утопия у власти : в 4 т. М. : Изд-во «МИК», 1995. Т. 3.
21. Боффа Дж. История Советского Союза : в 2 т. М. : Междунар. отношения, 1994. Т. 2.

Protasov Eugene T. The Buryatskaya state agricultural academy of the name of V. Filippova, (Ulan-Ude, Russia). E-mail: protasov-evg@mail.ru

FEATURES OF STATE ADMINISTRATION BY THE ECONOMY OF BURYATIA in 1950–1960.

Keywords: Advices of national economy; territorial economic development; industries of industry; enterprise.

The purpose of the study is to analyze the functioning of the territorial management's system of the country's national economy and its regions, including Buryatia. The task is to determine the efficiency and basic results of the East Siberian administrative district's work in 1957-1965, as well as their industrial and building companies.The work carried out on the basis of legal acts regulating the activities of the government departments of the USSR, the RSFSR and the Buryat ASSR, foreign publications and monographs, archival documents, as well as statistical compilations, shows the main aspects of reforming as an attempt of implementation of a new pulse in country'seconomic development and the decision of social problems on the basis of decentralization of economic management and increasing the role of regions. Management, organizational issues are considered in the activities of the East Siberian and the Buryat Councils of the National Economy, the features of their interaction with party, executive, representative bodies of various levels.

Territorial methods of management had obvious advantages. The Soviet national economies achieved significant and impressive successes in the development of the productive forces, especially in the early years. Institutional changes have taken place in macroeconomics and regional policy. In infrastructure many issues have been solved that needed to be solved at a specific stage of Buryatia's economic development as a multinational region. Conditions were created for expanding and deepening the local economicpotential and activities that would allow the development intersectoral specialization and cooperation of industrial production and buildingon a particular territory. At the same time, the development of industrial specialization, as well as integration and rational economic communications between enterprises located in different regions were limited. This detached scientific results from the production, created a multi-stage system of management of branches, loss of efficiency in work with subsequent deterioration of economic indicators.

Thus, in the conditions of the administrative-command system it was impossible to provide a full-fledged combination of sectoral and territorial principles of economic management. There was a serious recurrence of bureaucracy with its consequences. The Soviet national economies have shown themselves as a superfluous link in the management.

REFERENCES

1. Statistical Office of the Buryat ASSR. (1986) *Narodnoe khozyaystvo Buryatskoy ASSR. Statisticheskiy sbornik* [The national economy of the Buryat ASSR. Statistics]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatelstvo.
2. Bazarov, B.V. (ed.) (2011) *Istoriya Buryatii: v 3 t.* [History of Buryatia. In 3 vols]. Vol. 3. Ulan-Ude: SB RAS.
3. The State Archives of the Republic of Buryatia (GARB). Fund R-900. List 1. File 1.
4. The State Archives of the Republic of Buryatia (GARB). Fund 1. List 197. File 94.
5. USSR. (1957) *Zakon SSSR "O dal'neyshem sovershenstvovanii organizatsii upravleniya promyshlennost'yu i stroitel'stvom"* [The USSR Law On Further Improvement of the Organization of Industrial and Construction Management]. Moscow: [s.n.].
6. Korzhikhina, T.P. (1974) *Istoriya i sovremennaya organizatsiya gosudarstvennykh uchrezhdeniy SSSR. 1917–1972* [History and modern organisation of the USSR state institutions in 1917–1972]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
7. Council of Ministers of the USSR. (1957) Polozhenie o sovetakh narodnogo khozyaystva ekonomicheskikh administrativnykh rayonov: Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR ot 26 sentyabrya 1957 g. № 1150 [Regulations on the Councils of the National Economy of Economic Administrative Regions: Resolution No. 1150 of the Council of Ministers of the USSR of September 26, 1957]. *Sobranie postanovleniy pravitel'stva SSSR*. 12.
8. Khakhalov, A.U. (ed.) (1970) *Ocherki istorii Buryatskoy organizatsii KPSS* [Essays on the history of the Buryat CPSU]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatelstvo.
9. Statistical Office of the Buryat ASSR. (1973) *Buryatskaya ASSR v tsifrakh (1923–1973). Yubileynyy statisticheskiy sbornik* [Buryat Autonomous Soviet Socialist Republic in figures (1923–1973). Jubilee statistical collection]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatelstvo.
10. Statistical Office of the Buryat ASSR. (1971) *Narodnoe khozyaystvo Buryatskoy ASSR. Statisticheskiy sbornik* [The national economy of the Buryat ASSR. Statistics]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatelstvo.
11. Vedeneev, Yu.A. (1990) *Organizatsionnye reformy gosudarstvennogo upravleniya promyshlennost'yu v SSSR* [Organizational reforms of state administration of the USSR industry]. Moscow: Nauka.
12. Sanzhiev, G.L. (ed.) (1998) *Respublika moya Buryatiya. Kratkaya khrestomatiya po istorii Buryatii. 1946–1997 gg.* [Buryatia, My Republic. A Brief Reader on the History of Buryatia. 1946–1997]. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya.
13. Tarmakhanov, E.E. (1999) *Rabochiy klass Buryatii (1917–1982)* [The Working Class of Buryatia (1917–1982)]. Ulan-Ude: Buryat State University.
14. The State Archives of the Republic of Buryatia (GARB). Fund 1p. List 1. File 7289.
15. Mertsalov, V.I. (2001) *Reformirovanie upravleniya promyshlennost'yu i stroitel'stvom v 1957–1964 gg. (na materialakh Vostochnoy Sibiri)* [Reforming the management of industry and construction in 1957–1964 (a case study of Eastern Siberia)]. Abstract of History Dr. Diss. Irkutsk.
16. Modogoev, A.U. (2004) *Gody i lyudi* [Years and People]. 2nd ed. Ulan-Ude: Buryat State University.
17. Shomoev, K.K. (ed.) (1986) *Buryatiya ot s"ezda k s"ezdu* [Buryatia from Congress to Congress]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatelstvo.
18. *Pravda Buryatii*. (1986) 18th January.
19. Werth, N. (1992) *Istoriya sovetskogo gosudarstva. 1900 – 1991* [The History of the Soviet State. 1900–1991]. Translated from French. Moscow: Progress.
20. Geller, M.Ya. & Nekrich, A.M. (1995) *Utopiya u vlasti: v 4 t.* [Utopia in Power: In 4 vols]. Vol. 3. Moscow: MIK.
21. Boffa, J. (1994) *Istoriya Sovetskogo Soyuza: v 2 t.* [History of the Soviet Union: In 2 vols]. Vol. 2. Translated from Italian. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 329.323.1
DOI: 10.17223/19988613/51/11

В.С. Глинкин

ПЕРИОДИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ КНР (1949 г. – НАЧАЛО XXI в.)

За долгую историю Китай переживал гражданские войны, вторжения иноплеменников и другие исторические катаклизмы. Историческое развитие, расширение Китая привели к тому, что китайское население и государство издревле сталкивались с представителями других народов. Китай выработал систему отношений между ханьским и неханьским населением. Отношения эти менялись. Национальная политика КНР за период от образования страны до наших дней также не избежала изменений. В статье описываются национальная политика КНР и её периодизация, даётся краткая характеристика периодов и приводятся различные их оценки.
Ключевые слова: национальная политика; Культурная революция; Китайская Народная Республика.

За долгую историю Китай переживал гражданские войны, экспансию, вторжения иноплеменников, периоды взлётов и падений. Это привело к тому, что уже с глубокой древности Китай является многонациональным государством. Несмотря на то что 55 официально признанных правительством КНР на сегодня малочисленных народностей составляют вместе всего около 8% населения страны, в количественном выражении это более 100 млн человек. Кроме этого, представители национальных меньшинств проживают на 64% площади КНР, включая пограничные территории (например, автономные районы Синьцзян, Внутренняя Монголия, Тибет, провинция Юньнань). Кроме того, что эти районы имеют важное политическое и военное значение, они богаты полезными ископаемыми. Разумеется, в Китае издревле существовали традиции, обычаи и законы, которые регулировали отношения ханьского и неханьского населения страны. На сегодняшний день основными документами, регулирующими национальную политику в КНР, являются: Конституция КНР от 4.12.1982 г. (中华人民共和国1982宪法 – Zhonghua Renmin Gonghe Guo 1982 Xianfa), Закон КНР о самоуправлении на национальных территориях, (民族区域自治法 – Minzu Quyu Zizhi Fa).

Как отмечают исследователи, можно выделить несколько этапов развития национальной политики в Китае в XX в. в соответствии с историческими изменениями. Первый этап – до образования КНР. Как отмечает тайваньский исследователь У Бого, первый этап политики Коммунистической партии Китая в вопросе национального определения характеризовался поощрением и развитием национальной автономии. Ещё до образования КНР, в 1947 г. была создана автономия монголов на уровне провинции – Автономный Район Внутренняя Монголия (АРВМ).

Второй этап (1949–1959 гг.) – этап организации национального строительства, создания национальных автономных областей. В 1952 г. был принят «План по осуществлению автономии в национальных областях». Он стал первым документом, регулирующим национальную политику в КНР. В документе декларировались основные принципы организации национальных самоуправляемых территорий, равенство и единство всех народов КНР и т.д.

А.А. Москалёв называет промежуток с 1957 по 1976 г. «периодом деструкции» [1. С. 160]. Период жесточайших потрясений, затронувших все сферы жизни в КНР. В этот период национальное строительство в КНР было фактически уничтожено. Хунвэйбины проводили указанную сверху политику «Уничтожить 4 пережитка…». Пережитками объявлялись «старые традиции, старая культура, старые привычки, старые идеи». Разумеется, прямо под удар как основные носители «старого» попадали представители неханьских народов КНР. В этот период были закрыты институты национальностей, средние учебные заведения, были репрессированы представители интеллигенции и т.д.

С 1976 г., со смертью Мао и прекращением Культурной революции, начинается период восстановления и устойчивого развития национального строительства в КНР. В качестве основных принципов национальной политики декларируются: равенство всех народов, единство всех народов и стремление к общему процветанию всех народов.

Корейский ученый Пак Пёнгван выделяет те же периоды развития национальной политики КНР, но, по его мнению, основанием для выделения является изменение политики центральных властей КНР в вопросе национальностей – поворот от «мягкого» слияния к ассимиляции. По его мнению, первый период, с 1949 по 1957 г., можно считать периодом выдержанной политики слияния народов [2. С. 34]. Как пишет автор, соглашаясь с другими исследователями, КНР проводила политику развития и признания культурной самобытности нацио-

нальных меньшинств, обучения национальных кадров и т.д. Например, были открыты университеты национальностей в Пекине, Гуанчжоу, Наньнине.

Второй период (1958–1976 гг.) назван Пак Пёнгваном периодом радикальной ассимиляции [2. С. 35]. В этот период были уничтожены достижения первых лет национального строительства в КНР, проводилась политика насильственной китаизации во всех сферах жизни национальных меньшинств.

Период реформ и открытости, сменивший эпоху Культурной революции, характеризовался поворотом государства к решению национального вопроса. Как отмечает Пак Пёнгван, государство предоставило льготы и помощь разного характера представителям национальных меньшинств. Например, политика ограничения рождаемости была для малочисленных народностей далеко не так строга, как для ханьцев. Это привело к увеличению пропорции национальных меньшинств в составе населения КНР с 6 до 8% [Там же. С. 39]. Кроме этого, представителям национальных меньшинств было дано право использовать родной язык и письменность в официальных целях, были даны многочисленные экономические льготы и т.д. Однако, по мнению автора, основной целью государственной политики являлось не сохранение этнического разнообразия населения страны, а встраивание национальных окраин в систему экономического развития, гарантирование политической и социальной стабильности.

К.П. Кауп в своей работе, посвящённой изучению чжуанского народа, выделяет примерно те же периоды развития национальной политики КНР, а именно: первый – до 1949 г., второй – 1949–1966 гг., третий – период Культурной революции и четвёртый – с 1976 г. Однако в соответствии с основной логикой своей работы, она увязывает действия властей КНР не с развитием уже существующего национального меньшинства, а с их конструированием, т.е. с созданием искусственных новых народов [3. С. 52]. В рамках данной статьи мы не будем останавливаться подробно на вопросе, является ли, например, современный чжуанский этнос сконструированным.

О периодизации национальной политики КНР можно сказать следующее. Политика властей КНР в национальном вопросе в период с 1949 г. до наших дней претерпевала изменения параллельно с изменениями общего курса развития государства. Большинство учёных склонны выделять период с 1949 до 1966 г., затем трагический период Культурной революции и период реформ и открытости. При этом в оценках первых двух периодов мнение исследователей в основном совпадает. Указывается, что в первые годы после образования КНР национальные меньшинства получили невиданные ранее права, свободы и внимание центральных властей. Период Культурной революции также единодушно рассматривается учёными как трагедия для всего населения Китая в целом и национальных меньшинств в частности.

Относительно третьего периода – «реформ и открытости», мнения учёных разделяются. С одной стороны, указывается на разрешение противоречий времён Культурной революции, восстановление прав и свобод национальных меньшинств в сфере развития и использования своих культур и языков, предоставление экономических и социальных льгот. С другой стороны, отмечается, что эти преференции были даны центром окраинам только с целью быстрее встроить их в развивающийся рынок, эффективнее использовать местные ресурсы и т.д. При этом, параллельно с общегосударственными тенденциями, на национальных окраинах многократно усилились имущественное расслоение, а также различие в уровне жизни между этими территориями и восточными приморскими провинциями. Таким образом, национальная политика КНР в период реформ и открытости является отражением общенациональной политики, и главная её цель – решить экономические проблемы национальных районов, а не сохранять и развивать национальное разнообразие.

Основное содержание современной национальной политики КНР сводится к следующему. Организация территорий национального самоуправления. (民族自治地方 – minzu zizhi difang). В унитарном государстве, каким является КНР, на территориях компактного проживания малочисленных народностей организуются районы национального самоуправления. Статус автономий ограничен тремя ступенями: автономный район, автономный округ, автономный уезд. Компактно проживающие национальные меньшинства могут создавать автономные образования. По составу проживающих народностей такие территории бывают: а) территориями преобладания одного меньшинства, например Тибетский автономный район; б) территориями преобладания одного меньшинства и наличием других меньшинств, например уйгур-казахские национальные округа в СУАР; и в) территориями с компактным проживанием нескольких меньшинств без преобладания одного меньшинства. Например, в провинциях Цинхай (Хайси-монголо-тибетский автономный округ) или Хунань (Сянси-туцзя-мяосский автономный округ).

В составе Государственного совета КНР выделен Комитет по делам национальностей в составе Председателя и семи заместителей (Guowuyuan minzu shiwu weiyuanhui). Кроме этого, в составе ВСНП выделен комитет по делам национальностей (Quanguo renda minzu weiyuanhui).

В Законе КНР о национальной автономии указывается, что народы КНР имеют право на экономическое развитие, развитие своей культуры, традиций и использования языка и письменности. После Культурной революции правительство КНР вновь обратило внимание на национальный вопрос [4. С. 53].

Существуют различны оценки проводимой национальной политики. Первый подход – это официальная точка зрения правительства КНР. Она выражается, например, в так называемых Белых книгах. Например, в

последней «Белой книге» декларируется полное равенство всех народов КНР, право на развитие своей культуры, равное право на участие в государственных делах, равные избирательные права и др. [5]. Учёные КНР выступают в поддержку официально принятой позиции правительства. Например, в «Исследовании по истории развития законодательной базы в отношении национальностей в КНР» (新中国民族去制论史 – Xin Zhongguo minzu fa zhi lun shi) говорится о «заметных успехах, достигнутых КНР в данном вопросе» [6. С. 1]. В работе «Образование Гуанси-Чжуанского автономного района и китайская специфика организации местного самоуправления» (从广西壮族自治区建立看中国区域自治特色 – Cong Guangxi Zhuangzu zizhiqu jianli kan Zhongguo quyu zizhi tese) и других работах китайских авторов правильность выбранного курса правительства всемерно поддерживается.

Некоторые учёные, в частности тайваньские и американские (например, У Чуаньго, К.П. Кауп), не согласны с такой трактовкой национальной политики КНР. По их мнению, политика КНР в национальном вопросе имеет следующие особенности. Во-первых, как указывает У Чуаньго, национальная автономия дана лишь формально, а реальные рычаги управления всё равно находятся в Пекине. Во-вторых, проводится политика массового заселения национальных автономий ханьцами под предлогом обеспечения потребности в высококвалифицированных кадрах для развития. В-третьих, территориальное деление проведено таким образом, что представители малочисленных народностей проживают не только в пределах автономий, но также и на территории провинций, в которых у них нет никаких особых прав.

А.А. Москалёв приводит в своей работе основные теоретические положения, характерные для национальной политики КНР на сегодняшний день. К таким положениям он относит следующие: 1. Внесённое в Конституцию положение, что Китай – это «многонациональное государство». При этом особо уточняется, что все народы КНР участвовали в создании государства и подчёркивается равноправие всех народов в КНР. 2. Унитарный характер китайского государства, в котором национальное самоопределение имеет форму национальной автономии. 3. Придание термину «народ» (民族 – minzu) универсальности. 4. Определение национального вопроса как важнейшего для дальнейшего развития КНР. 5. Отказ от поспешности в решении национального вопроса. 6. Развитие экономической политики в национальных районах как основы их стабильного развития [1. С. 170].

В статье автора Юень Су Тим «Обзор национальной политики КНР» приводятся теории, связывающие современную национальную политику в КНР даже с конфуцианством и традиционными ценностями. Например, меры правительства по поддержке населения в национальных районах описываются как проявление «жэнь», отцовской заботы императора (правительства) о подданных (населении национальных районов). Принцип «слияния» национальностей, при котором народы живут вместе, но не теряют самобытных черт, привязывается к конфуцианскому принципу жизни «в гармонии с отличиями» [7. С. 5]. При этом национальная политика КНР несёт в себе отпечатки советской модели – заявления о федеративном устройстве страны на раннем этапе развития и упор на экономическое развитие сегодня.

Учитывая вышеизложенное, можно отметить, что китайская национальная политика меняется. За XX в. она прошла путь от отрицания этнических различий до признания права многих народов на равноправное существование в стране. Изменения в национальной политике могут быть рассмотрены как ответ на изменения в общем политическом курсе государства: от спокойного развития и слияния до ускоренной насильственной ассимиляции, как это было в годы Культурной революции. На современном этапе национальный вопрос в КНР решается, стабильность в национальных районах достигается экономическим путём. При этом существующие проблемы, стоящие перед страной в целом, такие как неравномерное развитие, несоответствие экономической и политической модели развития страны, могут отрицательно повлиять на стабильность в национальных районах. Но решение этих проблем – дело будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Москалёв А.А. Теоретическая база национальной политики КНР (1949–1999) / отв. ред. В.С. Мясников. М. : Памятники исторической мысли, 2001.
2. Пак Хёнгван. Чжунго шаошу миньцзу чжэнцэ: байдан юй тунхуа хэ жунхэ чжицзянь (Национальная политика Китая: между ассимиляцией и слиянием) // Обзор глобальной политики. 2013. Вып. 41. С. 25–44.
3. Kaup, Katherine Palmer. Constructing the Zhuang. Ethnic Politics in China. London : Lynne Rienner Publishers, 2000.
4. У Чуаньго. Чжунгун шаошу миньцзу чжэнцэ цзици куньцзин. (Национальная политика КПК и её трудности) // Журнал национальной обороны. 2001. Вып. 13, т. 5. С. 47–60.
5. Белая книга «Национальная политика Китая и общее процветание и развитие всех национальностей». URL: http://russian.china.org.cn/government/archive/baipishu/txt/2009-12/14/content_19062289.htm/ (дата обращения: 02.04.2017).
6. Ли Мин. Синь Чжунго миньцзу фа чжилуньши (Исследовании по истории развития законодательной базы в отношении национальностей в КНР). Пекин : Цзючжоу, 2010.
7. Yuen Siu Tim. Ethnic Minority Policy of People's Republic of China: an overview. URL: http://www.ied.edu.hk/diversityproject/Outputs%20and%20downloads/Doc/Ethnic%20Minority%20Policy%20of%20People%20(Final).pdf (дата обращения: 02.04.2017).

Glinkin Vitaly S. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: glinkinvs@yandex.ru

NATIONAL POLICY OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA AND ITS PERIODIZATION.

Keywords: national policy; national policy; the People's Republic of China.

China is a state with very long history. The historical cataclysms like civil wars, foreign invasions as well as proliferation of Han people in different directions lead to broad and complex contacts with non-Han peoples. Chinese state has developed a system of co-existence and cooperation with non-Han people. The system was not stable and has changed due to many reasons along with the historical development of Chinese state. The aim of the article is to study national policy of the PRC. Thus the object of research is the People's Republic of China's policy towards the minority people who inhabit the territories within the country. The item of study is the periodization of China's national policy. To conduct the research a group of tasks was defined. First task is to gather and process the information and data on the above mentioned problem. After that we have to analysis the information and make some conclusions. Problem filed of the work is the national policy of the PRC. The article provides some brief explanations of different periods of national policy. Scholars are mostly common in differentiation. The first period from 1949 to 1976 is period of national construction. The second period is the catastrophe of Cultural Revolution. And the third one is the recovery of national policy from 1978 till present. Methodological basis of the research is comparative historical method. Different periods of modern Chinese history are compared and studied. To conduct the research the author used a wide range of Soviet, Russian, Chinese (including those from Taiwan) and American books and articles. To conclude, we can say, that PRC's national policy was not stable. It has been changed along with the changes in PRC's policy. National construction changed from accommodation to assimilation from 1949 to 1976. With the beginning of Reform Era the formal policy of preferences and development was taken as basic one for national policy. But as many scholars note, the main emphasis was made on economic development to guarantee political stability on the national areas. The main goal of government was thus not to develop non-Han peoples, but use natural resources and create an economic network for stable development of country as whole.

REFERENCES

1. Moskalev, A.A. (2001) *Teoreticheskaya baza natsional'noy politiki KNR (1949–1999)* [The theoretical basis of the PRC national policy (1949–1999)]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli.
2. Pak Hengwang. (2013) Chzhungo shaoshu min'tszu chzhentse: baydan yuy tunkhua khe zhunkhe chzhitszyan'. [National policy of China: Between assimilation and merger]. *Obzor global'noy politiki*. 41. pp. 25–44.
3. Kaup, K.P. (2000) *Constructing the Zhuang. Ethnic Politics in China*. London: Lynne Rienner Publishers.
4. Wu Chuangguo. (2001) Chzhungun shaoshu min'tszu chzhentse tszitsi kun'tszin [National policy of the CPC and its difficulties]. *Zhurnal natsional'noy oborony*. 13(5). pp. 47–60.
5. Russian.china.org.cn. (2009) *Natsional'naya politika Kitaya i obshchee protsvetanie, razvitie vsekh natsional'nostey (Belaya kniga)* [China's National Policy and Common Prosperity, the Development of All Nationalities (White Paper)]. [Online] Available from: http://russian.china.org.cn/government/archive/baipishu/txt/2009-12/14/content_19062289.htm/. (Accessed: 2nd April 2017)
6. Lee Min. (2010) *Sin' Chzhungo min'tszu fa chzhilun'shi* [A study on the history of the development of the legislative framework for nationalities in China]. Beijing: Jiuzhou.
7. Yuen Siu Tim. (n.d.) *Ethnic Minority Policy of People's Republic of China: an overview*. [Online] Available from: http://www.ied.edu.hk/diversityproject/Outputs%20and%20downloads/Doc/Ethnic%20Minority%20Policy%20of%20People%20(Final).pdf. (Accessed: 2nd April 2017).

УДК 94(410)
DOI: 10.17223/19988613/51/12

Т.А. Федорова

ИСТОРИЯ КАК СЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА В ТВОРЧЕСТВЕ ВАЛЬТЕРА СКОТТА

Рассматриваются семиологическая система базисных значимостей, созданная творчеством Вальтера Скотта, и ее влияние на формирование национальной идентичности Шотландии на рубеже XVIII – начала XIX в. Анализируются исторические предпосылки формирования национального самосознания шотландцев, а также характерные особенности историко-культурного развития региона. Автор приходит к выводу, что Вальтер Скотт в своих произведениях создает путем исторического нарратива систему значимых глубинных образов, формирующих национальное сознание шотландского народа и, как следствие, национальную идентичность.

Ключевые слова: Вальтер Скотт; национальная идентичность; семиологическая система; Шотландия; Пограничье.

Современная геополитическая ситуация, в которой доминантным компонентом выступает процесс глобализации, вследствие чего происходит утрата этносом культурного базиса, диктует актуальность изучения механизма формирования национальной идентичности – залога успешного межнационального диалога. В современном социокультурном пространстве процесс формирования и трансформации национальной идентичности становится предметом изучения все большего числа исследователей, поскольку именно в национальной идентичности отражаются состояние социума, его интегрированность, конформность, способность к консолидации и ценностные ориентации. Именно осознание национальной идентичности кроет в себе огромный потенциал для преодоления культурной разобщенности и межнациональных конфликтов.

Учитывая современную геополитическую ситуацию, необходимо особенное внимание сейчас обратить на формирование национального сознания и идентичности – залога успешной международной консолидации сил в борьбе с терроризмом, экстремизмом и национализмом.

Идея формирования национальной идентичности не нова. На протяжении тысячелетий истории человечества идея формирования национальной идентичности наибольшую актуальность приобретала именно в переломные, кризисные этапы исторического развития этноса, народа и государства. Именно в эти моменты особенно востребованным становится исторический нарратив как основное условие стабилизации общества, путем обращения к значимым, с толчки зрения современности, событиям прошлого и опыту их преодоления. По мнению Ролана Барта, исторический нарратив – это система фактов, которая является системой «значимостей», являющееся в обыденном сознании мифом. Нарратив воспринимается как система фактов, будучи на самом деле семиологической системой [1. С. 97]. По сути, исторический нарратив – это конструкт исторического прошлого, т.е. образ возможного прошлого и его предпочтительная интерпретация [2. С. 61]. Именно исторический нарратив формирует семиологическую систему исторической памяти – необходимый базисный элемент национальной идентичности.

Введение в научный оборот термина «идентичность» принадлежит выдающемуся исследователю в области социальной психологии Эрику Хомбургеру Эриксону [3. С. 23]. Благодаря работам Э. Эриксона стало широко использоваться понятие «кризис идентичности» [4. С. 55], который возникает в условиях глубоких общественных трансформаций. Дальнейшие исследования в этой области Б. Андерсона [5], Э. Геллнера [6], Э. Хобсбаума [7] выявили роль государства и интеллектуальных элит в процессе формирования как общегосударственной, так и этнической идентичности, которая понимается как осознание принадлежности и эмоциональной общности в политическом и общегражданском сообществе, находящемуся в рамках данного государства. Именно эти работы стали базисом конструктивистского направления в исследовании национальной идентичности.

Фундаментальная связь исторической памяти и идентичности была отмечена французским социологом М. Хальбваксом. Основное положение его концепции заключается в том, что каждая социальная группа формирует память о своем прошлом, которая обосновывает ее уникальную идентичность [8. С. 51].

Основной методологический аппарат при исследовании феномена исторической памяти можно найти в работах Жана ле Гоффа [9], П. Рикера [10]. Так, отмечает Поль Рикер, процесс меморилизации предполагает выстраивание разрозненных событий в серии, создание из них различным образом структурированных повествований. История, как писал Георг Вильгельм Фридрих Гегель, собирает в себе части общества и государства, разрозненные в современной действительности [11. С. 57]. Одно и то же событие при этом приобретает разное значение в зависимости от того, в какую сюжетную структуру оно включено [Там же. С. 125].

Большинство современных исследователей отмечают, что в периоды «кризиса идентичности» особенно возрастает интерес к исторической памяти народа.

В эти периоды данный вид памяти формирует базисную основу стабилизации общества. Память об истории народа формирует чувство сопричастности определенной этнической общности.

Определение «историческая память» в современной научной литературе имеет массу трактовок, что свидетельствует о процессе активного исследования данного феномена. По мнению Ж.Т. Тощенко, историческая память – это выражение процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей или для возвращения его влияния в сферу общественного сознания [12. С. 3].

Как отмечает А.Н. Медушевский, историческая память представляет собой инструмент политики, который отвечает социальным запросам и имеет возможность влиять на массовое сознание социума [13. С. 50]. По мнению Курта Хюбнера, историческое сознание – это интегрирующая сила, которая позволит сплотить народы, не теряя их индивидуальности. История народа и есть то общее дело, которое объединяет индивидов и создает национальное самосознание [14. С. 53].

Необходимым условием преодоления «кризиса идентичности» народа является обращение к его исторической памяти как политических элит, так и интеллектуалов современности. Одной из успешных моделей формирования национальной идентичности может служить трансформация шотландской идентичности на рубеже XVIII–XIX вв. под влиянием интеллектуальной элиты Соединенного Королевства.

В этот период Шотландия претерпевала социально-экономическую трансформацию, обусловленную быстрым экономическим ростом. Заключение Унии 1707 г. оказало решающее значение для дальнейшего социально-экономического и политического развития Шотландии. Устраняя торгово-экономические и политические барьеры, Уния привела к ускоренному капиталистическому развитию сельскохозяйственной Шотландии.

В 1770 г. Британский парламент принимает закон, по которому шотландские землевладельцы получали право свободно распоряжаться землей и совершать различные земельные операции. Это создало благоприятные условия для развития капитализма в шотландской глубинке – вытеснение мелких арендаторов из сельскохозяйственного производства. В результате промышленного переворота, который приходится в Шотландии на 70–80-е гг. XVIII в., происходило перемещение жителей Хайленда и Пограничья в города Центральной, Южной и Северо-Восточной Шотландии, где они становятся основным резервом свободной рабочей силы [15. С. 96–115]. Именно этот период и есть переломный момент в процессе формирования шотландской национальной идентичности. Национальные черты, особенности языка, фольклор вызывали все больший интерес у широкой публики, поскольку выходцы из Хайленда и Пограничного края становились активными участниками социально-экономического взаимодействия как внутри Шотландии, так и в рамках Соединенного Королевства в целом. Таким образом, учитывая все возрастающую роль шотландцев, формировался социальный запрос на знакомство с «истинно шотландским» характером, особенностями культуры, историческим наследием Великой Шотландии.

Во второй половине XVIII в. возникает политическая востребованность успешной интеграции шотландцев, так как военно-политическая угроза со стороны Хайленда была ликвидирована и, учитывая длительное противостояние между Великобританией и Францией, продолжавшееся с 1689 по 1815 г., государственный заказ был очевиден. Соединенному королевству необходимы были рекруты-шотландцы, регулярно поставляемые в армию ее Величества [16. С. 63].

Влияние как социальной, так и политической востребованности популяризации шотландской национальной культуры не могло не встретить отклик среди шотландской интеллектуальной элиты.

С середины XVIII в. интеллектуальная элита Шотландии обращает исследовательский интерес к наследию шотландских менестрелей, дошедшему в преданиях и старинных балладах. Наиболее интересные работы в этой области принадлежат перу Джеймса Макферсона и епископа Перси. В сборнике Макферсона – поэмах Осиана, как замечает Б.Г. Реизов, было сделано самое главное: гэльское поэтическое мышление переведено на английский язык. Осталось только откинуть то, что было добавлено Макферсоном в угоду его вкусам и вкусам эпохи [17. С. 78]. «Добавления» Макферсона как нельзя лучше демонстрируют протоконструктивистские взгляды шотландской интеллектуальной элиты.

Вальтер Скотт, будучи сыном своего народа, не мог не осознавать необходимость в воссоздании гэльского величия. Именно эпос стал отправной точкой этого процесса. Сборник Вальтера Скотта «Песни шотландской границы», вышедший в 1802–1803 гг., затем неоднократно переиздаваемый, стал апофеозом кельтского возрождения второй половины XVIII – начала XIX в. Баллады, вошедшие в сборник «Песни Шотландской границы», писатель воспринимал не столько как литературное достояние нации, но также как одну из форм исторической памяти Шотландии [18. С. 567]. Благодаря популяризации историко-поэтического наследия Вальтеру Скотту своей работой удалось возродить национальный престиж Шотландии, пострадавший после подписания Унии 1707 г.

В мае 1827 г. у Вальтера Скотта появилась идея написания Истории Шотландии, адресованной его шестилетнему внуку Джону Хью Локхарту. Идея появилась после успеха книги «Избранные истории из истории Англии», автором которой являлся Джон Уилсон Кропер. Но писатель считал, что Джон Кропер недооценивает способность воспринимать исторические события подрастающей молодежью [19. P. 115]. И это был верный подход. Именно молодое поколение более эмоционально восприимчиво и менее критично к образам прошлого, а выбира-

емая историческая перспектива позволяет акцентировать внимание только на необходимых событиях, с точки зрения конструктивизма [20. С. 44].

Первый том, который охватывает период между правлениями Макбета (1033–1056) и Союза корон (1603), был завершен в ноябре 1827 г. Он был опубликован 15 декабря 1827 г. с расчетом на рождественский рынок. Весь тираж был продан очень быстро. В мае 1828 г. Скотт согласился написать вторую серию «Рассказов деда». В июле он понял, что он имел так много материала, что он предложил положить конец серии Союзом Англии и Шотландии (1707), затем составил третью серию, которая расширила повествование до конца XVIII в. Вторая серия была завершена 1 сентября 1828 г. и опубликована 27 ноября. Третья серия, которая завершила повествование после событий в Коллодене (1746), появилась 21 декабря 1829 г.

Огромный популярный успех «Рассказов» был подобран почти единодушным одобрением литературного еженедельного лондонского журнала. Атенеум, в частности, приветствовали их как важный вклад в кампанию, чтобы поощрить желание писать для детей. Скотт старался быть беспристрастен, излагая исторические факты, что и послужило основой успеха его произведения. Однако некоторые критики, такие как Эндрю Биссет в «Вестминстер Ревью», осуждали Скотта за то, что он не делал нравственных выводов, излагая историю своей родины [17. С. 351].

Повествование истории Шотландии Вальтер Скотт начинает с завоевания римлянами Туманного Альбиона. Однако им не удалось покорить Горную Шотландию. Как отмечает писатель, народ Горной Шотландии был разделен на шотландцев и пиктов. Он отмечает причины, по которым Британия была разделена на две части: «британскую» и «кельтскую». Скотт пишет: «Римляне вознамерились поставить предел опустошительным набегам пиктов и скоттов на равнинную Британию. С этой целью они насыпали очень длинный земляной вал от западного до восточного побережья острова, чтобы перекрыть скоттам и пиктам все пути на юг. И они построили на валу башни и разместили вдоль него цепь военных лагерей, чтобы по первой тревоге воины могли броситься отбивать приступ» [21. P. 7].

Действительно, формирование шотландского этноса следует рассматривать со времен Римской Британии, так как важнейший топоним «Пограничье», этническая разобщенность, проявляется именно в этот период истории. С IV в. опасную угрозу представляли племена, населявшие северные территории Шотландии: племена пиктов и скоттов. Римский историк Аммиан Марцеллин отмечает, что в IV в. не было единства даже среди пиктов, потому что они делились на две племенные группы [22. С. 360]. Эти сведения подтверждает Беда Достопочтенный в «Церковной истории народа англов», написанной в начале VIII в. Он указывает, что пикты делились на «северных» и «южных» [23. С. 89].

Повествуя об истоках этнической разобщенности, Вальтер Скотт делает акцент на «дикости» племен Пограничья [21. P. 7]. Это выверенный прием в духе конструктивистского подхода, так как, по мнению выдающегося социолога Федерика Барта, для восприятия своей идентичности народу необходимо осознание этнических границ внутри социума. Это одно из важнейших условий успешного формирования национального сознания. В свою очередь, существование этнических границ, по мнению ученого, возможно лишь тогда, когда этническая общность наделяется значимыми, отличающими ее от остальных характеристиками, т.е. культурными особенностями [24. С. 24].

Очень интересный контекст прослеживается в повествовании об англо-саксонском завоевании Британии. Автор сообщает, что бриты уступали в мужестве и военной подготовке «диким» скоттам. По словам писателя, бритты оказались совершенно не способны самостоятельно отбиваться от варваров, потому что за время господства римлян они утратили силу и мужество [21. P. 7]. Именно мужество и храбрость были этнической чертой горцев, позволившей сформировать «Я-концепцию», необходимый базисный компонент этнической идентичности.

Позиция Вальтера Скотта относительно Нормандского завоевания вызывает особый интерес, так как раскрывает отношение писателя к происходящим социальным потрясениям в историческом прошлом его народа. Несмотря на то что норманны несли смерть и разорение, автор объективно признает, что при норманнах Англия стала более мощной страной. «И вы найдете много таких случаев в истории, дорогой ребенок, в которых порадовал промысел божий, что кажется на первый взгляд злом, приносит бесценную пользу» [Ibid. P. 15]. Автор в данном фрагменте делает отсылку в том числе и к событиям 1707 г., формируя у подрастающего поколения положительное отношение к случившемуся.

Образ национального героя, каким является Уильям Уоллес для Шотландии, также является неотъемлемым элементом семиологической системы исторической памяти. Образ национального героя проходит процесс воссоздания образа и его мифологизацию. Особенно актуальным процесс мифологизации национальных героев становится при утрате этносом своего привычного мира и уклада, в период социальных и политических трансформаций [25. С. 120].

Уоллес, отмечает Вальтер Скотт, как каждый пылкий шотландец, с великим возмущением смотрел на присвоение шотландской короны Эдуардом и оскорбления, наносимые английскими вояками его соотечественникам [21. P. 36]. Образ Уильяма Уоллеса знаковый, так как является одной из основ национальной идентичности – мифологемы национального героя. Именно в критические периоды исторического развития наиболее полно проявляется исторический нарратив образа национального героя, так как он трактуется в соответствии с целями и задачами конкретного исторического периода.

В плеяду национальных героев в «Рассказах дедушки» входит и Роберт Брюсс. Значимыми чертами, говорящими о его «шотландском духе», были такие, как великодушие, обходительность, образованность [21. P. 61], т.е. качества, которые были наиболее значимы именно для современников, читателей произведений Вальтера Скотта. Хотя, упоминая о своих предках в ответ на просьбу Геральдической палаты набросать эскиз герба, сэр Скотт отмечал совершенно другие черты национального характера: «До Унии Королевств мои предки, подобно другим джентльменам Пограничного края, триста лет промышляли убийствами, кражами и разбоем…» [26. С. 5].

Говоря о национальных особенностях шотландцев, Скотт пишет, что шотландец осторожный, бережливый, рачительный. У шотландцев встречаются великолепные идеи, которые требуют финансовой поддержки, за неимением этой поддержки они отдаются иностранцам. Именно преодоление экономической отсталости писатель видел целью объединения двух корон и подписания Унии 1707 г. Как пишет автор, «лучше заключить соглашение на основе взаимных преимуществ, чем иметь риск вторжения… Шотландия станет частью империи и, совершенствуя промышленность, достигнет процветания… Английское правительство предложило отправить представителей Шотландии в английский парламент. Это даст возможность Шотландии продвигать свои торговые интересы [21. P. 66]. Именно социально-экономические интересы Шотландии диктовали ту семиотику, тот исторический нарратив, который был воссоздан в «Рассказах дедушки» при повествовании об Унии двух корон.

Таким образом, становится очевидным, что в исторических реалиях Шотландии конца XVIII – начала XIX в., в период социально-экономических трансформаций, на формирование национальной идентичности шотландцев особое влияние оказало творчество выдающегося писателя-романиста, историка, политического деятеля Вальтера Скотта. Именно Скотт в духе протоконструктивизма, путем обращения к «истинной шотландскости», выстраивает дихотомию «Мы–они», необходимый базисный элемент национальной идентичности. В своих работах писатель воссоздает семиологическую систему исторической памяти, прибегая к историческому нарративу. Народные баллады, национальные характеры, исторические события выстраиваются в систему значимых образов, интерпретируются в соответствии со вкусами и запросами современной действительности – реалиями рубежа XVIII–XIX вв. Возросшая социальная активность шотландцев и их роль в экономической и общественно-политической жизни Соединенного Королевства диктовали необходимость формирования национального сознания – залога успеха и процветания в Британском Содружестве.

Принимая во внимание популярность произведений великого писателя как среди современников, так и на протяжении последующих веков, становится очевидным колоссальное воздействие творчества Вальтера Скотта как на формирование этнического сознания шотландцев, так и внутриполитические и социальные процессы, протекавшие в Великобритании в конце XVIII – начале XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / пер. с фр. ; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М. : Прогресс, 1989. 616 с.
2. Анкерсмит Ф. Нарративная логика: Семантический анализ языка историков. М. : Идея-Пресс, 2003. 360 с.
3. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М. : Флинта, 2006. 352 с.
4. Эриксон Э.Г. Кризис идентичности в автобиографической перспективе (фрагмент из книги «История жизни и исторический момент» 1975) // Личность. Культура. Общество. 2008. Вып. 2. С. 48–59.
5. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М. : КАНОН-Пресс ; Кучково поле, 2001. 288 с.
6. Геллнер Э. Нации и национализм / пер. с англ. Т.В. Бредниковой, М.К. Тюнькиной ; ред. и послесл. И.И. Крупника. М. : Прогресс, 1991. 794 с.
7. Hobsbawm E. Terence Ranger: The Invention of Tradition. Cambridge : Cambridge University Press, 1992. 322 p.
8. Misztal B. Teories of remembering. Maidenhead, Philadelfia : Open University Press, 2003. 190 p.
9. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М. : Прогресс-Академия, 1992. 376 с.
10. Рикер П. Память, история, забвение / пер. с фр. М. : Изд.-во гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
11. Гегель Г.В.Ф. Философия истории. СПб. : Наука, 1993. 479 с.
12. Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3–14.
13. Материалы «круглого стола», проведенного по результатам исследования «Историческая память в российском обществе: состояние и проблемы формирования» / В.Э. Бойко, А.Н. Медушевский, Ж.Т. Тощенко и др. // Социология власти. 2010. № 6. С. 47–67.
14. Хюбнер К. Нация: от забвения к возрождению. М. : Канон+, 2001. 396 с.
15. Зверева Г.И. История Шотландии. М. : Высш. шк., 1987. 207 с.
16. Малкин С.Г. Горная Шотландия конца XVII – первой половины XVIII века и романы Вальтера Скотта // Новая и новейшая история. 2010. № 2. С. 59–71.
17. Реизов Б.Г. Творчество Вальтера Скотта. М. : Худож. лит., 1965. 499 с.
18. Скотт В. Вводные замечания о народной поэзии и о различных сборниках британских (преимущественно шотландских) баллад // Собрание сочинений в двадцати томах / пер. Е.Т. Танка. М. ; Л., 1965. Т. 20. 704 с.
19. Scott W The Journal of Sir Walter Scott. Vol. 1–3. Edinburgh: Oliver & Boyd, 1939–1946. Vol. 1. 416 p.
20. Васильев А.Г. Культурная память / забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке. М. : Совпадение, 2015. С. 29–57.
21. Scott W. Tales of a Grandfather; Being Stories Taken from Scottish History. Humbly Inscribed to Hugh Littlejohn, Esq. In Three Vols. Cadell & Co. Edinburgh; Simpkin & Marshall, London. 1828. Vol. I. 283 p.
22. Глебов А.Г. Римская Британия В III–IV веках и ее падение // Вестник Воронежского государственного университета. 2011. № 2. С. 89–92.
23. Гражданская и религиозная идентичность: вчера, сегодня, завтра / РАН, Ин-т социологии; рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М. : РОССПЭН, 2013. 483 с.

24. Шнирельман В.А. Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика // Теоретические проблемы исторических исследований. М. : МГУ, 1999. Вып. 2. С. 118–147.
25. Scott W. The Prose Works of Sir Walter Scott . Edinburgh: Cadell, 1836. Vol. XXV. 255 p.
26. Скотт В. Роб Рой. М. : Дом, 1992. 512 с.

Fedorova Tatyana A. Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia). E-mail: Angel_924@mail.ru

HISTORY AS A SEMIOLOGICAL SYSTEM IN THE WORKS OF WALTER SCOTT.

Keywords: Walter Scott; national identity; semiological system; Scotland; Borderlands.

In this article the problems of the formation of national identity of the Scots at the turn of XVIII–XIX centuries are examined. Also the author analyses the historical conditions in which the formation of national identity took place and the role played by the Walter Scott's works in this process. This article deals with the problem of integrating the two previously opposing states of England and Scotland, forced under the conditions of the union of 1707 and the subsequent completion of the industrial coup to seek ways to consolidate and at the same time the possibility of preservation of ethnic uniqueness. The purpose of this article is to analyze the impact of the historical narrative in the works of Walter Scott on the formation of the most important symbols of Scottish national consciousness that are the basis of national identity. As the research problem, the author has defined an attempt to assess the degree of narrativeness of the works of Walter Scott, since this factor is crucial in the process of "invention of traditions". The author of the article argues that a necessary condition of overcoming the "crisis of identity" of a nation is an appeal to its historical memory, both by political elites and intellectuals of our time. A transformation of Scottish identity at the turn of XVIII–XIX centuries, under the influence of the intellectual elite of the United Kingdom can serve as one of the successful models of national identity formation. Special attention is paid to the creativity of the first researchers of Scottish cultural heritage. The author notes that since the mid-eighteenth century the intellectual elite of Scotland drew the research interest to the heritage of the Scottish minstrels, preserved in legends and ancient ballads. The most interesting works in this area were written by James MacPherson and Bishop Percy. In the collection of MacPherson - the poems Oceana, as the author notes, was made the most important thing: the Gaelic poetic thinking has been translated into English. In the end the author concludes that Walter Scott, in the spirit of proconstruction, by referring to the "true Scottishness", built up the dichotomy "We-they", the required basic element of national identity. Folk ballads, national characters, historical events, arranged in a system of meaningful images are interpreted in accordance with the tastes and demands of modern reality – the reality of the turn of XVIII–XIX centuries. The increased social activity of the Scots and their role in economic and political life of the United Kingdom necessitated the formation of national consciousness of success and prosperity in the British Commonwealth.

REFERENCES

1. Barthes, R. (1989) *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected works: Semiotics: Poetics]. Translated from French. Moscow: Progress.
2. Ankersmit, F. (2003) *Narrativnaya logika: Semanticheskiy analiz yazyka istorikov* [Narrative Logic: A Semantic Analysis of the Historian's Language]. Translated from English by O. Gavrishina, A. Oleynikov. Moscow: Ideya-Press.
3. Erickson, E. (2006) *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: youth and crisis]. Translated from English by A.D. Andreeva et al. Moscow: Flinta.
4. Erickson, E. (2008) Krizis identichnosti v avtobiograficheskoy perspektive (fragment iz knigi "Istoriya zhizni i istoricheskiy moment" 1975) [The identity crisis in the autobiographical perspective (a fragment from "The History of Life and the Historical Moment", 1975)]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. 2. pp. 48–59.
5. Anderson, B. (2001) *Voobrazhaemye soobshchestva* [Imagined communities]. Translated from English by B. Nikolaev. Moscow: KANON-Press; Kuchkovo pole.
6. Gellner, E. (1991) *Natsii i natsionalizm* [Nation and Nationalism]. Translated from English by T.V. Brednikova, M.K. Tyunkina. Moscow: Progress.
7. Hobsbawm, E. & Ranger, T. (1992) *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Misztal, B. (2003) *Teories of remembering*. Maidenhead-Philadelfia: Open University Press.
9. Le Goff, J. (1992) *Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada* [Civilization of the Medieval West]. Translated from French. Moscow: Progress-Akademiya.
10. Ricœur, P. (2004) *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, history, oblivion]. Translated from French. Moscow: Izdatelstvo gumanitarnoy literatury.
11. Hegel, G.V.F. (1993) *Filosofiya istorii* [Philosophy of History]. Translated from German. St. Petersburg: Nauka.
12. Toshchenko, Zh.T. (2000) Istoricheskoe soznanie i istoricheskaya pamyat': analiz sovremennogo sostoyaniya [Historical consciousness and historical memory: Analysis of the current state]. *Novaya i noveyshaya istoriya – Modern and Current History Journal*. 4. pp. 3–14.
13. Boyko, V.E., Medushevskiy, A.N., Toshchenko, Zh.T. et al. (2010) Materialy "kruglogo stola", provedennogo po rezul'tatam issledovaniya "Istoricheskaya pamyat' v rossiyskom obshchestve: sostoyanie i problemy formirovaniya" [. Materials of the "round table" discussion on the results of the research "Historical memory in Russian society: the state and problems of formation"]. *Sotsiologiya vlasti – Sociology of Power*. 6. pp. 47–67.
14. Hübner, K. (2001) *Natsiya: ot zabveniya k vozrozhdeniyu* [Nation: From Oblivion to Rebirth]. Translated from German by A.Yu. Antonovskiy. Moscow: Kanon+.
15. Zvereva, G.I. (1987) *Istoriya Shotlandii* [History of Scotland]. Moscow: Vysshaya shkola.
16. Malkin, S.G. (2010) Gornaya Shotlandiya kontsa XVII – pervoy poloviny XVIII veka i romany Val'tera Skotta [Highlands of Scotland at the end of the 17th – first half of the 18th centuries and Walter Scott's novels]. *Novaya i noveyshaya istoriya – Modern and Current History Journal*. 2. pp. 59–71.
17. Reizov, B.G. (1965) *Tvorchestvo Val'tera Skotta* [Walter Scott's Works]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
18. Scott, W. (1965) *Sobranie sochineniy v dvadtsati tomakh* [Collected Works in Twenty Volumes]. Vol. 20. Translated from English by E.T. Tank. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
19. Scott, W. (1939–1946) *The Journal of Sir Walter Scott*. Vol. 1-3. Edinburgh: Oliver & Boyd.
20. Vasiliev, A.G. (2015) Kul'turnaya pamyat'/zabvenie i natsional'naya identichnost': teoreticheskie osnovaniya analiza [Cultural memory / oblivion and national identity: the theoretical bases of analysis]. In: Kochelyaeva, N.A. (ed.) *Kul'turnaya pamyat' v kontekste formirovaniya natsional'noy identichnosti Rossii v XXI veke* [Cultural memory in the context of the formation of the Russian national identity in the 21st century]. Moscow: Sovpadenie. pp. 29–57.
21. Scott, W. (1828) *Tales of a Grandfather; Being Stories Taken from Scottish History. Humbly Inscribed to Hugh Littlejohn, Esq. In Three Vols*. Vol. 1. Edinburgh: Cadell & Co.; London: Simpkin & Marshall.
22. Glebov, A.G. (2011) Rimskaya Britaniya V III–IV vekakh i ee padenie [The fall of the Roman Britain in the 3rd–4th centuries]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta – Proceedings of Voronezh State University*. 2. pp. 89–92.
23. Drobizhev, L.M. (2013) *Grazhdanskaya i religioznaya identichnost': vchera, segodnya, zavtra* [Civil and religious identity: yesterday, today, tomorrow]. Moscow: Rosspen.
24. Shnirelman, V.A. (1999) Natsional'nye simvoly, etnoistoricheskie mify i etnopolitika [National symbols, ethnohistorical myths and ethnopolitics]. In: *Teoreticheskie problemy istoricheskikh issledovaniy* [Theoretical problems of historical research]. Moscow: Moscow State University. pp. 118–147.
25. Scott, W. (1836) *The Prose Works of Sir Walter Scott*. Vol. 25. Edinburgh: Cadell.
26. Scott, W. (1992) *Rob Roy* [Rob Roy]. Tranlsated from English. Moscow: Dom.

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

УДК 902/904
DOI: 10.17223/19988613/51/13

Е.В. Водясов

ЭЛИТНОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ С КУЗНЕЧНЫМИ КЛЕЩАМИ В КУРГАННОМ МОГИЛЬНИКЕ АРХИЕРЕЙСКАЯ ЗАИМКА (ТОМСКОЕ ПРИОБЬЕ)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 17-11-70002 а (р) «Феномен элитных средневековых захоронений “кузнецов” (Томская область)».

Статья посвящена элитному захоронению с кузнечными клещами на территории Томского Приобья в Западной Сибири. Впервые в научный оборот вводятся новые археологические и архивные данные о погребении 5 курганного могильника Архиерейская Заимка. В захоронении найдены кузнечные клещи, набор вооружения (кинжал, наконечники стрел, палаши), бронзовая чаша, изображение мифического зверя Сенмурва, бронзовое изображение птицы с развёрнутыми крыльями, наборный пояс и другие предметы. Уточнена дата погребения – конец VII – первая половина VIII в. Сделан вывод о принадлежности умершего к высокому социальному рангу. Кузнечные клещи рассмотрены как атрибут власти, что отражает средневековые представления различных обществ Евразии о связи кузнечества с магической силой и властью.
Ключевые слова: кузнечные инструменты; погребальный обряд; раннее Средневековье; Томское Приобье.

Особое место в археологии Западной Сибири занимают средневековые погребальные комплексы, содержащие в числе прочего инвентаря набор кузнечных инструментов. Захоронения «кузнецов» чрезвычайно редки и, как правило, выделяются обилием и богатством погребального инвентаря, представленного элитным вооружением, многочисленными украшениями, импортными предметами искусства, культовым литьем и др. Особое значение здесь приобретает проблема интерпретации прижизненного статуса и вопрос: являлись ли умершие кузнецами при жизни или кузнечные инструменты выполняли особую символическую функцию? Тема кузнечного инструментария и его роль в погребальном обряде населения Западной Сибири, к сожалению, практически не изучена. Имеется лишь несколько работ, посвященных археологическому аспекту этой проблемы [1, 2].

В этой связи актуальным видится анализ археологических материалов элитного захоронения с кузнечными клещами (курган или погребение 5) из могильника Архиерейская Заимка (Томское Приобье). Материалы этого кургана опубликованы [3. С. 39–40], однако в ходе работы с описью находок и самой археологической коллекцией, хранящейся в Государственном историческом музее, удалось установить, что не все предметы из погребения 5 опубликованы и верно атрибутированы, а некоторые вещи ошибочно «попали» в состав инвентаря указанного погребения. Помимо этого, в архиве Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург) найдены новые неопубликованные материалы об особенностях погребального обряда. Наконец, феномен взаимосвязи кузнечных инструментов и престижных «экстраординарных» предметов в кургане 5 ранее не рассматривался. По этим причинам уместно еще раз вернуться к исследованию уникального археологического комплекса второй половины I тыс. н.э. в Томском Приобье.

Курганный могильник у Архиерейской Заимки находился в черте г. Томска. Был открыт в 1896 г. рабочим Мухарремовым в ходе строительства железнодорожной Томской ветки Средне-Сибирской железной дороги. Точное местонахождение памятника неизвестно. Вероятнее всего, он располагался на берегу р. Малая Киргизка, притоке р. Большая Киргизка, впадающей в Томь [3. С. 37]. По всей видимости, памятник полностью уничтожен.

В 1896 г. томский библиотекарь С.К. Кузнецов приступил к раскопкам этого могильника, частично уже срытого строительством дороги [4. Л. 16]. Раскопки велись с 15 августа по 30 сентября 1896 г. Курган 5 был раскопан С.К. Кузнецовым всего за один день – 2 сентября 1896 г. Всего С.К. Кузнецов исследовал 36 курганов. К сожалению, полевая методика конца XIX в. привела к уничтожению значительной части научной информации о могильнике. Отчет о раскопках так и не был написан, а полевые дневники раскопок могильника и его план до сих пор не найдены. С.К. Кузнецова в своём письме 1896 г. в Археологическую комиссию указывал, что кладбище «снято им на план», его площадь составляет около 2 000 кв. сажень (4 260 кв. м). Работы велись в спешке. Вот что пишет сам автор: «По недостатку времени (так как я располагал только послеобеденными часами и праздниками) и по обилию курганов (разрыто всего 36, среди которых попадались до 5 сажен в диаметре), я рылся при свете фонаря и лампы, а то и просто восковой свечи, взятых в ближайшей железнодорожной будке. На курганах ночевал я четыре ночи, боясь расхищения неоконченных раскопок могил. Не скажу, чтобы ночевки в конце сентября при здешних

холодах, когда вода замерзала в ведре, были приятны, но я был вознагражден находками» (Здесь и далее в цитатах авторские орфография и пунктуация сохранены.) [4. Л. 18].

В описи, составленной С.К. Кузнецовым, курганы названы погребениями. Рассматриваемый курган записан как «погребение 5». До сих пор остаётся загадкой количество захоронений в каждом кургане [3. С. 38]. Нет также никаких данных о размерах насыпей и могил, особенностях погребального обряда, контексте обнаружения находок и т.д. Есть лишь археологическая коллекция (№ 37729 ГИМ), а также опись находок, отрывочные сведения из письма С.К. Кузнецова и несколько фотографий находок, сделанных в конце XIX в. [4].

Первая публикация предметов из могильника у Архиерейской Заимки произошла в 1899 г. [5. С. 316–323]. Повторно археологические материалы опубликованы в 1983 г. [3. С. 37–41]. В монографии О.Б. Беликовой и Л.М. Плетневой касательно инвентаря погребения 5 имеется ряд ошибок. Так, опубликованный в книге фрагмент бронзовой чаши [Там же. Рис. 75] на самом деле происходит из погребения 3, а не погребения 5, как это указано в тексте [Там же. С. 40]. В описи коллекции, сделанной С.К. Кузнецовым, фрагмент чаши имеет номер 296 и отнесён к погребению 3. Сломанная чаша была обнаружена вместе с шестью бронзовыми изображениями медведей в «жертвенной позе» и другой тонкой бронзовой чашей, названной С.К. Кузнецовым «медным кругом, согнутым пирогом» [4].

Мы догадываемся, почему работавшая с коллекцией Л.М. Плетнева допустила ошибку. Дело в том, что в погребении 5 была найдена целая бронзовая чаша. В коллекции она числится под номером 54, что совпадает с описью находок из погребения 5, сделанной автором раскопок. Упоминание чаши присутствует в публикации материалов 1899 г. [5. С. 320]. На чаше указан коллекционный номер (37729), что соответствует номеру основной коллекции Архиерейской Заимки, но она хранится в другом отделе музея. Скорее всего, Л.М. Плетнева, проделав кропотливую работу в музее по соотношению находок из описи с каждым погребением, не знала о наличии ещё одной бронзовой чаши и решила, что из погребения 5 происходит не целая чаша, а фрагмент другой посуды. Разбор этого источниковедческого сюжета важен, поскольку чаши играют, как показано ниже, ключевую роль в хронологической атрибуции выявленных комплексов.

Материалы могильника у Архиерейской Заимки неоднократно использовались многими археологами при изучении средневековых древностей Сибири второй половины I тыс. н.э. [6. С. 135; 7. С. 69; 8. С. 52; 9. С. 89; 10. С. 43]. В честь этого могильника некоторыми авторами было предложено назвать финальный этап верхнеобской культуры (IX–X вв.) «архиерейским» [8. С. 51–52]. Как показывают современные исследования, интерес к этому памятнику до сих пор не утихает.

Приведу полный список находок, обнаруженный С.К. Кузнецовым в кургане («погребении») 5, в соответствии с имеющейся описью коллекции. Отмечу здесь, что название памятника «курганный могильник у Архиерейской заимки» предложено О.Б. Беликовой и Л.М. Плетневой в 1983 г. [3. С. 37]. Сам С.К. Кузнецов везде называл памятник «могильник близ г. Томска». Этот нюанс особенно важен для тех исследователей, которые могут в дальнейшем искать археологическую коллекцию и архивные материалы по этому могильнику. Памятник в музейном фонде ГИМ и архиве ИИМК числится как «могильник близ г. Томска», поэтому поиски коллекции с названием «Архиерейская Заимка» не увенчаются успехом. Все вещи коллекции (кроме чаши) нашиты на планшеты, поэтому, к сожалению, не удалось нарисовать профиля предметов.

Предметы из железа: кузнечные клещи (рис. 1, *1*), шесть наконечников стрел разных типов (рис. 1, *4–9*), две панцирные пластины (рис. 1, *14–15*), три рамчатые пряжки, одна из которых не сохранилась (рис. 1, *10, 11*), нож с изогнутой спинкой и ножны к нему (1, *12–13*), два фрагмента больших ножей (рис. 1, *2–3*), обломок предмета, от которого сохранилась кручёная цепочка с петелькой на конце (рис. 1, *14*), кинжал с перекрестием, навершием рукояти в виде колпачка и железными деталями ножен (рис. 2), еще один нож в деревянных ножнах, покрытых медной тонкой оправой [5. С. 320, табл. IV, *6*], «часть маленького ножа» [4].

Предметы из бронзы: изображение птицы с расправленными крыльями и личиной на груди (рис. 1, *17*), миниатюрное изображение фантастического существа Сенмурва (?), показанного в позе – идущий вправо с открытой пастью и поднятой лапой и крылом на спине (рис. 1, *18*), две бляшки так называемого геральдического стиля (рис. 1, *19–20*), целая чаша прекрасной сохранности с вертикальными желобками-каннелюрами (рис. 3), пять медных бус [5. С. 320].

Помимо этого, из погребения происходят 3 стеклянные бусы, кусок тиснёной кожи (рис. 1, *21*) и керамический сосуд с округлым дном, орнаментированный гребенчатым штампом. В коллекции сосуда нет, его описание дано по первой публикации находок [Там же. С. 320]. Железный кинжал также отсутствует в коллекции, поэтому здесь публикуется отпечаток с негатива, хранящегося в ИИМК [4. Л. 38].

В первичной публикации 1899 г. мы находим информацию о том, что захоронение в кургане 5 было произведено по обряду кремации [5. С. 319]. Это же повторено в монографии О.Б. Беликовой и Л.М. Плетневой [3. С. 39]. Однако в письме С.К. Кузнецова в археологическую комиссию от 1896 г. мы нашли другую информацию, не замеченную исследователями раньше. Приводим дословно текст, касающийся описания погребения 5: «Из отдельных предметов и целых групп можно указать на… две бронзовых чаши; одна (тонкая) разбита. Толстая цельная чаша из светлой бронзы, в которой помещался череп с нижней челюстью и два шейных позвонка, поражает математической правильностью отделки и своими изящными очертаниями» [4. Л. 17].

Рис. 1. Курганный могильник Архиерейская Заимка. Курган 5: *1–16* – железо; *17–20* – бронза; *21* – кожа

Рис. 2. Курганный могильник Архиерейская Заимка. Курган 5.
Железный кинжал с железными деталями ножен

Рис. 3. Курганный могильник Архиерейская Заимка. Курган 5. Бронзовая чаша

Более подробные сведения о контексте нахождения чаши с черепом присутствуют в публикации В.М. Флоринского. В день открытия погребения с кузнечными инструментами (2 сентября 1896 г.) он пригласил в гости С.К. Кузнецова с просьбой показать вещи из раскопанных им курганов. Встреча состоялась только в полночь, так как С.К. Кузнецов допоздна был занят на раскопках [4. Л. 16 об.]. Полагаю, что тогда В.М. Флоринский и узнал некоторые подробности обнаружения бронзовой чаши. Из опубликованных им позднее данных можно сделать вывод, что чаша была найдена в центральной могиле кургана на глубине 1,5 аршин (около 106 см) от его поверхности. В чаше лежали обгорелые кости черепа. Рядом с ней был зафиксирован в вертикальном положении бронзовый идол – рельефное изображение птицы с распростёртыми крыльями и личиной на груди (см. рис. 1, *17*), при этом лицевая сторона идола была обращена к юго-западу, а задняя – к бронзовой чаше [11. С. 285].

Известно, что в подавляющем большинстве случаев отчленение головы происходит между вторым и четвёртым шейными позвонками. Наличие в погребении двух шейных позвонков вместе с черепом говорит о захоронении отдельной головы, а не черепа. Если бы голову отделяли от тела после разложения мягких тканей, то отделение черепа могло бы произойти вместе с атлантом – первым шейным позвонком, но не двумя сразу [12; 13. С. 70–71]. Судя по всему, в погребении 5 захоронили отсечённую обожжённую голову человека, помещённую в бронзовую чашу. Скорее всего, именно это упоминание В.М. Флоринского об обгорелых костях черепа трансформировалось в последующих трудах в «трупосожжение». Хотя не исключено также, что в кургане 5 находилось не одно захоронение.

Аналоги захоронения отсечённой головы в бронзовой чаше или других сосудах по материалам Западной Сибири нам не известны. Отдельные захоронения голов встречены в могильнике Рёлка (Нарымское Приобье), Тимирязевском 1 курганном могильнике (Томское Приобье), могильниках Преображенка-III (Центральная Бараба), Усть-Балык (Среднее Приобье) и других комплексах второй половины I тыс. н.э. [13. С. 127–141]. К сожалению, иные детали погребального ритуала, проводимого при возведении кургана 5, остаются неизвестными.

Отдельный вопрос связан с хронологией изучаемого комплекса. В целом имеется несколько мнений касательно общей датировки могильника Архиерейская Заимка. Наличие в трех захоронениях китайских монет, первоначально отнесённых С.К. Кузнецовым к VIII в. (713–741 гг.), а позднее определённых А.А. Гавриловой и Б.И. Панкратовым временем правления основателя танской династии Гоа-цзу (618–626 гг.), для М.П. Грязнова стали основанием датировать могильник VII в. [6. С. 135]. С.К. Кузнецов, а за ним и Л.А. Чиндина считали, что могильник появился в VIII в. [4. Л. 17; 7. С. 69]. О.Б. Беликова и Л.М. Плетнева полагают, что курганы относятся к двум периодам: VI–VIII и IX–X вв. [3. С. 38]. В.В. Бобров, А.С. Васютин и С.С. Онищенко также выделяют на могильнике поздние комплексы IX–X вв. и используют их для характеристики финального этапа верхнеобской культуры [8. С. 51–52].

Несомненный интерес представляет целая бронзовая чаша диаметром 17 см, украшенная вертикальными симметричными желобками-каннелюрами (см. рис. 3). Оформление тулова чаши каннелюрами и размеры типологически сближают её с хорезмийскими чашами, которые изготовляли в VII – начале VIII в. [14. Табл. 25]. Около середины VIII в. эта школа торевтики перестает существовать в связи с распространением ислама и завоеванием арабами Хорезма в 712 г. [Там же. С. 108]. Б.И. Маршак датировал чашу из Архиерейской Заимки первой половиной VIII в. [15. С. 228, 235].

Не исключено, что бронзовая чаша вместе с другими чашами и китайскими монетами могла попасть в Нижнее Притомье из Средней Азии на рубеже VII–VIII вв. В это время торговые пути контролировали согдийские купцы, через которых китайские и среднеазиатские вещи попадали в таёжную зону Западной Сибири [16, 17].

Другой предмет среднеазиатского искусства представлен бронзовым изображением мифического существа Сенмурва (?), изображенного идущего вправо, с открытой пастью и поднятой лапой. Схематично изображено крыло, растущее из спины (см. рис. 1, *18*). Проникновение этого образа в Западную Сибирь связано со среднеазиатским влиянием начиная со второй половины I тыс. н.э. [18]. Интересно, что изображения мифического зверя Сенмурва встречены ещё в двух комплексах Нижнего Притомья (могильник в устье Малой Киргизки и погребение на поселении Чекист), находящихся всего в нескольких километрах от могильника Архиерейская Заимка. Погребения датированы XI–XIV вв. н.э. [19. Рис. 5, *2*; 20. Табл. 44], что свидетельствует об устойчивых торговых связях населения Нижнего Притомья и Средней Азии на протяжении раннего и развитого Средневековья.

В погребении 5 Архиерейской Заимки рядом с бронзовой чашей найдено изящное рельефное изображение птицы с расправленными крыльями и личиной на груди (см. рис. 1, *17*). Этот образ был широко распространен в урало-сибирской культурной среде во второй половине I тыс. н.э. [21, 22].

Из этого же погребения происходит экземпляр редкого и, судя по всему, престижного оружия – железного кинжала с мощным перекрестием сабельного типа (см. рис. 2). На основе аналогов он датируется VII–VIII вв. [10. С. 43].

Бронзовые бляшки так называемого геральдического стиля из кургана 5 (см. рис. 1, *19–20*) также укладываются в период VII–VIII вв. Подобная бляшка происходит из могилы 7 кургана 1 могильника Рёлка, датированной VII–VIII вв., но скорее – VIII в. [7. С. 69]. Такая же по типу бляшка встречена в могиле 10 (ку-

дыргинского типа) могильника Кудыргэ в Горном Алтае [23. Табл. X, *14*]. Похожие накладные бляшки найдены в Новосибирском Приобье: в погребении кургана 1 могильника Умна-2 и погребении 1 кургана 2 могильника Усть-Акбалык-4 VII – самого начала VIII в. [10. С. 56, Рис. 26, *13, 36*]. Аналогичная геральдическая бляшка присутствует в составе клада у с. Лебеди в Кузнецкой котловине, датированного В.В. Бобровым в пределах VI–VIII вв. [24]. В целом, появление поясной гарнитуры геральдического стиля в Сибири относится ко второй половине VII в. [25]. Д.Г. Савинов, ссылаясь в числе прочего на исследования В.Б. Ковалевской, полагает, что широкое распространение геральдического стиля произошло в VII в. с возможным заходом в VIII в., но никак не в VI в. [26].

В кургане 5 найдено также 2 фрагмента железных изделий, определенных С.К. Кузнецовым как «фрагменты ножей» (рис. 1, *2–3*). Однако, судя по размерам сохранившихся частей рукоятей и клинков, не исключено, что «ножи» могут являться однолезвийными палашами. Ширина клинков составляет почти 2 см. Длина сохранившихся частей – соответственно 6 и 10 см. Они значительно массивнее ножей нормативных размеров, найденных в этом же погребении. Перекрестия на обоих экземплярах отсутствуют. Палаши имеют сужающиеся рукояти с небольшими заплечиками. Для второго палаша (см. рис. 1, *3*) характерно небольшое сужение клинковой части у рукояти. Подобное оформление клинка имеет палаш из могилы 7 могильника Рёлка, датированной VII–VIII вв. [7. С. 69. Рис. 6, *1*].

Таким образом, датировка погребения 5 определяется концом VII – первой половиной VIII в. Найденные в кургане железные пряжки и наконечники стрел разных типов не противоречат этой дате. О.Б. Беликова и Л.М. Плетнева предложили более широкую дату для этого комплекса – VI–VIII вв. [3. С. 95], однако выявленная бронзовая среднеазиатская чаша, а также пояс геральдического стиля позволяют сузить время возникновения кургана 5.

Таким образом, наличие в одном комплексе кузнечных клещей и элитного набора вооружения, предметов искусства и культовых изделий не позволяет однозначно интерпретировать прижизненный статус умершего как кузнец.

В Приобье случаи сопровождения покойного кузнечным инструментарием наряду с богатым «престижным» инвентарем встречены также в могильниках Чердашный Лог-III, Тимирязевский-1, Тимирязевский-2, Могильницкий, расположенных в Томском Приобье, и могильнике Рёлка, находящемся в Нарымском Приобье [2].

В Западной Сибири первые погребения с кузнечными инструментами появляются именно на территории Томско-Нарымского Приобья и датируются в широких пределах VI–IX вв. В других регионах Западной Сибири они пока не известны.

На мой взгляд, набор элитного вооружения и культовых украшений вкупе с кузнечными инструментами в погребениях Томско-Нарымского Приобья демонстрирует принадлежность умерших к высокому социальному (правящему) рангу. Возможно, наличие в захоронениях клещей и молотков следует воспринимать как символ, олицетворяющий связь правителя-воина с той магической силой и властью, которые были присущи кузнецам в представлениях средневековых обществ Евразии [1. С. 180–185; 27. С. 108–112; 28; 29].

Косвенно на предложенную интерпретацию может указывать ещё одно обстоятельство. В Тимирязевском-II курганном могильнике (Томское Приобье) в кургане 58 с умершим были положены железные клещи, зубило, молоток, долото, тесло, бронзовая пряжка и несколько бронзовых нашивок. Погребение датировано IX–X вв. [30. С. 85–86]. Это захоронение, помимо кузнечных инструментов, как видно, содержит «рядовой» инвентарь. Подобные комплексы с кузнечными инструментами и «невыразительными» находками (по сравнению с материалами элитных захоронений) известны в Томском Приобье и последующую эпоху развитого Средневековья [2].

Таким образом, на территории Томского Приобья на всём протяжении эпохи Средневековья кузнечные инструменты сопровождали как элитные погребальные комплексы, так и рядовые погребения. Возможно, в первом случае, о чем говорилось выше, инструменты кузнеца являлись символом власти и «зеркалом» высокого социального статуса умерших. Их же присутствие в рядовых могилах могло отражать принадлежность покойных к профессиональному рангу кузнецов-ремесленников.

Почему именно в Томско-Нарымском Приобье возник погребальный обряд, отражающий сложные представления о связи кузнечества с властью и воинской силой, сегодня остаётся загадкой. В качестве гипотезы можно предположить следующее: во второй половине I тыс. н.э. в Томском Приобье происходят радикальные перемены в культуре, связанные со стремительным распространением железной продукции и кузнечных технологий [31]. Впервые в регионе появляются новые категории инвентаря (стремена, палаши, кресала, кузнечные инструменты и др.). Возможно, произошедшие перемены отразились на мировоззренческом уровне, результатом чего и стало появление элитных захоронений с кузнечными инструментами, отражавших принадлежность умерших к правящему социальному рангу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беликова О.Б. Зырянский могильник конца XVI–XVII в. таёжного Причулымья в свете археологии и археоботаники (Опыт комплексного исследования одного кургана) / отв. ред. Д.Г. Савинов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 432 с.
2. Водясов Е.В. Средневековые погребения с кузнечными инструментами на юге Западно-Сибирской равнины // Евразийское культурное пространство. Актуальные проблемы археологии, этнологии, антропологии : материалы V (L) российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых учёных. Иркутск : Оттиск, 2010. С. 307–309.

3. Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья междуречья в V–VIII вв. н.э. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1983. 245 с.
4. Дело Императорской археологической комиссии о раскопках библиотекаря Императорского Томского Университета С.К. Кузнецова // Архив ИИМК РАН. Ф. 1. 1896. Д. 53.
5. Записки Императорского русского археологического общества. СПб. : Типография И.Н. Скороходова, 1899. Т. XI, вып. 1, 2.
6. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. 163 с. (Серия: Материалы и исследования по археологии СССР. № 48).
7. Чиндина Л.А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1977. 192 с.
8. Бобров В.В., Васютин А.С., Онищенко С.С. Вагановский курганный некрополь IX в. н.э. в Присалаирье. Кемерово : ИНТ, 2010. 276 с.
9. Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха Средневековья. Новосибирск : Наука, 1987. 193 с.
10. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. 152 с.
11. Флоринский В.М. Предметы религиозного значения // Известия Императорского Томского университета. Томск : Типография П.И. Макушина, 1897. Кн. XI. С. 273–339.
12. Зайцева О.В. Вторичные погребения: проблемы изучения и интерпретации // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории : материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 96–98.
13. Зайцева О.В. Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследований и возможности интерпретации : дис. … канд. ист. наук. Томск, 2004. 278 с.
14. Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв.: Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья. М. : Наука, 1976. 199 с.
15. Маршак Б.И. Материалы по среднеазиатской торевтике // Советская археология. 1976. № 1. С. 227–247.
16. Кузнецов Н.А. Монеты из памятников Верхнеобской культуры // Тюркологический сборник 2006. М. : Вост. лит., 2007. С. 212–222.
17. Зайцева О.В., Кузнецов Н.А., Беликова О.Б., Водясов Е.В. Забытые комплексы и китайские монеты Тимирязевского-1 курганного могильника // Сибирские исторические исследования. № 4. 2016. С. 281–301.
18. Троицкая Т.Н., Черноскутов Е.М. К вопросу о связях Новосибирского Приобья со Средней Азией в конце I тыс. н.э. // Западная Сибирь в эпоху Средневековья. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. С. 129–136.
19. Васильев Е.А. Древнейшее поселение в устье Большой Киргизки // Северск. История и современность : сб. ст. / под ред. Л.М. Плетневой, П.Е. Бардиной, И.М. Рудой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1994. С. 12–21.
20. Плетнева Л.М. Археологические экспедиции в Томском Приобье (1963–2005). Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2016. 144 с.
21. Яковлев Я.А. Средневековое культовое литье Нарымского Приобья // Западная Сибирь в эпоху Средневековья. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. С. 9–31.
22. Кузнецов Н.А. Бронзовые изображения птиц в памятниках верхнеобской культуры // Из Кузнецкой старины. Новокузнецк : Изд-во ООО «Полиграфист», 2013. Вып. 4. С. 4–18.
23. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. ; Л. : Наука, 1965. 110 с.
24. Бобров В.В. Атрибуты шаманского костюма из клада у села Лебеди (Кузнецкая котловина) // Клады: состав, хронология, интерпретация : материалы тематич. науч. конф. СПб., 2002. С. 206–212.
25. Васютин А.С. Ещё раз о Кудыргэ // Степи Евразии в Древности и Средневековье : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб., 2003. С. 224–226.
26. Савинов Д.Г. Кудыргинский предметный комплекс на Северном Алтае (по материалам Осинкинского могильника) // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 2000. С. 170–177.
27. Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М, Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск : Наука, 1988. 255 с.
28. Jorgensen R. The Social and Material Context of the Iron Age Blacksmith in North Norway // Acta Borealia. 2012. Vol. 29, № 1. P. 1–34.
29. Jezek M. The Disappearance of European Smiths' Burials // Cambridge Archaeological Journal. 2014. № 25 (1). С. 121–143.
30. Плетнева Л.М. Погребения IX–X вв. в Томском Приобье // Западная Сибирь в эпоху Средневековья. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. С. 64–87.
31. Vodyasov E.V., Zaitceva O.V. The Appearance and Development of Iron Production on the Border between the «Steppe» and «Taiga» Cultural Worlds in Western Siberia (Tomsk Ob Region) // Bylye Gody. 2015. № 3. P. 472–478.

Vodyasov Evgeniy V. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: vodiasov_ev@mail.ru

THE ELITE BURIAL WITH FORGING TONGS IN THE BURIAL MOUND SITE «ARKHIEREISKAYA ZAIMKA» (TOMSK OB RIVER REGION)

Keywords: Blacksmith Tools, Burial rite, early Middle Ages, Tomsk Ob River Region.

The article publishes archaeological data on the "elite" burial 5 in the burial mound site "Arkhiereiskaya Zaimka" (Ob Tomsk River Region, Western Siberia), which was excavated by S.K. Kuznetsov in 1896. The finds are represented by forging tongs, a full set of weapons (dagger, arrowheads, swords; armor, knives), the leather belt with different types of iron buckles and bronze plaques, bronze cult and art artifacts (a bowl and the image of a mythical animal (Simurgh) from Central Asia, a relief image of a bird with a human face in the center, beads) and ceramic vessel.

Materials of this burial have been already published, but not all findings have been published and correctly attributed, and some things have been mistakenly associated with burial 5 by previous researchers. In addition, for the first time archival data on the funeral rite in this mound are published. The deceased was chopped off his head, and his head was buried in a bronze bowl. Bronze idol (image of a bird with a human face in the center) was set vertically near bronze bowl with deceased's head inside.

The date of burial 5 is clarified – the end of the VII – the first half of the VIII c. The basis for dating is the bronze bowl, which was made in Khorezm School in VII-first half of VIII c. Most likely, Asian items were imported to taiga Siberia through Sogdian merchants, who controlled the trade ways at that time.

There are other elite Early Middle Ages burials with blacksmith tools (tongs and hammers) in Western Siberia. All burials are dated back to the VI-IX centuries and located in Tomsk-Narym Ob River Region. Early Middle Ages burials with blacksmith tools outside this territory have not yet been found in Western Siberia.

The combination of blacksmith tongs and rich grave goods in these burials (a full set of weapons, rich belts, cult and art artifacts), in my opinion, reflected the high social status (the ruling elite) of the deceased. The blacksmith's tongs and hammers played a symbolic function and were the attributes of a power in these burial rites. Perhaps, the presence of tongs and hammers in burials symbolized the connection of the ruler-warrior with the magical power, associated with the mythical figure of blacksmith in the beliefs of medieval societies in different Regions of Eurasia. However, forging tools are also found in Siberian Middle Ages burials that do not contain prestigious elite items. In this case, perhaps, blacksmith tools reflected the professional specialization of the deceased as blacksmith-craftsman.

REFERENCES

1. Belikova, O.B. (2010) *Zyryanskiy mogil'nik kontsa XVI-XVII v. taezhnogo Prichulym'ya v svete arkheologii i arkheobotaniki: (Opyt kompleksnogo issledovaniya odnogo kurgana)* [Zyryansky burial ground of the late 16th–17th centuries in the taiga Prichulymie in terms of archeology and archeobotany (a complex study of the mound)]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Vodyasov, E.V. (2010) Srednevekovye pogrebeniya s kuznechnymi instrumentami na yuge Zapadno-Sibirskoy ravniny [Medieval burials with blacksmith tools in the south of the West Siberian Plain]. *Evraziyskoe kul'turnoe prostranstvo. Aktual'nye problemy arkheologii, etnologii, antropologii* [Eurasian cultural space. Topical problems of archeology, ethnology, anthropology]. Proc of the Fifth Russian Conference Irkutsk. pp. 307–309.
3. Belikova, O.B. & Pletneva, L.M. (1983) *Pamyatniki Tomskogo Priob'ya mezhdurech'ya v V-VIII vv. n.e.* [Monuments of the Tomsk Ob Mezdurechie in the 5th–8th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Imperial Archaeological Commission. (1896) *Delo Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii o raskopkakh bibliotekarya Imperatorskogo Tomskogo Universiteta S.K. Kuznetsova* [The case of the Imperial Archaeological Commission on the excavations of the librarian of the Imperial Tomsk University S.K. Kuznetsov]. The Archive of IHMC RAS. Fund 1. File 53.
5. the Imperial Russian Archaeological Society. (1899) *Zapiski Imperatorskogo russkogo arkheologicheskogo obshchestva* [Notes of the Imperial Russian Archaeological Society]. Vol. 9 (1, 2). St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova.
6. Gryaznov, M.P. (1956) *Istoriya drevnikh plemen Verkhney Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka* [The history of the ancient tribes of the Upper Ob River in excavations near Bolshaya Rechka]. Moscow, Leningrad: USSR AS.
7. Chindina, L.A. (1977) *Mogil'nik Relka na Sredney Obi* [Relka burial ground on the Middle Ob]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Bobrov, V.V., Vasyutin, A.S. & Onishchenko, S.S. (2010) *Vaganovskiy kurgannyy nekropol' IX v. n.e. v Prisalair'e* [Vaganovsky mound necropolis of the 9th c. AD in Prisalairie]. Kemerovo: INT.
9. Soloviev, A.I. (1987) *Voennoe delo korennogo naseleniya Zapadnoy Sibiri. Epokha srednevekov'ya* [Military art of the indigenous population of Western Siberia. The Middle Ages]. Novosibirsk: Nauka.
10. Troitskaya, T.N. & Novikov, A.V. (1998) *Verkhneobskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e* [the Upper Ob culture in the Novosibirsk Ob region]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS.
11. Florinskiy, V.M. (1897) Predmety religioznogo znacheniya [Subjects of religious significance]. *Izvestiya Imperatorskogo Tomskogo universiteta*. 9. pp. 273–339.
12. Zaytseva, O.V. (2001) [Secondary burials: problems of study and interpretation]. *Prostranstvo kul'tury v arkheologo-etnograficheskom izmerenii. Zapadnaya Sibir' i sopredel'nye territorii* [Cultural space in the archaeological and ethnographic dimension. Western.Siberia and cross-border regions]. Proc. of the International Conference. Tomsk. pp. 96–98. (In Russian).
13. Zaytseva, O.V. (2004) *Pogrebeniya s narushennoy anatomicheskoy tselostnost'yu kostyaka: metodika issledovaniy i vozmozhnosti interpretatsii* [Burials with broken anatomical integrity of the backbone: the research technique and variants of interpretation]. History Cand. Diss. Tomsk.
14. Darkevich, V.P. (1976) *Khudozhestvennyy metall Vostoka VIII-XIII vv.: Proizvedeniya vostochnoy torevtiki na territorii Evropeyskoy chasti SSSR i Zaural'ya* [Artistic metal of the East in the 8th–13th centuries: Works of oriental toreutics in the European USSR and the Trans-Urals]. Moscow: Nauka.
15. Marshak, B.I. (1976) Materialy po sredneaziatskoy torevtike [Materials on Central Asian toreutics]. *Sovetskaya arkheologiya*. 1. pp. 227–247.
16. Kuznetsov, N.A. (2007) Monety iz pamyatnikov Verkhneobskoy kul'tury [Coins from the Monuments of the Upper Oblian Culture]. In: Klyashtornyy, S.G. & Sultanov, T.I. (eds) *Tyurkologicheskiy sbornik 2006* [Turcologica 2006]. Moscow: Vostochnaya literatura. pp. 212–222.
17. Zaytseva, O.V., Kuznetsov, N.A., Belikova, O.B. & Vodyasov, E.V. (2016) Forgotten complexes and Chinese coins from the Timiryazevo-1 burial site. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 4. pp. 281-301. (In Russian). DOI: 10.17223/2312461X/14/15
18. Troitskaya, T.N. & Chernoskutov, E.M. (1984) K voprosu o svyazyakh Novosibirskogo Priob'ya so Sredney Aziey v kontse I tys. n.e. [On the links between the Novosibirsk Ob region and Central Asia in the late 1st millennium AD]. In: Chindina, L.A. (ed.) *Zapadnaya Sibir' v epokhu srednevekov'ya* [Western Siberia in the Middle Ages]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 129–136.
19. Vasiliev, E.A. (1994) Drevneyshee poselenie v ust'e Bol'shoy Kirgizki [The oldest settlement in the mouth of the the Bolshaya Kirgiska]. In: Pletneva, L.M., Bardina, P.E. & Rudaya, I.M. (eds) *Seversk. Istoriya i sovremennost'* [Seversk. History and Modernity]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 12–21.
20. Pletneva, L.M. (2016) *Arkheologicheskie ekspeditsii v Tomskom Priob'e (1963–2005)* [Archaeological expeditions in the Tomsk Priobie (1963–2005)]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Yakovlev, Ya.A. (1984) Srednevekovoe kul'tovoe lit'e Narymskogo Priob'ya [Medieval religious casting of the Narym Ob region]. In: Chindina, L.A. (ed.) *Zapadnaya Sibir' v epokhu srednevekov'ya* [Western Siberia in the Middle Ages]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 9–31.
22. Kuznetsov, N.A. (2013) Bronzovye izobrazheniya ptits v pamyatnikakh verkhneobskoy kul'tury [Bronze images of birds in the monuments of the Upper Ob culture]. In: Shirin, Yu.V. (ed.) *Iz Kuznetskoy stariny* [Kuznetsk Antiquities]. Novokuznetsk: Poligrafist. pp. 4–18.
23. Gavrilova, A.A. (1965) *Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altayskikh plemen* [Kudyrge burial ground as a source on the history of Altai tribes]. Moscow, Leningrad: Nauka.
24. Bobrov, V.V. (2002) [Attributes of a shaman costume from a treasure near the village of Lebedi (Kuznetsk hollow)]. *Klady: sostav, khronologiya, interpretatsiya* [Treasures: composition, chronology, interpretation]. Proc. of the Conference. St. Petersburg. pp. 206–212. (In Russian).
25. Vasyutin, A.S. (2003) [Once again about Kudyrga]. *Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'e* [Eurasian steppes in Old Times and Middle Ages]. Proc. of the International conference. St. Petersburg. pp. 224–226. (In Russian).
26. Savinov, D.G. (2000) Kudyrginskiy predmetnyy kompleks na Severnom Altae (po materialam Osinkinskogo mogil'nika) [Kudyrga complex in the Northern Altai (on the materials of the Osinkinsky burial ground)]. In: Molodin, V.I., Khudyakov, Yu.S. & Skobelev, S.G. (eds) *Pamyatniki drevnetyurkskoy kul'tury v Sayano-Altae i Tsentral'noy Azii* [Monuments of. Ancient Culture at the Sayano-Altai and Central Asia]. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 170–177.
27. Lvova, E.L., Oktyabrskaya, I.V., Sagalaev, A.M. & Usmanova, M.S. (1988) *Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Prostranstvo i vremya. Veshchnyy mir* [Traditional worldview of the Turks of Southern Siberia. Space and time. Real world]. Novosibirsk: Nauka.
28. Jorgensen, R. (2012) The Social and Material Context of the Iron Age Blacksmith in North Norway. *Acta Borealia*. 29(1). pp. 1–34. DOI: 10.1080/08003831.2012.678718
29. Jezek, M. (2014) The Disappearance of European Smiths' Burials. *Cambridge Archaeological Journal*. 25(1). pp. 121–143. DOI: 10.1017/S095977431400064X
30. Pletneva, L.M. (1984) Pogrebeniya IX-X vv. v Tomskom Priob'e []. In: Chindina, L.A. (ed.) *Zapadnaya Sibir' v epokhu srednevekov'ya* [Western Siberia in the Middle Ages]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 64–87.
31. Vodyasov, E.V. & Zaitseva, O.V. (2015) The appearance and development of iron production on the border between the "steppe" and "taiga" cultural worlds in Western Siberia (Tomsk Ob Region). *Bylye Gody*. 3. pp. 472–478.

УДК 902.652(571.5)"634"
DOI: 10.17223/19988613/51/14

О.И. Горюнова, А.Г. Новиков

РАДИОУГЛЕРОДНОЕ ДАТИРОВАНИЕ КЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ С ПОСЕЛЕНИЙ ЭПОХИ НЕОЛИТА ПОБЕРЕЖЬЯ БАЙКАЛА

Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10169).

Проведен анализ всех радиоуглеродных дат (113 определений), полученных по неолитическим комплексам поселений побережья Байкала. Целенаправленные исследования по датированию образцов разного органического состава позволили выявить проблему древнего углерода (так называемый эффект водного резервуара), который приводит к завышению радиоуглеродного возраста, определенного по костям нерпы (примерно на 700 лет). К малонадежным датам следует отнести определения, полученные по почве, жженой кости и сборным образцам по кости без указания их видовых определений. В настоящее время наиболее достоверными являются даты, полученные по древесному углю и костям копытных животных.
Ключевые слова: Байкал; неолит; радиоуглеродное датирование; поселения; керамические комплексы.

Побережье Байкала (преимущественно его западная часть) в настоящее время является одним из наиболее исследованных районов юга Средней Сибири. На его территории выявлено и комплексно изучено большое количество стратифицированных (в том числе и многослойных) мультислойчатых поселений. На многих из них неолитические комплексы представлены несколькими слоями (рис. 1). Эта ситуация позволила выявить и характеризовать разные периоды неолита, а также проследить изменения в традициях керамического производства [1–4 и др.]. Надежная стратиграфическая привязка, подтвержденная на ряде многослойных поселений, дала возможность определить относительный возраст неолитических комплексов.

В настоящее время к раннему неолиту относятся комплексы, содержащие сетчатую керамику (с оттисками сетки-плетенки, в основном без орнамента) и шнуровую – хайтинского типа (украшена построениями из прочерченных линий или узкой отступающей лопаточки) (рис. 2). Для среднего неолита побережья Байкала характерна керамика посольского типа (с утолщением венчика с внешней или внутренней стороны). Она орнаментирована рядами, выполненными отступающей лопаточки или штамповыми вдавлениями (рис. 3, *1–3*). По краю венчика (над его утолщением), как правило, проходит поясок мелких отверстий. Посуда позднего неолита преимущественно представлена гладкостенной керамикой, украшенной штамповыми вдавлениями различных форм; преобладает пунктирно-гребенчатый штамп (рис. 3, *4–8*; 4). Отмечено, что керамика с оттисками сетки-плетенки в тех или иных пропорциях встречается в комплексах всего неолита.

Выявленная в конце прошлого века последовательность керамических традиций в настоящее время не вызывает возражений. По мере накопления материалов эта схема уточняется и дополняется новыми данными. Как правило, с появлением новых методов датирования меняются представления о возрасте выявленных комплексов.

В конце 1970-х гг. появились первые радиоуглеродные даты по неолитическим слоям поселений с побережья оз. Байкал: IX слой Улан-Хады и 3 даты по раскопкам А.П. Окладникова 1974 г. в бухте Саган-Заба [2; 5. С. 71]. Комплексы были датированы по углю (2 образца) и костям животных (2 образца). В 1980-е и 1990-е гг. были получены еще 14 дат. Из них: 12 выполнены по почвенным образцам (Итырхей, Улан-Хада, Тышкинэ III, Кулара III и Посольская) и по одному определению по углю и кости (Итырхей) [6, 7; 8. P. 19; 9–11]. В целом накопление радиоуглеродных определений в конце прошлого века проходило медленными темпами. Это объясняется, с одной стороны, тем, что в задачи исследований тех лет входило создание хронологических шкал по всему стратиграфическому профилю многослойных объектов побережья Байкала (т.е. отбор образцов проводился по комплексам всего периода голоцена). С другой стороны, методики датирования, существующие на тот период, требовали большого количества образца (кость, уголь), которое было сложно предоставить в нужном количестве из-за малого объема или плохой сохранности. В связи с этим в 1990-е гг. стали активно использовать для датирования почвенные образцы. Измерения возраста проводились по сумме гуминовых кислот. В результате были получены колонки дат, которые в реалии отражают усредненный возраст образования этих почв.

В новом столетии существенно пополнилась источниковая база по неолитическим комплексам поселений; метод радиоуглеродного датирования археологических объектов занял ключевые позиции. Изменились представления, касающиеся подхода к радиоуглеродному датированию [12, 13]. В этом плане большое научное значение имеют раскопки многослойных геоархеологических объектов Саган-Заба II и Бугульдейка II, проведенные отрядами Российско-Канадской экспедиции (Иркутский государственный университет и Университет Альберты, г. Эдмонтон, Канада) на западном побережье Байкала [4, 14].

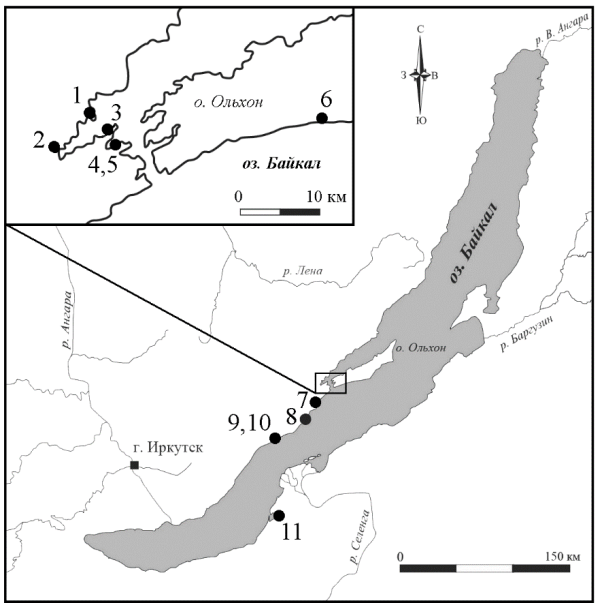


Рис. 1. Карта-схема расположения поселений побережья озера Байкал, датированных радиоуглеродным методом: *1* – Улярба; *2* – Кулара III; *3* – Улан-Хада; *4* – Берлога; *5* – Итырхей; *6* – Тышкинэ III; *7* – Характа I; *8* – Саган-Заба II; *9* – Бугульдейка I; *10* – Бугульдейка II; *11* – Посольская

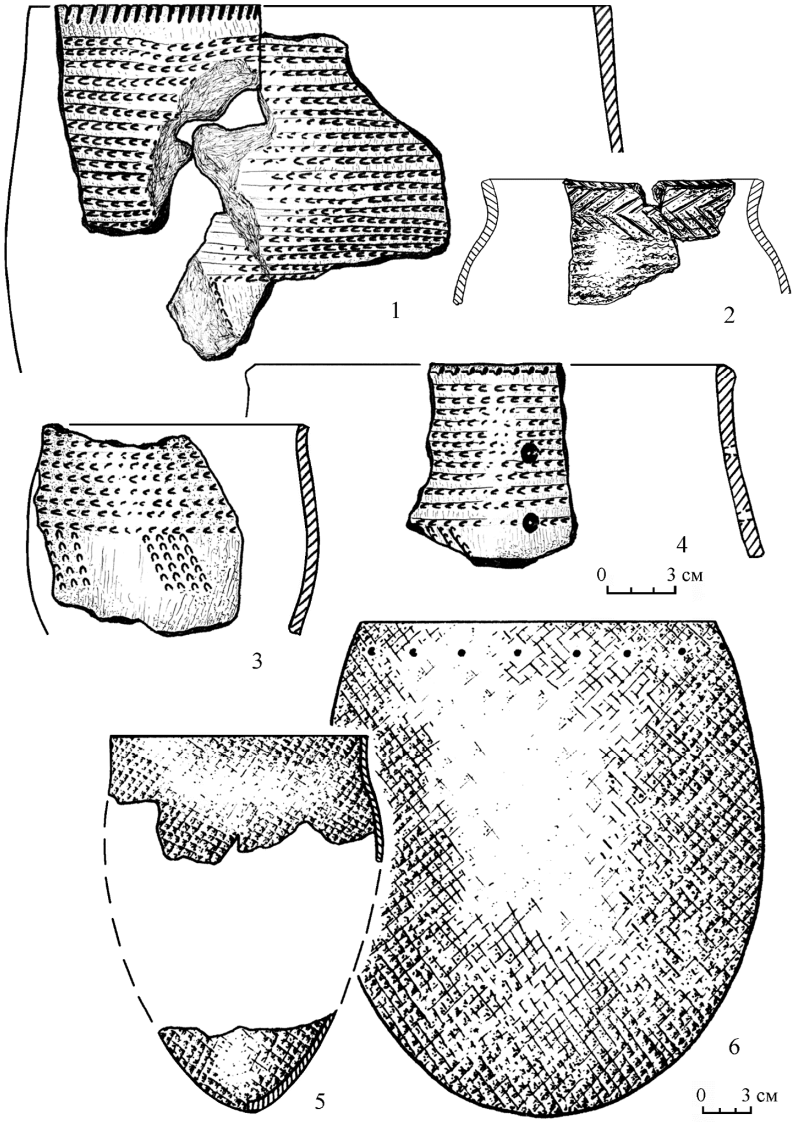


Рис. 2. Керамика раненого неолита: *1–4* – хайтинского типа; *5–6* – сетчатая

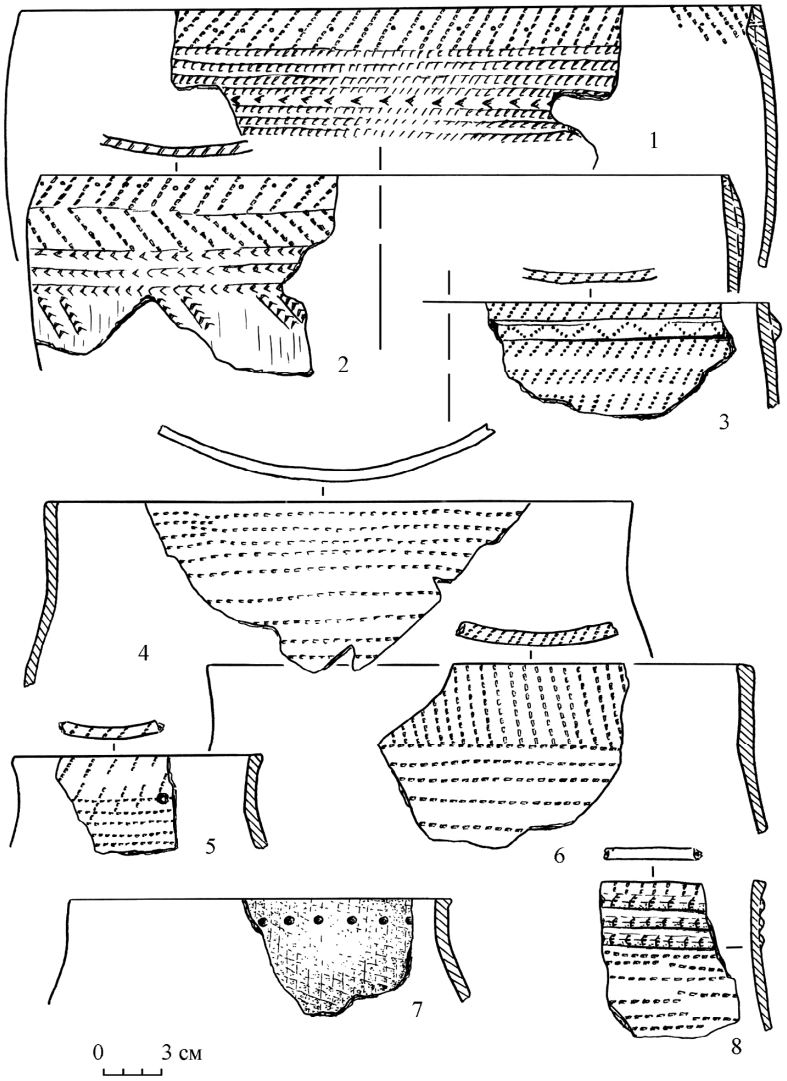


Рис. 3. Керамика: *1–3* – среднего неолита (посольский тип); *4–8* – позднего неолита (пунктирно-гребенчатая и сетчатая)

Относительная хронология керамических комплексов этих поселений дополнена представительной серией радиоуглеродных дат, полученных по каждому культурному слою. По неолитическим слоям этих памятников имеются 85 радиоуглеродных дат, которые выполнены, в основном, методом ускорительной масс-спектрометрии (AMS) [15–17].

В результате полученных материалов высказанные ранее положения о возрасте выделенных в конце прошлого века комплексов претерпели серьезные изменения. В связи с этим встала задача оценки и уточнения культурно-хронологических позиций разных периодов неолита на побережье Байкала, связанная с проведением корреляции стратиграфических и радиоуглеродных данных, полученных в конце прошлого века по разному сырью, без учета современной системы калибровки данных. Для оценки достоверности имеющихся дат в настоящее время проводится целенаправленное систематическое датирование неолитических комплексов методом ускорительной масс-спектрометрии (AMS-датирование); получены 10 новых дат по стоянкам: Итырхей, Берлога, Кулара III, Характа I, Бугульдейка I [18] и Улярба.

В связи с тем, что результаты радиоуглеродного датирования разбросаны по многочисленным сборникам, что затрудняет их использование, весьма актуальными являются обобщение и анализ всех имеющихся данных. В настоящее время для керамических комплексов неолита побережья Байкала имеются 113 радиоуглеродных дат, полученных по 11 стратифицированным (преимущественно многослойным) мультислойчатым поселениям. Результаты радиоуглеродного датирования и их калиброванные значения представлены в таблице. Калибровка дат проведена с использованием калибровочной программы Calib 7.0.2 IntCal 13 [19]. Возрастные диапазоны даны с двумя сигмами в кал. л.н. В отдельной графе указано сырье, по которому проведено датирование. Порядок размещения объектов в таблице построен по географическому принципу – с севера на юг (рис. 1).

Радиоуглеродные даты неолитических комплексов с геоархеологических объектов побережья озера Байкал

№ п/п	Слой	Дата 14С	Лаб. номер	Кал. дата л.н. (± 2 сигма)	Образец
Улярба					
Поздний неолит					
1	II	4915±85	SOAN-7146	5890–5470	Почва
Кулара III					
Поздний неолит					
2	I-II	4416±31	OxA-34600	5270–4870	*Capreolus pygargus*
3	I	5290±45	SOAN-4010	6180–5990	Почва
Улан-Хада					
Ранний неолит					
4	X	3880±45	SOAN-8431	4420–4160	Почва
5	X	5495±125	SOAN-3336	6550–5950	Сажистая почва
Средний-поздний неолит					
6	IX	4560±100	LE-1282	5580–4880	Уголь
7	IX	3820±45	SOAN-8432	4410–4090	Почва
8	IX	4030±115	SOAN-3335	4840–4160	Сажистая почва
Берлога					
Поздний неолит					
9	III	4416±36	OxA-34526	5270–4870	cf. T. mammal
Итырхей					
Ранний неолит					
10	VI	5700±200	GIN-4881	6970–6010	Кость
11	VI	6715±36	OxA-34917	7660–7510	cf. T. mammal
12	V	5680±60	SOAN-3341	6630–6320	Сажистая почва
13	IV	6166±34	OxA-34595	7170–6970	*Cervus elaphus*
14	IV	4740±155	SOAN-3342	5880–4980	Сажистая почва
Средний неолит					
15	III	5758±32	OxA-34594	6650–6480	Artiodactyla
Поздний неолит					
16	II	4485±45	SOAN-1585	5300–4970	Уголь
17	II	4967±30	OxA-34592	5840–5610	*Cervus elaphus*
Тышкинэ III					
Поздний неолит					
18	IX	6790±270	SOAN-3770	8190–7030	Почва
19	IX	4560±90	SOAN-8426	5570–4890	Почва
20	VIIIH	4150±40	SOAN-8427	4830–4540	Почва
21	VIIIB	4020±45	SOAN-8428	4790–4410	Почва
Характа 1					
Ранний неолит					
22	II	6385±20	UCIAMS-183009	7420–7270	*Cervus elaphus*
23	II	6335±15	UCIAMS-183010	7310–7180	*Cervus elaphus*
Саган-Заба II					
Ранний неолит					
24	VIB, P. 4B	7147±38	OxA-22374	8020–7880	Cervidae
25	VIB, P. 4C	5853±32	OxA-22386	6750–6560	Cervidae
26	VIB, P. 4C	7188±36	OxA-22390	8150–7940	T. mammal
27	VIH, P. 4C	7179±36	OxA-22356	8150–7940	Artiodactyla
28	VIH, P. 4C	7203±37	OxA-22357	8160–7950	Artiodactyla
29	VIB, P. 4B	7133±38	OxA-22410	8020–7880	*Phoca sibirica*
30	VIB, P. 4C	7865±40	OxA-22420	8950–8540	*Phoca sibirica*
31	VIH, P. 4C	7924±40	OxA-20578	8980–8610	cf. *Phoca sibirica*
32	VIB, P. 4C	7835±37	OxA-20579	8750–8540	*Phoca sibirica*
33	VIH, P. 4C	7881±37	OxA-20580	8970–8590	*Phoca sibirica*
34	VIB, P. 4A	6835±140	SOAN-6596	7940–7460	Золистая почва
35	VIB, P. 4C	6170±125	SOAN-7395	7410–6740	Почва
36	VIB, P. 4C	5935±90	SOAN-7151	7000–6510	Почва
37	VIH, P. 4A	7380±135	SOAN-6597	8420–7950	Золистая почва
38	VIH, P. 4C	6335±70	SOAN-7150	7430–7030	Почва
39	VIH, P. 4C	6680±145	SOAN-7396	7830–7300	Почва
40	VH, P. 4C	6921±34	OxA-20598	7830–7680	*Phoca sibirica*
41	VH, P. 4B	6592±35	OxA-22404	7570–7430	*Phoca sibirica*
42	VH, P. 4C	6871±37	OxA-20600	7790–7620	cf. *Phoca sibirica*
43	VH, P. 4C	6748±35	OxA-20604	7670–7570	*Phoca sibirica*
44	VH, P. 4B	6655±35	OxA-22405	7590–7470	*Phoca sibirica*
45	VH, P. 4C	6712±36	OxA-22406	7660–7510	*Phoca sibirica*
46	VH, P. 4B	6649±36	OxA-22407	7580–7460	*Phoca sibirica*
47	VH, P. 4B	6659±37	OxA-22408	7590–7470	*Phoca sibirica*
48	VH, P. 4B	6746±35	OxA-22409	7670–7570	*Phoca sibirica*
49	VH, P. 5	5455±150	SOAN-6588	6560–5910	Почва
50	VH, P. 5	4980±110	SOAN-6589	5980–5480	Золистая почва
Средний неолит					
51	VB, P. 4C	4661±31	OxA-20769	5470–5310	cf. T. mammal
52	VB, P. 4C	4672±31	OxA-20722	5570–5320	cf. T. mammal

№ п/п	Слой	Дата 14С	Лаб. номер	Кал. дата л.н. (± 2 сигма)	Образец
53	VB, P. 4C	5597±33	OxA-22355	6440–6310	Artiodactyla
54	VB, P. 4B	5852±34	OxA-22373	6750–6560	Cervidae
55	VB, P. 4C	6784±37	OxA-22418	7680–7580	*Phoca sibirica*
56	VB, P. 4C	5370±110	SOAN-7389	6390–5920	Золистая почва
57	VB, P. 4C	5480±105	SOAN-7397	6480–6000	Почва
58	VB, P. 4A	4980±115	SOAN-6595	5990–5470	Почва
Поздний неолит					
59	IVB, P. 4B	3504±29	OxA-22372	3860–3700	Cervidae
60	IVH, P. 4C	4786±30	OxA-22384	5590–5470	Cervidae
61	IVB, P. 4C	4482±30	OxA-22385	5290–4980	Cervidae
62	IVB, P. 4C	4460±28	OxA-22392	5280–4970	*Sus scrofa*
63	IVB, P. 4C	4422±30	OxA-20605	5270–4870	cf. T. mammal
64	IV, P. 4C	4414±32	OxA-20613	5260–4870	cf. T. mammal
65	IVH, P. 4C	4350±33	OxA-20643	5030–4850	cf. T. mammal
66	IVH, P. 4C	4390±30	OxA-20644	5040–4870	cf. T. mammal
67	IV, P. 4C	4549±30	OxA-20601	5320–5050	cf. T. mammal
68	IV, P. 4C	4522±30	OxA-20606	5300–5050	cf. T. mammal
69	IV, P. 4C	5961±35	OxA-20723	6890–6680	Artiodactyla
70	IV, P. 4C	6010±34	OxA-20770	6940–6750	Artiodactyla
71	IVH, P. 4C	5467±33	OxA-22416	6310–6210	*Phoca sibirica*
72	IVB, P. 4C	4965±32	OxA-22417	5840–5610	*Phoca sibirica*
73	IV, P. 4C	5468±32	OxA-20612	6310–6210	*Phoca sibirica*
74	IV, P. 4C	4785±32	OxA-20614	5590–5340	*Phoca sibirica*
75	IVB, P. 4C	5036±34	OxA-20638	5900–5660	*Phoca sibirica*
76	IVB, P. 4C	4899±35	OxA-20640	5710–5590	cf. *Phoca sibirica*
77	IVB, P. 4C	4912±34	OxA-20641	5710–5590	*Phoca sibirica*
78	IVB, P. 4C	5003±31	OxA-20642	5890–5650	*Phoca sibirica*
79	IV, P. 4C	4974±31	OxA-20602	5850–5610	*Phoca sibirica*
80	IV, P. 4C	4918±31	OxA-20608	5720–5600	*Phoca sibirica*
81	IV, P. 4C	4963±31	OxA-20603	5750–5610	*Phoca sibirica*
82	IV, P. 4C	5524±35	OxA-20599	6400–6280	*Phoca sibirica*
83	IVB, P. 4C	4260±50	SOAN-7147	4960–4630	Почва
84	IVB, P. 4A	4850±130	SOAN-6594	5890–5320	Почва
85	IVB, P. 5	4610±115	SOAN-6587	5590–4970	Почва
Саган-Заба II (раскопки 1974 г.)					
Ранний неолит (соответствует VI слою раскопок 2006–2008 гг.)					
86	IV (VI)	7630±45	SOAN-1573	8540–8370	Кость
Ранний–поздний неолит (соответствует V–IV слоям раскопок 2006–2008 гг.)					
87	III (V-IV)	6000±40	SOAN-1572	6940–6740	Кость
88	III (V-IV)	5160±55	SOAN-1376	6170–5750	Уголь
Бугульдейка I					
Ранний неолит					
89	8 сл.	6870±20	UCIAMS-183007	7750–7660	Cervidae
Бугульдейка II					
Ранний неолит					
90	IV-4	7144±39	OxA-24001	8030–7870	*Cervus elaphus*
91	IV-4	7214±36	OxA-24000	8160–7960	*Cervus elaphus*
92	IV-4	7739±39	OxA-23999	8590–8430	cf. *Cervus elaphus*
93	IV-4	5650±130	SOAN-7155	6740–6200	жженая неопределимая кость
94	IV-4	6385±95	SOAN-7420	7490–7030	Почва
95	IV-4	6500±80	SOAN-7421	7560–7270	Почва
96	IV-4	7390±105	SOAN-7419	8390–8010	Почва
97	IV-3	6200±32	OxA-23953	7239–7000	*Cervus elaphus*
98	IV-3	6220±34	OxA-23998	7250–7010	Наземное млекопитающее
99	IV-2	6123±32	OxA-23952	7160–6910	Наземное млекопитающее
100	IV-2	7798±36	OxA-23951	8640–8460	Парнокопытное, крупное
Поздний неолит					
101	IV-1	4894±29	OxA-23950	5660–5590	*Capreolus pygargus*
102	IV-1	4952±29	OxA-23947	5740–5610	*Bos primigenius*
103	IV-1	4940±30	OxA-23948	5730–5600	*Bos primigenius*
104	IV-1	4966±30	OxA-23949	5750–5610	*Bos primigenius*
105	IV-1	6020±110	SOAN-6599	7180–6570	жженая неопределимая кость
106	III	4540±45	SOAN-6598	5430–5040	Уголь
107	III	2855±26	OxA-23944	3060–2880	Копытное, крупное
108	III	2897±26	OxA-23946	3140–2950	Наземное млекопитающее
109	III	4217±28	OxA-23943	4850–4650	Cervidae, крупное
110	III	4877±30	OxA-23945	5660–5590	Наземное млекопитающее
111	III	4520±45	SOAN-7417	5320–4990	Почва
112	III	4655±80	SOAN-7418	5590–5060	Почва
Посольская					
Средний неолит					
113	II	5750±110	GIN-5792	6780–6310	Почва

* Серым цветом выделены малонадежные радиоуглеродные даты.

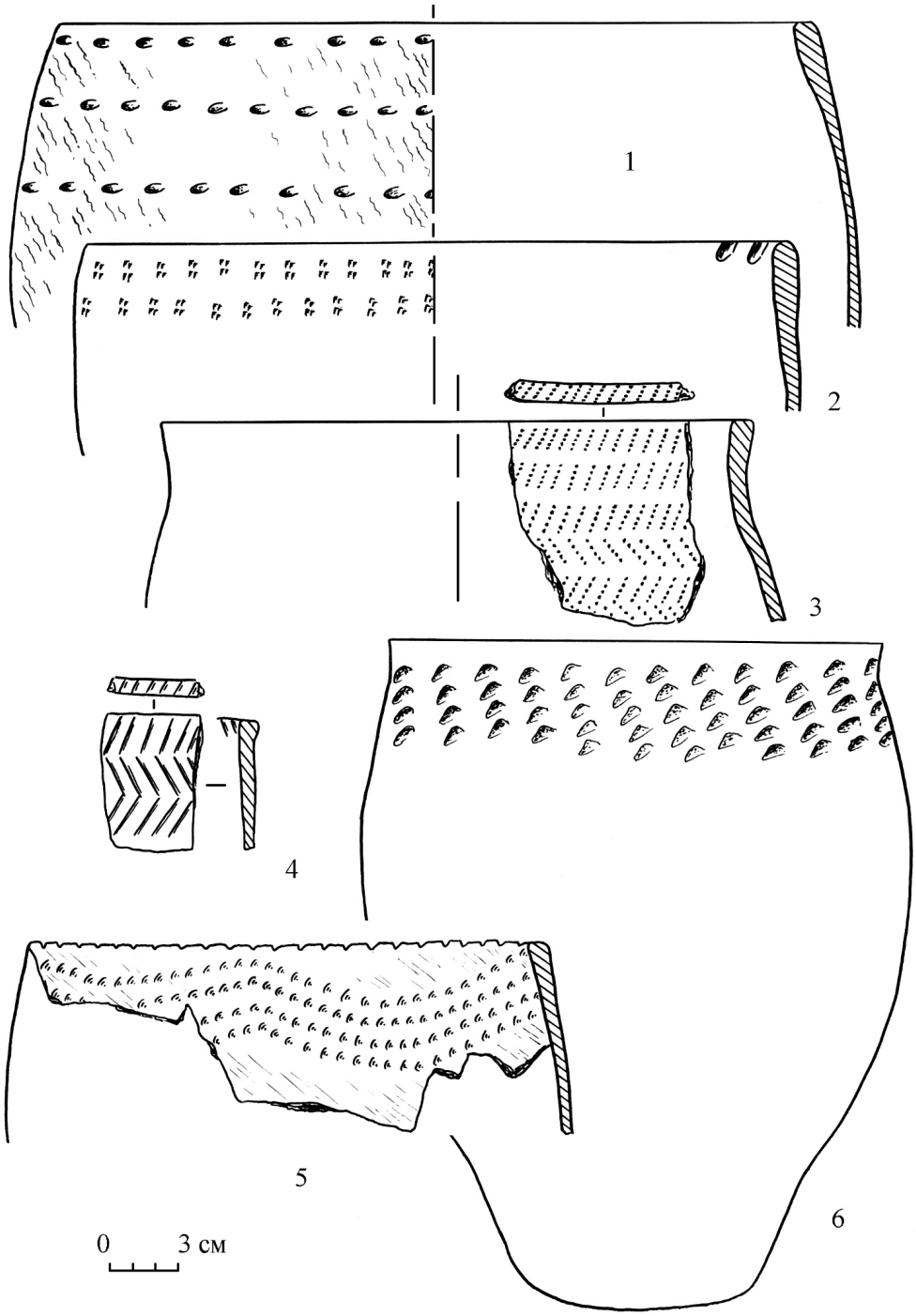


Рис. 4. Керамика позднего неолита, орнаментированная различными штампами

Анализ дат, собранных в таблице, демонстрирует, с одной стороны, их соответствие ожиданиям исследователей (согласие с данными стратиграфического расположения в разрезах многослойных объектов), с другой стороны, часть определений продемонстрировали более ранний (или поздний), чем ожидалось, возраст. Необходимо отметить, что полученные радиоуглеродные даты выполнены в разных лабораториях, разными методами и по разному сырью. Наибольшее количество определений (69 дат) выполнено в радиоуглеродной лаборатории Oxford Radiocarbon Accelerator Unit (Великобритания, лаб. индекс OxA) по костным останкам животных. Часть определений (38 дат) получены в Лаборатории геологии и палеоклиматологии кайнозоя Института геологии и минералогии СО РАН (г. Новосибирск, лаб. индекс SOAN) по почве (в том числе – золистой), углю, кости и жженой кости. Три даты были сделаны в лаборатории W.M. Keck Carbon Cycle Accelerator Mass Spectrometry Laboratory University of California (США, лаб. индекс UCIAMS) по костям животных. Две даты получены в лаборатории Института геологии РАН (г. Москва, лаб. индекс GIN) по

кости и почве; одна – в радиоуглеродной лаборатории Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург, лаб. индекс LE) по углю.

В российских лабораториях датирование проводилось на двухканальной установке по бензольно-сцинтилляционному варианту. Для расчета возраста использован период полураспада ^{14}C равный 5 570 лет. Возраст рассчитан от 1950 г. Датирование проводилось по органическому веществу разной природы (древесный уголь, кость, жженая кость, почва). Для определений требовался большой объем образца, поэтому, как правило, собирались уголь и кости со всей площади раскопа без учета видовой принадлежности фаунистических останков. Датирование по почвенным отложениям выполнялось по общей фракции гуминовых кислот. При публикации радиоуглеродных определений, как правило, не указывалось сырье анализируемого образца; калибровка дат, полученных в прошлом веке, не проводилась.

В зарубежных лабораториях определение возраста выполнялось по костям животных методом ускорительной масс-спектрометрии (AMS), для которого требуется небольшое количество образца. Все определения возраста образцов, выполненные в последние десятилетия, – калиброванные (т.е. более соответствуют исторической реальности) [13. С. 487].

При сравнении дат, полученных в прошлом и нынешнем веках, по одним и тем же комплексам отмечено их существенное расхождение (например, даты по Улан-Хаде, Итырхею, Тышкинэ III). Для определения степени достоверности дат, полученных по разному органическому сырью, по комплексам многослойного поселения Саган-Заба II специально отбирались и датировались серии образцов костей копытных животных, нерпы (кости которой преобладают на стоянках неолита – бронзового века побережья Байкала) и почвенных отложений. Сравнивая даты, полученные по костным остаткам из одного слоя, отмечено, что более древние из них приходятся на образцы по костям нерпы [15, 16]. Тем самым мы столкнулись с проблемой древнего углерода (с так называемым эффектом водного резервуара), который приводит к завышению радиоуглеродного возраста, определенного по костям нерпы [12. С. 166–167]. На материалах многослойного поселения Саган-Заба II было установлено, что даты, полученные по костям нерпы, примерно на 700 лет древнее, чем даты по костям копытных животных (см. подробно: [15, 16]). Это объясняется тем, что рацион питания нерпы состоит из рыбы, в организме которой содержится значительное количество древнего углерода. В связи с этим, до разработки «резервуарных» поправок для оз. Байкал даты, полученные по костям нерпы (см. в табл. № 29–33, 40–48, 55, 71–82), не следует считать надежными. Вероятно, с долей осторожности следует относиться и к датам, полученным в прошлом веке по сборным образцам кости без указания их видовой принадлежности (см. в табл. № 10, 86–87).

Исследования последних лет, направленные на массовое датирование по человеческим костям из погребений неолита – бронзового века Прибайкалья, установили, что на результаты радиоуглеродного датирования влияет уровень содержания коллагена, который определяется в лабораторных условиях [20]. Если он около 1% или меньше, полученная дата может быть ненадежной. Так как в жженой кости уровень коллагена существенно снижен, использовать эти образцы в качестве сырья для датирования нежелательно [17. С. 21]. Следовательно, 2 даты по комплексам Бугульдейки II (см. в таблице № 93 и 105), не следует учитывать при датировке комплексов.

Весьма условными выглядят даты, полученные по почвенным образцам (см. в таблице № 1, 3–5, 7–8, 12, 14, 18–21, 34–39, 49–50, 56–58, 83–85, 94–96, 111–113). Как правило, их результаты демонстрируют более широкие диапазоны, чем значения, выполненные по костным останкам копытных животных этого слоя. Они отражают усредненные значения возраста процесса почвообразования, а не время существования археологического комплекса [12. С. 53].

Анализ остальных 49 дат, полученных по костям копытных животных и по древесному углю из неолитических комплексов поселений побережья Байкала, требует оценки достоверности принадлежности образца к исследуемому культурному слою. При наличии нескольких хронологических определений по одному слою вырисовывается компактная группа дат и сразу вычленяются отскочившие даты, которые могли быть получены по костям, перемещенным из выше- или нижележащих слоев. Подобные перемещения отдельных образцов по стратиграфическому разрезу многослойных объектов вполне возможны по норным ходам землеройных животных, в результате пролювиально-селевых потоков и других природных процессов. При этом нельзя исключать и возможность лабораторной ошибки. Для уточнения возраста слоя желательно получить дополнительные даты, а выявленные невалидные (отскочившие) даты логично исключить из общего контекста комплекса и дальнейших построений.

Понимая, что единичные анализы не всегда являются надежным ориентиром для определения исходного возраста объекта, по каждому культурному слою поселений Саган-Заба II и Бугульдейка II были получены значительные по своему числу серии датировок [15–17]. Это позволило выделить отскочившие даты, полученные по фаунистическим останкам, перемещенным из других слоев, а сравнение их с радиоуглеродными определениями из выше- или нижележащих слоев, установить их реальную принадлежность к тому или иному комплексу. Так, 2 даты по III слою поселения Бугульдейка II (см. табл. № 107–108), явно были получены по образцам, перемещенным из вышележащего слоя II, а одна дата (№ 110) – по образцу из слоя IV-1 [17. С. 22–23]. Так же, вероятно, были перемещены из нижележащих слоев образцы под № 92 и 100

(см. таблицу). Эти даты соответствуют радиоуглеродным определениям слоя IV-5 [17. С. 22–23]. Подобная картина (перемещение некоторых образцов по разрезу) отмечена и на материалах многослойного поселения Саган-Заба II. Даты, размещенные в таблице под № 25, 51–52, 59, явно были получены по образцам, проецированным из вышележащего слоя, а № 69–70 – из нижележащего.

По древесному углю получены всего 4 радиоуглеродные даты по разным стоянкам позднего неолита. Две из них (см. в табл. № 16 и 106) хорошо согласуются с результатами, полученными по образцам костей копытных животных. Образец из компрессионного слоя IX Улан-Хады (см. табл. № 6) отобран из кострища, привязанного к верхнему уровню слоя, комплекс которого относится к позднему неолиту. Дата № 88 по III слою Саган-Забы II (раскопки 1974 г.) в настоящее время является малопригодной, так как образец был отобран из компрессионного слоя, содержащего материалы раннего – позднего неолита, а наблюдения по уровню отбора угля отсутствуют. Раскопками последующих лет, проведенными отрядами Российско-Канадской экспедиции, выявлено четкое стратиграфическое деление этого слоя на ряд самостоятельных хронологически разновременных слоев (V нижний, V верхний и IV слои) [14].

В целом результаты анализа радиоуглеродных дат с неолитических поселений побережья Байкала продемонстрировали, что из 113 имеющихся определений большая часть является малопригодной для хронологических построений. К ним относятся, прежде всего, даты, полученные по костям нерпы (до разработки «резервуарных» поправок для озера Байкал), почве и жженой кости. При хронологических построениях следует опираться на серию дат, а не на единичные определения, что позволяет сразу отчленить невалидные (отскочившие) даты. В настоящее время наиболее надежными представляются даты, полученные по древесному углю и костям копытных животных, в рационе питания которых отсутствуют водные пищевые ресурсы. В связи с этим радиоуглеродные определения, полученные в прошлом веке по комплексам поселений (Улан-Хада, ранние слои Итырхей, Тышкинэ III, Улярба, Посольская), необходимо по возможности повторить по костям наземных млекопитающих или по углю из очагов через AMS-датирование.

В настоящее время хронология неолитических комплексов поселений побережья Байкала по результатам радиоуглеродного датирования представляется следующей:

1. Ранний неолит (комплексы с керамикой хайтинского типа и с сеткой-плетенкой) – надежными представляются 14 дат диапазона 7214–6123 л.н. (8160–6910 кал. л.н.).

2. Средний неолит (с керамикой посольского типа) – 3 даты диапазона 5852–5597 л.н. (6750–6310 кал. л.н.).

3. Поздний неолит (с гладкостенной керамикой, украшенной штамповыми вдавлениями различных форм; преобладает пунктирно-гребенчатый штамп) – 20 дат диапазона 4967–4217 (5840–4650 кал. л.н.).

По мере накопления новых материалов (и прежде всего надежных радиоуглеродных определений) предлагаемая хронология неолитических комплексов поселений с побережья Байкала будет уточняться и детализироваться. В настоящее время отмечается неравномерность изученности и датирования разных периодов неолита. Это обстоятельство объясняется рядом объективных и субъективных причин. Одна из них связана с целенаправленным, усиленным вниманием на изучение и датирование ранненеолитических объектов для определения возраста появления керамики в регионе. В литературе имеются сведения о наличии отдельных фрагментов керамики с оттисками сетки-плетенки в слое IV-5 поселения Бугульдейка II, радиоуглеродный возраст которого по костям копытных животных в пределах 8269–7713 л.н. (9410–8420 кал. л.н.) [17. С. 23]. В предлагаемой статье мы не учитывали этот комплекс, так как наличие в нем единичных фрагментов керамики требует серьезного подтверждения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хлобыстин Л.П. Древние культуры побережья озера Байкал (каменный и бронзовый века) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Л., 1964. 18 с.
2. Горюнова О.И. Многослойные памятники Малого моря и о. Ольхон : автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1984. 17 с.
3. Горюнова О.И., Новиков А.Г. Неолитическая керамика из поселений Приольхонья (озеро Байкал): вопросы периодизации и датировки // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. Пекин :科学出版社 (Science Press), 2015. Т. 1. С. 42–48.
4. Бочарова Е.Н., Коршунов Е.О. Ранний неолит юго-западного побережья оз. Байкал (по материалам местонахождения Бугульдейка II) // Историко-культурное наследие Азии: изучение, сохранение, интерпретация. Новосибирск, 2010. С. 8–17.
5. Конопацкий А.К. Древние культуры Байкала: (о. Ольхон). Новосибирск : Наука, 1982. 176 с.
6. Константинов М.В., Базарова Л.Д., Семина Л.В. Древнее поселение Посольское (Новые материалы) // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1995. С. 18–25.
7. Горюнова О.И., Воробьева Г.А., Орлова Л.А. Новые данные по хронологии многослойных поселений Приольхонья // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. С. 57–59.
8. Goriunova O.I. The Neolithic of the Ol'khon region (lake Baikal) // Prehistoric Foragers of the Cis–Baikal, Siberia. Edmonton : Canadian Circumpolar institute Press, 2003. P. 15–35.
9. Горюнова О.И., Оводов Н.Д., Новиков А.Г. Анализ фаунистических материалов с многослойного поселения Тышкинэ III (оз. Байкал) // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. Иркутск : Оттиск, 2007. Т. 1. С. 168–174.
10. Новиков А.Г., Долганов В.А. Улярба – новое стратифицированное поселение в Приольхонье // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2008. Вып. 6. С. 101–111.
11. Новиков А.Г., Номоконова Т.Ю. Многослойное поселение Кулара III: археологические комплексы и датировка // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2015. Т. 11. С. 39–54.
12. Вагнер Г.А. Научные методы датирования в геологии, археологии и истории. М. : Техносфера, 2006. 576 с.

13. Черных Е.Н., Черных Н.Б. Дендрохронология и радиоуглеродное датирование в археологии // Научные методы датирования в геологии, археологии и истории. М. : Техносфера, 2006. Прил. 2. С. 463–502.
14. Горюнова О.И., Новиков А.Г., Вебер А.В., Воробьева Г.А., Орлова Л.А. Завершение раскопок Российско-Канадской экспедиции в бухте Саган-Заба на Байкале // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. Т. XIV. С. 32–35.
15. Nomokonova T.Yu., Losey R.J., Goriunova O.I., Weber A.W. A freshwater old carbon offset in Lake Baikal, Siberia and problems with the radiocarbon dating of archaeological sediments: Evidence from the Sagan-Zaba II site // Quaternary International. 2013. № 290–291. P. 110–125.
16. Горюнова О.И., Номоконова Т.Ю., Лозей Р.Дж., Новиков А.Г., Вебер А.В. Радиоуглеродное датирование неолитических комплексов Приольхонья (по материалам многослойного поселения Саган-Заба II) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань : Отечество, 2014. Т. 1. С. 237–240.
17. Лозей Р.Дж., Номоконова Т.Ю., Савельев Н.А. Радиоуглеродное датирование и фауна многослойной стоянки Бугульдейка II на Байкале (по материалам раскопок 2006–2008 гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 7. С. 18–36.
18. Тимощенко А.А., Бочарова Е.Н. Предварительные результаты изучения многослойного археологического объекта Бугульдейка I на юго-западном побережье оз. Байкал в 2016 году // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск, 2016. Вып. 5. С. 180–187.
19. Reimer P.J., Baillie M.G.L., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., BronkRamsey C., Buck C.E., Burr G.S., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Hajdas I., Heaton T.J., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., McCormac F.G., Manning S.W., Reimer R.W., Richards D.A., Southon J.R., Talamo S., Turney C.S. M., van der Plicht J., Weyhenmeyer C.E. INTCAL 09 and MARINE 09 radiocarbon age calibration curves, 50,000 years Cal BP // Radiocarbon. 2009. No 51 (4). P. 1111–1150.
20. Weber A., McKenzie H., Beukens R., Goriunova O.I. Evaluation of radiocarbon dates from the Middle Holocene hunter-gatherer cemetery Khuzhir-Nuge XIV, lake Baikal, Siberia // Journal of Archaeological Science. 2005. Vol. 32. P. 1481–1500.

Goriunova Olga I. Irkutsk State University (Irkutsk, Russia), Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of RAS (Novosibirsk, Russia). E-mail: as122@yandex.ru; *Novikov Alexey G.* Irkutsk State University (Irkutsk, Russia), Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of RAS (Novosibirsk, Russia). E-mail: as122@yandex.ru

RADIOCARBON DATING OF POTTERY COMPLEXES FROM NEOLITHIC SETTLEMENTS ON THE BAIKAL COAST.

Key words: Baikal; Neolithic; radiocarbon dating; settlement; pottery complexes.

The aim of the study is to summarize all data on the radiocarbon dating of Neolithic complexes of settlements on the Baikal coast, to evaluate their reliability and to clarify the cultural and chronological positions of the different Neolithic periods of this region. The sources were the results of 113 definitions of 14C from 11 stratified (mostly multilayered) settlements, most of which were obtained as a result of excavations by the authors of this article. The collected database for the 14C dates contains definitions based on samples of different organic composition (charcoal, animal bones and soil). As a basis for identifying the reliability of radiocarbon dates from this area, studies were conducted in the last decade on the multi-layer stratified object Sagan-Zaba II. For this object, a full column of sequential radiocarbon dating was obtained for all Neolithic periods. Targeted studies on the analysis of dates have made it possible to identify the problem of ancient carbon (the so-called “freshwater reservoir effect”). It has been established that age determinations based on the bones of seals significantly overestimate their radiocarbon age. Additional sources of unreliable aging can result from radiocarbon analysis of burnt bones (due to the small amount of collagen in them) and the use of bone samples without species definitions. The dates obtained from soil samples look very conditional. As a rule, their results are wider than those performed on the bones of ungulates in a given layer. They reflect the average values of the age of soil formation, and not the time of the existence of the archaeological complex. At present, the most reliable dates are those obtained from charcoal and from ungulate bones, as ungulates do not consume aquatic foods as part of their diet. An analysis of the series of dates for each individual layer made it possible to identify compact groups of dates and to isolate several outliers that may have resulted from bones that moved from above or below the layers where they were recovered. On the basis of these analyses, the chronology of the Neolithic complexes of the Baikal coast settlements is as follows: Early Neolithic (with Khaita type and net-impressed pottery) – 14 dates of the range 7214-6123 BP (8160-6910 cal BP); Middle Neolithic (Posol’sk type of pottery) – 3 dates, ranged 5852-5597 BP (6750-6310 cal BP); Late Neolithic (featuring smooth-walled pottery decorated with various stamp impressions, dotted-comb stamp predominates) – 20 dates, ranged 4967-4217 BP (5840-4650 cal. BP).

In general, out of 113 definitions, most of the 14C dates are not suitable for chronological reconstructions. These include the dates obtained from seal bones (before the development of “reservoir” corrections for Lake Baikal), soil and burnt bones. By employing a series of dates, rather than relying on single definitions, it is possible to detect outliers. The most reliable dates are those obtained from charcoal and from ungulate bone. If possible, it is necessary to repeat radiocarbon definitions of settlement complexes (by AMS dating) obtained over the last century.

REFERENCES

1. Khlobystin, L.P. (1964) *Drevnie kul'tury poberezh'ya ozera Baykal (kamennyy i bronzovyy veka)* [Ancient cultures of the coast of Lake Baikal (Stone and Bronze Ages)]. Abstract of History Cand. Diss. Leningrad.
2. Goryunova, O.I. (1984) *Mnogosloynye pamyatniki Malogo morya i o. Ol'khon* [Multilayered monuments of the Small Sea and Olkhon]. Abstract of History Cand. Diss. Novosibirsk.
3. Goryunova, O.I. & Novikov, A.G. (2015) Neoliticheskaya keramika iz poseleniy Priol'khon'ya (ozero Baykal): voprosy periodizatsii i datirovki [Neolithic ceramics from the settlements of Priolkhonye (Lake Baikal): Problems of periodisation and dating]. In: *Drevnie kul'tury Severnogo Kitaya, Mongolii i Baykal'skoy Sibiri* [Ancient cultures of Northern China, Mongolia and Siberian Baikal]. Vol. 1. Beijing: Science Press), 2015. T. 1. pp. 42–48.
4. Bocharova, E.N. & Korshunov, E.O. (2010) Ranniy neolit yugo-zapadnogo poberezh'ya oz. Baykal (po materialam mestonakhozhdeniya Bugul'deyka II) [Early Neolithic of the south-western coast of Lake Baikal (Buguldeika II)]. In: Vasiliev, A.V. (ed.) *Istoriko-kul'turnoe nasledie Azii: izuchenie, sokhranenie, interpretatsiya* [Asian historical and cultural heritage: Study, preservation, interpretation]. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 8–17.
5. Konopatskiy, A.K. (1982) *Drevnie kul'tury Baykala: (o. Ol'khon)* [Ancient cultures of Baikal: (Olkhon Island)]. Novosibirsk: Nauka.
6. Konstantinov, M.V., Bazarova, L.D. & Semina, L.V. (1995) Drevnee poselenie Posol'skoe (Novye materialy) [Posolskoye ancient settlement (new materials)]. In: Konovalov, P.B. (ed.) *Kul'tury i pamyatniki bronzovogo i rannego zheleznogo vekov Zabaykal'ya i Mongolii* [The culture and sites of Bronze and Early Iron Ages of Transbaikalia and Mongolia]. Ulan-Ude: SB RAS. pp. 18–25.
7. Goryunova, O.I., Vorobieva, G.A. & Orlova, L.A. (1996) Novye dannye po khronologii mnogosloynykh poseleniy Priol'khon'ya [New data on the chronology of multilayered settlements in Priolkhonye]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Noveyshie arkheologicheskie i etnograficheskie otkrytiya v Sibiri* [The newest archaeological and ethnographic discoveries in Siberia]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 57–59.

8. Goriunova, O.I. (2003) The Neolithic of the Ol'khon region (Lake Baikal) []. In: Weber, A.W. & McKenzie. H.G. (eds) *Prehistoric Foragers of the Cis–Baikal, Siberia*. Edmonton : Canadian Circumpolar Institute Press. pp. 15–35.
9. Goryunova, O.I., Ovodov, N.D. & Novikov, A.G. (2007) Analiz faunisticheskikh materialov s mnogosloynogo poseleniya Tyshkine III (oz. Baykal) [Analysis of faunistic materials from the multi-layered settlement of Tyshkine III (Lake Baikal)]. In: Medvedev, M.M. (ed.) *Severnaya Evraziya v antropogene: chelovek, paleotekhnologii, geoekologiya, etnologiya i antropologiya* [Northern Eurasia in the Anthropogene: Man, paleotechnology, geoecology, ethnology and anthropology]. Vol. 1. Irkutsk: Ottisk. pp. 168–174.
10. Novikov, A.G. & Dolganov, V.A. (2008) Ulyarba – novoe stratifitsirovannoe poselenie v Priol'khon'e [Ulyarba is a new stratified settlement in Priolkhonie]. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologiy*. 6. pp. 101–111
11. Novikov, A.G. & Nomokonova, T.Yu. (2015) Multilayered Habitation of Site Kulara III: Archaeological Materials and Chronological Dating. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya – The Bulletin of Irkutsk State University. Geoarcheology. Ethnology. Anthropology*. 11. pp. 39–54. (In Russian).
12. Wagner, G.A. (2006) *Nauchnye metody datirovaniya v geologii, arkheologii i istorii* [Age Determination of Young Rocks and Artifacts]. Translated from English by M. Gorodetskiy, S. Karpenko, V. Levchenko. Moscow: Tekhnosfera.
13. Chernykh, E.N. & Chernykh, N.B. (2006) Dendrokhronologiya i radiouglerodnoe datirovanie v arkheologii [Dendrochronology and radiocarbon dating in archeology]. In: Wagner, G.A. (2006) *Nauchnye metody datirovaniya v geologii, arkheologii i istorii* [Age Determination of Young Rocks and Artifacts]. Translated from English by M. Gorodetskiy, S. Karpenko, V. Levchenko. Moscow: Tekhnosfera. pp. 463–502.
14. Goriunova, O.I., Novikov, A.G., Weber, A.W., Vorobieva, G.A. & Orlova, L.A. (2008) Zavershenie raskopok Rossiysko-Kanadskoy ekspeditsii v bukhte Sagan-Zaba na Baykale [Completion of excavations of the Russian-Canadian expedition in the bay of Sagan-Zaba on Lake Baikal]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. 14. Novosibirsk: SB RAS. pp. 32–35.
15. Nomokonova, T., Losey, R.J., Goriunova, O.I. & Weber, A.W. (2013) A freshwater old carbon offset in Lake Baikal, Siberia and problems with the radiocarbon dating of archaeological sediments: Evidence from the Sagan-Zaba II site. *Quaternary International*. 290-291. pp. 110–125. DOI: 10.1016/j.quaint.2012.06.007
16. Goriunova, O.I., Nomokonova, T.Yu., Losey, R.J., Novikov, A.G. & Weber, A.W. (2014) Radiouglerodnoe datirovanie neoliticheskikh kompleksov Priol'khon'ya (po materialam mnogosloynogo poseleniya Sagan-Zaba II) []. In: Sitdikov, A.G. et al. (eds) *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani* [Proceedings of the Fourth (20th) All-Russian Archaeological Congress in Kazan]. Vol. 1. Kazan: Otechestvo. pp. 237–240.
17. Losey, R.J., Nomokonova, T.Yu. & Saveliev, N.A. (2014) Radiocarbon Dating and Fauna of the Bugul'deika II Site from the Lake Baikal Region (Excavations of 2006–2008). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya – The Bulletin of Irkutsk State University. Geoarcheology. Ethnology. Anthropology*. 7. pp. 18–36. (In Russian).
18. Timoshchenko, A.A. & Bocharova, E.N. (2016) Predvaritel'nye rezul'taty izucheniya mnogosloynogo arkheologicheskogo ob"ekta Bugul'deyka I na yugo-zapadnom poberezh'e oz. Baykal v 2016 godu [Preliminary results of the study of the multilayer archaeological site of Buguldeika I on the southwestern coast of Lake Baikal in 2016]. *Evraziya v kaynozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury*. 5. pp. 180–187.
19. Reimer, P.J., Baillie, M.G.L., Bard, E., Bayliss, A., et al. (2009) INTCAL 09 and MARINE 09 radiocarbon age calibration curves, 50,000 years Cal BP. *Radiocarbon*. 51(4). pp. 1111–1150. DOI: 10.1017/S0033822200034202
20. Weber, A., McKenzie, H., Beukens, R. & Goriunova, O.I. (2005) Evaluation of radiocarbon dates from the Middle Holocene hunter-gatherer cemetery Khuzhir-Nuge XIV, Lake Baikal, Siberia. *Journal of Archaeological Science*. 32. pp. 1481–1500. DOI: 10.1016/j.jas.2005.04.003

УДК 009.2.726
DOI: 10.17223/19988613/51/15

М.Н. Козлов

СОДЕРЖАНИЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ЯЗЫЧЕСКИХ СВЯТИЛИЩ: ФАКТЫ ПРОТИВ МИФОВ

Предметом анализа стала практически незатронутая отечественными учеными тема содержания восточнославянских языческих святилищ и их служителей. Опираясь на археологические источники, древнерусские летописи и сообщения Ибн-Фадлана, автор поэтапно показал особенности содержания небольших родовых капищ, городищ-святилищ, городских сакральных центров и их служителей-жрецов. Особое внимание в исследовании уделено проблеме содержания древнерусских городских святилищ. Подчеркиваются характерные особенности языческого культа в древнерусских городах, в частности уникальная система жреческой иерархии. Была затронута также тема постоянного финансирования городского святилища, установленного киевским князем Владимиром Святославичем в Киеве в 980 г.

Ключевые слова: святилище; капище; жертвоприношение; десятина; языческое мировоззрение; идолы; волхвы; жрецы.

Языческое наследие составляет неотъемлемую часть древнерусской культуры. Языческие мотивы четко прослеживаются в древнерусском ремесле, строительстве, искусстве, народном фольклоре. Существенную роль оказало древнерусское язычество и на последующее формирование мировоззрения в Древней Руси раннехристианской эпохи. Таким образом, без изучения системы языческого богослужения невозможен детальный анализ религиозного и культурного развития древнерусского общества.

В современной историографии одной из самых малоизученных проблем изучения восточнославянского языческого культа остается система содержания древнерусских языческих святилищ и их служителей. Большинство современных исследователей Древней Руси вообще не затрагивают данную тему в своих исследованиях. Исключение составили Б.А. Тимощук и И.П. Русанова: опираясь на богатейший археологический материал и письменные источники, они выдвинули предположение, согласно которому восточнославянские языческие святилища представляли собой не только религиозные, но и административные центры, содержащиеся за счет окрестных крестьян [1. С. 44; 2. С. 117–118].

Я.Н. Щапов в своем исследовании «Церковь в системе государственной власти Древней Руси» обратил внимание ученых на тот факт, что древнерусская десятина как форма материального обеспечения церкви, представляющая 1/10 часть княжеских доходов, не имела прямых параллелей ни в одной из стран тогдашней Европы. По его мнению, институт древнерусской десятины сформировался задолго до начала христианизации Руси и использовался для содержания языческой церкви [3. С. 320].

Таким образом, несмотря на тот факт, что тема содержания древнерусских языческих святилищ и их служителей затрагивалась в научных трудах отечественных ученых, комплексного исследования данной проблемы не существует.

Наиболее информативными источниками изучения поставленной в данном исследовании темы являются материалы археологических исследований восточнославянских языческих святилищ, древнерусские летописи и сообщения арабского путешественника Ибн-Фадлана.

Вместе с тем в настоящее время все большую популярность приобретает критическая теория в отношении материалов раскопок древнерусских святилищ. Ее родоначальником стал В.Й. Мансикка, а позднее активно поддержал Л.С. Кляйн. Согласно данной теории до настоящего времени не найдено ни одно святилище, относящееся к языческому периоду существования наших предков. Материалы же, представленные в многочисленных отечественных монографиях и статьях, – фальсификация [4. С. 60–61; 5. С. 180].

Так, Л.С. Кляйн относит все древнерусские святилища, кроме поднестровских, к «недостоверным», а верхнеднестровские – к неславянским и «полутюрским». При этом Л.С. Кляйн использует практически убийственную логику. Так, живущие в Поднестровье дулебы и хорваты, по мнению ученого, не восточные славяне, а западные. Южные соседи дулебов и хорватов тиверцы вообще граничили с тюркской степью. Таким образом, все жители Приднестровья, по мнению Л.С. Кляйна, были полутюрками [5. С. 181–182].

По нашему мнению, в данном случае следует принять во внимание тот факт, что материалы раскопок тиверских древностей практически идентичны аналогичным материалам дулебов, хорватов и других восточнославянских племенных союзов. Никакого тюркского влияния по данным археологии не существовало [6. С. 93].

Что же касается разделения древнерусских племенных союзов на «западных» славян и «восточных», то оно весьма условно. Так, древнерусский летописец сообщает о том, что «из ляхов» были радимичи, вятичи, новгородские словене и даже поляне.

В целом же критическая теория В.Й. Мансикки – Л.С. Кляйна не может быть взята во внимание, так как никаких весомых аргументов в защиту своих выводов исследователи не представили. Материалы раскопок

древнерусских языческих святилищ по-прежнему представляют собой один из важнейших источников изучения восточнославянского язычества.

Большую важность в изучении древнерусского языческого культа представляют сообщения восточных авторов, в частности Ибн-Фадлана, оставившего описание религиозной жизни древнерусских купцов и дружинников в Булгаре XI в. Ближайшим соседом Киевской Руси была Волжская Булгария. Между соседними государствами шла оживленная торговля. Вполне возможно, что в Булгаре был целый квартал для русских купцов, на территории которого помимо жилых домов находился целый языческий комплекс, состоящий из языческого святилища, места для сжигания умерших и курганного могильника. Этот сакральный комплекс был в целом аналогичным сакральным комплексам в собственно древнерусских городах. Таким образом, сообщения Ибн-Фадлана могут служить источником изучения религиозного культа в городах Древней Руси дохристианской эпохи в целом.

Вместе с тем, по мнению целого ряда исследователей, руссы в сообщениях Ибн-Фадлана были не славянами, а норманнскими путешественниками [7. С. 371]. Так, по мнению Л.С. Кляйна, сообщения Ибн-Фадлана о том, что русские женщины носили коробочки из дерева или металла, чтобы скрыть грудь, свидетельствуют в пользу того, что арабский путешественник описал норманнов, так как коробочки – это норманнские фибулы [5. С. 172–173].

По нашему мнению, предположение Л.С. Кляйна абсолютно неверно. Во-первых, норманны вообще не брали в путешествия жен или дочерей. В походе их могли сопровождать только невольницы, которые вообще не носили никаких украшений. Славянские же женщины свободно сопровождали своих близких во всех походах и даже, согласно сообщениям византийских хронистов, участвовали в сражениях.

Во-вторых, норманнские женщины носили свободное платье-рубаху с длинными широкими рукавами, бретели которых закреплялись на плечах парными фибулами-брошами. На талии такой сарафан иногда перехватывался поясом. Нижнего белья они не знали, а грудь специально не прикрывали. Застежки-фибули они действительно использовали, но застегивали не на груди, а на плечах или на поясе [8. С. 93]. У славянских же женщин для закрепления верхней одежды употреблялись в основном пальчатые фибулы. Археологи зафиксировали также бронзовые, серебряные и железные пряжки с круглыми, полукруглыми, овальными, восьмёркообразными формами. Они застегивались на плечах и груди [6. С. 258, 260]. Таким образом, Ибн-Фадлан вполне мог назвать их коробочками, закрывающими грудь.

Восточнославянское святилище, описанное Ибн-Фадланом, Л.С. Кляйн также считает норманнским. Там вполне, по мнению исследователя, могли стоять идолы богов-супругов – Одина и Фриг, Тора и Сиф [5. С. 174]. В норманнских сагах действительно упоминаются богини-красавицы – супруги богов. Однако следует учитывать тот факт, что норманнские святилища были посвящены, как правило, одному божеству (чаще всего воителям – Одину и Тору). «Семейные» капища для скандинавского языческого культа характерны не были [9. S. 182].

Согласно сообщениям Ибн-Фадлана, русский купец после обращения к верховному идолу и в случае неудачной торговли приходил к святилищу второй раз и обращался к одной из жен верховного идола. Таким образом, в святилище верховной богиней после бога-прародителя была его супруга. У воинственных же норманнов три верхние ступени пантеона занимали главные божества – Один, Тор и Фрейр. Так, Адам Бременский сообщает в этом отношении следующее: «...народ (в Швеции) поклоняется статуям трех богов, в середине триклиния сидит Тор, а Водан (Один) и Фрикко (Фрейр) сидят по одну и по другую сторону от него. Отличительные черты каждого из них: Тор, говорят, владычествует в воздухе и правит громом и молнией, ветром и дождем, хорошей погодой и урожаем. Второй, Водан, что значит “ярость”, ведет войны и вселяет в людей храбрость перед лицом врагов. Третий, Фрикко, дарует смертным мир и сладострастие, его идол снабжен поэтому огромным детородным членом…» [8. С. 182]. Таким образом, святилище, описанное Ибн-Фадланом, никак не могло быть норманнским.

В восточнославянской мифологии родоначальником всех остальных богов и прародителем людей считался бог Род. Его женами и дочерьми были рожаницы – богини, весьма почитаемые всеми социальными слоями древнерусского общества: крестьянами-земледельцами, купцами и воинами-дружинниками. К тому же современные исследователи обнаружили языческое святилище, вполне подходящее под описание Ибн-Фадлана. Так, при раскопках восточнославянского языческого святилища на реке Гнилопять (нынешняя Житомирская область Украины) была обнаружена яма от большого идола-столба, вокруг него были зафиксированы ямки меньших размеров от идолов, окружавших главный столп [10. С. 233–237].

Таким образом, святилище, описанное Ибн-Фадланом, принадлежало Роду и рожаницам, а под руссами путешественник понимал наших предков.

Согласно письменным источникам и данным археологии уже во второй половине I тыс. н.э. у восточных славян сложилась довольно сложная культовая система. Кроме традиционных мест совершения религиозных обрядов: священных рощ, берегов рек и озер, у наших предков существовали небольшие родовые капища, расположенные на окраинах поселков или вблизи них, городища-святилища, обслуживающие интересы нескольких родовых гнезд – поселений, городские капища. За всеми этими священными местами ухаживали специальные жрецы, которые осуществляли лишь религиозные функции и не занимались хозяйственной деятельностью. Определить источники содержания

древнерусских языческих святилищ и обслуживающих их жрецов – главная цель данной статьи.

В наше время исследованы небольшие восточнославянские святилища VI–IX вв., используемые для своих религиозных нужд населением одного поселка. Они представляли собой кругообразные площадки-капища с идолом, стоящим в центре. Капище обычно окружено ровиком или рядом камней. В его жертвенниках исследователи фиксируют раздробленные кости животных, черепки разбитой посуды, изредка останки людей [1. С. 44; 11. С. 53].

Описание языческого богослужения в небольшом родовом поселке «Медвежий Угол» мы находим в «Сказании о построении града Ярославля»: «Бысть селище, рекомое Медвежий угол, в нем же населенцы – человецы поганыя веры – языцы зли сущи… Идол ему же кланястася сии, бысть Волос, сиречь скотий бог. И сей Волос, в нем живя, стоявше среди логовины, нарицаемой Волосовой, отселе же и скотии на пажити изгонявшее. Сему же многоказненному идолу и керметь створена бысть и волхов вдан… Тако когда прииде первый спут скотия на пажити, волхов закла ему тельца и телицу, в обычное же время, вот своих и диких зверей жертвенное сожига, а в неких больных – и от человек» [12. С. 7].

Как видно из данного источника, небольшие родовые святилища обслуживались одним служителем культа – волхвом. Жители родового поселения приносили в жертву своему божеству домашних животных, дичь, добытую в окрестных лесах, а иногда и людей. Интересно, что кости принесенных в жертву животных часто были раздроблены. Это свидетельствует о том, что перед жертвоприношением туши животных разделяли на части. Часть из них сжигали, совершая ритуал «кормления богов». Вполне возможно, что другую часть оставляли служителю языческого культа для собственных потребностей.

В том же «Сказании о построении града Ярославля» сообщается, что при попытке князя Ярослава Мудрого приблизиться со своей дружиной к святилищу, местные жители спустили на него медведя – зверя, представляющего в сознании наших предков один из образов бога Велеса [Там же. С. 9]. Возможно, что священный зверь содержался в специальной клетке при святилище и кормился остатками туш, принесенных в жертву божеству.

Помимо собственно осуществлений жертвоприношений служитель языческого культа должен был содержать в порядке само святилище и поддерживать священный огонь. Вполне вероятно, что жрец руководил и ритуальными церемониями в случае рождения младенца, пострига ребенка, бракосочетания, погребения, поминальных торжеств. В его обязанности входили лечение своей паствы, гадание. За все это односельчане должны были приносить определенные подношения жрецу.

О том, что в языческую эпоху у наших предков не существовало твердо установленной платы за услуги служителей языческого культа, повествует германский хронист Адам Бременский. Рассказывая о событиях, происходивших в Скандинавии после принятия христианства, он внезапно сообщает информацию относительно всех народов прибалтийского региона: «Варвары – эсты, ливы и русы – до сих пор не слышали о десятине или не желают ее платить, их заставляют платить за то, что они привыкли получать даром: за крещение, освящение алтарей и посвящение в церковные должности [13. С. 483].

Скорее всего, у древних славян дохристианского периода существовала та же система финансирования рядовых служителей культа, что и в представителей христианского духовенства уже в христианский период.

Так, английский коммерсант Джильс Флетчер подает следующие данные относительно существования сельских священников в XVI в.: «Что касается до платы, которую получали священники, то у них нет обычая давать священнику десятину хлеба или чего другого, но он должен зависеть от добросовестности своих прихожан и собирать, как умеет, на пропитание доходы от молебнов, исповедей, браков, погребений и так называемых молитв за живых и усопших, потому что кроме общей службы в церквах, каждому частному лицу священник обыкновенно читает еще особенную молитву по какому бы то ни было поводу или делу, собирается ли он куда ехать, идти, плыть водою или пахать землю – словом, при всяком его деле. Молитвы эти не приспособлены к обстоятельствам дела, но выбираются случайно из обычных церковных молитв, однако их считают святее, когда они произносятся священником, чем когда читаются кем-либо самим» [14. С. 114].

Примерно в IX столетии у восточных славян существенно усложнилась система богослужения. Помимо небольших родовых святилищ появились городища-святилища. Они были огорожены специальными защитными валами и рвами и имели более сложную структуру и значительные размеры. Городища-святилища располагались в центре гнезд-поселений и представляли собой религиозные центры группы родовых общин или даже небольших восточнославянских племен.

Для обслуживания племенного святилища была необходима целая система языческого богослужения, включающая в себя собственно содержание в надлежащем порядке самого священного места, осуществления религиозных церемоний, гаданий, лечения своей паствы. Интересно, что часто городища-святилища представляли собой не только религиозный, но и административный центр сельской округи. В таких случаях в самих городищах-святилищах археологи находят фундаменты специальных длинных домов, в которых окрестные крестьяне решали свои главные вопросы, связанные с жизнедеятельностью всего племени [2. С. 111]. Председательствовали на этих собраниях служители языческого культа.

Система содержания городищ-святилищ, скорее всего, была аналогичной системе содержания родовых святилищ. Так, Б.А. Тимощук обратил внимание исследователей на тот факт, что в домах жрецов Збручского культового центра не было обнаружено никаких сельскохозяйственных или других орудий труда. По его мнению, местные святилища и их служителей содержали окрестные крестьяне [2. С. 115–116].

Крестьяне поселений-спутников, согласно данным археологии, напротив, активно занимались сельским хозяйством и ремеслом. Предметы, изготовленные в мастерских поселений-спутников, составляют основную массу подношений, найденных археологами в жертвенниках святилищ Збручского культового центра. Помимо пожертвований окрестных крестьян и ремесленников были обнаружены также изделия мастеров из близлежащих городов [2. С. 118–119; 15. С. 156–157].

Служители племенных святилищ имели более многочисленную паству и должны были быть более обеспечены и гораздо более влиятельны чем их «коллеги» из родовых капищ. Так, при раскопках Шумского и Гнилопятского святилищ вокруг усадьбы-землянки местных служителей археологи обнаружили остатки специальных сараев для хранения большого количества зерна [1. С. 43; 10. С. 233–237]. По-видимому, местные служители языческого культа были главными распорядителями всех запасов зерна крестьян из окрестных поселений, а значит, властителями их жизни и смерти.

Данные археологии находят подтверждение со стороны письменных источников. Так, арабский писатель первой половины X в. Ибн-Даста сообщает о восточнославянских жрецах следующее: «Есть у них знахари, из которых иные управляют царями так, будто они их начальники. Случается, что они приказывают принести жертву творцу их тем, чем они пожелают: женщинами, мужчинами, лошадьми. И если знахари приказывают, то не исполнить их приказ никак нельзя» [16. С. 398]. Данные Ибн-Дасты подтверждает неизвестный среднеазиатский автор IX в.: «Большую власть у них имели волхвы, которые пользовались правом ритуального убийства мужчин и женщин» [17. С. 29].

С возникновением в Киевской Руси крупных городов появились и городские святилища, обслуживающие интересы местных князей, их дружинников и горожан-язычников. Система языческого богослужения в городах и княжеских крепостях имела ряд отличительных особенностей. Так, согласно целому ряду письменных источников верховными жрецами в своих владениях были сам местный князь и его высшие дружинники-бояре. Профессиональные служители культа занимали подчиненное значение по отношению к князю и его ближайшему окружению.

Князь Владимир Святославич, например, в «Повести временных лет» под 983 г. предстает правителем-жрецом: «Иде Володимеръ на Ятвягы, и побъдъ Ятвягы, и взя землю их. И прииде Кыеву, и творяще требу кумиромъ с людьми своими» [18. С. 96]. Важное место в религиозной жизни восточных славян занимал и его дядя Добрыня. Он, скорее всего, будучи наместником Владимира в северной столице, стал верховным жрецом Новгорода. Согласно «Повести временных лет» именно Добрыня руководил сооружением нового храма в урочище Перинь: «Володимир же посади Добрыню, уя своего, у Новъгородъ. И пришед Добрыня к Новугороду, постави кумира над рекою Волховомъ. И жряху йому людие новгородстии, акы бгу» [18. С. 56].

Вместе с тем князь и его ближайшее окружение, по-видимому, осуществляли лишь общее и возможно номинальное руководство городскими святилищами. Основные жреческие функции по-прежнему возлагались на профессиональных служителей культа. Так, сравнительно поздняя Густынская летопись упоминает «ереев – жрецов идольских» в святилище Перынь. Они, согласно источнику, осуществляли контроль за святилищем [19. С. 257]. Согласно «Житию Федора и Иоанна» по списку Троице-Сергиевой Лавры XVI в. киевские жрецы-волхвы метали жребий на «отрока и девицу» после удачного для руссов похода на ятвягов в 1093 г. [20. С. 44].

Городские волхвы, как их коллеги с родовых и племенных святилищ, очевидно, получали часть туш животных, принесенных в жертву в городских святилищах. Так, при раскопках Т.М. Молчановским в 1975 г. киевского святилища, расположенного вблизи развалин Десятинной церкви, было найдено большое количество костей животных, главным образом крупного рогатого скота (91% всех костей), принадлежавших молодым и взрослым особям. В жертвеннике найдены также кости свиней, птиц и рыб. Кости животных, обнаруженные в жертвеннике, были аккуратно разрублены, следовательно, мясо жертвенных животных разделяли на части [21. С. 47–52].

Данные археологии находят подтверждение в сообщениях Ибн-Фадлана. Так, в своих «Записках путешественника» он сообщает о том, что приезжавшие в Булгар русские купцы приносили в жертву каким-то идолам (верховному богу и его женам и дочерям) хлеб, мясо, лук, молоко. Затем разделяли туши овец или крупного рогатого скота. Часть этих туш они раздавали, а остальное клали перед идолами. Ночью мясо съедали бродячие собаки [22. С. 95]. Сообщение Ибн-Фадлана чрезвычайно ценно, поскольку прямо указывает на тот факт, что в жертву божеству шли не все подношения, приносимые в святилище, а лишь определенная часть. Остальное, по словам автора «Записок», кому-то раздавалось. Жертвоприношение, описанное Ибн-Фадланом, осуществлялось в святилище, и раздавать свои подношения гость мог только местным жрецам.

Помимо контроля за осуществлением жертвоприношений, важнейшей функцией городских служителей языческого культа были подготовка и осуществление погребений горожан. Наиболее значимые городские святилища часто располагались недалеко от погре-

бальных курганов и составляли с древними могильниками единый сакральный комплекс [23. С. 35].

В отличие от простых безинвентарных захоронений простых русичей-земледельцев, курганы воинов-дружинников отличались сложной структурой, богатством сопровождающего инвентаря, наличием костей домашних и диких животных [24. С. 156–158; 25. С. 30; 26. С. 86]. Встречаются и парные дружинные захоронения. В них рядом с умершим воином хоронили его умерщвленную на похоронах жену или невольницу [27. С. 182].

Погребение воинов-дружинников требовало немало средств, и, по-видимому, часть этих средств передавалась жрецам, осуществляющим подготовку к погребению. Так, в «Записках» Ибн-Фадлана мы находим следующие строки: «В случае смерти кого-то из русских путешественников его имущество делилось на три части. Одну часть передавали умершим родственникам, другую сжигали на погребальном костре, третья шла в уплату за приготовление к погребению» [22. С. 95].

Вероятно, в языческую эпоху служители языческого культа лечили свою городскую паству и получали за это также определенные подношения. Об этом свидетельствует то факт, что даже в эпоху христианизации городские волхвы продолжали практически открыто заниматься врачебной деятельностью. Так, при раскопках языческого святилища XII–XIII вв. в российском городе Плеск недалеко от главной ямы (собственно святилища) археологи зафиксировали другую, меньшую по размерам. Кроме обломков глиняных горшков здесь нашли также фрагмент бронзовой цепи, накрытый куском переплавного железа. По мнению ученых, вторая яма представляла собой нечто вроде больницы. В этом городе жрецы капища «изгоняли болезни из местных жителей» и «закрывали их в святилище» [28. С. 52–53].

Данные археологии находят подтверждение со стороны письменных источников. Так, в древнеславянской Кормчей книге конца XI в. категорически запрещается призывать волхвов, которые «в помощь себя бесов призывают в оуставления страдания и немочи» [29. С. 1106]. О том, что подобная практика существовала в XI в. даже в Киеве, свидетельствует «Житие Спиридона Проскурника и Олимпия Иконника». Согласно данному источнику некий киевский вельможа (в период правления князя Всеволода Ярославовича) заболел проказой и неоднократно обращался за медицинской помощью к киевским волхвам [30. С. 174].

Известны случаи, когда в христианскую эпоху за помощью к волхвам обращались и древнерусские князья. Так, согласно Первой новгородской летописи к языческим жрецам за врачебной помощью обращался полоцкий князь Брячеслав. Его сын Всеслав считался рожденным от «волхования». Кроме того, на голове у него была «язвена» (язва), которую лечили языческие жрецы – волхвы. Именно они, согласно источнику, надели него повязку и велели не снимать до конца жизни [31. С. 151].

Таким образом, городские служители языческого культа, подобно жрецам родовых и племенных святилищ, получали определенную часть подношений божествам, а также довольно значимую плату за подготовку к погребению умерших, лечение горожан и другие жреческие «услуги».

Существуют косвенные свидетельства того, что князь Владимир Святославич, соорудив в Киеве на «Перуновом холме» государственный пантеон языческих божеств, установил постоянную систему содержания нового храма. Я.М. Щапов справедливо указал на тот факт, что само создание нового городского святилища с головным идолом, частично сделанным из серебра и золота, было дорогостоящим проектом. По мнению исследователя, в 980 г. была введена система финансирования нового государственного святилища, аналогичная той, что была установлена Владимиром после строительства Десятинной церкви, т.е. 1/10 часть личных доходов великого князя [3. С. 320–321].

Прямых подтверждений гипотезы Я.М. Щапова мы не находим. Вместе с тем в некоторых отечественных письменных источниках содержатся неясные намеки на то, что некоторые восточнославянские языческие святилища получали постоянное финансирование за счет процентов от прибыли с княжеских имений, торговых операций и т.д. Так, в «Уставе князя Святослава Ярославовича» находим следующее: «Князь Святослав сказал: статут, бывший прежде нас в Руси от прадед и от дед наших, имати пискупом десятину от даний, и от вир, и от продаж, что входит в княж двор всего» [32. С. 85]. Дедом князя Святослава Ярославича был креститель Руси Владимир, а прадедами – князья язычники Игорь и Святослав, которые, согласно данному сообщению, и платили десятину «пискупам».

Большой интерес вызывает также отрывок из «Жития митрополита Михаила» по списку XVI в. Киево-Печерской Лавры. В данном источнике неизвестный автор, описывая крещение жителей Киева, вдруг неожиданно сообщает: «Владимир дары, что прежде идолам шли, святым церквям давати завещал» [33. С. 274].

Таким образом, все восточнославянские святилища содержались за счет почитающих их язычников (из родовых общин, гнезд поселений, городских жителей). Служители языческого культа, содержащие в порядке святилища, получали за свои услуги часть подношений языческим богам, а также произвольную плату за определенные ритуалы и лечение паствы. Чем больше было почитателей у языческого святилища, тем богаче и влиятельнее были его служители. Жрецы городских святилищ за подготовку умершего к погребению получали определенную часть его имущества. На завершающем этапе существования восточнославянского язычества в Киеве была установлена постоянная система финансирования государственного языческого пантеона за счет 1/10 части от доходов великого князя Владимира Святославича.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русанова И.П. Языческие святилища древних славян. М. : Ладога, 2007. 303 с.
2. Тимощук Б.А. Языческое жречество Древней Руси (по материалам городищ-святилищ) // Российская археология. 1993. № 4. С. 110–122.
3. Щапов Я.М. Церковь в системе государственной власти Древней Руси. Десятина и ее происхождение // Древнерусское государство и его международное значение. М. : Наука, 1965. С. 297–325.
4. Мансикка В.Й. Религия восточных славян. М. : ИМЛИ РАН, 2005. 368 с.
5. Кляйн Л.С. Воскрешение Перуна: К реконструкции восточнославянского язычества. СПб. : Евразия, 2004. 342 с.
6. Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М. : Наука, 1982. 327 с.
7. Нидерле Любомир. Славянские древности. Прага, 1914. Т. 1. 257 с.
8. Будур Н. Повседневная жизнь викингов. М. : Мол. гвардия, 2007. 237 с.
9. Magnusson M. Viking. London, 1976. 432 s.
10. Русанова И.П. Языческое святилище на р. Гнилопять под Житомиром // Культура Древней Руси. М. : Наука, 1966. С. 233–237.
11. Русанова И.П. Культовые места и языческие святилища славян VI–XIII вв. // Российская археология. 1992. № 4. С. 50–68.
12. Лебедев А.Н. Храмы Власьевского прихода в Ярославле. Ярославль, 1877. 564 с.
13. Адам Бременский. Хроники архиепископов Гамбургской церкви // Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия: IX – первая половина XII вв. / под ред. М.Б. Свердлова. М. ; Л. : Наука, 1989. С. 1–327.
14. Флетчер Джильс. О государстве Русском // Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск : Русич, 2003. С. 14–152.
15. Русанова И.П., Тимощук Б.А. Збручское святилище (предварительное сообщение) // Советская археология. 1986. № 4. С. 90–100.
16. Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–XI ст. // Древнерусская держава и ее международное значение. М. : Наука, 1965. С. 391–419.
17. Рыбаков Б.А. Первые века русской истории. М. : Наука, 1964. 240 с.
18. Повесть временных лет / под ред. и с пред. В.П. Адриановой-Перетц. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. 239 с.
19. ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. М. : Изд-во АН СССР, 1962. 938 стб.
20. Житие Федора и Иоанна по списку Троице-Сергиевой Лавры // Жития святых : в 2 т. СПб., 1915. Т. 2. С. 44–46.
21. Боровский Я.Е. Мифологический мир древних киевлян. Киев : Наукова думка, 1982. 103 с.
22. Ибн-Фадлан. Записки путешественника // Сказания мусульманских писателей о славянах и русских с половины VII до конца X в. Собрание, перевод и объяснения А.Я. Гаркави. СПб., 1870. С. 82–116.
23. Михайлов К.А. Языческий некрополь и церковь Богородицы Десятинная // Российская археология. 2004. № 1. С. 35–46.
24. Винников А.З. Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. 192 с.
25. Моця А.П. Погребальные памятники южнорусских земель IX–XIII вв. Киев : Наукова думка, 1990. 154 с.
26. Жарнов Ю.Е. Животные в погребальном обряде // Советская археология. 1991. № 2. С. 76–90.
27. Каргер М.К. Древний Киев. М. : Изд-во АН СССР, 1958. Т. 1. 579 с.
28. Травкин П.Н. Язычество древнерусской провинции. Малый город. Иваново, 2007. 857 с.
29. Качановский В.В. Славянская Кормчая книга // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1879. Т. 2, кн. 4. С. 1068–1108.
30. Києво-Печерський патерик / під ред. Д.І. Абрамовича. Киев : Час, 1991 [Репрентне відтворення 1931 р.]. 230 с.
31. Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. М. ; Л. : Наука, 1950. 356 стб.
32. Макарий (архиепископ Харьковский). История русской церкви. СПб., 1868. Т. 2. С. 83–86.
33. Житие Михаила первого митрополита Киевского // Жития святых в XII книгах. Киев: Изд-во Киево-Печерской Лавры, 1855. Кн. 11. С. 270–278.

Kozlov Mihail N. Sevastopol State University (Sevastopol, Russia). E- mail: kmn_75@mail.ru

KEEPING PAGAN SANCTUARIES IN ANCIENT RUSSIA: FACTS AGAINST MYTHS

Keywords: sanctuary; offering; tithe; pagan world outlook; fetish; maguses; priests.

The subject of historical analysis in this article is keeping east Slavonic pagan sanctuaries and its priests. This topic has not been previously revealed by the scientists of our country. The main aim of this research is historical reconstruction of keeping pagan cult system of our ancestors of the pre-Christian age. The author has made the analysis of historical sources and wrote about biased criticism of historical base of the pre-Mongolian period. Methodology of the study: comparative philosophical religious analysis. The main method of the study is comparative analytical. General scientific methods are: analysis, synthesis, generalization, individualization, historical narrative. While working on the article, the author used both written and archeological sources. At first, we have to mention written sources of VI–XVII centuries, including data characterizing cult system of Ancient Slavs of pagan and early Christian epochs. They are native chronicles XI–XIV centuries (at first, the Povest Vremennih Let, the Ipatievskaya chronicle and First Novgorod chronicle), Lives of Saints, Skazanie o postroenii grada Yaroslavlya. The author used materials of foreign authors IX-XI centuries: Ibn-Fadlan, Adam of Bremen. The author has also used wide archeological data: materials of excavation at East Slavonic settlements, sanctuaries and warriors' mounds. Using vast historical base, the author has depicted step by step the peculiarities of keeping small family sanctuaries, settlements-sanctuaries, city sacred centers and its priests. The main peculiarities of pagan cult in cities are revealed in the article, the author also wrote about priests' hierarchy. The author pays attention to regular financing of city sanctuary in the city of Kiev, when Kiev prince Vladimir ordered to do in the year 980. That's why the author came to conclusion about funding of city sanctuaries by the means of believers. Pagan priests have got a part of offering as salary for keeping the sanctuary and also some payments for rituals and cure. The greater and richer have been the believers, the richer and more influencing were the priests. While preparing a corpse to funerals the priests got some percentage of dead's property. At the final step a constant system has been led – tithe from the income of Kiev priest Vladimir Svyatoslavovich.

REFERENCES

1. Rusanova, I. P. (2007) *Yazycheskie svyatilishcha drevnikh slavyan* [Pagan Sanctuaries of the Ancient Slavs]. Moscow: Ladoga.
2. Timoshchuk, B. A. (1993) Yazycheskoe zhrechestvo Drevney Rusi (po materialam gorodishch-svyatilishch) [The pagan priests of Ancient Rus (based on the sites of sanctuaries)]. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archeology*. 4. pp. 110–122.
3. Shchapov, Y. M. (2005) Tserkov' v sisteme gosudarstvennoy vlasti Drevney Rusi. Desyatina i ee proiskhozhdenie [Church in the system of the Old Rus state power. Tithing and its origin]. In: Pashuto, V.T. & Cherepnin, L.V. (eds) *Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie* [The Old Rus state and its international significance]. Moscow: Nauka. pp. 297–325.
4. Mansikka, V.Y. (2005) *Religiya vostochnykh slavyan* [The religion of Eastern Slavs]. Moscow: A.M. Gorky Institute of World Literature, RAS.

5. Klyayn, L.S. (2004) *Voskreshenie Peruna: K rekonstruktsii vostochnoslavyanskogo yazychestva* [The Resurrection of Perun: Towards the Reconstruction of Eastern Slavic Paganism]. St. Petersburg: Evraziya.
6. Sedov, V.V. (1982) *Vostochnye slavyane v VI-XIII vv.* [Eastern Slavs in the 6th–8th centuries]. Moscow: Nauka.
7. Niderle, L. (1914) *Slavyanskie drevnosti* [Slavic antiquities]. Vol. 1. Prague: [s.n.].
8. Budur, N. (2007) *Povsednevnaya zhizn' vikingov* [The daily life of the Vikings]. Moscow: Molodaya gvardiya.
9. Magnusson, M. (1976) *Viking*. London: Tempus.
10. Rusanova, I.P. (1966) Yazycheskoe svyatilishche na r. Gnilopyat' pod Zhitomirom [The pagan sanctuary on the river Gnilopyat under Zhitomir]. In: Mongayt, A.L. (ed.) *Kul'tura drevney Rusi* [The Culture of Old Rus]. Moscow: Nauka. pp. 233–237.
11. Rusanova, I.P. (1992) Kul'tovye mesta i yazycheskie svyatilishcha slavyan VI-XIII vv. [Religious places and pagan sanctuaries of the Slavs in the 6th – 8th centuries]. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archeology*. 4. pp. 50–68.
12. Lebedev, A.N. (1877) *Khramy Vlas'evskogo prikhoda v Yaroslavle* [Temples of the Vlasyevsky parish in Yaroslavl]. Yaroslavl: [s.n.].
13. Adam of Bremen. (1989) Khroniki arkhiepiskopov Gamburgskoy tserkvi [Chronicles of the Archbishops of the Hamburg Church]. In: Sverdlov, M.B. [ed.] *Latinoyazychnye istochniki po istorii Drevney Rusi. Germaniya: IX – pervaya polovina XII vv.* [Latin sources on the history of Old Rus. Germany: the 9th – first half of the 12th centuries]. Moscow; Leningrad: Nauka. pp.1–327
14. Fletcher, G. (2003) O gosudarstve Russkom [About the Russian State]. In: Fletcher, G., von Herberstein, S., Horsay, J., von Staden, H. et al. *Rossiya XVI veka. Vospominaniya inostrantsev* [The sixteenth-century Russia. Memories of foreigners]. Translated from English and German. Smolensk: Rusich. pp.14–152.
15. Rusanova, I.P. & Timoshchuk, B.A. (1986) Zbruchskoe svyatilishche (predvaritel'noe soobshchenie [The Zbruchskoe sanctuary (a preliminary report)]. *Sovetskaya arkheologiya*. 4. pp.90–100.
16. Novoseltsev, A.P. (1965) *Drevnerusskaya derzhava i ee mezhdunarodnoe znachenie* [Old Russian state and its international significance]. Moscow: Nauka. pp. 391–419.
17. Rybakov, B.A. (1964) *Pervye veka russkoy istorii* [The first centuries of Russian history]. Moscow: Nauka.
18. Adrianova-Peretts, V.P. (ed.) (1950) *Povest' vremennykh let* [The Tale of Bygone Years]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
19. Shakhmatov, A.A. (ed.) (1965) *PSRL. T.2.: Ipat'evskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 2. Volume 2. Hypatian Codex]. Moscow: USSR AS.
20. Anon. (1915) Zhitie Fedora i Ioanna po spisku Troitse-Sergievoy Lavry [Life of Feodor and Ioann according to the Trinity-Sergius Lavra copy]. In: *Zhitiya svyatykh v 2-kh tomakh* [Lives of the Saints in 2 vols]. Vol. 2. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 44–46
21. Borovskiy, Ya.E. (1982) *Mifologicheskiy mir drevnikh kievlyan* [Mythological world of ancient Kievites]. Kyiv: Naukova dumka.
22. Ibn-Fadlan. (1870) Zapiski puteshestvennika [Traveler's notes]. In: Garkavi, A,Ya. (ed.) *Skazaniya musul'manskikh pisateley o slavyanakh i russkikh s poloviny VII do kontsa X v.* [Legends of Muslim writers about the Slavs and Russians from the half of the 7th to the end of the 10th century]. Translated by A.Ya. Garkavi. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 82–116.
23. Mikhaylov, K.A. (2004) Yazycheskiy nekropol' i tserkov' Bogoroditsy Desyatinnaya [Pagan Necropolis and the Church of the Virgin Desyatinnaya]. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archeology*. 1. pp. 35–46.
24. Vinnikov, A.Z. (1984) *Slavyanskie kurgany lesostepnogo Dona* [Slavic mounds of the forest-steppe Don]. Voronezh Voronezh State University.
25. Motsya, A.P. (1990) *Pogrebal'nye pamyatniki yuzhnorusskikh zemel' IX-XIII vv.* [Funeral monuments of the South Russian lands of the 9th–13th centuries]. Kyiv: Naukova dumka.
26. Zharnov, Yu.E. (1991) Zhivotnye v pogrebal'nom obryade [Animals in the funeral rite]. *Sovetskaya arkheologiya*. 2. pp. 76–90.
27. Karger, M.K. (1958) *Drevniy Kiev* [Ancient Kiev]. Vol. 1. Moscow: USSR AS.
28. Travkin, P.N. (2007) *Yazychestvo drevnerusskoy provintsii. Malyy gorod* [Paganism of the Old Russian province. A town]. Ivanovo: A-Grif.
29. Kachanovskiy, V.V. (1879) Slavyanskaya Kormchaya kniga [Slavic Kórmchaia Book]. *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii nauk*. 2(4). pp. 1068–1108.
30. Abramovich, D.I. (ed.) (1931) *Kievo-Pechers'kiy paterik* [Kyiv-Pechersk Patericon]. Kyiv: Chas.
31. Nosonov, A.N. (ed.) (1950) *Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvoda* [The Novgorod First Chronicle. The Synod and Other Scrolls]. Moscow; Leningrad: Nauka.
32. Macarius, Archbishop of Kharkov. (1868) *Istoriya russkoy tserkvi* [History of Russian Church]. Vol. 2. St. Petersburg: Yu.A. Bokram. pp. 83–86.
33. Anon. (1855) Zhitie Mikhaila pervogo mitropolita Kievskogo [Life of Michael the First Metropolitan of Kiev]. In: *Zhitiya svyatykh v XII knigakh* [Lives of Saints in 12 books]. Vol. 11. Kyiv: Kiev-Pechersk Lavra. pp. 270–278.

УДК 39
DOI: 10.17223/19988613/51/16

Д.Е. Селиванов

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ И СОДЕРЖАНИЯ ЭТНОНИМА *ТЕЛЕ* В СОВРЕМЕННОЙ ЭТНОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Данная статья направлена на выявление и рассмотрение основных факторов социально-политического развития тюркских племен теле с периода возникновения данного этнонима вплоть до падения первого Тюркского каганата (Вечного Тюркского Эля). Целью данной статьи является не только реконструкция истории возникновения и межгосударственного взаимодействия ранних представителей племен теле, но и выявление основных современных этнологических проблем, связанных с изучением этнонима. Также определяются основные пути решения данной проблемы в современной этнологической науке.
Ключевые слова: теле; Первый Тюркский Каганат; гунны; теленгиты; динлины.

Прежде чем разбирать проблему социально-политического развития тюркских племен теле, необходимо остановиться на понимании этого этнонима. Стоит помнить, что теле, по сути своей, не является единым, отдельным этносом и представляет собой скорее конфедерацию таких племен, как, в первую очередь, вэйхо (уйгур) сеяньто и тубо [1. С. 233]. Упоминания о племенах теле встречаются в трех основных исторических источниках. Самыми ранними являются летописи китайских династий Суй и Тан. Это такие документы, как Вэй Шу (китайское название, История династии Вэй) и Лю Сюй (китайское название Старая история династии Тан). В последнем случае рассматривается история, по сути, предшествовавшая династии Тан, т.е. период Первого Тюркского Каганата и последующего за ним разделения государства на Восточный и Западный Каганаты. Проблема китайских источников заключается в крайней их труднодоступности для российских исследователей, так как перевод этих двух документов на данный момент носит частичный характер и практически не затрагивает интересующую нас информацию.

Следующим и более доступным источником является труд исламского исследователя Рашид ад Дина «Джами ат таварих», или «Сборник летописей» [2]. Данный сборник является первой попыткой систематизации имеющейся информации касательно тюркских племен в составе монгольской империи. Положительными качествами источника является широкий спектр затронутых в исследовании этносов. Однако, несмотря на общую, специфичную для ранних исламских исследователей, стилистику повествования (уделяющую огромное внимание хронологии происхождения отдельных исторических личностей и их родов), в данном источнике очень скупо представлена информация о происхождении племен теле, в частности теленгутов.

К наиболее проработанным на сегодняшний день в российской этнологической науке относятся сибирские летописи и документы XVII в., в частности «переписные листы» того времени. Более того, особое место в российской этнографии занимают более поздние переводы китайских источников Н.Я. Бичурина [3] и как дополнение к ним – работа Н.В. Кюнера «Китайские известия о народах Южной Сибири» [4]. Минусом данных источников является их хронологическая соотнесенность с более поздним периодом. Кроме того, проработанность этих источников свидетельствует об исчерпывающем характере имеющейся информации на базе данных трудов.

Следует отметить, что проблема возникновения этнонима *теле* до сих пор является дискуссионной в современной этнологической науке. Существует несколько точек зрения касательно возникновения этнонима *теле*, все они связаны с определенной источниковой базой, на которую опирался автор теории. Выделяются три основных подхода в изучении этнонима *теле*.

Сторонником и основным приверженцем первой теории можно назвать Леонида Павловича Потапова, отечественного этнографа, посвятившего жизнь изучению народов Южной Сибири и Тувы. По мнению Потапова, теле является самоназванием группы тюркских племен (перечисленных выше). Кроме того, исследователь считал: «Невозможно представить, чтобы многочисленные носители этнонима теле заимствовали его [этноним] из китайских анналов, где он фигурирует главным образом в связи с изложением истории Тюркского каганата» [1. С. 234].

Более интересной, с точки зрения вопросов центрально-азиатской этнографии, версии придерживается Л.Н. Гумилев, считая племена теле потомками хунну [5. С. 65]. Свои выводы Гумилев делал, основываясь на сходствах в языковой структуре уйгуров, которые входили в племена теле и хунну. Данная версия является дискуссионной и не раз ставилась под сомнение, в том числе такими специалистами, как П.Б. Коновалов [Там же. С. 66].

Наконец, третьей дискуссионной версией происхождения этнонима теле, перекликающейся с гипотезой Л.Н. Гумилева, является проблема этноса динлинов. Как известно, в целях получения новых рудоносных территорий хунну захватывали северные территории, в том числе Южную Сибирь, места проживания древнего племени динлинов. Таким образом, суще-

ствует точка зрения, что племена теле, так или иначе, являются потомками одного из древнейших племен, населявшего территорию современной Южной Сибири, Минусинской котловины и Алтая [6. С. 16].

Проблема происхождения этнонима *динлин* и связи его с этнонимом *теле* является одной из значимых в тюркологии, так как первый, несомненно, имеет китайское происхождение [7. С. 235]. Кроме того, сам устоявшийся этноним *теле* может носить китайское происхождение, так как он использовался, в том числе, для определения всех известных тюркских племен (Большой китайско-русский словарь 铁勒 – tie(3)le(4) – уст. тюрки). Эволюция терминов Dingling-Tiele в китайском языке представляется возможной. Таким образом, несмотря на логичность точки зрения Л.П. Потапова, теорию китайского происхождения этнонима *теле* не стоит окончательно убирать с дискуссионной позиции.

На все вышеперечисленные вопросы: являются ли динлины предками теле, являются ли теле потомками хунну и где искать следы хунну в современной науке, окончательного ответа нет по одной причине – отсутствие источников, не позволяющее заполнить временные промежутки трансформаций этнических общностей с соответствующими этнонимами.

В силу использующихся на сегодняшний день источников существуют два основных временных пробела, касающихся племен теле, которые представляют собой наибольший интерес для исследователей. Первый пробел – это период между упадком хунну и первым появлением племен теле в китайских летописях. Падение хунну произошло во II в. н.э., в то время как первое упоминание племен теле датируется концом IV в. Таким образом, появляется существующая на сегодняшний день проблема возможности преемственности между племенами теле и хунну. Причины отсутствия источников относительно данного временного промежутка просты – основная информация по племенам того времени записывалась китайскими летописцами. А как можно понять из даты II–IV вв. н.э. – данный период как раз падает на смутное время – Троецарствия в Китае, что отрицательно сказалось на полноте источниковой базы.

Вторым проблемным периодом для изучения истории племен теле является период XIII–XVII вв. Именно в XIII в. происходит основание монгольской династии Юань, а также процессы подчинения тюркских племен на западе Китая. Интересы монголов сосредотачиваются на процессах в Китае и Средней Азии, истории Южной Сибири уделяется минимальное внимание. После чего значительное количество информации появляется только в связи с колонизацией русскими Сибири и изучением непосредственных потомков племен теле – теленгитами, телеутами, телесами. Промежуток между этими двумя этапами освящен в историографии слабо.

Причина слабого освящения кочевых племен в данном случае может крыться и в особенностях политического устройства их сообществ. Иными словами, говоря о племенах теле, или даже о динлинах, мы не можем проводить параллели с типичным представлением о государстве. Безусловно, государственные образования на базе племен теле существовали, например Уйгурский Каганат или сообщество племен токуз-огуз. Однако в данном случае появляются две основные проблемы изучения этих самых государственных образований – отсутствие фиксированной территории и патрилинейная система родства.

Говоря о любом государстве, первое, что приходит на ум, – территория, обладающая установленной границей. И именно это заблуждение чаще всего приводило к путанице, появляющейся в источниках относительно племен теле. Трудность заключалась в точном определении, где заканчивалась территория теле и начиналось другое государство, по тому принципу, что кочевые родоплеменные общины того времени не имели фиксированных территорий. Территория племен теле варьировалась от сезона и зависела от состояния пастбищ и военных набегов других племен, что, безусловно, затрудняет археологические реконструкции.

Более того, патрилинейная система родства привела к существованию огромного количества сеоков (родов), что также приводит к затруднению в определении принадлежности определенного сеока к определенной группе племен.

Соответственно, на сегодняшний день, чтобы решить проблемы преемственности хунну и последующих народов, стоит решить проблемы временных разрывов между хунну и теле, а также наполнить фактологией промежуток между XIII и XVI веками н.э., что важно, в первую очередь, для выяснения истории современных потомков теле. Кроме того, при решении данной проблемы отдельное внимание следует уделить отсутствию фиксированных границ у племен теле а также проблеме обилия сеоков как следствие существовавшей патрилинейной системы.

Сегодня существуют два основных пути решения данных проблем. В первую очередь, максимальные усилия стоит сфокусировать на дальнейшей переводческой деятельности китайских архивов. По сути, основная загадка *динлинов, хунну, теле* кроется именно в китайских летописях периода Троецарствия. Вторым путем решения данных проблем является систематизация имеющейся информации о современных известных потомках племен теле, таких как теленгиты, телеуты, телесы. В частности, изучение процессов миграции, рассмотрение отдельных очагов расселения потомков теле (Южный Алтай, Кузбасс, Синьцзян-Уйгурский Автономный Район, Восточный Казахстан, Томская область) могут положительно сказаться на решении проблемы «наполнения» второго временного промежутка XIII–XVII вв. н.э.

Дальнейшая деятельность в этом направлении, возможно, поможет решить один из важнейших вопросов этнологической науки – судьбу этноса хунну, а именно доказать, являются ли племена теле потомками хунну или

нет. Кроме того, исследования в данном направлении могут открыть свет на проблему древнейшего этноса Южной Сибири – динлинов, а также проблему культурных параллелей между древними тюрками и Китаем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Потапов Л.П. Этноним Теле и Алтайцы // Тюркологический сборник к 60-летию А.Н. Коновалова. М. : Наука, 1966. С. 233–240.
2. Рашид ад Дин. Джами ат Таварих (Том III), Сборник Летописей. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1952.
3. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена // III приложения. М. : Изд. Академии наук СССР, 1953. 325 с.
4. Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М. : Изд-во Вост. лит-ры, 1961. 350 с.
5. Гомбожапов А.Д. Кочевые цивилизации Центральной Азии в трудах Л.Н. Гумилева. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. науч. центра СО РАН, 2010. 148 с.
6. Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в Средние века. М. : Высшая Школа, 1984. 167 с.
7. Юань Кэ. Мифы Древнего Китая. М. : Наука, 1965. 496 с.

Selivanov Dmitriy E. Tomsk State University (Tomsk Russia). E-mail: sde29study@yandex.ru

THE ORIGIN AND THE MAINTENANCE PROBLEMS OF "TELE" ETHNONYM IN THE MODERN ETHNOLOGY

Keywords: Tele, First Turkic Khaganate, hunnu, telengit, dinling.

This article is directed to identification and consideration of major social political development factors of Turkic "*tele"* tribes since the period of this ethnonym emergence up to falling of the first Turkic Khaganate (Eternal Turkic Ale). The purpose of this article is not only reconstruction of the history of emergence and interstate interaction of early representatives of "*tele"* tribes, but also the main modern ethnological problems identification which one are connected with studying of an ethnonym. In the article the main solutions of this problem in modern ethnology are also defined. Author`s efforts dedicate to renew and rebuilding the systems of ancestors between three ethnonyms: dingling – tele – telengit. As author says now there is an opinion that dingling ethnonym is a strict ancestor of tele, and tele ethnonym is an ancestor of telengit. Moreover, there is a point of view that hunnu ethnonym somehow related to this system and could be anscestor of tele or telengit. According to author all these opinions today haven`t got any strict proves and more hypotheses than direct facts. Efforts of author refer to find decisions for this problems and opportunity to prove or dispose those hypotheses. There are three parts of the article. In the beginning author summarizes today`s sources for "tele" ethnonym problem. The second part contents analysis of sources in the prism of opportunity to use it for further research. According to the author most of sources are overused right now, so there are a lack of interest to them for researches. The problem of sources leads to the problem of "time gaps". In the author`s opinion as far as nowadays only few sources tells us about tele ethnonym, there are a lack of information about periods which one is not refer to this sources. According to author there are three main gaps which one cannot allow us right now prove or dispose hypotheses about tele ethnonym and it`s ancestors. The third part of article is directed to find a way for overcoming time gap problem. Author defines three common ways for that. The author concludes first of all that there is situation of lack of data and proves about tele ethnonym problem. Moreover, in case of proving of system dingling-tele-telengit, the telengit ethnonym can be more ancient than we supposed before. In this case efforts can be useful for tourist situation for regions of telengit living (mostly Altai, South of Kemerovo region, Tomsk Region). In case of dispose all these hypotheses telengit people get no harm, because situation stays the same.

REFERENCESE

1. Potapov, L.P. (1966) Etnonim Tele i Altaytsy [Ethnonym Tele and Altaians]. In: Klyashtorniy, S.G. (ed.) *Tyurkologicheskiy sbornik k 60–letiyu A.N. Konovalova* [Turcologica. To the 60th anniversary of A.N. Kononov]. Moscow: Nauka. pp. 233–240.
2. Rashid ad Din. (1952) *Dzhami at Tavarikh* [The Jāmiʿ al-tawārīkh]. Vol. 3. Moscow: USSR AS.
3. Bichurin, N.Ya. (1953) *Sobranie svedeniy o narodakh obitavshikh v Sredney Azii v drevnie vremena* [Data about the peoples inhabiting Central Asia in ancient times]. Moscow: USSR AS.
4. Kyuner, N.V. (1961) *Kitayskie izvestiya o narodakh Yuzhnoy Sibiri, Tsentral'noy Azii i Dal'nego vostoka* [Chinese news about the peoples of South Siberia, Central Asia and the Far East]. Moscow: Vostochnaya literatura.
5. Gombozhapov, A.D. (2010) *Kochevye tsivilizatsii Tsentral'noy Azii v trudakh L. N. Gumileva* [Nomadic civilisations of Central Asia in the works of L.N. Gumilev]. Ulan-Ude: SB RAS.
6. Kyzlasov, L.R. (1984) *Istoriya Yuzhnoy Sibiri v srednie veka* [History of Southern Siberia in the Middle Ages]. Moscow: Vysshaya shkola.
7. Yuan Ke. (1965) *Mify Drevnego Kitaya* [Myths of Ancient China]. Translated from Chinese by E.I. Lubo-Lesnichenko, E.V. Puzitsky, V.F. Sorokin. Moscow: Nauka.

УДК 395+398
DOI: 10.17223/19988613/51/17

Н.О. Тадышева

ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТА ДЕРЕВА В ТРАДИЦИОННОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ ТЮРКОВ САЯНО-АЛТАЯ

Предпринята попытка на основе анализа этнографической литературы и полевых материалов автора рассмотреть место и роль культа дерева в картине мира алтайцев, тувинцев и хакасов, найти одинаковые сюжеты в мировоззрении и отличительные моменты в условиях трансформации традиционной культуры тюрков Саяно-Алтая. Культ деревьев имел место еще в эпоху родового строя. Тотемистические представления, развиваясь, трансформируясь под влиянием изменений в религиозных воззрениях населения, сохранились по сей день. Рассмотренный материал показывает влияние культа дерева на семейную обрядность. Сохранение его в одной из самых консервативных сфер традиционной культуры народа говорит об устойчивости культа дерева в традиционной картине мира тюркского населения Саяно-Алтая.
Ключевые слова: культ дерева; традиционная культура; сакральность; Саяно-Алтай.

Коренное население Саяно-Алтая одушевляло Природу, верило, что отдельные растения, деревья и звери являлись обиталищами или воплощением того или иного духа. Таинственные силы, явления природы сформировали анимистические образы духов-хозяев. Сначала собирательство и охота, затем скотоводство и земледелие создали тот круг верований, представлений и обычаев, которые легли в основу древних культов.

В современном алтайском обществе культ предков не утратил своего значения и сегодня почитается *байана* (тотемное животное или птица), *јайаачы* (тотемное дерево), *ыйык туу* (священная родовая гора). Культ предков сохраняется благодаря особому значению, придающемуся в традиционном обществе родовым связям. Предков представляют себе обладающими тайнами, связями с высшими силами небесного, земного и подземного миров, а с их помощью и силой воздействия на стихии природы, тем самым постоянно и многосторонне воздействующими на земную жизнь.

Как отмечают исследователи, в традиционной культуре тюрков Южной Сибири особое место занимает такой маркер рода, как дерево [1. С. 43]. Тема «Отражение культа дерева в традиционном мировоззрении тюрков Саяно-Алтая» еще не была предметом отдельного исследования. В рамках изучения традиционного мировоззрения данной темы отрывочно касались дореволюционные исследователи (В.В. Радлов, Г.Н. Потанин, Н.Ф. Катанов, В.И. Вербицкий). В этнографии тема рассматривалась также фрагментарно: в рамках изучения религиозных верований алтайцев (А.В. Анохин, Л.П. Потапов, С.А. Токарев, Н.П. Дыренкова А.Г. Данилин, Л.И. Шерстова, В.А. Муйтуева, С.П. Тюхтенева), при анализе актуальных проблем этнической истории алтайцев делалось описание алтайских тамг и архаических (родовых) культов (Н.В. Екеев) и при обобщении этнического опыта использования растений в разных сферах жизнедеятельности алтайцев (А.А. Ачимова). В контексте исследований по семейной обрядности при описании обрядов жизненного цикла этнографы уделили внимание использованию тех или иных деревьев в ритуальной практике алтайского населения (В.А. Клешев, Н.О. Тадышева, Э.В. Енчинов). Фольклористы в рамках исследований по устному народному творчеству останавливали внимание на символе дерева в героическом эпосе, в мифах и преданиях (И.В. Пухов, З.С. Казагачева).

В данной статье на основе анализа и обобщения литературы по данной теме и полевых материалов автора специально ставится задача рассмотрения места и роли культа дерева в традиционном мировоззрении тюрков Саяно-Алтая.

Полевые материалы, этнографические записи, фольклорные тексты исследователей свидетельствуют, что в настоящее время достаточно полными остаются знания о родовом характере почитания деревьев. Согласно сообщениям информантов, каждый алтайский род (*сөөк*) считал определенную породу деревьев священной, а род имел тотемное дерево. Еще в XIX в. исследователями Горного Алтая зафиксировано, что каждый из алтайских родов ведет свою генеалогию от определенных пород деревьев: «Иркит происходит от дерева «ргай – ыргай» (жимолость). Другие говорят: «у иркитов отец – “ргай”, мать – береза… Иркит и Сойон два брата (отец – “ргай”, мать – береза)» [2. С. 7].

Алтайское предание гласит: «Очень давно на Алтае жили люди. Это они оставили курганы. Их звали торгоуты. Но однажды появилось новое дерево – лиственница, и торгоуты решили, что все меняется, что приходит новое время. И тогда они исчезли, уступив место другому народу» [3. С. 41–42].

С одной стороны, появление нового дерева здесь – это «конец» народа – торгоутов, а с другой – появление другого народа, тотемным деревом которого является лиственница. Знания сохраняются в этногенетических легендах, которые повествуют, что при сложных обстоятельствах тот или иной вид дерева помогал сохранить жизнь человеку из определенного рода. Так, про очы говорят: «Найденыш под березой, пусть будет березовый очы» [4. С. 87; ПМА-1] или «Когда была война, од-

на молодая женщина, своего ребенка в колыбель уложив, сделав так, чтобы березовый сок капал прямо ему в рот, сама сбежала. Один человек нашел его. “Пусть он будет из рода кайын-очы” – сказал он» [5. С. 259].

Другое предание гласит: «На нашем Алтае когда-то была очень жестокая война, говорят. Когда враг уже настигал бежавших людей, одна женщина положила своего ребенка, наклонив к нему куст таволожника, так, чтобы его сок по капле стекал в рот ребенку. На Алтае единственным оставшимся в живых из модоров был этот мальчик. Раньше невестки этого рода не произносили название этого дерева, не рубили его» [Там же. С. 269].

Считается, что род *ара* произошли от сосны [4. С. 141; ПМА-2]. Почитаемое дерево рода *көбөк* – арчын (можжевельник) [4. С. 121; ПМА-3]. Первый представитель рода *кыпчак* найден был под таволгой [4. С. 96].

В устном народном творчестве алтайцев спасение главного героя иллюстрируется таким же способом. В героическом сказании «Маадай-Кара» при нашествии злого, враждебного Кара-Кула каана Маадай-Кара спасает своего сына Когудей-Мергена:

«Знаменитый Маадай-Кара
На вершину девятиступенчатой
Черной горы поднялся,
На высокую скалу теперь взобрался,
Под четырьмя березами
Люльку с сыном-богатырем подвесил.
“Черная эта гора
Пусть отцом тебе будет, дите мое, – сказал, –
Четыре березки эти
Пусть матерью тебе будут, дитя мое”, – сказал.
Чтобы сок четырех берез
В рот младенца-богатыря
В день по одной капле капал,
Дугообразную трубку приделал;
Чтобы материнское молозиво
Из шестидесятиаршинной кишки
В рот сына
В день по одной капле текло,
Кишки на ветки березки
Вниз соской подвесил и привязал» [6. С. 272].

У хакасов также зафиксировано отношение к деревьям как родовым тотемам. В работе Н.Ф. Катанова «Образцы народной литературы тюркских племен» приводится рассказ «Старуха говорит невесте: “Не называй по имени этого неба! Земли этой не называй, потому что небо и земля – твои свекры! Овца – тоже твоя свекровь! Волк – тоже твой свекор! Растущие тальники тоже твои свекры! Ты не называй их по имени!”» [7. С. 303]. Свекровь объясняет невестке нормы поведения по отношению к родовым божествам семьи мужа. «*Кайындаш*» – обычай избегания направлен на защиту родителей мужа, родственников мужа от невесты, которая, в первую очередь, является представителем другого рода и, даже вступив в брак, не утрачивает этой «чуждой» принадлежности. Сохраняется представление о магическом значении слова, которое при произношении «чужим», в данном случае чужеродной *келин* (невестой), может быть опасным для мужа и его родственников и способно причинить им вред. Отсюда запрет прямого обращения к ним.

Деревья в хакасской культуре являлись хранителями родовых душ: «Дерево – это дом человеческой души», гласит поверье. Каждый род имел свою породу деревьев, которые назывались «*сёёк чулазы*» (родовая душа) или «*агас сёёги*» (древесный род). Как отмечают исследователи, у сеока сайын и черных бельтыров родовым деревом была лиственница, у сеока хобый – кедр, у сеока туран и белых бельтыров – береза, у сарыгларов – желтый тальник [8. С. 112].

Информанты-алтайцы подчеркивали, что человек не должен рубить дерево своего рода, а для всех хозяйственных нужд использовались другие породы деревьев. В случае крайней необходимости просил представителя иного рода срубить дерево, почитавшееся его родом. Как правило, рубка сопровождалась извинительными и умилостивительными речами. Срубали только необходимое количество деревьев, причем запрещалось рубить молодые деревья. Пожилые люди говорили, что они, как и дети людей, должны вырасти и возмужать. Они должны жить. Существовали самые различные запреты и приметы, требовавшие от человека благопристойного поведения в лесу или тайге [9. С. 134–135].

По верованиям тувинцев, запрещено было рубить священные деревья: кедр, ель, пихту и сосну, а также священные кустарники – можжевельник и вереск. Нельзя было рубить священное дерево, чтобы не остаться без души [10. С. 417]. Тувинский миф «Живая вода и вечнозеленые деревья» рассказывает, что Божество-творец Бурган-башкы своим священным жезлом разрубил Ара-Хоо, злого духа, заглатывающего Луну и Солнце по пояснице. Нижняя часть поясницы упала на землю и вытекающая из туловища Ара-Хоо живая вода задела кедр, ель, можжевельник туркестанский, можжевельник сибирский, пихту, сосну [11. С. 49]. Живая вода, попавшая благодаря божеству и его священному жезлу на деревья, сделала их сакральными.

У алтайцев существует поверье, что есть невидимая жизненная связь между деревом и родом, почитающим его. Так, если погибало почитаемое дерево, то умирал человек данного рода. Падение старого дерева предвещало смерть старого человека, а гибель молодого дерева связывали со смертью молодых людей [ПМА-1].

В тувинской культуре также встречается мнение, что «нельзя рубить старую лиственницу на стоянке, потому что старейшина того племени может умереть» [10. С. 418] или «Когда ломается старое дерево, умирает человек преклонного возраста. Если ломается молодое дерево, умирает младенец» [Там же. С. 421].

У хакасов есть представление, что в старом дереве сохраняется душа старого человека, а в молодом – молодого. Если свалить тонкое деревце с листьями, то потеряет душу ребенок. Увидеть во сне падающее дерево означало смерть одного из членов определенного рода: если дерево было молодым, то умрет юноша, ес-

ли старое – старик, если ветвисто – многодетный человек [8. С. 113].

Связь дерева с жизнью, судьбой человека прослеживается и в устном народном творчестве алтайцев. Так, в героическом сказании «Маадай-Кара» через образ родового священного дерева – «Вечного тополя» – раскрываются величие и богатство страны Алтая – родины героя-баатыра:

«Там, где сливаются семьдесят рек,
В долине между семью большими
горами-крепостями
Стоствольный вечный тополь,
Под лучами луны и солнца,
Как золото, сверкая, стоит» [6. С. 252].

Археологические находки свидетельствуют о значимости деревянной посуды в погребальной обрядности древнего населения Алтая. Деревянная кружка, найденная в погребении в кургане № 1 могильника Ак-Алаха-3, относится к хорошо известному типу пазырыкской деревянной посуды. Она замечательна ручкой, сделанной в виде протом двух барсов. Из-за этих скульптурно вырезанных фигурок обычная по форме кружка становится оригинальным изделием, не имеющим аналогов в пазырыкской культуре. Впервые за время изучения пазырыкской культуры внутри этого сосуда обнаружена палочка – мешалка, для взбивания кумыса – мутовка. Палочка мутовки сделана из лиственницы, тогда как серповидный набалдашник был вырезан из березы. Исследователи обращают внимание на материал изделия, так как в сакральной практике древних и традиционных обществ большое значение придавалось определенным видам деревьев. И не случайно для изготовления мешалки была выбрана береза, ее белый цвет, как и цвет молока, был воплощением сакральной чистоты. Видимо, мешалка выступает аналогом березы – Мирового дерева. Эта простая, но тщательно сделанная вещь принадлежит к чрезвычайно значимым сакральным объектам и отличается повышенным семиотическим статусом в культурной традиции тюрко-монгольских народов.

В алтайской мифологии с помощью мешалки боги творили мир. В индийской мифологии Вселенная была создана в результате пахтанья первичного океана. От обладания Чингис-ханом кумысной мутовкой зависело благополучие и богатство монгольского народа. Мешалка, обнаруженная внутри деревянного сосуда с барсами, представляется некой моделью «орудия творения», вложенного в руки женщины. Это была не только и не столько утилитарная вещь, сколько культовый предмет, служивший в ходе какого-то ритуала. Интерес представляет и то, что в традиционной казахской похоронно-поминальной обрядности мутовку оставляли у могилы, а сосуд для изготовления и хранения кумыса вместе с мутовкой изображался на намогильных сооружениях как воплощающий идею плодородия. В индоиранской ритуальной практике к деревянной посуде было особое отношение: хотя ведийские арии умели изготовлять каменную, металлическую и керамическую посуду, для ритуала использовали только деревянную, может быть, как наиболее древнюю, освященную традицией [12. С. 197–198].

Сакральность деревянной ритуальной посуды зафиксирована и в алтайском предании: «Однажды жертвенную брагу, предназначавшуюся божеству Ульгену, поставили в кадке с железными обручами вместо берестяного сосуда. Этой брагой Ульгену покропили жертву. Разгневанный Ульген три раза плюнул: за то, что они не в берестяном сосуде брагу приготовили, а в кадке с железными обручами, и проклял этот род» [5. С. 271].

Этнографические материалы свидетельствуют, что у минусинских татар (предков хакасов) по верховьям рек колотушка для бубна шамана делалась из таволожника, у минусинских татар степного района – из цельной березы. В западных районах Тувы колотушку делали из корня сосны или можжевельника, иногда из корня кедра [13. С. 30–31].

И у алтайцев, и у тувинцев встречается мнение об отпугивании злых духов кнутом, состоящим из деревянной рукояти из таволожника – *табылгы* и ременной части. Алтайцы, чтобы закрепить две части кнута, дерево не прожигают, так как, прожигая, можно умерщвлять живую силу *камчы*, и он уже не сможет защищать от злых духов [ПМА-4]. Тувинцы считают, что ночью «темное, тяжелое» место может проехать только всадник, у которого в руке кнут из красной таволги, потому что только такого всадника страшно боятся черти [10. С. 331].

Своеобразным оберегом служили и колючие кустарники, острые деревянные предметы. У алтайцев считается, что злые духи бессильны в своих действиях против колючих кустарников – шиповник, верблюжья колючка. Веточки колючек укрепляли с обеих сторон входной двери, чтобы дом был защищен от злых духов. В большинстве использовали данную защиту после похорон, когда домочадцам не спокойно [ПМА-1].

У хакасов после смерти человека с внешней стороны юрты под порог клали черемуховые ветки, а с внутренней стороны – топор или лезвие. Этим предохранялись от злых духов. В *аале*, где умер человек, до 40 дней двери всех юрт подпирались березовой палкой [14. С. 111]. Видимо, из-за внешних характеристик острое и колючее становилось оберегом-защитой, а его месторасположение – порог – является границей между «своим» и «чужим» пространством.

Представление о березе как о мировом или шаманском дереве встречается у многих народов. Образ березы как священного дерева изображали на шаманских бубнах, упоминали в шаманских мистериях [15. С. 56]. С березовой ветвью в руках шаманы (иногда и просто старики) обращались к божествам и духам при жертвоприношениях. В системе религиозных представлений алтайцев существовало представление о небесной *Байкайыҥ* (Сакральной березе). От нее, по представлению шаманистов, люди получают зародыши *сус* на детей, скот и зверей. Для этого устраивалось специальное камлание с целью испрашивания *сус*. Во время обряда, когда люди

просят *сус* на детей, к березкам подвешивали маленькую берестяную колыбель [16. С. 136].

Под березой умерщвляли жертвенное животное, в этом случае ее называли *чаал кайын*, она не должна была быть поврежденной, обязательно с целыми ветвями [17. С. 420]. Из березы сооружали различные жертвенники, вырезали рукояти для шаманских бубнов, идольчиков и др.

В бурханизме значение березы как символа нового верования усилилось. Свежесрубленные ветви березы считались необходимым атрибутом свадебных церемоний, и вместе с арчыном и кыйрой (жертвенные ленточки) входили в бурханистский *јайык*, их наделяли очистительными и охранительными свойствами [3. С. 208–211].

Бурханисты подчеркивали избранность своей религии – светлое, чистое, созданное Верхними божествами – это все вошло в их культовую практику. А все, что связано с кровавыми жертвоприношениями, шаманами, Нижним божеством, – отвергалось. Это коснулось и деревьев. Почитаемые деревья, исходя из внешних признаков, можно подразделить на две основные категории: «светлый» лес – береза, лиственница, тополь, осина; «темный» лес – кедр, сосна, ель, пихта. «Темные» деревья (кедр, сосну, ель, пихту) нельзя высаживать около дома, считается, что они предвестники несчастий, так как связаны с Нижним миром.

Такие элементы, как молоко, *арчын*, белый цвет, береза и др., играли существенную роль в культуре народов Южной Сибири и Средней Азии, известны многим тюркским, монгольским народам. Но именно в культовой практике алтайского населения они приобрели ярко выраженный характер, что можно объяснить влиянием бурханизма.

Религиозные воззрения повлияли и на семейную обрядность алтайского населения Республики Алтай. Утром в день свадьбы *таайы* жениха (дядя по материнской линии) отправлялся для рубки двух молодых берез, с собой он брал молоко (никем не испробованное), *кыйра* белого цвета, курут (сырчик), лепешки. Березки нужно было брать именно с восточной стороны. Здесь привязывают *кыйра* и *таайы*, говоря *алкыш* (благопожелания), окропив молоком в сторону восхода солнца и оставив принесенные продукты, срубал две березки. Березки должны быть двух-трех метров с нераздвоенной макушкой. К ним привязывали *көжөгө* – свадебный занавес, за которым приводили в жилище невесту [18. С. 117]. Ветки березы, которые принесли вместе с двумя березками для *көжөгө*, связав вместе лентой из белой материи, помещают снаружи, наверху, рядом с дымовым отверстием в аиле, веточки никогда не убирали. Они находились там до тех пор, пока полностью не приходили в ветхость.

Так и *арчын* стал своеобразным «паролем», символом принадлежности к «белой вере». Арчыну приписывают охранительные и очистительные свойства. Особых норм поведения придерживаются по отношению к арчыну. Прежде всего, не каждый мог при желании набрать веточек арчына. Мужчина, юноша должен быть чистым перед духом – хозяином Алтая, хозяином местности: среди членов его семьи и родственников в течение года не было покойников. Вначале повязывали на кустарник с восточной стороны *кыйра*, окропляли молоком, просили у хозяина местности разрешения и только после этой церемонии набирали *арчын*. Нельзя рвать *арчын* вечером или брать больше 12 веток сразу [3. С. 120].

Арчын является необходимым компонентом во всех без исключения алтайских обрядах (кроме похоронно-поминальных). Во время сватовства к родителям невесты приезжают с арчыном, во время проведения обряда *башпаады* (букв. «голова пошла», здесь слово дается, когда во время свадебной церемонии разрешается говорить *алкыш*) кладут *арчын* в огонь, *таайы* им может открыть *көжөгө* [18. С. 119].

Также тувинцы придают большое значение можжевельнику. Так, чтобы выздороветь, больному необходимо помыться святой водой *аржаан*. Приготовление святой воды проходит обычно следующим образом: в тарелку с водой наливают молока и добавляют в нее горсть толченого можжевельника. Так получается трехсоставной *аржаан*. Запрещается проливать святую воду на землю [19. С. 48].

Арчын присутствует в похоронно-поминальной обрядности у тувинцев и хакасов. Хакасы людям, обмывшим тело покойного, ополаскивали руки, окуривали *ирбеном* (чабрецом) или арчином (можжевельником) и дарили им мыло и полотенце [20. С. 129].

У тувинцев присутствует обязательное окуривание могилы можжевельником. Тлеющими ветками растения обводят вокруг памятника, а крошками обсыпают могильный холм [21. С. 81]. В подношениях, выкладываемым на могилу, часто присутствует сухой можжевельник [Там же. С. 89]. По возвращении с кладбища все участники похорон окуривают себя тлеющими ветками можжевельника и совершают очистительное омовение рук и лица водой, смешанной с молоком и раскрошенным сухим можжевельником [Там же. С. 90].

В похоронно-поминальной обрядности алтайцев также можно проследить особое значение, придаваемое культу дерева. По археологическим материалам можно сделать вывод, что захоронение под деревом – древняя тюрко-монгольская традиция. В поминальных комплексах древних тюрков Алтая встречаются остатки вкопанных там стволов лиственниц с корневищами [22. С. 94].

Также арчын и лиственница были найдены в памятниках пазырыкской культуры, они были обнаружены в конском захоронении Пазырыкского кургана-2. Трупы коней были уложены на подстилке из веток арчына и лиственницы [23. С. 6]. Сегодня алтайцы не применяют *арчын* в похоронно-поминальных действиях, так как он считается «чистым», сакральным и использование его в данной обрядности приведет к его «осквернению». В настоящее время особых норм поведения придерживаются члены семьи умершего, к примеру в течение года близкие родственники «ага-ташла урушпас» (букв. «с деревом-камнем не связываются», здесь не должны ничего строить, ремонтировать).

В алтайской и тувинской культурах, если кто-то повесился на дереве, сначала отрезают ремень или веревку на шее мертвеца. А затем уничтожают и дерево, какое выбрал самоубийца, чтобы закрыть дорогу для живых людей в темный мир [13. С. 422; ПМА-5]. Видимо, здесь сильны представления о дереве как Мировом дереве, связывающем все три сферы Вселенной. И после уничтожения тем самым прекращается связь между Средним и Нижним миром.

Почитались некоторые деревья за их «странную форму», за то, что в них обитает какая-то сила, какой-то дух. В этой связи весьма интересны представления алтайцев о лиственнице – «тыт». В народе почитание этого дерева связывали с деятельностью шаманов. Согласно шаманским представлениям, это дерево у Кудая будто бы некогда выпросил для себя кам. Даже в речи современного алтайца часто можно услышать «кам-тыт» (букв. «лиственница кам», здесь «шаман-лиственница»). Не все лиственницы относились к этой категории, а конкретное дерево с определенными признаками: дерево с особенно пышной переплетенной кроной. Своеобразный шарообразный нарост находился на верхушке или середине лиственницы. Считая, что это дерево принадлежит шаману, алтайцы не подходили к «кам-тыт» [9. С. 132]. Информанты сообщили, что дух-хозяин этого дерева покровительствует шаману и поэтому может отрицательно подействовать на простого человека. Нельзя было приближаться к такому дереву [ПМА-4].

Формы тотемного типа присутствуют и в тувинской культуре. Нельзя развязывать ветви деревьев, которые переплетались естественно. Если в лесу ветки двух тополей переплетались, то считалось, что жители этой местности очень дружны. Если с одного корня выросли два или три дерева, то их нельзя рубить. Говорят, что такие деревья – самое ценное богатство земли [24. С. 14].

Одинаковые сюжеты в мировоззрении тюрков Саяно-Алтая (алтайцев, тувинцев и хакасов) объясняются общей древней историей, вследствие чего и сохранилось близкое культурное наследие. Мировоззренческие универсалии определяются природным и историческим опытом народов, который позволяет переживать, оценивать и осмысливать мир одинаково, но каждый этнос формирует собственный образ мира, выражающий присущую только ему картину мира. Можно сделать вывод о том, что в основе культа деревьев сохраняются архаические анимистические представления. Наряду с обычными простыми деревьями существовали особые, сакральные родовые деревья, шаманские и бурханистские. Видимо, культ деревьев имел место еще в эпоху родового строя. Тотемистические представления, развиваясь, трансформируясь под влиянием изменений в религиозных воззрениях населения, сохранились в современное время. Об этом свидетельствует разнообразный современный материал о тотемных деревьях. Рассмотренный материал показывает и влияние культа дерева на семейную обрядность. Сохранение его в одной из самых консервативных сфер традиционной культуры народа говорит об устойчивости культа дерева в традиционной картине мира тюркского населения Саяно-Алтая.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПМА-1 – Полевые материалы автора. 2009 г. Республика Алтай, Усть-Канский район, с. Верх-Ануй. Информант: Антрадонова Мария (Кине) Идруковна, 1932 г.р., *сӧӧк* очы.

ПМА-2 – Полевые материалы автора. 2008 г. Республика Алтай, Усть-Коксинский район, с. Сугаш. Информант: Тадышева (Куркаева) Зоя Тобоковна 1951 г.р., *сӧӧк* ара.

ПМА-3 – Полевые материалы автора. 2008 г. Республика Алтай, Улаганский район, с. Балыктуюль. Информант: Токоекова Любовь Трифоновна 1975 г.р., *сӧӧк* кӧбӧк.

ПМА-4 – Полевые материалы автора. 2012 г. Республика Алтай, Усть-Канский район, с. Келей. Информант: Тоедов Эчиш Нокорович, 1933 г.р., *сӧӧк* очы.

ПМА-5 – Полевые материалы автора. 2008 г., 2012 г. Республика Алтай, Усть-Канский район, с. Верх-Ануй. Информант: Шукаков Валентин Степанович, 1954 г.р., *сӧӧк* кергил.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск : Наука, 1990. 209 с.
2. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1883. Вып. 4. 1026 с.
3. Шерстова Л.И. Бурханизм: истоки этноса и религии. Томск : Том. гос. ун-т, 2010. 288 с.
4. Алтайцы (Материалы по этнической истории) / сост. Н.В. Екеев. Горно-Алтайск : ИП А. Орехов, 2005. 176 с.
5. Несказочная проза алтайцев / сост. Н.Р. Ойноткинова, И.Б. Шинжин, К.В. Яданова, Е.Е. Ямаева. Новосибирск : Наука, 2011. 576 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 30).
6. Маадай-Кара: Алтайский героический эпос. М. : Наука, 1973. 474 с.
7. Образцы народной литературы тюркских племен / Ч. IX. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты собранные и переведенные Н.Ф. Катановым. СПб., 1907. 658 с.
8. Бутанаев В.Я. Будни и праздники Хонгорая. Абакан : Журналист, 2011. 316 с.
9. Кыпчакова Л.В. К вопросу о культе деревьев у алтайцев // Сибирский педагогический журнал. 2006. № 3. С. 130–136.
10. Кенин-Лопсан М.Б. Мифы тувинских шаманов. Кызыл : Новости Тувы, 2002. 544 с.
11. Мифы, легенды, предания тувинцев / сост. Н.А. Алексеев, Д.С. Куулар, З.Б. Самдан, Ж.М. Юша. Новосибирск : Наука, 2010. 372 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 28).
12. Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск : ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.
13. Кенин-Лопсан М. Магия тувинских шаманов. Кызыл : Новости Тувы, 1993. 160 с.
14. Бутанаев В.Я. Погребально-поминальные обряды хакасов в XIX – начале XX в. // Историко-культурные связи народов Южной Сибири. Абакан, 1988. С. 107–132.
15. Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев. Горно-Алтайск : Ак Чечек, 1994. 152 с.
16. Дыренкова Н.П. Умай в культе турецких племен // Культура и письменность Востока. Баку, 1928. Кн. 3. С. 134–139.
17. Вербицкий В.И. Словарь алтайских и аладагских наречий тюркского языка. Казань, 1884. 249 с.
18. Тадышева Н.О. Влияние христианизации на семейную обрядность коренного населения Горного Алтая. Горно-Алтайск : Горно-Алт. тип., 2011. 176 с.

19. Кенин-Лопсан М.Б. Тувинские шаманы. М. : Изд-во трансперсонал. ин-та, 1999. 236 с.
20. Бурнаков В.А. К вопросу о похоронной обрядности у хакасов // Сибирский сборник – 1. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. 2: [сборник результатов научных исследований, изложенных на VII Сибирских чтениях, посвященных памяти Г.Н. Грачевой, прошедших 23–24 октября 2007 г. в МАЭ РАН / отв. ред. к.и.н. Л.Р. Павлинская]. СПб. : МАЭ РАН, 2009. С. 126–136.
21. Кисель В.А. Поездка за красной солью. Погребальные обряды Тувы. XVIII–XXI в. СПб. : Наука, 2009. 142 с.
22. Кубарев В.Д. Древнетюркский поминальный комплекс на Дьер-Тебе // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 86–98.
23. Ачимова А.А. Растения Горного Алтая в обычаях и традициях алтайцев. Барнаул : ООО «Печатная компания «Арктика»», 2012. 100 с.
24. Кенин-Лопсан М.Б. Традиционная культура тувинцев. Кызыл : Тувин. книж. изд-во, 2006. 232 с.

Tadisheva Natalia O. S.S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaistics (Gorno-Altaysk, Russia). E-mail: tadisheva@mail.ru

THE REFLECTION OF THE TREE CULT IN THE TRADITIONAL WORLD OUTLOOK OF THE TURKS OF THE SAYAN-ALTAI.

Keywords: the cult of the tree; traditional culture; sacredness; the Sayan-Altay.

The diversity of natural conditions, geographical location of the Sayan-Altai at the crossroads of cultures influenced on a special attitude in the traditional culture to flora and fauna. Basing on the analysis and generalization of literature on the topic and the author's field materials the article specifically seeks to consider the place and role of the cult of the tree in the traditional worldview of the Altai, Tuva and Khakass people. The study shows that currently the Turks of the Sayan-Altai possess fairly complete knowledge about the ancestral character of the veneration of trees as totems. We can say that ideas about the cult of the ancestors are strong. Apparently, the cult of trees took place in the era of the tribal system. Totemic conception, evolving and transforming under the influence of changes in religious beliefs of the population has survived in modern times. This is evidenced by a variety of modern knowledge on the totem trees.

The same sacred importance is attached to wooden attributes in ritual practice: the birch-bark dishes, meadowsweet whip, prickly bushes and sharp wooden objects. There exist similar views about the world tree. Apparently, the same stories in the outlook of the Turks of the Sayan-Altai: the Altai, Tuva and Khakassia, are explained by a common ancient history that resulted in a preserved close cultural heritage. Worldview universals are determined by natural and historical experience of peoples, which allows them to experience, evaluate and comprehend the world the same way. There are also distinctive features in the conditions of transformation of the traditional culture through which each ethnic group forms its own image of the world, expressing the unique view of the world. Thus, the emergence and expansion of Burkhanism in the Altai influenced the picture of the world of the Altaians: a special attitude to the birch as "light" wood, a ban on the use of archyn (juniper) in the funeral and commemorative rites. It can be concluded that in modern times archaic animistic ideas have been preserved in the basis of the cult of trees. Along with the usual simple trees there were special, sacred ancestral trees, shamanic and Burkhanist ones. The considered material shows the influence of the cult of the tree on the wedding and funeral-land-commemorative ritualism. Its preservation in one of the most conservative spheres of the traditional culture as in the family ritualism of the people indicates the stability of the tree

REFERENCES

1. Sagalaev, A.M. & Oktyabrskaya, I.V. (1990) *Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Znak i ritual* [Traditional worldview of the Turks of Southern Siberia. Sign and ritual]. Novosibirsk Nauka.
2. Potanin, G.N. (1883) *Ocherki Severo-Zapadnoy Mongolii* [Essays on North-West Mongolia]. St. Petersburg: [s.n.].
3. Sherstova, L.I. (2010) *Burkhanizm: istoki etnosa i religii* [Burkhanism: the origins of ethnos and religion]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Ekeev, N.V. (ed.) (2005) *Altaytsy (Materialy po etnicheskoy istorii)* [Altaians (Materials on ethnic history)]. Gorno-Altaysk: A. Orekhov.
5. Oynotkinova, N.R., Shinzhin, I.B., Yadanova, K.V. & Yamaeva, E.E. (eds) *Neskazochnaya proza altaytsev* [The Altai Prose]. Novosibirsk: Nauka.
6. Kalkin, A. (ed.) (1973) *Maaday-Kara: Altayskiy geroicheskiy epos* [Maadai-Kara: The Altai heroic epic]. Moscow: Nauka.
7. Katanov, N.F. (ed.) (1907) *Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen* [Samples of folk literature of the Turkic tribes]. Part 9. St. Petersburg: [s.n.].
8. Butanaev, V.Ya. (2014) *Budni i prazdniki Khongoraya* [Weekdays and holidays Hongoray]. Abakan: Zhurnalist.
9. Kypchakova, L.V. (2006) K voprosu o kul'te derev'ev u altaytsev [On the cult of trees in Altaians]. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal – Siberian Pedagogical Journal*. 3. pp. 130–136.
10. Kenin-Lopsan, M.B. (2002) *Mify tuvinskikh shamanov* [Myths of Tuvan shamans]. Kyzyl: Novosti Tuvy.
11. Alekseev, N.A., Kuular, D.S., Samdan, Z.B. & Yusha, Zh.M. (2010) *Mify, legendy, predaniya tuvintsev* [Myths, legends, traditions of Tuvinians]. Novosibirsk: Nauka.
12. Polosmak, N.V. (2001) *Vsadniki Ukoka* [The horsemen of Ukok]. Novosibirsk: INFOLIO-press.
13. Kenin-Lopsan, M. (1993) *Magiya tuvinskikh shamanov* [The magic of Tuvan shamans]. Kyzyl: Novosti Tuvy.
14. Butanaev, V.Ya. (1988) Pogrebal'no-pominal'nye obryady khakasov v XIX – nachale XX v. [Funeral and funeral rites of the Khakas in the 19th – early 20th centuries]. In: Sunchugashev, Ya.I. (ed.) *Istoriko-kul'turnye svyazi narodov Yuzhnoy Sibiri* [Historical and cultural ties of the peoples of Southern Siberia]. Abakan: Khakas. NIIYaLI. pp. 107–132.
15. Anokhin, A.V. (1994) *Materialy po shamanstvu u altaytsev* [Materials on the Altaians' shamanism]. Gorno-Altaysk: Ak Chechek.
16. Dyrenkova, N.P. (1928) Umay v kul'te turetskikh plemen [Umai in the cult of the Turkish tribes]. *Kul'tura i pis'mennost' Vostoka*. 3. pp. 134–139.
17. Verbitskiy, V.I. (1884) *Slovar' altayskikh i aladagskikh narechiy tyurkskogo yazyka* [The Dictionary of the Altaic and Aladag dialects of the Turkic language]. Kazan: [s.n.].
18. Tadysheva, N.O. (2011) *Vliyanie khristianizatsii na semeynuyu obryadnost' korennogo naseleniya Gornogo Altaya* [The influence of Christianisation on the family ritual of the indigenous population of the Altai Mountains]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskaya tipografiya.
19. Kenin-Lopsan, M.B. (1999) *Tuvinskie shamany* [Tuvan shamans]. Moscow: Transpersonal Institute.
20. Burnakov, V.A. (2009) K voprosu o pokhoronnoy obryadnosti u khakasov [On the Khakas funeral rites]. In: Pavlinskaya, L.R. (ed.) *Sibirskiy sbornik – 1. Pogrebal'nyy obryad narodov Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [The Siberian collection – 1. The funerary rite of the peoples of Siberia and adjacent territories]. Book 2. St. Petersburg: RAS. pp. 126–136.
21. Kisel, V.A. (2009) *Poezdka za krasnoy sol'yu. Pogrebal'nye obryady Tuvy. XVIII – XXI v.* [A trip for red salt. Burial rites of Tuva. The 18th – 21st centuries]. St. Petersburg: Nauka.
22. Kubarev, V.D. (1978) Drevnetyurkskiy pominal'nyy kompleks na D'er-Tebe [Ancient Turkic memorial complex on Gyor-Tebe]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Drevnie kul'tury Altaya i Zapadnoy Sibiri* [Ancient Cultures of Altai and Western Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 86–98.
23. Achimova, A.A. (2012) *Rasteniya Gornogo Altaya v obychayakh i traditsiyakh altaytsev* [Plants of the Altai Mountains in the customs and traditions of the Altaians]. Barnaul: Arktika.
24. Kenin-Lopsan, M.B. (2006) *Traditsionnaya kul'tura tuvintsev* [The Tubinian traditional culture]. Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo.

УДК 93 (282.247-34) «632»
DOI: 10.17223/19988613/51/18

А.В. Черкасов

Д.А. КРАЙНОВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КАМЕННОГО ВЕКА КРЫМА

Представлен историографический анализ творческого наследия ученого, археолога Д.А. Крайнова (1904–1998) по исследованию первобытной истории Крымского полуострова в контексте выделенных двух периодов. Первый – полевой (1935–1941 годы), характерными содержательными особенностями которого стали открытие в горной и предгорной части полуострова серии первобытных стоянок. Второй период – академический (1955–1957 годы), знаменующийся систематизацией археологического материала и анализом коллекций, собранных в довоенный период; изданием научных монографий и серии публикаций по крымской тематике (в том числе посвященных стоянкам Таш-Аир I, II и Замиль-Коба I, II); созданием авторской периодизации крымских памятников доисторического периода.

Ключевые слова: первобытная история Крыма; периодизация первобытной культуры, первобытного поселения; археологический памятник; историография изучения каменного века, личности ученого; историческое краеведение.

В современной отечественной историографии накоплен значительный опыт тематических обзоров по истории каменного века Крыма, нашедший отражение в начальных главах научных публикаций. Однако, ссылаясь на предшественников в изучении древних памятников, современные авторы часто формально относятся к биографиям и творческой деятельности тех ученых, которые находились у истоков открытий. А между тем именно они, иногда в довольно трудных социокультурных условиях, находили возможности совершать эти открытия, заботиться о сохранении уже известных памятников прошлого Крыма, чтобы не прерывалась многолетняя эстафета исторического изучения полуострова как неотъемлемой части России.

Среди таких ученых отдельную позицию занимает личность археолога, доктора исторических наук Дмитрия Александровича Крайнова. При этом следует отметить, что основная часть изданных публикаций, посвященных ученому, обычно рассматривает его биографию и этапы деятельности или в контексте общего развития отечественной археологической науки (работы А.А. Формозова, Г.С. Лебедева, Л.В. Клейна), или ориентируясь на исследования археолога в центральной части Русской равнины (публикации А.В. Уткина, Е.В. Костылевой и др.). Таким образом, крымский период творчества Д.А. Крайнова остается на определенной периферии историографического анализа. Предлагаемая публикация призвана частично восполнить этот пробел.

Дмитрий Александрович Крайнов родился 30 сентября 1904 г. в деревне Ивашево Александровского уезда Владимирской губернии. Укажем на условность отмеченной даты рождения по причине как сложных социально-исторических реалий в стране в начале XX в., так и особенностей состава семьи Крайновых (у родителей Дмитрия – крестьян среднего достатка, было 18 детей). В 1916 г. Д.А. Крайнов был зачислен семинаристом в духовное училище Переславля-Залесского, но после событий 1917 г. вернулся на родину, где окончил курс среднего образования в Киржачской мужской гимназии. В 1925 г. Д.А. Крайнов поступил на этнологический факультет историко-археологического отделения Первого МГУ. Здесь постепенно сферой научных интересов молодого человека становятся проблемы отечественной первобытной археологии. Под руководством профессоров Василия Алексеевича Городцова и Александра Яковлевича Брюсова Дмитрий Александрович принимает активное участие в археологических экспедициях в Московской и Брянской областях, Карелии и Летнего берега Белого моря. В 1928 г. в печатном сборнике университетского научно-археологического кружка публикуется его первая авторская статья «Стоянка Усть-Яренга». Всего же за продолжительную научную деятельность ученым было издано более 300 работ, в том числе 6 монографий [1. С. 97].

С 1929 г., после окончания университета, и до начала Великой Отечественной войны Д.А. Крайнов работал последовательно научным сотрудником, ученым секретарем, а затем директором Государственного музея «Александровская Слобода» (филиал Государственного исторического музея (далее ГИМ)). Параллельно основной деятельности учился в Московском музыкальном училище имени М.М. Ипполитова-Иванова, по окончании которого в 1937 г., получив звание оперного певца, выступал в Московском Театре художественной самодеятельности. В этот период археологом организуются и проводятся экспедиции на территории Успенского монастыря в Александрове, изучаются остатки дворцовых построек Ивана IV Грозного; раскапываются фатьяновские грунтовые могильники эпохи бронзы в Ярославской и Московской областях (Вауловский, Верейский, Сущевский и др.), в

научном содружестве с В.А. Городцовым продолжаются исследования Тимоновской палеолитической стоянки в Брянской области [2].

К 1934–1940 гг. относится и первый «крымский период» первобытных исследований Дмитрия Александровича. Так, с 1935 г. ГИМ под непосредственным руководством Д.А. Крайнова приступает к планомерному обследованию археологических памятников времени палеолита и неолита на полуострове. За шесть лет экспедиционно-исследовательских работ сотрудниками было открыто более 20 стоянок, среди которых были знаковые объекты – Таш-Аир I, II, Замиль-Коба I, II, характеризующиеся наличием мощных культурных напластований от мадленской стадии верхнего палеолита до средневекового времени. Частичное подтверждение получило авторское предположение о наличии на верхнепалеолитических стоянках Крыма остатков неандертальского человека. На полуострове были обнаружены первые в регионе погребенные стоянки мустьерской эпохи [3. С. 23]. На последнем факте следует остановиться детальнее

В 30-х – начале 40-х гг. XX в. отечественный ученый Сергей Николаевич Замятнин объяснял незначительное количество выявленных памятников каменного века тем, что большинство из них находилось в так называемом погребённом состоянии, перекрытыми обвалившимися со временем сдвигами, осыпями, обломками скальных сводов [4]. В 1940 г. Д.А. Крайнов в Крыму подтвердил гипотезу С.Н. Замятнина. Исследователем была найдена такая стоянка, локализированная на северной скальной стенке Бахчисарайской балки, напротив ущелья Майрам-дере на высоте 33–36 м над уровнем р. Чурук-су и в 80 м по склону от русла указанной реки. Стоянка получила название Бахчисарайской. Разведочный шурф установил наличие культурных отложений, а в дальнейшем позволил сделать вывод о двуслойности нового местонахождения [5. С. 144]. Так, в верхнем слое собрали 118 изделий из кремня, нижний – презентовал коллекцию из 1 800 артефактов, реликтовые остеологические остатки. Д.А. Крайнов допустил, что место постоянного пребывания обитателей стоянки располагалось примерно в 15 м к северу от шурфа, среди нагромождения скал – следствия обвала козырька навеса. В дальнейшем новым шурфом, севернее массива обвала, под самой скалой, была локализирована часть входа в древнюю пещеру. Археологам удалось рассмотреть достаточно просторную камеру размерами 9 на 4 м с предполагаемыми человеческими костями у входа. К сожалению, проникнуть в пещеру помешали глыбы завала [6. С. 78], и исследование Бахчисарайской стоянки возобновилось уже после окончания Великой Отечественной войны в 1957 г. экспедицией под руководством А.А. Формозова.

Результаты исследования Бахчисарайской стоянки были отражены Д.А. Крайновым в экспедиционных отчетах и позже обобщены в серии научных публикаций, где отмечалось научное значение погребённой пещеры, состоявшее не только в локализации подобного типа первобытных памятников на территории Крыма, но и в предоставлении археологических материалов, необходимых для целостной характеристики эпохи палеолита всего региона. Кроме этого, Д.А. Крайновым были конкретизированы характерные особенности первобытных памятников Крыма (наличие значительного количества камней в гротах и навесах; смывы и сдвиги почвы; неровности рабочих площадок; многослойность и неодинаковая мощность культурных наслоений в середине навеса и на площадках), сформулированы основные принципы методики их раскопок, не потерявшие актуальности и в современных условиях. К примеру, проведение раскопок сравнительно небольшими квадратами послойно с сохранением между ними контрольных перемычек; детализированное описание каждого найденного артефакта с дальнейшей интерпретацией и типологизацией и др. [7].

В июле 1941 г. Д.А. Крайнов записался добровольцем в Ленинскую дивизию Московского народного ополчения, однако уже в октябре 1941 г. под Вязьмой попал в окружение и до июля 1943 г. находился на оккупированных территориях. После освобождения Дмитрий Александрович остался на фронте, но в мае 1944 г. был осужден по статье 58 (1б) и приговорен к десяти годам исправительно-трудовых лагерей. После досрочного освобождения в 1951 г. он вернулся на родину, некоторое время работал руководителем художественной самодеятельности в клубе текстильной фабрики «Свобода» в поселке Горка станции Бельково (Киржачский район), а в 1954 г. по ходатайствам археолога Александра Яковлевича Брюсова и антрополога Михаила Михайловича Герасимова Д.А. Крайнов устроился на должность старшего научного сотрудника в Угличском краеведческом музее [2].

В 1955 г. ученый был зачислен в штат Института археологии РАН младшим научным сотрудником. С этим событием биографии связан второй «крымский период» научных исследований ученого. В 1957 г. продолжилось исследование Бахчисарайской пещерной стоянки, на своих довоенных материалах была защищена кандидатская диссертация на тему «Пещерная стоянка Таш-Аир I».

Первобытный памятник Таш-Аир I, содержащий не только разновременные культурные наслоения (10 горизонтов), но и произведения древнейшего искусства, была обнаружена Д.А. Крайновым в 1935 г. Раскопки стоянки и изучение наскальной живописи продолжались на протяжении полевых сезонов 1936–1940 гг. при участии известных ученых С.Н. Замятнина, П.П. Бабенчикова, М.Д. Воскресенского, Г.В. Ильина и др. Изображения, выполненные минеральной краской красно-бурого цвета на особенном жировом составе, располагаются в восточной части навеса на высоте около 2 м над современной поверхностью площадки. Д.А. Крайновым было установлено, что значительная

часть творений первобытного человека в восточной части стены уничтожено в результате каменоломных работ, проведенных в 1934 г. при строительстве дороги. В то же время факт обнаружения в тавро-скифском слое фрагментов рисунков, а также данные Крымской сейсмологической станции о катастрофическом землетрясении V–IV тыс. до н.э. свидетельствовали, что постепенное разрушение памятника началось еще с древнейших времён [8. С. 10].

Проведенный в дальнейшем сравнительный анализ изображений Таш-Аира со скифо-сарматскими рисунками Неаполя Скифского и Керченского полуострова, а также содержательное изучение фигур и находки в энеолитических слоях кусочков минеральной краски и окрашенных в красный цвет галек позволили Д.А. Крайнову уточнить хронологический период их создания (VI–II тыс. до н.э., эпоха ямно-катакомбной культуры), тем самым скорректировав гипотезу П.Н. Шульца про отнесение таш-аирской живописи к эпохе раннего железного века [9].

Д.А. Крайнов установил единовременность нанесения рисунков на скальный свод. Этот факт обусловливался такими авторскими наблюдениями:

– расположение фигур на одинаковом уровне над современной поверхностью;

– наличие общего фриза всей композиции;

– идентичность краски нанесения;

– отсутствие среди изображений рисунков, перекрывающих другие, замазанных мест и т.п.;

– покрытие всех изображений одинаковой коркой («загаром»);

– идентичность техники изображения человеческих фигур (в частности, использование силуэтного, а не контурного стиля).

Анализ остеологического материала стоянки Таш-Аир II позволил Д.А. Крайнову актуализировать и авторски рассмотреть проблему генезиса в Крыму основных видов домашних животных, предоставить обобщенную характеристику начальных стадий развития животноводства на полуострове. Так, исследователь считал, что уже в мезолите крымский человек сумел доместицировать все известные виды домашних животных, за исключением лошади и осла. Тем самым было сформулировано предположение о возникновении в мезолитическое время объективных и субъективные предпосылок перехода к производящему хозяйству [8. С. 121–138].

Материал неолитического слоя Таш-Аира, по мнению ученого, свидетельствовал, что в этот период в хозяйстве первобытного человека получила применение примитивная остродонная керамика, ножи и «серпы» с вкладышами, т.е. сложились основы земледелия. Человеком был доместицирован крупный и мелкий рогатый скот. Таким образом, подытоживал Д.А. Крайнов, в развитом неолите (для Крыма это IV–III тысячелетия до н. э.) животноводство, в том числе и отгонное на горные пастбища-яйлы, в совокупности с мотыжным земледелием постепенно становятся приоритетными [8. С. 139], а в эпоху энеолита и ранней бронзы (III–II тысячелетия до н.э.) заняли ведущие позиции в хозяйстве [Там же. С. 140].

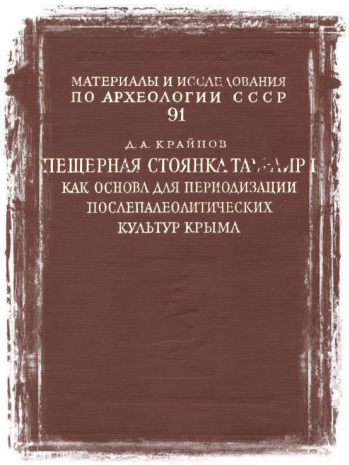
В целом, по итогам многолетнего изучения Таш-Аирского комплекса ученым были высказаны и аргументированы следующие идеи:

– уникальности памятника, содержащего десять культурных слоёв от палеолита до позднего Средневековья;

– его эталонности для создания периодизации послепалеолитических культур Крыма (в частности, прослеживания последовательности эволюции форм кремневых орудий и техники их выработки). При этом ученым был апробирован сравнительный метод с привлечением данных многослойной стоянки Замиль-Коба II и материалов стоянок Среднего Поднепровья, Подонья и Нижнего Поволжья);

– логической связи верхнего слоя стоянки Сюрень II (исследователи – Г.А. Бонч-Осмоловский, Е.А. Векилова) и ранних азильских комплексов стоянки Таш-Аир II, Качинского навеса и грота Буран-Кая. В этом контексте Д.А. Крайнов стремился заполнить лакуну, существующую в изучении палеолита Крыма. Кроме этого, из общей массы так называемых позднетарденуазских стоянок Д.А. Крайновым была выделена раннепалеолитическая и впервые охарактеризована поздняя стадия неолита.

Сама же авторская периодизация послепалеолитических культур Крыма, разработанная на основе материалов Таш-Аира, состояла из следующих хронологических, качественно отличающихся этапов:



– **конец позднего палеолита** – улучшение климатических условий на полуострове, появление новых форм ведения хозяйства, микролитизация орудий и усовершенствование производства пластинок [Там же. С. 141];

– **ранняя стадия мезолита (азильское время)** – установление современной геологической эпохи; двойной характер формы кремневых орудий и техники их изготовления (палеолитический и мезолитический); совершенствование способов охоты, попытки доместикации дикой свиньи;

– **поздний мезолит** – демографический рост населения полуострова; распространение микроиндустрии и техники вкладышей, стандартизация форм орудий, особенно геометрических микролитов, доместикация крупного рогатого скота, пропедевтика животноводства и земледелия [Там же. С. 142];

– **ранний неолит** (на раннем этапе характерно наличие позднетарденуазских стоянок без керамики, на позднем – стоянок с керамикой, украшенной нарезным орнаментом) – развитие микроиндустрии, отжимной струйной техники с нанесением ретуши; появление первых орудий с двусторонней обработкой; возникновение гончарства – изготовление толстостенной остродонной глиняной посуды; окончательное оформление животноводства, становление земледелия; приоритетность морского промысла в прибрежных районах;

– **поздний неолит** – широкое распространение поселения древнего человека на полуострове (побережье, горная часть, степные районы) и тождественность артефактов крымских стоянок с аналогичными памятниками Украины, Нижнего Поволжья, Северного Кавказа как основания предположения о культурных и этнических связях населения указанных территорий; расцвет микролитической вкладышевой техники, усовершенствование плоской и струйной отжимной ретуши; резкое увеличение количества и качества изготовления призматических пластинок; развитие разнообразных резцов на сколах пластинок; вариативность форм геометрических микролитов, трапеций со струганой спинкой и сегментов с плоской ретушью по дуге; совершенствование керамического производства (появление разнообразной орнаментировки посуды в виде прочерченных линий, зубчатого штампа, ямок, бороздок, штрихов); доместикация лошади, становление птицеводства (остеологические остатки домашней курицы на стоянке Таш-Аир I и II) [8. С. 144];

– **энеолит и ранняя бронза** – сходства индустрии и обряда погребения на стоянках Крыма с памятниками Юго-Восточной Европы как свидетельства этнической близости племен указанных территорий; постепенная замена микролитов орудиями двусторонней обработки, созданных путем отжимной и зубчатой техники; появление больших треугольных наконечников стрел-дротиков, кинжалов и первых металлических предметов ямно-катакомбного типа; распространение шарообразных и плоскодонных сосудов ручной лепки с ярко выраженной шейкой и разнообразным орнаментом (ёлочный, шнуровой, ямочный, нарезной); животноводство и земледелие как основа хозяйства древнего человека [Там же. С. 144–145].

В 1960 г., объединив выводы по исследованиям Таш-Аира I, II и Замиль-Кобы I, II, Д.А. Крайнов вновь акцентировал на раннем возникновении производящего хозяйства в Крыму. Здесь следует отметить, что действительно в мезолите у обитателей крымских навесов и гротов была доместицирована собака, начиналось приручение кабана. В неолите появился домашний бык и, менее вероятно, коза и овца. Но все же число костей домашних животных на открытых археологом стоянках было невелико: преобладающими оставались кости диких животных (благородного оленя, косули, дикого кабана). На выводы ученого в начале 60-х гг. XX в. обратил внимание археолог А.А. Формозов. Ссылаясь на выводы палеонтолога Е.Л. Дмитриевой, изучавшей фаунистические комплексы Таш-Аира II и Замиль-Кобы I, II, А.А. Формозов указывал, что остеологические находки стоянок прямо подтверждали факт, что вплоть до ранней бронзы охота оставалась главным средством существования человека в Крыму [10. С. 186].

Кроме этого, по мнению ученого, неподтвержденной оставалась и позиция Д.А. Крайнова о существовании в неолите отгонного животноводства. Как известно, указывал А.А. Формозов, на горные пастбища от-

гоняли мелкий рогатый скот, кости которого на неолитических стоянках Крыма отсутствуют. Вместе с тем рассуждения об отгоне на яйлу, к примеру свиней (остатков которых в неолите действительно много), являются, безусловно, абсурдными [11. С. 117]. Таким образом, резюмировал А.А. Формозов, о развитии земледелия, кроме единичных косвенных данных (к примеру, находки примитивной мотыги на стоянке Замиль-Коба II), других свидетельств пока не существует [12. С. 25].

При этом, несмотря на указанные сложности и разночтения в интерпретации результатов изучения первобытного памятника, научная ценность стоянки Таш-Аир I, II состояла как в получении богатых коллекций по истории крымского животноводства, так и в комплексной стратиграфии. В этой связи роль Д.А. Крайнова как первоисследователя оставалась и остается бесспорной.

Еще одним направлением научной деятельности Д.А. Крайнова, основанной в том числе и на крымском материале, были вопросы исторического краеведения. Следует указать, что для краеведческой деятельности 1930–1940-х гг., в отличие от предыдущих этапов, характерными тенденциями стали унификация подходов к изучению исторического прошлого, идеологизация и стандартизация и, соответственно, ограничение самостоятельной деятельности региональных исследовательских центров. В послевоенное время, с конца 1950-х гг., научный статус краеведения был восстановлен. В связи с этим Д.А. Крайнов уделил внимание вопросам развития регионального краеведения, акцентировав на пользе проведения совместных исследований академических и местных экспедиций.

В 1957 г. в статье «Археология и краеведение» ученый, подчеркивая особое значение археологических памятников как единственных источников по изучению древнейшего прошлого, указал на необходимость их охраны по причине влияния комбинации природных, техногенных и антропогенных факторов [13. С. 271–272]. Важным для этого, по мнению Д.А. Крайнова, была совместная коллегиальная работа профессиональных археологов и региональных музеев краеведческих обществ и отдельных любителей старины. Археолог сформулировал приоритетные направления, охарактеризовал группы методов краеведческой деятельности. Так, среди основных форм регионального краеведения Д.А. Крайновым были выделены:

– создание Музейных советов (активов из краеведов) при местных музеях города и района, в задачи которых должны были входить «охрана археологических, исторических и архитектурных памятников, учет этих памятников, систематическое наблюдение за объектами земляных работ и строительства с целью выявления, фиксации и сбора ценных археологических материалов»;

– сбор сведений о всех археологических, исторических и архитектурных объектах района или области по итогам изучения научной литературы и музейных фондов с составлением картотеки охранных учетных карточек для отделов культуры по установленному образцу;

– составление постоянно обновляемых списков всех выявленных памятников и нанесение их на карту района, включая выезды на места для предварительного обследования состояния памятника с предоставлением отчетов в региональные отделы культуры, а также – в ИИМК АН СССР (отдел полевых исследований);

– пропаганда и популяризация вопросов охраны памятников (проведение лекций, семинаров, открытых занятий и конференций);

– создание разветвленной сети «членов-корреспондентов» из числа местных краеведов (работников культуры, учителей, школьников, руководителей музеев, исторических, туристических и прочих кружков) для выявления, первичного наблюдения и охраны археологических памятников. Как отмечал Д.А. Крайнов, такая система не только способствует сохранению для науки важных исторических памятников, но и помогает в поиске новых местонахождений [13. С. 273].

Отдельное внимание Д.А. Крайнов уделил характеристике деятельности школьных краеведческих кружков. В этом контексте им были конкретизированы ведущие этапы работы таких институций:

1. Пропедевтический – определение задач и целей, составление плана работы и формулирование основных тем исследований.

2. Теоретический – ознакомление с историей края, лекционная характеристика региональных археологических памятников в комбинации с тематическими экскурсиями, подготовка докладов и сообщений, изучение методики археологической разведки, учета и фиксации археологических объектов (проведение замеров, определение направления по компасу, умение делать глазомерную съемку плана и понимание географической карты, ведение полевого дневника).

3. Практический – организация экскурсии по осмотру и детальной фиксации исследованного археологического памятника в комбинации с этнографическими, зоолого-ботаническими, географическими наблюдениями. Следует отметить, что проведению археологической разведки Д.А. Крайнов придавал важное значение, детально характеризуя каждый шаг ее реализации от сбора сведений у местного населения до описания обнаруженного памятника, предлагая авторскую анкетированную форму.

4. Итоговый – систематизация собранного и обработанного материала (дневников, карт, альбомов с зарисовками, фотоснимков, планов, описей найденных предметов и самих вещей), передача камерально обработанных коллекций в местный краеведческий музей (в самом кружке оставались копии), публикация Отчета о результатах разведки в специальном номере школьной стенгазеты и в местном печатном органе [Там же. С. 274–275].

Таким образом, писал Д.А. Крайнов, краеведческие организации, исходя из специфики региона (Крымско-

го, Центральной Русской равнины, Северо-Восточной России), должны стать интеграторами и проводниками поисково-исследовательской работы, которая будет способствовать не только комплексному изучению истории края, но и сформирует адекватную последовательную экспозицию этой истории.

В 1959 г. «крымские периоды» исследований Д.А. Крайнова завершились. Ученый встал во главе организованной им Верхневолжской экспедиции Института археологии АН СССР. На протяжении почти 30 лет экспедиция проводила комплексные исследования разновременных памятников (от финального палеолита до конца раннего железного века) на территории Калининской, Ярославской, Ивановской областей. Параллельно археолог приступил к изучению фатьяновских могильников Ивановской области. Через 10 лет, в 1969 г., ключевые выводы по истории фатьяновской культуры были обобщены и представлены Д.А. Крайновым в докторской диссертации «Древнейшая история Волго-Окского междуречья. Фатьяновская культура» и в монографии «Древнейшая история Волго-Окского междуречья: Фатьяновская культура II тыс. до н.э.» [1. С. 98–99]. С начала 60-х и до 90-х гг. XX в. Д.А. Крайнов занимался неолитом Центра Русской равнины, проводил раскопки на озере Селигер в Калининской области, Карашском торфянике в Ярославской области, Сахтышских стоянках Ивановской области. Итогом указанной экспедиционной работы и ее теоретического обобщения стало выделение верхневолжской ранненеолитической культуры.

С 1976 г. Д.А. Крайнов работал председателем археологической секции Министерства культуры РСФСР, ученым секретарем и председателем Комитета по изучению закономерностей развития человеческих обществ, созданного по инициативе Отделения общественных наук АН СССР, был членом четвертичной комиссии по изучению ископаемого человека.

Полевая археологическая деятельность ученого завершилась в 1992 г., когда Дмитрию Александровичу было 88 лет. Умер Д.А. Крайнов 8 ноября 1998 г. в день Димитрия Солоунского, святого, которого считал своим покровителем, и был похоронен на Хованском кладбище Москвы [2].

Таким образом, в творчески продолжительной и научно богатой биографии ученого можно выделить два периода крымских исследований. Первый относится к 1935–1941 гг. и условно может быть назван полевым. Его характерными содержательными особенностями стали открытие в горной и предгорной части полуострова серии первобытных стоянок, характеризующихся наличием сложной стратиграфии и собранными богатыми коллекциями артефактов; поиски на верхнепалеолитических стоянках Крыма остатков неандертальского человека; обнаружение на полуострове первых погребенных стоянок эпохи мустье. Второй период, академический, включающий 1955–1957 гг., ознаменовался систематизацией археологического материала и анализом коллекций, собранных в предыдущий; изданием научных монографий и серии публикаций по крымской тематике (в том числе посвященных стоянкам Таш-Аир I, II и Замиль-Коба I, II); созданием авторской периодизации крымских памятников доисторического периода; выделением этапов генезиса производящих форм хозяйства у первобытного человека; актуализацией вопросов развития отечественного краеведения.

Благодаря плодотворной археологической работе Д.А. Крайнова для следующих поколений ученых были открыты новые археологические памятники Крыма, дообследованы, заново пересмотрены и уточнены выводы по уже известным первобытным стоянкам, затронуты и сформулированы дискуссионные вопросы, актуальные для современных исследователей каменного века Крыма, Кавказа и Северного Причерноморья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черкасов О.В. Первісні стоянки Криму та їх дослідники (кінець XIX – перша половина XX ст.): Наукове видання. Севастополь ; Ялта : Державний морський університет імені адмірала Ф.Ф Ушакова, 2013. 137 с.
2. Леонова Е.В., Костылева Е.Л., Жилин М.Г. и др. Д.А. Крайнов: археолог и человек. URL: http://hyperlib.libfl.ru/persons/6856.html.
3. Крайнов Д.А. Новые мустьерские стоянки Крыма и Кавказа // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. 1947. Т. 9. С. 23–35.
4. Замятнин С.Н. Очерки по палеолиту. М.; Л. : АН СССР, 1961. 176 с.
5. Формозов А.А. Мустьерская стоянка Кабази в Крыму (первый опыт изучения погребенных пещер в СССР) // Советская археология. 1959. Вып. 29–30. С. 143–158.
6. Черкасов А.В. Первые погребённые стоянки в Крыму: к истории изучения // Современные тенденции развития науки и технологий : сб. науч. трудов по материалам IV Междунар. науч.-практ. конф. 31.07.2015 г. : в 6 ч. / под общ. ред. Е.П. Ткачевой. Белгород : ИП Ткачева Е.П., 2015. Ч. III. С. 78–80.
7. Крайнов Д.А. Пещерная стоянка Замиль-Коба I // Труды Государственного исторического музея. 1938. № 1, вып. VIII. С. 8–32.
8. Крайнов Д.А. Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа периодизации послепалеолитических культур Крыма // Материалы и исследования по археологии СССР. 1960. № 91. 192 с.: ил.
9. Шульц П.Н. Работы Тавро-Скифской экспедиции (1945–1946 годы) // Памятники искусства. Бюллетень ДМII. 1947. Вып. 2. С. 29.
10. Дмитриева Е.Л. Фауна крымских стоянок Замиль-Коба II и Таш-Аир II // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). М. ; Л. : АН СССР, 1960. № 91. С. 186.
11. Формозов А.А. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа (Материалы к изучению неолита Юга СССР) // Материалы и исследования по археологии СССР. 1962. № 102. С. 89–123.
12. Археология. Неолит Северной Евразии (отв. ред. Ошибкина С.В.). М. : Наука, 1996. 379 с.
13. Крайнов Д.А. Археология и краеведение // Советская археология. 1957. № 2. С. 270–275.

Cherkasov Aleksey V., Sevastopol Branch of Admiral Ushakov state maritime university (Sevastopol, Russia). lakets2006@meta.ua

D.A. KRAYNOV AS THE RESEARCHER OF THE STONE AGE OF CRIMEA

Keywords: primeval history of the Crimea, the periodization of primitive cultures, primitive settlement, an archaeological monument, the historiography of the study of the stone age, the personalities of the academic, historical study of local lore.

The aim of the presented article is a historiography analysis of creative heritage of Russian scientist, archaeologist D.A. Kraynov sanctified to the questions of primitive history of Crimea. To reach the aim of the study the following tasks were set: selection from biography of scientist of the Crimean periods of expeditionary and scientific activity with their subsequent description; analytical interpretation of publications of D.A. Kraynov, which were written on the Crimean materials related to the Stone age period of Crimea; specification of the value of Crimean researches of D.A. Kraynov for national and regional archaeological science. Research methodology is based on complex application of the following scientific principles: historical method, objectivity, comparatively-historical approach, retrospection etc. The problem field of the study includes the following components: the establishment of continuity in the history of the study of the primitive past of the Crimean Peninsula, for example, the specific identity of the scientist and the objective of ascertaining the contribution of the historian, his works in the formation and development of national historiography. Source base for the study were, primarily, the works of D.A. Kraynov on archeology and history of Crimea of the Stone age, and modern publications devoted to the life and work of the scientist (as in generalizing works on the history of archaeological thought in Russia and separate articles, essays, memoirs). In the process of undertaken a study the authors distinguished two periods of Crimean researches of scientist. First, expeditionary, relates to 1935–1941. Its informative features were the discovery by D.A. Kraynov in the mountainous part of the Peninsula a series of prehistoric sites, which were characterized by the presence of complex stratigraphy and rich collections of artifacts; the search sites of the upper Paleolithic of the Crimea, the remnants of the Neanderthal man; the discovery of the first in the region buried sites of the Paleolithic era; clarifying the specifics of the archaeological monuments of the primitive history of the Crimea and the formulation of guidelines for the methods of their excavation. For example, studies of small squares in layers, preserving between them the control jumpers; detailed description of each of the artifacts found with his further interpretation and typology. The second period, “academic”, included 1955–1957, was characterized by systematization of archaeological material and analysis of the collections gathered by a scientist in a pre-war period; by edition of scientific monographs and series of publications on the Crimean subjects (including, sanctified to the stands of Tash-air I, II and Zamil’-Koba I, II); by creation of authorial division into periods of the Crimean monuments of prehistoric period; by the selection of the stages of genesis of productive forms of economy for a primitive man; by actualization of questions of development of regional study of a particular region.

REFERENCES

1. Cherkasov, O.V. (2013) Pervisni stoyanki Krimu ta ïkh doslidniki (kinets' XIX – persha polovina XX st.) [Primitive encampments in Crimea and their researchers (the late 19th – early 20th centuries)]. Sevastopol, Yalta: Admiral F.F. Ushakov State Maritime University.
2. Leonova, E.V., Kostyleva, E.L., Zhilin, M.G. et al. (n.d.) *D.A. Kraynov: arkheolog i chelovek* [D.A. Krainov: Archaeologist and person]. [Online] Available from: http://hyperlib.libfl.ru/persons/6856.html.
3. Kraynov, D.A. (1947) Novye must'erskie stoyanki Kryma i Kavkaza [New Mousterian camps of the Crimea and the Caucasus]. *Byulleten' komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda*. 9. pp. 23–35.
4. Zamyatnin, S.N. (1961) *Ocherki po paleolitu* [Essays on the Paleolith]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
5. Formozov, A.A. (1959) Must'erskaya stoyanka Kabazi v Krymu (pervyy opyt izucheniya pogrebennykh peshcher v SSSR) [Kabazi Mousterian camps in the Crimea (the first experience of studying buried caves in the USSR)]. *Sovetskaya arkheologiya*. 29-30. pp. 143–158.
6. Cherkasov, A.V. (2015) Pervye pogrebennye stoyanki v Krymu: k istorii izucheniya [The first burial camps in the Crimea: To the history of the study]. In: Tkacheva, E.P. (ed.) *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologiy* [Modern trends in the development of science and technology]. Belgorod: Tkacheva E.P. pp. 78–80.
7. Kraynov, D.A. (1938) Peshchernaya stoyanka Zamil'-Koba I [Zamil-Koba I cave camp]. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya*. 1(8). pp. 8–32.
8. Kraynov, D.A. (1960) Peshchernaya stoyanka Tash-Air I kak osnova periodizatsii poslepaleoliticheskikh kul'tur Kryma [The cave camp Tash-Air I as a basis for the periodization of the Crimean post-Palaeolithic cultures]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii*. 91.
9. Shultz, P.N. (1947) Raboty Tavro-Skifskoy ekspeditsii (1945–1946 gody) [Works of the Tavro-Scythian expedition (1945–1946)]. *Pamyatniki iskusstva. Byulleten' DMII*. 2. pp. 29.
10. Dmitrieva, E.L. (1960) Fauna krymskikh stoyanok Zamil'-Koba II i Tash-Air II [The fauna of the Crimean camp Zamil-Koba II and Tash-Air II]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (MIA)*. 91.
11. Formozov, A.A. (1962) Neolit Kryma i Chernomorskogo poberezh'ya Kavkaza (Materialy k izucheniyu neolita Yuga SSSR) [Neolithic of the Crimea and the Black Sea coast of the Caucasus (Materials for the study of the Neolithic of the South of the USSR)]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. 102. pp. 89–123
12. Oshibkin, S.V. (ed.) (1996) *Arkheologiya. Neolit Severnoy Evrazii* [Archeology. Neolithic of Northern Eurasia]. Moscow: Nauka.
13. Kraynov, D.A. (1957) Arkheologiya i kraevedenie [Archeology and Local History]. *Sovetskaya arkheologiya*. 2. pp. 270–275.

УДК 930.85 (574)
DOI: 10.17223/19988613/51/19

С.А. Ярыгин, А.С. Сарсамбекова, Н.Г. Шаймердинова

ТРАДИЦИОННЫЙ КОСТЮМ В СИСТЕМЕ ЗНАКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВЛАСТИ КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Исследуется традиционный костюм в культуре кочевников Евразийских степей постгуннского времени. Костюм элитарных групп кочевников постгуннского времени являлся сложным комплексом, включающим традиционный наряд кочевников западной и восточной части евразийской степи, восходящий к предшествующим эпохам и сопровождающийся украшениями и декором в полихромном стиле, что являлось данью моде и импортом из таких империй, как Китай, Иран, Византия.
Ключевые слова: гунны; огуры; тюрки; элита; костюм.

Первая половина – середина I тысячелетия расположена между двумя крупными культурно-историческими периодами: поздней Древностью и ранним Средневековьем. В это время в степях от Северного Причерноморья до Западной Монголии расселились многочисленные гуннские и огуро-булгарские племена. Источники перечисляют десятки разнообразных этнонимов – сарагуры, оногуры, уроги, кутригуры, утигуры и др. В китайских источниках их ближайшие этнические родственники известны как гаочэ/динлин/дили или, позднее, теле, в китайских, и огузы – в собственно тюркских источниках. Вероятно, самоназванием восточной группы данных племен было «огузы». Очевидно, что огуры и огузы – это один этноним, с поправкой на «ротацизм» ранних тюрков Восточной Европы и Казахстана. Этническую близость двух групп кочевников подтверждает сходство некоторых этнонимов. С конца IV в. в составе гаочэ отмечают племя юаньхэ, которое соответствует восточноевропейским оногурам [1. С. 80–81, 99; 2. С. 321–335; 3. С. 58–61; 4. С. 21–55].

В Центральной, Восточной Монголии и Северном Китае доминировали племена «дунхуской» группы, в своей основе являвшиеся носителями монгольских языков (исследователями не исключается, что некоторые из них были тюрко- или маньчжуроязычны) – сяньби, ухуань, жужань, тоба, муюн и др. [5; 6. С. 51–155; 7. С. 112–115].

Миграции и военная экспансия кочевых племен привели к формированию на территории евразийской степи многочисленных элитарных кланов, что в свою очередь нашло отражение в исторической памяти и письменных источниках токуз-огузов (уйгуров). Фрагмент текста тесинской стелы: «(7)… Когда, в прежние времена, были сотворены (или: возникли)... уйгурские каганы на царство сели, (они были) мудрые и великие каганы. (8)… они на царстве сидели. Триста лет множеством своих элей они правили. Потом их народ погиб» [8. С. 87–89]. Средневековый автор, отмечая 300-летний период как время правления «мудрых и великих каганов», уточняет, что правили они «тысячью своих элей». В Вэйшу (гл. 103) подобный факт подтверждается комментарием, что у гаочэ «не было единоначальствующего верховного главы; каждый род имел своего государя или старейшину» [9. С. 215–216].

Письменные источники изобилуют сведениями о многочисленных вождях, правителях кочевых племен первой половины – середины I тыс.

Западные источники, повествуя о гуннских и огуро-булгарских племенах, указывают правителей, вождей как незначительных, так и более крупных. Среди гуннских правителей начала–середины V в. – Ульдин, Харатон, Донат, самым известным, безусловно, является Атилла. В последующий период встречается упоминание огурских вождей. При описании столкновения болгар с Теодорихом (в будущем «Великим», основателем остготского государства) на р. Саве во время переселения остготов в Италию в 488 г. погиб болгарский вождь Бузан. В других письменных свидетельствах появляются имена Бела, Грода и его брата Муагерия (Муила), Хиниалона, Синния и более известных – Сандилха, Забергана, основателя Великой Болгарии хана Кубрата, а также имена правительниц – Аккаги (утигуры) и Боарикс (савиры) [10. С. 61–62, 80–82, 89–90, 95–100, 160–161].

В Вэйшу при описании сишаньских динлинов, которые в конце IV–V вв. обитали недалеко от гор Тайханшань, на северо-востоке Ордоса и на западе и севере Хэдуна, сказано, что их возглавлял Дишу. В другом случае говорится про вождя Диду [1. С. 85–86]. Более крупная группировка гаочэ в 487 г. под руководством вождя Афучжило из рода фуфоло и его двоюродного брата и соправителя Цюнци заняла территорию между Монгольским Алтаем, Восточным Тянь-Шанем и прилегающие к ней горные районы, включив в свой состав позднехуннское объединение юэбань. Гаочэ подчинили своей власти важный участок Великого шелкового пути, осуществляя контроль над районом оз. Баркуль и оазисом Хами.

Конкуренция элитных кочевых групп за обладание высоким статусом побуждала их активно использовать для обоснования своего высокого статуса специальные символы власти. Важным инструментом для репрезентации власти выступали генеалогические предания,

специальная титулатура и сакрализация образа правителя и его линиджа. Не менее важными являлись непосредственно материальные символы, к числу которых относятся традиционный костюм кочевников и его отдельные элементы.

Костюм как культурное явление включает в себя непосредственно одеяние, защищающее хозяина от воздействия окружающей природной среды, и комплекс дополнительных деталей – украшения, предметы туалета, оружие, прическу, макияж, пирсинг [11. С. 147–158]. Очевидно, что в изучении данной проблематики главным объектом выступает не сам костюм, а «человек в костюме», который расположен на пересечении различных методологических подходов – исторических, социальных, культурологических. Костюм приобретает свойственную ему символическую значимость, только находясь в тесной связи с человеком и человеческим телом, которому он обязан своим воплощением [12].

Таким образом, в структуре костюмного языка определяющим является сам костюм, надетый на человека, а определяемым – содержание смыслов, того, что его носитель хотел продемонстрировать окружающим. Акт коммуникации в данном случае происходит с помощью специальных символов, которые имеют формальные и содержательные стороны, включают в себя разнообразные аспекты: коммуникативный, нормативный, стилистический, прагматический, языковой [13].

На каждом историческом этапе с изменением мировоззрения общества менялся и стиль костюма, однако, безусловно, общими оставались его основные функции: 1) магическая; 2) возрастная; 3) социально-половая; 4) этническая; 5) религиозная; 6) эстетическая. В соответствии с этим костюм, являясь целостной системой предметов и элементов одежды, декора, вооружения, предметов туалета, которые объединены общим замыслом, несет информацию о совокупности статусов владельца, фиксирует положение человека как в пространстве, так и во времени, выступает в качестве важного критерия в бинарной оппозиции «свой – чужой» [14].

Как было отмечено выше, декор костюма – это наиболее доступный способ демонстрации социального положения члена сообщества, а сам костюм – наиболее открытое поле для обозрения и прочтения символики его социального статуса. Символическое значение деталей декора и самого комплекса было ориентировано на внутреннее использование. Заключенная в декоре костюма символика была предназначена в первую очередь для членов определенного коллектива, отражая его социальную стратификацию. Оформление одежды различными деталями зависело от особенностей господствующего в данном этнокультурном сообществе мировоззрения, сформировавшейся социокультурной традиции. Связь с конкретным индивидуумом или социальной группой позволяла, посредством визуального оформления, сообщить окружающим важнейшую информацию о человеке – его возрасте, положении, религиозных воззрениях. Для представителей иного коллектива символическое содержание предметов декора не было доступно в полной мере, поэтому показателями высокого статуса хозяина костюма служила ценность тканей, из которых он изготовлялся, и наличие в декоре значительного количества предметов из драгоценных металлов (золота), а также их высокое художественное исполнение.

Вопросы изучения костюма евразийских кочевников поднимались в работах А.К. Акишева, Н.В. Полосьмак, Л.Л. Барковой, Г.М. Майтдиновой, С.А. Яценко, В.Н. Пилипко, М.В. Горелика, К. Алтынбекова и многих других исследователей, работающих в первую очередь с археологическими источниками [15; 16. С. 114–132; 17. С. 159–160; 18; 19. С. 56–65; 20. С. 212; 21; 22. С. 315–342; 23. С. 253–256; 24. С. 206–210].

Очевидно, что кочевники, вслед за другими сообществами, выделяли три основные условные зоны, в рамках которых на теле помещались статусные элементы костюма – голова, шея, пояс. В репрезентации власти посредством костюма играли роль и другие зоны, символами власти могли выступать разные детали вплоть до обуви, однако они имели второстепенное значение в силу своей слабой визуализации. Верхняя часть тела и соответствующие ее детали костюма находились постоянно на виду, что и играло роль. Таким образом, в список включаются прическа или головной убор, украшение шеи, пояс и прикрепленное к нему оружие.

Как было сказано выше, особое внимание в разных культурах отдавалось человеческой голове, соответственно важные репрезентующие власть элементы костюма связаны именно с ней. В число таковых входят прическа, головной убор или то, что их совмещает.

Стоит отметить, что любой акт коммуникации между индивидуумами начинается с операций, обозначаемых в науке как сенсорно-нейронная и психофизиологическая. В их рамках оппоненты оценивают потенциал и значимость друг друга на основании анализа телесных качеств, биологии и пластики, выразительного природного языка. Взаимодействующие получают первый и главный сигнал о поле человека, возрасте, силе, имеющейся опасности или ее отсутствии. Биологическое тело человека – это тело вида-индивида, так как оно дано природой. Частью телесного экзистенциала выступает социальное тело, которое соединено с социумной маркировкой и социальным и групповым сознанием. В соответствии с этим получение социального маркера, или метки, напрямую зависит от решения социальной, религиозной или любой другой группы, частью которой является индивид. Другим телом, участвующем в процессе общения, является демонстрационно-коммуникативное тело – оно имеет полифункциональную, демонстрационную составляющую, обозначающуюся в процессе общения. Его главная функция состоит в осуществлении социальной, сексуальной, межвозрастной, профессиональной и другой коммуни-

кации. Оно выполняет функцию коммуникативного сигнала в виде мимики, жестов и пр. Данные тела существуют в единстве и взаимодействуют с внешним миром в зависимости от своих функций [25].

Очевидно, что изменение тела – феномен исключительно человеческой культуры, являются ее знаком. Изменения выступают актом творения по отношению к неизмененному телу в его естественном состоянии. В контексте этого данный процесс представляет собой уникальное человеческое и, следовательно, «цивилизованное» действие. Манипуляции с биологическим телом, осуществляемые в древних сообществах, были тесно связаны со статусом социального тела, и демонстрационной составляющей демонстративно-коммуникативного тела. Для понимания мотивации любых манипуляций необходимо понимать, что тело представляется своеобразным текстом, который может быть считан актором и в рамках реализации политики тела. В качестве основных техник можно отметить манипуляции следующего типа – неизменяемые и изменяемые. Непосредственно прическа как тип манипуляции с телом входит в категорию изменяемых. Она представлена уложенными при помощи ряда процедур в определенную форму естественными или искусственными волосами. Часто ее компонентами становятся головные уборы, ленты, ювелирные украшения. Появление прически можно относить к эпохе первобытности, в процессе развития человека она изменялась вместе с эволюцией человеческого общества, а также в зависимости от климатических условий, исторических событий, религиозных убеждений, эстетических взглядов.

В период становления стратифицированных обществ прическа стала символом статуса, показывала принадлежность индивидуума к этнической, династической, профессиональной, религиозной группе. По ее особенностям можно было отличить представителя элиты от рядового члена социума или прошедшего инициацию от подростка. Помимо этого, прическа могла отражать индивидуальные вкусы человека, соответствующие эпохе и моде. Кочевники использовали весь возможный набор манипуляций, включающий отращивание волос или полное бритье головы, плетение кос, формирование сложных причесок, отращивание косицы или чуба – айдара [26. С. 279–289].

Существует ряд письменных свидетельств о прическах огурских, а также о близких им племен Евразии. У племен, образовавших болгарский племенной союз, отмечаются бритье головы, которое связано в «Именнике болгарских ханов» с правящими родами. В тексте источника об Авитохоле, Ирнике, Курте, Безмере из рода Дуло и Гостуне из рода Ерми сказано: «...держали княжение по ту сторону Дуная эти пять князей пятьсот пятнадцать лет с остриженными головами» [27. С. 48–49].

Про ухуаней повествуется, что «все бреют головы для облегчения и удобства. Женщины с наступлением времени замужества отпускают волосы, разделяют их и делают пучки. Надевают цзюй-цзюе (головной убор), украшают золотом и лазоревым камнем, головной убор делается, как в Китае, при ходьбе он качается» (Саньгочжи, Вэйчжи, гл. 30, стр. 1а–5а) [28].

О другой группе дунхуских племен сяньби в Хоуханьшу сказано, что они «перед браком прежде обривают голову» (Хоуханьшу, гл. 120) [29]. В данном случае мы видим, что свидетельством вступления в новый семейный статус является избавление от старых волос. Таким образом, наблюдается сочетание женской статусной прически и головного убора. В Бэйши (гл. 97) про кочевников, создавших в IV–V вв. владение Юебань, в районе Тарбагатайских гор, сказано, что они «обстригают волосы и подравнивают брови, намазывая их клейстером, что придает им блестящий лоск» [Там же].

У племен гаочэ «женщина, обернув бараньи кости в кожу, ставит на голову себе, а волосы вкруг завивает в локоны и спускает, что представляет вид диадемы» (Вэйшу, гл. 103) [Там же]. Подобные прически восходят к женским прическам раннего железного века. Это подтверждают находки: изображение женщины на паре золотых поясных блях с изображением «всадников под деревом» из Сибирской коллекции Петра I (V–III вв. до н.э.). Женский персонаж показан с головным убором, который представляет собой цилиндрическую шапку с рельефно выступающей планкой на боку и очень высоким стержнем наверху. Косы подняты наверх и, возможно, привязаны или иным способом прикреплены к стержню головного убора. Его основные детали подобны женскому головному убору из пятого пазырыкского кургана, который состоял из деревянной «шапочки», в основном такой же формы, и также с парой планок по бокам. Наверху «шапочки» вертикально укреплён толстый кручёный жгут из конского волоса высотой в 20 см, а к нему присоединены продетые в пару отверстий на «шапочке» две косы женщины с нарощенными к ним шерстяными шнурами, и всё это вместе обвито войлочной полоской. Таким образом, головной убор представлял собой шапочку с вертикально стоящим на ней стержнем, высотой около полуметра, соединённым с волосами женщины [30. С. 7–31].

У предков тюркоязычных енисейских кыргызов – гяньгуней, в определенный период входивших в состав телеской конфедерации и представленных таштыкской археологической культурой, в погребальных комплексах непосредственно за черепом были обнаружены предметы, похожие на туески, изготовленные из бересты и свернутые в цилиндры средней высотой от 9,5 до 12 см, покрытые тканью внутри и снаружи. Благодаря сопоставлению по таштыкской графике и уникальным находкам в Оглахтах стало очевидно, что они представляли собой накосники, колпачки для волос. Разнообразие причесок связано с возрастом, общественным положением носителей [31. С. 40–52]. При этом, внешне разнообразные, таштыкские прически имели общую и характерную деталь – косичку, что отражало общий этнический код. В китайских источниках о енисейских кыргызах говорится: «все жители обнажают

голову, заплетают волосы» [9. С. 351; 28. С. 58]. Наблюдаемое значительное количество вариантов прически говорит, что она имела важный этнический, социальный и половозрастной маркер.

Моделирование нескольких типов прически для разных социальных групп отмечается у тюрков и возглавлявшей их династии ашина в источниках конца гунно-сарматского времени и начала раннего Средневековья. По словам китайского путешественника Сюань Цзяня, каган западных тюрков Тон-ябгу «…был одет в платье из зеленого сатина, волосы его были распущены… Лоб был повязан шелковой лентой, несколько раз обмотанной вокруг головы, конец ленты спадал на затылке. За ним стояли две сотни офицеров, одетых в парчовые одежды, с заплетенными косичками на голове» (Бейши, гл. 98) [29].

Похожие сведения в Бэйши приводятся о Йеда (эфталитах), происходящих из дома Юэчжи – «остригают волосы на голове…» (Бэйши, гл. 97) [Там же]. О потомках кангюев в Средней Азии доме Кан из так называемых юэчжей группы чжаову сказано, что «владетель заплетает волосы, носит золотой венец с семью дорогими камнями. Одеяние из шитых шелковых тканей, камки и белого полотна. Супруга складывает волосы на голове и накрывает черным покрывалом. Мужчины стригут волосы, одеваются в камчатные кафтаны» (Бэйши, гл. 97) [Там же]. Письменные источники дополняют данные археологии. Интересные сведения предоставляют находки в группе курганов Орлатского могильника, расположенного на побережье р. Саганак, правого притока Заравшана, к северу от г. Самарканд. В кургане № 2, раскопанном А.В. Карасевым, среди различных находок вооружения, поясных принадлежностей и бытовой утвари были обнаружены костяные пластины с резными рисунками батальных сцен, сцен охоты, животных. Материалы раскопок Орлатского могильника, включая пластины с рисунками, были проанализированы и опубликованы Г.А. Пугаченковой, которая пришла к заключению, что могильник относится к группе кангюйских кочевников II–I вв. до н.э. Г.А. Пугаченкова отметила характерные антропологические и этнографические черты воинов и охотников с орлатских пластин. У них «куполовидные», вследствие кольцевой деформации черепа, большие выступающие носы, удлиненные лица. Волосы на голове собраны в пучок или подстрижены. У воинов длинные усы и борода, либо только борода, или они бритые [32. Рис. 3.2–4, 4.1, 5.1–3, 6, 1–3].

В культуре туюйхуней существовали прически и уборы для волос, манифестирующие статус правителя: «...правители туюйхуней делают чехлы для волос из черного шелка, а их жены носят на голове золотые цветы. Утварь и одежда в общем такие же, как и в Срединном государстве. Многие ваны, гуны и знатные лица носят на голове шелковые платки. Женщины надевают юбки и короткие куртки, волосы заплетают в косы и связывают их нитками, на которые нанизаны бусины и раковины» (Суй шу, гл. 83, л. 1б–5а) [29]. У племени, являвшемся ветвью сяньби, тоба (прическа) являлась этническим кодом. «Косоплеты, на кит. Сотхэу, составляли особливое сяньбийское поколение, по прозванию Тоба. У них в обыкновении было заплетать волосы в косу. Отсюда китайцами дано им и название косоплетов» (Хоуханьшу, гл. 120) [29]. Однако после завоевания племенами тоба территории Северного Китая данная прическа стала обозначать принадлежность к высокому социально-политическому слою населения. Интересным фактом служит свидетельство о том, что в 440 г. после переименования династии в «Юань-Вэй» и начала китаизации император издал указ о запрещении при дворе сяньбийской одежды, прически (косы) и употребления тобаского языка, что было связано с ограничением влияния племенной знати.

Очевидно, что центральноазиатские кочевники первой половины – середины I тыс. имели богатую традицию формирования специальных причесок, которые выступали этническими, половозрастными, социальными маркерами. Для огуров и огузов отмечаются бритье головы у мужчин и формирование высокой прически у женщин.

Другие элементы костюма связаны непосредственно с украшениями и одеждой. Из археологических и письменных источников мы можем определенно сказать, что в гуннский и постгуннский период на территориях, включающих современную Европу, Средний Восток, Центральную и частично Внутреннюю Азию, в среде интернациональных элит сформировались специфические элементы мужского и женского костюма, что было связано с особенно высокой мобильностью элит в данный период [33. С. 27]. Частые перемещения совершенно разных по этнолингвистической характеристике военизированных группировок, формирование раннегосударственных полиэтнических структур гуннов, аланов, готов, огуров интенсифицировали культурные контакты между правящими родами кочевых и некочевых племен, а также Китаем, Сасанидским Ираном и Римской империей [34. S. 154–165].

Исторические хроники пестрят подобными эпизодами. Биографии таких персонажей, как Боарикс, Грод в Европе, Афучжило в Центральной Азии, служат прекрасным подтверждением. Брачные, дипломатические, военные контакты естественно сопровождались перемещением предметов материальной культуры, обладающих высоким социальным статусом. В это время получает широкое распространение мода на украшения, выполненные в полихромном стиле, представляющем собой сочетание драгоценного или полудрагоценного металла с вставками, инкрустацией цветными камнями (гранат/альмандин/пироп, рубин, сердолик и др.) или окрашенным стеклом, часто с декором в виде зерни [35. С. 340–345; 36. С. 5–11, 105–107]. Ареал распространения изделий в полихромном стиле в V–VI вв. шире собственно европейских культурных границ, достигая Центральной Азии и Дальнего Востока [37. С. 114–115].

На основании археологических данных по гуннским племенам V в. в качестве символов власти, которые размещались на голове, можно выделить специальные украшения, являющиеся частью традиционного костюма – диадемы, колты и серьги.

Сегодня известно около двадцати четырех диадем, обнаруженных на всем протяжении Евразийских степей. По типу формы их можно разделить на четыре группы: 1) в виде сплошной полоски прямоугольной формы с фигурным фризом; 2) в виде узкой ленты, сужающейся к концам; 3) лжетрехчастные; 4) трехчастные. Наиболее многочисленную группу составляют трехчастные диадемы (9 экземпляров). Часть из них происходит из погребений, открытых у с. Верхне-Погромного Волгоградской области, у станции Шипово Оренбургской области, у аула Канаттас Карагандинской области, у поселка Чулук-Тау в Центральном Казахстане. Наиболее ранняя находка сделана у оз. Батырь в погребальном комплексе III в. Это длинная, сужающаяся к концам полоса холста, покрытая сверху тонкой шелковой тканью красного цвета, налобная повязка. По всей полосе в три ряда нашиты мелкие золотые полукруглые бляшки. Все обнаруженные золотые диадемы были принадлежностью головного убора кочевой знати, рядовое население довольствовалось менее дорогими налобными повязками [36. С. 50–67].

Колты относятся к украшениям, бытовавшим только в гунно-сарматский и постгуннский периоды. Они происходят из погребений или случайных находок в южнорусских степях (6 экземпляров) и Центральной Азии (1 экземпляр). Колт представляет собой плоский золотой щиток в форме неправильного овала с напаянной вдоль ребра узкой лентой, образующей с лицевой и оборотной сторон прямые закраины. К центру, по всей длине, припаяны цилиндрические трубочки (от 18 до 26) с желобчатой поверхностью и круглой шаровидной головкой на конце. Головки завершены пирамидкой из зерни. Внешняя сторона щитка украшена гранатовыми, альмандиновыми, сердоликовыми или янтарными вставками в напаянных гнездах числом от десяти до тринадцати. Промежутки между вставками и края щитка орнаментированы треугольниками, или ободками из зерни, или накладным узором – «плетенкой». Оборотная сторона также покрывалась зернью и гнездами со вставками, но в меньшем количестве – от трех до пяти. На двух колтах имеются фигуры животных, исполненные в технике мелкой зерни. Наиболее интересны подвески из случайной находки у хутора Верхне-Яблочного, на оборотной стороне которых представлена следующая сцена: в центре щитка – дерево с сидящей на его верхушке птицей, с каждой стороны дерева – по две фигурки козлов, размещенные друг над другом и обращенные к дереву. Подобные колты бытовали лишь в гуннскую эпоху. Они служили височными подвесками, которые с помощью двух боковых пластинчатых петелек подвешивались к головному убору на уровне висков [Там же].

Серьги полихромного стиля гуннского времени найдены в трех погребениях – в Нижнем Поволжье, Казахстане и Крыму. Две пары имели фигурное основание из двух спаянных половинок с высокой бронзовой дужкой, третья представлена одной серьгой в форме полумесяца. Для сохранения объема серьги внутри заполнены сероватой массой. На их лицевой стороне – напаянные гнезда со вставками альмандина или граната и треугольники из зерни. Вокруг гнезд – ободки из зерни. Края также обрамлены зернью [36. С. 50–67].

Шея в гуннское время украшалась гривнами. Основную группу находок первого типа составляют гривны с наконечниками оригинальной формы – в виде схематичной головы драконов, которые были обнаружены в погребении у с. Кара-Агач (Центральный Казахстан) и на Каряжском городище близ Ставрополя и в склепе Госпитальной улицы в Керчи. У с. Кара-Агач найдена пара наконечников, на городище – один. Первые два представляют собой полые, внутри заполненные белой массой, прямоугольные столбики, заканчивающиеся открытой пастью дракона с торчащими ушами. Третий наконечник в виде трубочки неправильной формы спаян из двух половин листового золота и также заканчивается оскаленной пастью чудовища. Наконечники богато украшены вставками граната, янтаря, красного стекла и филигранным орнаментом – «веревочкой», треугольниками и пирамидками из зерни [Там же; 38].

Интерес представляют находки гривен в погребении знатного воина эпохи Великого переселения народов на р. Чарыш (левый приток Оби), между с. Тугозвоново и пос. Новосельским на территории нынешнего Шипуновского района Алтайского края [39. С. 129–163]. В погребении обнаружены богато украшенное оружие – палаш и кинжал, фрагменты декора костюма, выполненные в полихромном стиле, а также гривны. Лучше всего сохранилась литая золотая гривна, которая заканчивается головками зверя. В его облике подчеркнуты мощная пасть, выпуклый лоб, крупный нос, торчащие уши, огромные глаза. Рельефность изображения достигается выборкой фона (вокруг глаз, губ и т.п.) и углублением глазниц, ушных раковин, пасти. Детализация изображений произведена после отливки. А. Уманский, исследовавший комплекс, отмечает, что «из всех реальных животных, пожалуй, наиболее близок изображению зверя на гривне волк (крутой лоб, вообще лобастая голова, большие косо поставленные глаза, прямой и длинный нос, мощная пасть)» [Там же. С. 149–150].

Также обнаружены обломки серебряной позолоченной гривны. Наибольший обломок гривны (один из ее концов) выполнен в виде полой головки хищного зверя. Головка сохранилась не полностью: утрачена внешняя половина нижней челюсти, есть проломы во лбу и затылке и т.п. Головка была насажена на кусок железного прута. Изображение головы зверя на серебряной гривне весьма динамично: зубастая пасть зверя

оскалена, ноздри раздуты, острые уши прижаты, шерсть на загривке вздыблена. На первый взгляд, головка вслед за предыдущей гривной принадлежит волку. Но, как говорит автор, существенная деталь не позволяет утверждать это. У зверя видны по две пары клыков, а таким количеством клыков реальные волки не располагают. Очевидно, и в данном случае мы имеем дело не столько с реальным, сколько с мифологическим зверем, играющим также роль оберега, но только с более активной функцией, чем у оберегов золотой гривны [39. С. 149–150].

Археологические материалы по постгуннскому периоду (V–VI вв.) предоставляют в руки исследователей несколько элитных памятников, содержащих женские комплексы с ожерельями, – Ольвийский клад, Морской Чулек, Михаэльсфельд/Джигинская [40. С. 101–121].

В Ольвийском кладе колье с овальным медальоном, украшенным декором в стиле перегородчатой инкрустации. Возможно, что медальон является продукцией константинопольских ювелирных мастерских, тем более что его оборотная сторона украшена штампованным декором, типичным для средиземноморских изделий, а застежка колье сделана в традициях греко-римских мастерских. Как отмечают исследователи, женский аристократический набор, происходящий из Ольвии, является средиземноморским по происхождению и, скорее всего, ранневизантийским.

В погребении 2 из Морского Чулека найдена золотая цепь с медальоном, также средиземноморского происхождения. Золотая цепь имеет окончания с декором в стиле перегородчатой инкрустации, которые напоминают детали цепей второй половины V – начала VI в. из Ольвии и Клужа – Сомешени. Вторая гарнитура с сердоликовым декором похожа на детали конского убора из «вождеских» находок в Шамси в Киргизии и в Боровом в Северном Казахстане.

В Михаэльсфельде/Джигинской золотое колье имело подвески вмонтированным в замок солидом Юстина и Юстиниана. Византийские ювелирные традиции проявляются в способе плетения цепи, в характере ее замка, а также в крестообразном штампованном декоре на реверсе медальонов-подвесок [Там же].

В последнее десятилетие на территории Центрального Казахстана исследовано два новых женских погребения первой половины – середины I тысячелетия: погребение в сооружении 2 могильника Енбекшил и впускное захоронение, совершенное в насыпи кургана 2 могильника Назар-2.

Первый памятник находился на территории Шетского района Карагандинской области в 3,5 км на северо-восток от с. Енбекшил, в широкой долине правобережья р. Шерубай-Нура. Могильник включал помимо стандартных каменных конструкций курган с усами. Сооружение 2 представляло наброс камней размером 3×2,5 м. Погребение, ориентированное по линии ЮЮЗ–ССВ, находилось в низком подбое. На дне, в северном углу найден череп лошади, лежавший на боку, мордой на север. К югу от черепа были обнаружены другие кости лошадиного скелета. Находки незначительны. Слева от черепа возле левого плеча находились круглое керамическое пряслице диаметром 3,4 см и крестец барана. В области левой грудной клетки найдена подвеска из бронзового сплава овальной формы с петелькой, инкрустированная камнем и украшенная по краям двумя рядами зерни. Длина с петелькой 3,2 см, ширина 2,5 см. Ниже, на уровне лучевой кости находились два небольших пластинчатых изделия из бронзового сплава. В области левого запястья собраны шесть каменных бусин красного цвета, две из которых лежали под тазовой и лучевой костями [41. С. 446–461].

Второй памятник обнаружен в насыпи кургана 2 могильника Назар-2, находящегося в 5 км к востоку от с. Нуркен, на территории Каркаралинского района Карагандинской области. Он не содержал богатых находок, однако интересно, что в женском погребении была находка в виде длинного меча. Могильная яма была вытянута в меридианальном направлении. В заполнении, вдоль длины ямы, обнаружен узкий железный палаш с ромбовидным перекрестием. Общая длина палаша 86,3 см, длина клинка 77 см. На черенке рукояти сохранился штырь для крепления деревянной планки. Ручка, вероятно, была окрашена в красный цвет. Ниже уровня палаша расчищен скелет человека. В области правой грудной клетки найдены железные черешковые трехлопастные наконечники стрел с ромбовидной формой пера, положенные острием в сторону изголовья. Всего около 13–14 наконечников. На нижней половине левой берцовой кости и ступне зафиксированы остатки кожи, вероятно обуви [42. С. 462–468].

Наличие в постгуннских погребениях или кладах предметов, свидетельствующих о высоком статусе женщин, не противоречит сведениям о кочевниках огурского круга из Византийских источников, в которых приводятся данные о женщинах-правительницах. В данном случае мы наблюдаем определенную традицию, которая присутствовала в политической культуре кочевых народов конца V – первой половины VI в. и которая находит отражение в данных археологии.

Первые археологически зафиксированные наборные пояса относятся к VII в. до н.э., а наиболее широкое распространение они получают в V–III вв. до н.э. В первой половине I тыс. широкое распространение получают пояса с бляхами геометрической формы. Эта форма становится господствующей в тюркское время. Следует подчеркнуть, что в границах эпох – скифской, гуннской и тюркской – развитие поясов шло в целом общими путями и имело общие закономерности в оформлении, что обусловлено сходством социально-экономического и культурного развития племен, проживавших в этом огромном регионе [43. С. 81–82].

Немногочисленные наборные пояса первой половины I тыс. н.э. известны, как правило, по одиночным погребениям мужчин-воинов. Вызывает большой интерес погребение IV–V вв. н.э. у с. Тугозвоново на

р. Чарыш в Степном Алтае – одного из наиболее богатых среди так называемых «княжеских захоронений» этого времени, встречающихся на всем пространстве степей Евразии. В состав инвентаря тугозвоновского «князя» входил пояс, который украшали серебряные с золотой оковкой бляхи, выполненные в полихромном стиле [39. С. 129–163].

В одном из генеалогических преданий сяньби во время тяжелого пути переселения через горы на юг перед ними появился некий священный зверь, похожий на лошадь, но с голосом, как у быка, который повел народ за собой. Этноним «сяньби» в хрониках упоминался в словосочетании, означающем «пояс с пряжкой, изображающей благовещего зверя». Этот «зверь» описывался в виде существа, похожего на белую лошадь с черным хвостом (в некоторых случаях с двумя или тремя хвостами), одним рогом, зубами и когтями, как у тигра, и голосом, подобным звуку барабана. Текст подтверждается находками в сяньбийских памятниках поясов с дорогими бляшками, изображающими «благовещего зверя» [44. С. 320–325].

Некоторую информацию по элементам престижного пояса и сопровождающему пояс клинку предоставляет один из ключевых памятников постгуннского периода на территории Сарыарки погребение в Боровом (Северный Казахстан). Памятник обнаружен случайно при каменоломных работах в 1928 г. в 6,4 км на север от г. Щучинска и 2,1 км от современного Аграрного колледжа, на территории урочища Бармашное. Богатый инвентарь, обнаруженный в погребении, позволяет исследователям подойти к решению важных проблем этносоциальной принадлежности погребенного в Боровом и других комплексах Сарыарки и близлежащих регионов Центральной Азии, Южного Зауралья, Западной Сибири. Интерес представляет группа украшений с инкрустациями. Группа достаточно разнообразна, имеется несколько совершенно разных и уникальных. В нее можно включить вытянутые пластины, украшенные зернью и цветными камнями в гнездах, обычно гранатом. Медальоны, пуговицы и бляхи разных форм и размеров с одним камнем в центре (обычно сердолик) и поясками зерни по краю изделия. Предметы разных геометрических форм, орнаментированные зернью и инкрустацией из альмандинов и гранатов, концевые закругленные части пряжек или заколок, обильно украшенные зернью. Небольших размеров наконечники прямоугольной формы, один край которого загнут валиком, украшены камнями; обломок в виде головы птицы и пластинки с гнёздами. Предметы последних типов выполнены в технике клуазоне (перегородчатой инкрустацией) [45. С. 216–229].

Уникальной находкой стала рифленая пряжка из сердолика, которая имеет аналог в виде пряжки из белого халцедона, находящейся в коллекции музея Эшмола в Оксфорде, и относится к предметам сасанидского круга [46. С. 193–194].

Самой интересной находкой стал кинжал в богато украшенных трапециевидных ножнах. Его в многочисленных фрагментах обнаружил в 1980 г. японский исследователь В. Аназава. Исследователь предположил, что клинок и ножны близки по типу к найденным ранее в Корее в гробнице 14 на Керим-ло. Гробница относилась к группе элитных погребальных комплексов государства Силла. У пояса одного из погребенных исследователи обнаружили кинжал в богато декорированных ножнах, техника и манера украшений в полихромном стиле показывали исследователям западное культурное влияние [47]. Важно отметить, что в 548 г. царь Силла заявил: «Люди бывают знатные и незнатные, высшие и низшие, их обычаи неодинаковы и одежда неодинакова: у простолюдинов – скудная и плохая, у богатых – обильная и роскошная». Специальным указом сословное различие в одежде было закреплено, а каждому рангу присвоена своя «форма» [48. С.119–121; 49. С. 318–321]. Статистический анализ предметов из погребальных комплексов в Кенчжу позволяет говорить о далеко зашедшей имущественной дифференциации силланского общества. При этом погребение № 14 с клинком, согласно исследователю М.В. Воробьеву, принадлежит «знати среднего ранга» [48. С. 119–121].

Наиболее полная реконструкция была предложена И.П. Засецкой на основе имеющихся материалов с привлечением дополнительных данных из фотоархива ИИМК [36. С. 124–125; 40. С. 86–89]. В декоре ножен боровского клинка были использованы вставки из граната в напаянных гнездах, в дополнение к этому имеются также ободки из филигранной проволоки. Основными мотивами орнамента на ножнах из Борового выступают изображения лотоса и Я-образных фигур [36. С. 124–125; 40. С. 86–89]. Третьим регионом, где зафиксированы изображения клинков данного типа, являются современная Средняя Азия и Восточный Туркестан, в разные периоды обладавшие общими культурными признаками. На фресках Афрасиаба они присутствуют на изображениях мужчин в золотых или позолоченных ножнах, носимых спереди. Ножны, сужающиеся к середине и расширяющиеся по краям в верхней части, имеют несколько разных типов скоб. К скобам с пояса спущены ремешки. Навершия кинжалов представлены серией типов, близкие к боровскому и корейскому известны на фрагменте росписи с южной стены, у пояса верхнего всадника [50. Табл. XXX]. Росписи Пянджикента демонстрируют еще несколько образцов подобных клинков – у игрока в нарды на западной стене помещения 13, у воинов, сидящих вереницей под балдахинами, на фреске в помещении 1 объекта VI [51. Табл. VIII, XIV]. Далее на восток они встречаются на одной из фресок в «пещере Майа» близ Кучи, у центрального воина в многофигурной композиции [52. Рис. 20]. Датируются изображения в несколько более широких хронологических рамках VI–VIII вв. Однако, судя по устойчивости традиции их

изображения, можно предположить, что мода на подобные клинки появилась несколько ранее.

О традиции ношения в домусульманский период специальных золотых поясов как признаков сословной принадлежности среднеазиатской знати говорят разные источники. В рассказе о прибытии Кутебы в 712 г. в Самарканд повествуется о том, как гулямы Гурека, сына ихшида, были опоясаны золотыми поясами, инкрустированными драгоценными камнями. Табари, описывая осаду Самарканда, приводит данные о победе над знатными молодыми витязями из Шаша. В результате этого в руки арабов попало превосходное оружие, дорогие одежды, золотые пояса и кони и др. [53. С. 213–218; 54. С. 78–91]. Другим подтверждением моды на золотые статусные пояса может служить изображение на погребальном памятнике (ложе) согдийского аристократа Ань Цзе из Китая, на котором можно рассмотреть пояс с золотым наконечником и золотой пряжкой [22. С. 315–342].

В известном памятнике Первого тюркского каганата – Бугутской стеле, содержатся уникальные сведения о титулах, бытовавших в VI в. в период расцвета Первого Тюркского каганата. Они, как и весь текст, записаны на согдийском языке и согдийской графикой. В памятнике приводятся редкий титул – γwrγ’p’yn – «держащий пояс». Первая часть от тюркского qur – «пояс», «достоинство, чин». Вторая часть рассматриваемого слова представляет собой производное от глагольной основы qap-, имеющей в качестве исходных значений «хватать, (крепко) держать» [55. С. 121–146].

Среди эпитафий древнетюркских рунических памятников встречаются упоминания о поясе, который можно интерпретировать как знак-символ. Так, надпись на памятнике с р. Уюк-Туран переводится следующим образом: «Пояс с пятьюдесятью золотыми пряжками я повязал на своей пояснице…» [56. С. 17]. Или: «...на поясе мы водрузили луновидную пряжку. Так как у него была доблесть, то у хана достиг мой бег пряжки тутука» [57. С. 22]. В другой надписи говорится: «Моя геройская доблесть. У меня сорок две пряжки» [58. С. 31]. Анализ письменных источников показывает, что разные должностные лица имели и разные пояса, отличавшиеся числом блях. Например, Учин-Кулюг-Тириг, владетель одного из бегов в Туве, носил пояс с 50 золотыми накладками [59. С. 107–110]. Свое владение Учин-Кулюг-Тириг получил за участие в кыргызско-уйгурских войнах. Можно полагать, что и золотой пояс ему был дан как своеобразный знак, подтверждающий его права на богатство. В эпитафии, посвященной бегу Аза-тутуку, говорится, что он получил от хана за свою доблесть луновидную пряжку, которую укрепил на поясе.

Во всех случаях, когда в древнетюркских эпитафиях упоминаются пояса, говорится либо о золотом поясе вообще, либо называется количество поясных накладок, буквально – пряжек. Не только пояс Учин-Кулюг-Тирига украшало большое количество золотых накладок. Ак Баш Атык, стоявший во главе шести родов, имел титул инала и носил пояс с 42 золотыми накладками. Фактически подтверждается, что тюркская знать и высокие должностные лица имели пояса с золотыми накладками.

Итак, знаковый характер золотого пояса не вызывает сомнения. Заметим, что в словосочетании «золотой пояс» своеобразно сплавились семиотические сущности двух разнородных предметов: золота как явления природного мира и пояса как явления культурного мира. Любой предмет, в том числе и пояс, может осознаваться как знак только при наличии знаковой ситуации, центральным звеном которой выступает организованная система, в данном случае это человек.

В ситуациях, где в качестве знака выступал золотой пояс, его семиотические свойства проявлялись, в первую очередь, через символику золота.

В киргизском народном эпосе «Манас» пояс выступает в функции оберега. Перед походом на китайцев Манас приводит своих богатырей к своей жене Каныкей, которая каждому вручает доспех и теплую одежду. Свой дар она сопровождает словами:

«Под звенящими стрелами Вам, придется путь пробивать.
Как вернуться целыми Вам? Как с таким врагом воевать?
Да хранят Вас, чоро, небеса! Есть особые для Вас пояса.
Сорок червонных щитков укрепляют каждый кушак,
Сорок алмазных глазков украшают каждый кушак.
И молитвенные слова вырезаны по краям» [60. С. 48].

Наборные пояса в обществах кочевников Южной Сибири и Центральной Азии на протяжении двух тысячелетий имели ярко выраженную военную и социальную символику.

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Во-первых, в разные периоды в кочевнической среде костюм символизировал власть, однако это относилось прежде всего к декору и дополнительным элементам украшения одежды. Кочевниками активно использовался возможный арсенал символов власти, связанных с костюмом: прически и головные уборы, украшения, специальные пояса и оружие. Они соответственно размещены на верхних частях человеческого тела – голове, шее, груди, поясе.

Во-вторых, судя по письменным и археологическим данным, костюм элиты, при сохранении некоторых аутентичных кочевнических черт, в декоре явно испытывал влияние имперских мод Китая, Ирана, Византии. Ярким подтверждением служит распространение в степном регионе предметов, выполненных в полихромном стиле, представляющих собой сочетание драгоценных металлов и камней (гранат, бирюза, сердолик). Внутри элитарной культуры обозначенного хронологического периода наблюдается некоторая динамика: так, ряд элементов костюма был, к примеру, характерен только для гуннского времени (диадемы) и не использовался в постгуннское, некоторые элементы постгуннского (женские ожерелья) были незнакомы предшествующей элитарной моде. Заметна четкая географическая привязка: кочевники восточно-

европейской степи были тесно связаны со средиземноморьем и Византией, у племен Северного и Центрального Казахстана при господстве согдийских и иранских связей имели место и византийские следы, что обеспечивалось контактами с родственными огурскими племенами Северного Причерноморья. Далее на восток кочевники, очевидно, в большей мере были ориентированы на Китай.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боровкова Л.А. Проблема местоположения царства Гаочан (по китайским историям). М., 1992. 184 с.
2. Егоров Н.И. Некоторые методологические подходы к этнокультурной идентификации кочевнических древностей Евразийских степей // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов : сб. науч. тр. / гл. ред.: С.Г. Боталов; отв. ред. Н.Н. Крадин, И.Э. Любчанский. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2013. С. 321–335.
3. Камалов А.К. Древние уйгуры. VIII–IX вв. Алматы : Наш Мир, 2001. 216 с.
4. Кляшторный С.Г. Степные империи: рождение, триумф, гибель // Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб, 2005. 346 с.
5. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М. : Наука, 1984. 486 с.
6. Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М. : Вост. лит. РАН, 1997. 319 с.
7. Комиссаров С.А., Алехин К.А. Юйвэнь и юйвэни // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 3. С. 112–115.
8. Кляшторный С.Г. Тэсинская стела (Предварительная публикация) // Советская тюркология. 1983. № 6. С. 76–90.
9. Бичурин (Иакинф) Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. Т. 2. 334 с.
10. Артамонов М.И. История хазар. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 523 с.
11. Петров Л.В. Феномен моды в процессе межличностного общения // Категории этики и эстетики. Л. : ЛГПИ, 1973. С. 147–158.
12. Гофман А.Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. 3-е изд. СПб. : Питер, 2004. 208 с.
13. Степучев Р.А. Основы теории костюмного языка : учеб. пособие для вузов. М. : МГТУ им. А.Н. Косыгина, 2003. 192 с.
14. Шаймердинова Н.Г. Древнетюркская картина мира в текстах письменных памятников : учеб. пособие. Астана : ЕНУ, 2014. 261 с.
15. Акишев А.К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата : Наука, 1984. 176 с.
16. Майтдинова Г.М. Отражение в женских костюмах Тохаристана и Согда культурных взаимосвязей раннего Средневековья // История материальной культуры Узбекистана. 1987. Вып. 21. С. 114–132.
17. Панкова С.В. Композитная юбка из могильника Оглахты в Южной Сибири // Научный отчет: VI конгресс этнографов и антропологов России. Секция VI. Текстиль и традиционный костюм народов Евразии. 2005. С. 159–160.
18. Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). Новосибирск : Инфолио, 2005. 232 с.
19. Тетерин Ю.В. Центральноазиатские элементы таштыкского костюма (по материалам грунтовых могил) // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Горизонты Евразии. Новосибирск, 1999. Вып. 2. С. 56–65.
20. Яценко С.А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М., 2006. 664 с.
21. Яценко С.А. Древние тюрки: мужской костюм в китайском искусстве 2-й пол. VI – 1-й пол. VIII вв. (образы «Иных») // Transoxiana (Internet-journal). Buenos Aires, 2009. № 14.
22. Яценко С.А. Мужской костюм ранних тюрков в китайском искусстве VI–VII вв.: образы «Иных» // Степи Европы в эпоху Средневековья. Хазарское время. Донецк, 2009. Т. 7. С. 315–342.
23. Алтынбеков К., Алтынбекова Д.К. Исследования и реконструкция костюма по материалам кургана Аржан-2 // Интеграция археологических и этнографических исследований. Казань ; Омск : Ин-т истории АН РТ, 2010. Ч. 1. С. 253–256.
24. Алтынбеков К. Древние кочевники Евразии: собирательные образы номадов в исторических реконструкциях костюма // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3 (23). С. 206–210.
25. Соковнин В.М. Фасцинация тела. Екатеринбург : АФА, 2011. 61 с.
26. Ярыгин С.А. Функциональное назначение бронзового ножа из погребения кургана 1 могильника Шагалалы IV и одна этнографическая черта тасмолинских племен // Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Всадники Великой степи: традиции и новации. Астана : Изд. группа филиала И-та археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2014. С. 279–289.
27. Тортика А.А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы. Харьков : ХГАК, 2006. 553 с.
28. Кюнер И.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Kuner/text15.htm, свободный (дата обращения: 12.09.2016).
29. Бичурин Н.Я. [Иакинф] Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/Bicurin/bicurin.htm, свободный (дата обращения: 12.09.2016).
30. Грязнов М.П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1961. Вып. 3. С. 7–31.
31. Вадецкая Э.Б. К выявлению этнических признаков населения таштыкской культуры // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Томск : ТГУ, 1987. С. 40–52.
32. Пугаченкова Г.А. Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Ташкент : Изд-во лит. и искусства, 1987. 224 с.
33. Мастыкова А.В. «Княжеская» мода эпохи Великого переселения народов и северокавказский женский костюм // Российская археология. 2008. № 3. С. 26–34.
34. Yarygin S.A., Shaimerdinova N.G., Alpysbes M. Elements of the aristocratic fashion in Central and Inner Asia in the V–VI centures // The collection includes the 3rd International Conference «Research, Innovation and Education» by SCIEURO in London. 2016. P. 154–165.
35. Щукин М.Б. Готский путь. Готы, Рим и Черняховская культура. СПб. : Филол. факультет СПбГУ, 2005. 590 с.
36. Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб., 1994. 224 с.
37. Ветер в соснах.... 5000 лет корейского искусства. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2010. 304 с.
38. Козырев А. Раскопки кургана в урочище Кара-Агач Акмолинского уезда // Известия императорской археологической комиссии. СПб.: 1905. Вып. 16.
39. Уманский А.П. Погребение эпохи «великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 129–163.
40. Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. 212 с.
41. Бейсенов А.З., Веселовский Е.В. Погребение гуннского времени из могильника Енбекшил (Центральный Казахстан) // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск : ЮУрГУ, 2013. С. 446–461.
42. Бейсенов А.З., Китов Е.П. Впускное погребение гуннского времени из могильника Назар-2 (Центральный Казахстан) // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск : ЮУрГУ, 2013. С. 462–468.
43. Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск : НГУ, 1990. 164 с.

44. Миклашевич Е.А. «Племя единорога» на Енисее (сяньбэйские мотивы в наскальном искусстве Минусинской котловины) // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции : материалы темат. науч. конф. СПб., 2004. С. 320–325.
45. Бернштам А.Н. Находки у оз. Борового в Казахстане // Сборник музея археологии и этнографии. М. ; Л., 1951. Т. 13. С. 216–229.
46. Казанский М.М. Пряжки раннесасанидской традиции в Северной Евразии // Первобытная археология. Человек и искусство : сб. к 70-летию Я.А. Шера. Новосибирск, 2002. С. 193–197.
47. Gyeonqju National Museum. Ornamental Dagger Sheath. URL: http://gyeongju.museum.go.kr/html/en/master/master_01.html?GotoPage=2&gubun=&pageSize=10, свободный (дата обращения: 02.05.2014).
48. Воробьев М.В. Древняя Корея (историко-археологический очерк). М. : Изд-во вост. лит., 1961. 194 с.
49. Ким Бусик. Самгук (Самкук) саги. Летописи Силла. Серия Памятники литературы народов востока. М. : Наука ; Вост. лит., 1959. Кн. 1. 202 с.
50. Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. Ташкент : Изд-во ФАН Узбекской ССР, 1975. 113 с.
51. Беленицкий А.М. Новые памятники искусства древнего Пянджикента. Опыт иконографического истолкования // Скульптура и живопись древнего Пянджикента. М., 1959. С. 11–87.
52. Дьяконов М.М. Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии // Живопись древнего Пянджикента. М., 1954. С. 83–159.
53. Беленицкий А.М., Распопова В.И. Согдийские «золотые пояса» // Страны и народы Востока. 1980. Вып. 22. С. 213–218.
54. Распопова В.И. Поясной набор Согда VII–VIII вв. // Советская археология. 1965. № 4. С. 78–91.
55. Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. 1971. Вып. 10. С. 121–146.
56. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М. ; Л., 1952. 114 с.
57. Батманов И.А., Кунаа А.Ч. Памятники древнетюркской письменности. Кызыл, 1963. Вып. 1. 68 с.
58. Батманов И.А., Кунаа А.Ч. Памятники древнетюркской письменности. Кызыл, 1965. Вып. 3. 44 с.
59. Кызласов Л.Р. Новая датировка памятников енисейской письменности // Советская археология. 1960. № 3. С. 107–110.
60. Манас. Киргизский народный эпос. Главы из Великого похода (по варианту Сагымбая Оразбакова) / пер. С. Липкина и М. Тарловского. М., 1941. 158 с.

Yarygin Sergey A. L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan). E-mail: kazak_serega@mail.ru; *Sarsambekova Arna S.* Tyumen State University (Tyumen, Russia), L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan). E-mail: sarsambekova@yandex.com; *Shaimerdinova Nurila G.* L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan). E-mail: nurila1607@mail.ru

TRADITIONAL COSTUME IN THE SYSTEM OF SYMBOLIC REPRESENTATION OF POWER OF EURASIAN NOMADS IN THE FIRST HALF OF THE FIRST MILLENNIUM.

Keywords: huns; ogurs; turks; elite; costume.

The article is dedicated to the research of the traditional costume in potestary culture of the Eurasian nomads of the Hunnic and post-Hunnic periods; of social and normative value and representative capabilities of the costume specific elements in the system of power symbolics. The purpose of the study is the costume analysis as the codification of power symbols among nomads. Most of the characters were on the suit in the upper part of the human body: on the head, neck, chest, and belt. In this regard, to achieve the goal, authors decided the following tasks: to analyze the hairstyle; key elements of traditional costume (tiaras, colts, earrings, special women's necklaces); the belt. The potestary imagology methods were employed to solve the issue. The period is characterized by migration process activation, which led to an active interaction of various tribes of origin and separation of elite groups, claiming the high inter-tribal and intra-tribal status. These processes resulted in formation of the developed potestary symbolics. The records of archeological sites of Hunnic-Sarmatian and post-Hunnic periods at Oglakhty, Tugozvonovo, Burabay, Morskoy Chulek etc.; fresco paintings recorded in Pendzhkent, Afrasiab and 'Maya cave' near Kuchi; texts of Old Turkic runic momuments – Tesin stela, Bugut stela etc.; data of Chinese chronic – Houhanshu, Beishi, Veishu, Suishu resources were used. As the result of the undertaken research the authors came to the following conclusions: at Hunnic and post-Hunnic periods in the nomad environment a costume was extensively used for representation of the authorities. Firstly, researchers have revealed a wide variety of hairstyles among nomads: braids, aydars (man's braid), shaving on the head, the formation of complex hairstyles that combined with the headdress (this was characteristic more for women). Thus, the hairstyle showed the ethnic characteristic, the social and sex-age positions of the individual. Secondly, research materials show that the key elements of the traditional costume in the first Hunnish stage were diadems, colts and earrings. At the second Hunnish stage, the list included special female necklaces. Finally, the authors found that the term "golden belt" includes the semiotic essence of gold (the phenomenon of the natural world) and the belt (the phenomenon of the cultural world). Within the elite culture of the highlighted chronological periods some dynamics is viewed, a distinct geographical referencing is noticed; Eastern European nomads were closely connected with Byzantium; the Central Asian tribes extended the Sogdian and Sasanian links; at the Inner Asia the nomads were oriented to China.

REFERENCES

1. Borovkova, L.A. (1992) *Problema mestopolozheniya tsarstva Gaochan (po kitayskim istoriyam)* [The problem of the location of the kingdom of Gaochang (according to Chinese stories)]. Moscow: Nauka.
2. Egorov, N.I. (2013) Nekotorye metodologicheskie podkhody k etnokul'turnoy identifikatsii kochevnicheskikh drevnostey Evraziyskikh stepey [Some methodological approaches to the ethnocultural identification of nomadic antiquities of the Eurasian steppes]. In: Botalov, S.G. (ed.) Gunnskiy forum. Problemy proiskhozhdeniya i identifikatsii kul'tury evraziyskikh gunnov [The Huns Forum. Problems of origin and identification of the culture of Eurasian Huns]. Chelyabinsk: South Ural State University. pp. 321–335.
3. Kamalov, A.K. (2001) *Drevnie yygypy. VIII–IX vv.* [Ancient yygypy. The 8th – 9th centuries]. Almaty: Nash Mir.
4. Klyashtornyy, S.G. (2005) Stepnye imperii: rozhdenie, triumf, gibel' [Steppe empires: birth, triumph, death]. In: Klyashtornyy, S.G. & Savinov, D.G. *Stepnye imperii drevney Evrazii* [Steppe empires of ancient Eurasia]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
5. Taskin, V.S. (ed.) (1984) *Materialy po istorii drevnikh kochevykh narodov gruppy dunkhu* [Materials on the history of the ancient nomadic peoples of the Dunhu group]. Moscow: Nauka.
6. Kychanov, E.I. (1997) *Kochevye gosudarstva ot gunnov do man'chzhurov* [Nomadic states from the Huns to the Manchus]. Moscow: Vostochnaya literatura.
7. Komissarov, S.A. & Alekhin, K.A. (1996) Yuyven' i yuyveni [Yuven and Yuveni]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 3. pp. 112–115.
8. Klyashtornyy, S.G. (1983) Tesinskaya stela (Predvaritel'naya publikatsiya) [Tesinskaya stela (Preliminary publication)]. *Sovetskaya tyurkologiya*. 6. pp. 76–90.
9. Bichurin, N.Ya. (1950) *Sobranie svedeniy o narodakh obitavshikh v Sredney Azii v drevnie vremena* [Data about the peoples inhabiting Central Asia in ancient times]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: USSR AS.

10. Artamonov, M.I. (1962) *Istoriya khazar* [The History of the Khazars]. Leningrad: The Hermitage.
11. Petrov, L.V. (1973) Fenomen mody v protsesse mezhlichnostnogo obshcheniya [The phenomenon of fashion in the process of interpersonal communication]. In: *Kategorii etiki i estetiki* [Categories of Ethics and Aesthetics]. Leningrad: Leningrad State Pedagogical Institute. pp. 147–158.
12. Gofman, A.B. (2004) *Moda i lyudi Novaya teoriya mody i modnogo povedeniya* [Fashion and people A new theory of fashion and fashionable behaviour]. 3rd ed. St. Petersburg: Piter.
13. Stepuchev, R.A. (2003) *Osnovy teorii kostyumnogo yazyka* [Theory of Costume Language]. Moscow: Moscow state university of design and technology.
14. Shaymerdinova, N.G. (2014) *Drevnetyurkskaya kartina mira v tekstakh pis'mennykh pamyatnikov* [Ancient Turkic picture of the world in the texts of written monuments]. Astana: ENU.
15. Akishev, A.K. (1984) *Iskusstvo i mifologiya sakov* [Art and Mythology of the Saks]. Alma-Ata: Nauka.
16. Maytdinova, G.M. (1987) Otrazhenie v zhenskikh kostyumakh Tokharistana i Sogda kul'turnykh vzaimosvyazey rannego srednevekov'ya [Reflection in the female costumes of Tokharistan and Sogd cultural interrelations of the early Middle Ages]. In: Maytdinova, G.M. et al. *Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana* [History of material culture of Uzbekistan]. Issue 21. Tashkent: Uzbekskaya ASSR AS. pp. 114–132.
17. Pankova, S.V. (2005) Kompozitnaya yubka iz mogil'nika Oglakhty v Yuzhnoy Sibiri [The composite skirt from Oglachta burial ground in South Siberia]. In: Baiburin, A. (ed.) *VI kongress etnografov i antropologov Rossii. Sektsiya VI. Tekstil' i traditsionnyy kostyum narodov Evrazii* [The Sixth Congress of Russian Ethnographers and Anthropologists. Section 6. Textiles and traditional costume of the peoples of Eurasia]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography. pp. 159–160.
18. Polosmak, N.V. & Barkova, L.L. (2005) *Kostyum i tekstil' pazyryktsev Altaya (IV–III vv. do n.e.)* [Costume and textiles of Pazyryk people of Altai (the 4th – 3rd centuries BC)]. Novosibirsk: Infolio.
19. Teterin, Yu.V. (1999) Tsentral'noaziatskie elementy tashtykskogo kostyuma (po materialam gruntovykh mogil) [Central Asian elements of Tashtyk costume (based on soil graves)]. In: Ozhogin, V.I. & Mitko, O.A. (eds) *Evraziya: kul'turnoe nasledie drevnikh tsivilizatsiy* [Eurasia: Cultural Heritage of Ancient Civilisations]. Issue 2. Novosibirsk. pp. 56–65.
20. Yatsenko, S.A. (2006) *Kostyum drevney Evrazii (iranoyazychnye narody)* [Costume of ancient Eurasia (Iranian-speaking peoples)]. Moscow: Vostochnaya literatura.
21. Yatsenko, S.A. (2009) Drevnie tyurki: muzhskoy kostyum v kitayskom iskusstve 2-y pol. VI – 1-y pol. VIII vv. (obrazy "Inykh") [Ancient Turks: the male costume in Chinese art in the second half of the 6th – early 8th centuries (images of "Others")]. *Transoxiana*. 14.
22. Yatsenko, S.A. (2009) Muzhskoy kostyum rannikh tyurkov v kitayskom iskusstve VI–VII vv.: obrazy "Inykh" [Male costume of the early Turks in Chinese art of the 6th–7th centuries: Images of "Others"]. In: Evglevskiy, A.V. (ed.) *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya. Khazarskoe vremya* [Steppes of Europe in the Middle Ages. Khazar time]. Vol. 7. Donetsk: Donetsk National University. pp. 315–342.
23. Altynbekov, K. & Altynbekova, D.K. (2010) Issledovaniya i rekonstruktsiya kostyuma po materialam kurgana Arzhan-2 [Studies and reconstruction of the costume on materials of the Arzhan-2 mound]. In: Tomolov, N.A. (ed.) *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of archaeological and ethnographic research]. Kazan; Omsk: Institute of History, RT. pp. 253–256.
24. Altynbekov, K. (2013) Ancient nomads of Eurasia: generalised images of nomads in historical reconstructions of costume. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Jounrnal of History*. 3(23). pp. 206–210. (In Russian).
25. Sokovnin, V.M. (2011) *Fastsinatsiya tela* [Fascination of the Body]. Ekaterinburg: AFA.
26. Yarygin, S.A. (2014) Funktsional'noe naznachenie bronzovogo nozha iz pogrebeniya kurgana 1 mogil'nika Shagalaly IV i odna etnograficheskaya cherta tasmolinskikh plemen [Functional purpose of the bronze knife from the burial mound 1 of Shagalaly IV burial ground and one ethnographic feature of the Tasmolin tribes]. In: *Vsadniki Velikoy stepi: traditsii i novatsii* [Horsemen of the Great Steppe: traditions and innovations]. Astana: A.Kh. Margulan Institute of Archeology. pp. 279–289.
27. Tortika, A.A. (2006) *Severo-Zapadnaya Khazariya v kontekste istorii Vostochnoy Evropa* [North-Western Khazaria in the context of the history of Eastern Europe]. Kharkov: Kharkov State Academy of Culture.
28. Kyuner, I.V. (n.d.) *Kitayskie izvestiya o narodakh Yuzhnoy Sibiri, Tsentral'noy Azii i Dal'nego Vostoka* [Chinese news about the peoples of Southern Siberia, Central Asia and the Far East]. [Online] Available from: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Kuner/text15.htm. (Accessed: 12th September 2016).
29. Bichurin, N.Ya. (1953) *Sobranie svedeniy o narodakh obitavshikh v Sredney Azii v drevnie vremena* [Data about the peoples inhabiting Central Asia in ancient times]. [Online] Available from: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/Bicurin/bicurin.htm. (Accessed: 12th September 2016).
30. Gryaznov, M.P. (1961) Drevneyshie pamyatniki geroicheskogo eposa narodov Yuzhnoy Sibiri [The ancient monuments of the heroic epic of the peoples of Southern Siberia]. *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*. 3. pp. 7–31.
31. Vadetskaya, E.B. (1987) K vyyavleniyu etnicheskikh priznakov naseleniya tashtykskoy kul'tury [To the identification of ethnic signs of the population of the Tashtyk culture]. In: tomilov, N.A. (ed.) *Problemy proiskhozhdeniya i etnicheskoy istorii tyurkskikh narodov Sibiri* [Problems of the origin and ethnic history of the Turkic peoples in Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 40–52.
32. Pugachenkova, G.A. (1987) *Iz khudozhestvennoy sokrovishchnitsy Srednego Vostoka* [From the art treasury of the Middle East]. Tashkent: Izdatelstvo literatury i iskusstva.
33. Mastykova, A.B. (2008) "Knyazheskaya" moda epokhi Velikogo pereseleniya narodov i severokavkazskiy zhenskiy kostyum ["Princely" fashion during the Great Migration of Nations and the North Caucasian female costume]. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archeology*. 3. pp. 26–34.
34. Yarygin, S.A., Shaimerdinova, N.G. & Alpysbes, M. (2016) Elements of the aristocratic fashion in Central and Inner Asia in the 5th–6th centures. *Research, Innovation and Education*. Proc of the Third Conference by SCIEURO. London. pp. 154–165.
35. Shchukin, M.B. (2005) *Gotskiy put'. Goty, Rim i Chernyakhovskaya kul'tura* [The Gothic Way. Goths, Rome and the Chernyakhov culture]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
36. Zasetskaya, I.P. (1994) *Kul'tura kochevnikov yuzhnorusskikh stepey v gunnskuyu epokhu (konets IV–V vv.)* [Nomadic culture of the South Russian steppes in the Hunnic era (the late 4th – 5th centuries)]. St. Petersburg.
37. Arapova, T. (ed.) *Veter v sosnakh . . . 5000 let koreyskogo iskusstva* [The Wind in the Pines . . . 5000 years of Korean art]. Translated by A. gurieva. St. Petersburg: The Hermitage.
38. Kozyrev, A. (1905) Raskopki kurgana v urochishche Kara-Agach Akmolinskogo uezda [Excavations of the mound in the Kara-Agach tract of the Akmola district]. *Izvestiya imperatorskoy arkheologicheskoy komissii*. 16.
39. Umanskiy, A.P. (1978) Pogrebenie epokhi "velikogo pereseleniya narodov" na Charyshe [Burial related to "The Great Migration of Peoples" in Charysh]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Drevnie kul'tury Altaya i Zapadnoy Sibiri* [Ancient Cultures of Altai and Western Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 129–163.
40. Zasetskaya, I.P., Kazanskiy, M.M., Akhmedov, I.R. & Minasyan, R.S. (2007) *Morskoy Chulek. Pogrebeniya znati iz Priazov'ya i ikh mesto v istorii plemen Severnogo Prichernomor'ya v postgunnskuyu epokhu* [Marine Chulek. Burials of the nobility from the Azov Sea and their place in the history of the tribes of the Northern Black Sea coast in the post-Gungan era]. St. Petersburg: The Hermitage.
41. Beysenov, A.Z. & Veselovskiy, E.V. (2013) Pogrebenie gunnskogo vremeni iz mogil'nika Enbekshil (Tsentral'nyy Kazakhstan) [Burial of the Hunnish time from the Enbekshil burial ground (Central Kazakhstan)]. In: Botalov, S.G. (ed.) *Gunnskiy forum. Problemy proiskhozhdeniya i identifikatsii kul'tury evraziyskikh gunnov* [The Huns Forum. Problems of origin and identification of the culture of Eurasian Huns]. Chelyabinsk: South Ural State University. pp. 446–461.
42. Beysenov, A.Z. & Kitov, E.P. (2013) Vpusknoe pogrebenie gunnskogo vremeni iz mogil'nika Nazar-2 (Tsentral'nyy Kazakhstan) [The inlet burial of the Hunnish time from the Nazar-2 burial ground (Central Kazakhstan)]. In: Botalov, S.G. (ed.) *Gunnskiy forum. Problemy proiskhozhdeniya i iden-*

tifikatsii kul'tury evraziyskikh gunnov [The Huns Forum. Problems of origin and identification of the culture of Eurasian Huns]. Chelyabinsk: South Ural State University. pp. 462–468.
43. Dobzhanskiy, V.N. (1990) *Nabornye poyasa kochevnikov Azii* [Asian nomadic plated belts]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
44. Miklashevich, E.A. (2004) "Plemya edinoroga" na Enisee (syan'beyskie motivy v naskal'nom iskusstve Minusinskoy kotloviny) ["The tribe of the unicorn" on the Yenisei (Xianbei motifs in the rock art of the Minusinsk hollow)]. In: Savinov, D.G. (ed.) *Izobrazitel'nye pamyatniki: stil', epokha, kompozitsii* [Artistic monuments: Style, era, composition]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 320–325.
45. Bernshtam, A.N. (1951) Nakhodki u oz. Borovogo v Kazakhstane [Finds near Lake Borovoe in Kazakhstan]. *Sbornik muzeya arkheologii i etnografii*. 13. pp. 216–229.
46. Kazanskiy, M.M. (2002) Pryazhki rannesasanidskoy traditsii v Severnoy Evrazii [Buckles of the early Sasanian tradition in Northern Eurasia]. In: Bobrov, V.V. & Sher, Ya. A. (eds) *Pervobytnaya arkheologiya. Chelovek i iskusstvo* [Primitive Archeology. Man and Art]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 193–197.
47. Gyeonqju National Museum. (n.d.) *Ornamental Dagger Sheath*. [Online] Available from: http://gyeongju.museum.go.kr/html/en/master/master_01.html?GotoPage=2&gubun=&pageSize=10. (Accessed: 2nd May 2014).
48. Vorobiev, M.V. (1961) *Drevnyaya Koreya (istoriko-arkheologicheskiy ocherk)* [Ancient Korea (a historical and archaeological sketch)]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury.
49. Busik, K. (1959) *Samguk (Samkuk) sagi. Letopisi Silla* [Samguk sagas. Annals of Sylla]. Translated from Korean by M. Pak. Book 1. Moscow: Nauka, Vostochnaya literatura.
50. Albaum, L.I. (1975) *Zhivopis' Afrasiaba* [Afrasiab paintings]. Tashkent: FAN.
51. Belenitskiy, A.M. (1959) Novye pamyatniki iskusstva drevnego Pyandzhikenta. Opyt ikonograficheskogo istolkovaniya [New monuments of art of ancient Pyanjikent. Experience of iconographic interpretation]. In: Belenitskiy, A.M. & Piotrovskiy, M.M. (eds) *Skul'ptura i zhivopis' drevnego Pyandzhikenta* [Sculpture and painting of ancient Pyanjikent]. Moscow: USSR AS. pp. 11–87.
52. Dyakonov, M.M. (1954) Rospisi Pyandzhikenta i zhivopis' Sredney Azii [Paintings of Pyanjikent and Central Asia]. In: Yakubovskiy, A.Yu. & Dyakonov, M.M. *Zhivopis' drevnego Pyandzhikenta* [Painting of Ancient Pyanjikent]. Moscow: USSR AS. pp. 83–159.
53. Belenitskiy, A.M. & Raspopova, V.I. (1980) Sogdiyskie "zolotye poyasa" [Sogdian "golden belts"]. In: Popova, I.F. & Skrynnikova, T.D. (eds) *Strany i narody Vostoka* [Countries and peoples of the East]. Issue 22. Moscow: Nauka. pp. 213–218.
54. Raspopova, V.I. (1965) Poyasnoy nabor Sogda VII–VIII vv. [The Sogrda belt in the 7th–8th centuries]. *Sovetskaya arkheologiya*. 4. pp. 78–91.
55. Klyashtornyy, S.G. & Livshits, V.A. (1971) Sogdiyskaya nadpis' iz Buguta [Sogdian inscription from Bugut]. In: Popova, I.F. & Skrynnikova, T.D. (eds) *Strany i narody Vostoka* [Countries and peoples of the East]. Issue 10. pp. 121–146.
56. Malov, S.E. (1952) *Eniseyskaya pis'mennost' tyurkov. Teksty i perevody* [The Yenisei script of the Turks. Texts and translations]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
57. Batmanov, I.A. & Kunaa, A.Ch. (1963) *Pamyatniki drevnetyurkskoy pis'mennosti* [Monuments of Ancient Turkic writing]. Issue 1. Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatelstvo.
58. Batmanov, I.A. & Kunaa, A.Ch. (1965) *Pamyatniki drevnetyurkskoy pis'mennosti* [Monuments of Ancient Turkic writing]. Issue 3. Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatelstvo.
59. Kyzlasov, L.R. (1960) Novaya datirovka pamyatnikov eniseyskoy pis'mennosti [New dating of monuments of the Yenisei script]. *Sovetskaya arkheologiya*. 3. pp. 107–110.
60. Anon. (1941) *Manas. Kirgizskiy narodnyy epos. Glavy iz Velikogo pokhoda (po variantu Sagymbaya Orazbakova)* [Manas. Kirghiz folk epic. Chapters from the Great March (by Sagymbai Orazbakov)]. Translated by S. Lipkin, M. Tarlovsky. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

УДК [94(47)+929](571.150)
DOI: 10.17223/19988613/51/20

М.А. Демин

УЧЕНЫЙ И БЮРОКРАТИЯ (К ИСТОРИИ НЕРЕАЛИЗОВАННОГО ВАРИАНТА НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ А.П. УМАНСКОГО)

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-11-22005 «Историк в региональном социокультурном пространстве второй половины XX в.»).

На основе неопубликованных источников раскрыты перипетии одного из самых драматических эпизодов в научной деятельности известного сибирского историка и археолога Алексея Павловича Уманского. В результате многолетних целенаправленных археологических разведок и раскопок исследователь получил в свое распоряжение обширный археологический материал. На его основе А.П. Уманский планировал подготовить кандидатскую диссертацию под руководством М.П. Грязнова, под началом которого он участвовал в нескольких археологических экспедициях. Однако поступление А.П. Уманского в годичную аспирантуру Ленинградского отделения Института археологии наткнулось на бюрократические препоны Министерства просвещения. В итоге проблему удалось решить только в ведомственных рамках Кемеровского педагогического института. Но для этого пришлось круто изменить уже устоявшиеся планы научных работ и вопреки исследовательским интересам отказаться от археологической проблематики, занявшись изучением истории телеутов в XVII–XVIII вв.
Ключевые слова: Алексей Павлович Уманский; археология; история телеутов; аспирантура; диссертация.

В современной историографии подчеркивается необходимость анализа всего комплекса социальных (экзогенных) факторов, влиявших или порой даже определявших судьбу ученого. Историко-антропологические исследования ориентированы на изучение интеллектуальной деятельности историка в конкретном социокультурном контексте, в рамках которого разворачивалось его творчество. Выявление взаимодействия между индивидуумом и обществом, внешними факторами и внутренними импульсами может способствовать решению такой важной методологической проблемы, как соотношение и совместимость в исследовательской практике микро- и макроанализа [1. С. 7–8; 2. С. 295–296, 338].

Целью данной статьи является введение в научный оборот новых неопубликованных материалов, раскрывающих перипетии одного из самых драматических эпизодов в деятельности известного сибирского историка и археолога Алексея Павловича Уманского. В силу внешних обстоятельств ему пришлось круто изменить уже устоявшиеся планы научных работ, отказаться от аспирантуры в столичном центре с авторитетной научной школой, осваивать тему, которая не предполагала использование годами накопленного материала и плохо вписывалась в сложившиеся научные интересы исследователя. Значимость этого сюжета представляется важной еще и с точки зрения изучения проблемы взаимоотношений ученого и власти, когда бюрократические препоны встали непреодолимой преградой на пути творческих устремлений исследователя и привели к реализации того варианта его научной биографии, который первоначально явно не был приоритетным.

Работая в Барнаульском педагогическом институте, А.П. Уманский в 1949 г. с группой студентов принял участие в археологической экспедиции под руководством М.П. Грязнова и на всю жизнь «заболел» археологией. Он установил прочные связи с ленинградскими научными сотрудниками и студентами, провел в 1951 г. первые самостоятельные археологические раскопки. В 1955 г. А.П. Уманский переходит на работу в управление культуры Алтайского крайисполкома старшим инспектором по музеям и охране памятников культуры. Он продолжает интенсивную деятельность по выявлению, обследованию и раскопкам археологических объектов, публикует большую серию научно-популярных работ по археологической тематике [3, 4].

С 1 сентября 1963 г. А.П. Уманский возвращается на работу в Барнаульский пединститут на должность старшего преподавателя кафедры истории. В вуз он перешел с четкой целью вплотную заняться научной деятельностью, предварительно обсудив этот вопрос с руководством вуза. По словам преподавателя, «передо мной сразу же поставили задачу – защищайся, и чем скорее, тем будет лучше» [5]. Перед уходом из управленческой структуры он в августе 1963 г. совершил поездку в Ленинград в Государственный Эрмитаж с целью передачи туда на постоянное хранение драгоценных изделий из его археологических исследований. В ходе поездки он планировал обговорить с Михаилом Петровичем Грязновым, ведущим специалистом по

археологии Южной Сибири, возможное научное руководство и предполагаемую тему кандидатской диссертации, однако тот оказался в отъезде.

Вскоре после оформления на новую работу ректорат начинает переписку с соответствующими инстанциями по поводу его оформления в годичную аспирантуру по археологии. От самого преподавателя требовалось найти себе «свободного» научного руководителя, который бы согласился работать с аспирантом. Все надежды здесь А.П. Уманский возлагал на М.П. Грязнова, под началом которого он участвовал в нескольких археологических экспедициях. Во время конференции в Иркутске в 1960 г. именно М.П. Грязнов познакомил его с А.П. Окладниковым и рекомендовал барнаульскому исследователю «что-то делать» в научном плане [5]. Однако после раскопок в ложе будущего Обского водохранилища в начале 1950-х гг. непосредственных контактов с ученым он не поддерживал, хотя не терял связи с его ленинградскими коллегами: М.П. Золотухиной, С.С. Сорокиным и др. После передачи «золотой» коллекции в Эрмитаж он вел активную переписку с его сотрудниками: А.П. Манцевич, Б.А. Латыниным, К.М. Скалон.

В результате многочисленных разведок и раскопок в распоряжении исследователя имелся достаточно обширный археологический материал по различным эпохам. А.П. Уманский справедливо полагал, что сумеет его обобщить в течение года, и планировал в дальнейшем развивать именно археологическую тематику. Хотя лично встретиться с ленинградским ученым ввиду его отъезда в августе 1963 г. не получилось, однако, по словам Б.А. Латынина, М.П. Грязнов «мурлыкал, облизываясь», осматривая привезенные с Алтая золотые андроновские изделия [6]. Для определения темы и материалов будущей диссертации Латынин, сопереживавший и поддерживавший начинания барнаульского исследователя, настойчиво предлагал ему «списаться или иначе как посоветоваться с Михаилом Петровичем. Знаю, что он будет (и есть) к Вам всячески благорасположен» [7].

После длительных раздумий в конце ноября или начале декабря этого же года А.П. Уманский обратился к ленинградскому археологу с большим письмом. В нем видна некоторая неуверенность А.П. Уманского в положительном решении вопроса, которая, видимо, объясняется не только отсутствием у него специального «архобразования» и понятной робостью провинциального исследователя перед маститым столичным ученым, но и тем, что вопреки совету М.П. Грязнова А.П. Уманский предлагал для диссертации не общеисторическую, а археологическую тематику. Дело в том, что Грязнов по ряду причин ранее советовал начинающему исследователю выбрать тему диссертационного сочинения не по археологии, а по истории телеутов в XVII–XVIII вв.

В начале письма А.П. Уманский приводит объяснения, почему, несмотря на определенные наработки по истории «Телеутской землицы», выбор сделан в пользу археологии. Это было связано, прежде всего, с большим массивом археологических источников, полученных исследователем в последние годы. Он «увязал» в археологии, все дальше «отодвигаясь от исторической темы» и теряя к ней интерес. Тем более после трудов Л.П. Потапова по истории алтайцев: «Есть ли смысл ломиться в эту дверь?»

Кроме того, начинающего ученого настораживала зависимость исторических исследований от директив идеологического характера: «Есть такие щекотливые вопросы, обходить которые нельзя, а решать надо, идя не от фактов, а от установки». Сетуя на то, что нет возможности непосредственно познакомить М.П. Грязнова с имеющимся археологическим материалом, А.П. Уманский перечисляет исследованные им памятники андроновского времени, эпохи «ранних кочевников», I тыс. н.э. и сросткинской культуры, подчеркивая наличие дальнейших перспектив изучения ряда объектов. Однако формулировка темы диссертации, ее территориальных и хронологических рамок вызывали у него затруднение.

О том, насколько важно для начинающего исследователя было определиться с научным руководителем, свидетельствует его готовность пойти на такой неординарный шаг, как поделиться с ним собственными археологическими источниками: «Я бы, наверное, отдал ему половину своих материалов». Напрямую А.П. Уманский не ставит перед М.П. Грязновым вопрос о его согласии стать научным руководителем, а просит «присоветовать», как выйти из данной ситуации, внять «гласу вопиющего в пустыни», однако из содержания письма совершенно очевидно, какой вариант для соискателя был наиболее предпочтительным [5]. Некоторую задержку с ответом на свое письмо А.П. Уманский воспринял с большой тревогой и, «как сигнал о бедствии», просил М.П. Золотухину помочь прояснить ситуацию [8].

В середине января 1964 г. ответное письмо от М.П. Грязнова было получено. Оговорившись, что не имеет достаточно полного представления о материалах А.П. Уманского, ленинградский ученый все же выражал уверенность, что на них «можно построить хорошую диссертацию, и что Вы это сможете сделать». Однако он несколько раз настойчиво повторял, что успех возможен только при одном непременном условии: соискатель должен примерно год провести в Ленинграде, чтобы «делиться мыслями и соображениями с археологами близкого научного профиля», в противном случае будет трудно подняться выше «посредственного провинциального» уровня. Что касается темы диссертации, то, по мнению М.П. Грязнова, ее лучше сформулировать после детального знакомства с имеющимися источниками, но, вероятно, следует взять более широкие хронологические рамки, чем андроновская эпоха [9].

В начале 1964 г. А.П. Уманский еще дважды обращается к М.П. Грязнову с просьбой решить некоторые формальные вопросы, связанные с его прикреплением

к ленинградскому научному центру. Ленинградский археолог дал официальное согласие на научное руководство; тема диссертации была сформулирована следующим образом: «Верхняя Обь в эпоху бронзы и раннего железа». В апреле этого же года детали предстоящей научной работы, видимо, были обговорены во время личной встречи ученых в Москве или Ленинграде. М.П. Грязнов положительно и очень благожелательно отнесся к просьбам барнаульского исследователя, но, возможно, корректно-сдержанный тон писем и задержки с ответами вызвали некоторые сомнения А.П. Уманского в том, что его научные начинания встречены с энтузиазмом: «Возможно… М.П. … как деликатный человек не смог мне твердо отказать и думал, что я сам догадаюсь, а я не догадался и лезу как треневская Дунька в Европу, в археологию» [10].

Тем не менее вначале все складывалось благополучно: по ходатайству М.П. Грязнова заведующий Ленинградским отделением Института археологии М.К. Каргер в письме на имя ректора БГПИ от 30 июня 1964 г. выразил согласие принять А.П. Уманского в годичную аспирантуру и поручить руководство его работой М.П. Грязнову [11. Л. 20]. Преподаватель уже прорабатывал с руководством вуза сроки творческой командировки (ориентировочно ее начало определили с 1 января 1965 г.) и обговаривал вопросы своего обустройства в северной столице. Однако его по-прежнему одолевали сомнения как по поводу реальности самой поездки («сижу как иголках, то ли будет, то ли нет»), так и по ее результативности («смогу ли я сделать тему за этот год, учитывая мою дремучесть в вопросах археологии?») [12]. Свои мысли по этому поводу он высказывает и в письме предполагаемому научному руководителю: «…Все еще сомневаюсь, смогу ли я сказать что-нибудь новое в археологии Алтая, не зря ли Вас втянул в это дело?» [13].

В итоге сбылись самые худшие опасения преподавателя. В октябре 1964 г. в ректорат приходит ответ из отдела кадров Главного управления высших учебных заведений Министерства просвещения РСФСР, в котором сообщалось, что институты Академии наук не имеют право прикомандировывать в годичную аспирантуру, и соискателю для завершения диссертации предлагалось прикрепиться к одному из пединститутов или университетов [11. Л. 21]. Так, росчерком пера министерского чиновника рушились планы и надежды на год жизни в культурной столице страны с ее выдающимися памятниками истории и культуры, знаменитыми музеями, крупнейшими архивами и библиотеками, признанной в научном мире археологической школой, налаженными связями и авторитетным научным руководителем. И все это в одночасье предлагалось поменять, притом неизвестно на что. В письмах Б.А. Латынину и М.П. Грязнову он сообщает о постигшем его «несчастье», извиняется за те хлопоты, которые он им причинил: «Мне стыдно за эту авантюру, которую затеяли мои проректор и зав. кафедрой. Ведь они заверяли, требовали даже – только отыщите научного руководителя и командировка на год обеспечена», а в результате получили «багровую дулю в нос» [14].

Глубоко переживая по поводу возникших крайне неблагоприятных обстоятельств и высказывая порой пессимистические мысли («Через три года кончится конкурсный срок и придется снова идти в школу или музей») [15], А.П. Уманский не сложил руки, а продумывал другие варианты своей научной карьеры, связанные с аспирантурой Новосибирского или Томского университетов, или обращением к телеутской тематике. Показательно, что в письме к М.П. Грязнову, отправленному в столь драматический для барнаульского исследователя момент, он не зацикливается на возникшей проблеме, а сообщает о своих летних экспедиционных работах и научных публикациях, интересуется результатами археологических раскопок своего ленинградского коллеги [Там же].

Не поддавшись гипнозу министерской бумаги, А.П. Уманский предпринимает решительные практические шаги с целью изменить ситуацию. От своего имени он направляет письмо начальнику отдела кадров министерского подразделения, который подписал бумагу с отказом в ленинградской аспирантуре. В весьма резкой форме он просит объяснить, почему ни ректорат вуза, направляя ходатайство, ни заведующий Ленинградским отделением Института археологии, давая согласие, не знали о том, что преподавателей педагогических институтов нельзя направлять в аспирантуру академических учреждений. «Я не допускаю мысли, – пишет А.П. Уманский, что М.К. Каргер решился на нарушение каких-то инструкций». По поводу совета о прикреплении к одному из пединститутов преподаватель с сарказмом пишет, что ни в одном из них нет аспирантуры по археологии: «Ваш инспектор или инструктор, готовивший ответ, мог легко убедиться в этом, заглянув в перечень пединститутов…». Что касается университетов, то, по словам А.П. Уманского, лишь несколько из них могли бы заинтересоваться алтайской тематикой, однако Московский, Ленинградский и Новосибирский университеты «основательно набиты аспирантами», к тому же сфера научных интересов новосибирских археологов далека территориально от Алтая, а тематически – от эпохи бронзы [16. Л. 25–25 об.].

Решительность и напористость барнаульского преподавателя заставили министерскую бюрократическую машину прийти в некоторое движение. За подписью заместителя министра в Президиум Академии наук СССР уходит бумага с просьбой о прикомандировании его в годичную аспирантуру Ленинградского отделения Института археологии [17]. Вдогонку уже сам Алексей Павлович направляет непосредственно в Президиум Академии письмо, в котором поясняет, что приложенная к ходатайству Министерства рукопись является публикацией научно-популярного характера. Кроме того, при решении вопроса о его аспирантуре в Ленинграде он просит учесть, что в течение последних

шести лет (1959–1964 гг.) он возглавлял археологические экспедиции, в ходе которых был получен большой и интересный материал по истории Верхней Оби эпохи бронзы и раннего железа, который хранится не только в местных музеях, но и в Государственном Эрмитаже [18. Л. 6]. Президиум Академии наук положительно решает поставленный перед ним вопрос и оперативно извещает Министерство просвещения и Ленинградское отделение Института археологии о своем согласии прикомандировать барнаульского преподавателя в аспирантуру третьего года обучения [11. Л. 26]. Казалось бы, все препоны были преодолены; с благополучным завершением эпопеи по поступлению в аспирантуру А.П. Уманского поздравили З.А. Абрамова, М.П. Завитухина и Б.А. Латынин. На февраль 1965 г. он планировал отъезд в Ленинград, хотя, «наученный годом мытарств по инстанциям», не спешил обнародовать свой успех [16. Л. 26].

И действительно, в самом конце 1964 г. он получает «новогодний подарок… Министерства». Короткое письмо, подписанное исполняющим обязанности начальника Главного управления высших учебных заведений Министерства просвещения РСФСР, поражает некомпетентностью и формализмом в действиях руководящего органа. В документе указывается, что А.П. Уманский может быть прикомандирован в Ленинградское отделение Института археологии как аспирант третьего года обучения, но Министерство просвещения и Барнаульский пединститут не могут нести соответствующие расходы. В письме преподавателю повторно предлагается прикрепиться к одному из университетов [11. Л. 22]. Спрашивается, зачем был затеян весь этот «сыр-бор» с перепиской с Академией наук и поиском научного руководителя из академического учреждения, если финансовые инструкции Министерства в принципе не предусматривали подобного варианта?

1 января 1965 г. А.П. Уманский пишет большое, на пяти страницах, письмо М.П. Грязнову, в котором полностью перепечатывает текст официального министерского уведомления, пишет, что «просто остолбенел» от такого бюрократического решения, сожалеет, что вновь остался у «разбитого корыта». Однако основная часть письма была посвящена чисто археологическим проблемам: результатам раскопок в Нижней Суетке в 1964 г., обработке музейных коллекций с других памятников и, главным образом, обсуждению ряда дискуссионных вопросов андроновской культуры. Судя по всему, А.П. Уманский, невзирая на удары судьбы, рассчитывал не сворачивать, а наоборот, активно развертывать свои археологические исследования. Об этом он прямо сообщает М.П. Грязнову, одновременно давая понять, что не забыл его мнения о невозможности подготовить хорошую диссертацию в отрыве от столичных центров: «В сегодняшнем моем положении остается, видимо, одно – писать полуграмотную провинциальную работу» [19].

Почти два последующих года ушли на поиск и согласование новых учреждений и научного руководителя. Рассматривались различные варианты, в том числе привлечение для руководства М.П. Грязнова в качестве профессора кафедры археологии Ленинградского университета [11. Л. 19] с последующей защитой в этом учебном заведении. Этот вариант Б.А. Латынин даже предварительно согласовал с заведующим кафедрой М.И. Артамоновым [20]. В итоге проблему удалось решить только в рамках ведомственной принадлежности Барнаульского пединститута. В декабре 1966 г. появляется приказ Министерства просвещения РСФСР о прикомандировании А.П. Уманского в годичную аспирантуру Кемеровского педагогического института для завершения и защиты кандидатской диссертации на тему «Телеуты в XVII веке» с 25 декабря 1966 по 25 декабря 1967 г. [21. Л. 18].

Определенное участие в его «нескладной судьбе» в этот период принял кемеровский археолог, впоследствии известный российский ученый, автор учебников по археологии СССР и России Анатолий Иванович Мартынов. А.П. Уманский к этому времени, видимо, уже смирился с тем, что ему не суждено продолжить свои научные изыскания в ведущем научном центре страны и даже видел явные материальные преимущества прикрепления к вузу, территориально расположенному близ Барнаула. По крайней мере, в письме А.И. Мартынову от 15 мая 1966 г. он утверждает, что «обеими руками голосует за Кемерово», которое для него «во всех отношениях… предпочтительнее». Однако мысль М.П. Грязнова о слабом научном уровне провинциальных исследований все же не давала ему покоя. Он понимал, что речь идет не просто о качестве диссертации, а шире – о возможности полноправного вхождения в профессиональное научное сообщество. Вероятно, борясь с собственными сомнениями и подводя итог длительных раздумий по этому поводу, он пишет А.И. Мартынову: «Некоторые “добродеи” говорят мне… дескать теряется марка. На сие я отвечаю: не в моем возрасте и положении заботиться о марке… я и не думаю делать свою работу «столичной», пусть она будет провинциальной, но на своем материале, чем столичной, написанной на чужих материалах» [22].

Научным руководителем соискателя был утвержден профессор В.Г. Мирзоев [17. Л. 17], который незадолго до этого защитил докторскую диссертацию по историографии Сибири. По словам Алексея Павловича, на первую беседу с научным руководителем он привез для обсуждения несколько возможных тем кандидатской диссертации. Первой среди них по-прежнему стояла эпоха бронзы и раннего железа Верхнего Приобья. Однако В.Г. Мирзоев не был специалистом по археологии и поэтому не взялся руководить работой по незнакомой для него научной проблеме. Тогда А.П. Уманский предложил тему по истории телеутов, по которой он начал собирать материалы еще с середины 1950-х гг. Конечно, ему было очень жаль, что в работе нельзя будет использовать «такой выигрышный археологический материал» [15], однако необходимость для препо-

давателя высшей школы скорейшей «остепененности» в рамках установленных процедур послевузовского образования потребовала принятия данного решения.

Таким образом, бюрократические преграды не позволили реализоваться тому варианту научной биографии А.П. Уманского, который он считал наиболее предпочтительным, и вытекал из его предшествующих исследовательских начинаний. Вполне вероятно, что если бы идея с ленинградской аспирантурой осуществилась, то под руководством А.П. Уманского впоследствии возникла авторитетная археологическая школа. Однако в силу указанных выше обстоятельств ему пришлось совмещать археологические и исторические исследования, не говоря уже о преподавательской работе, административных обязанностях и общественных поручениях, требовавших огромных временных затрат. Тем не менее вплоть до свертывания активной деятельности по возрасту и состоянию здоровья он почти ежегодно проводил полевые археологические изыскания. Внешние факторы не ослабили творческих устремлений А.П. Уманского: он в короткие сроки собрал и обработал большой массив архивных источников и подготовил объемную рукопись по истории «Телеутской землицы». По этой проблематике он впоследствии стал признанным в научном мире специалистом, защитил кандидатскую и докторскую диссертации, опубликовал две капитальные монографии и серию статей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Репина Л.П. Личность и общество, или История в биографиях // История через личность: историческая биография сегодня. М. : Кругъ, 2005. С. 5–18.
2. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М. : Кругъ, 2011.
3. Демин М.А. А.П. Уманский: первые шаги в науку // Вопросы археологии и истории юга Западной Сибири : материалы всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки РФ профессора А.П. Уманского / редкол.: М.А. Демин (отв. ред.) и др. Барнаул : АлтГПА, 2013. С. 30–42.
4. Демин М.А. Археологические исследования А.П. Уманского на Алтае (1949–1963 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. 2016. № 2 (90). С. 200–205.
5. Письмо А.П. Уманского. Ноябрь – декабрь 1963 г. Личный архив вдовы ученого Тамары Аверьяновны Уманской.
6. Письмо Б.А. Латынина. 22 октября 1963 г. Личный архив Т.А. Уманской.
7. Письмо Б.А. Латынина. 18 ноября 1963 г. Личный архив Т.А. Уманской.
8. Письмо А.П. Уманского. 20 декабря 1963 г. Личный архив Т.А. Уманской.
9. Письмо М.П. Грязнова. 2 января 1964 г. Личный архив Т.А. Уманской.
10. Письмо А.П. Уманского. 8 сентября 1964 г. Личный архив Т.А. Уманской.
11. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-1820. Оп. 1. Д. 155.
12. Письмо А.П. Уманского. Конец августа или сентябрь 1964 г. Личный архив Т.А. Уманской.
13. Письмо А.П. Уманского. 30 августа 1964 г. Личный архив Т.А. Уманской.
14. Письмо А.П. Уманского. 21 октября 1964 г. Личный архив Т.А. Уманской.
15. Письмо А.П. Уманского. 22 октября 1964 г. Личный архив Т.А. Уманской.
16. ГААК. Ф. Р-1820. Оп. 1. Д. 149.
17. Архив Алтайского государственного педагогического университета. Личное дело А.П. Уманского.
18. ГААК. Ф. Р-1820. Оп. 1. Д. 156.
19. Письмо А.П. Уманского. 1 января 1965 г. Личный архив Т.А. Уманской.
20. Письмо Б.А. Латынина. 9 мая 1965 г. Личный архив Т.А. Уманской.
21. ГААК. Ф. Р-1820. Оп. 1. Д. 154.
22. Письмо А.П. Уманского. 18 мая 1966 г. Личный архив Т.А. Уманской.

Dyomin Mikhail A. Altai state Pedagogical university (Barnaul, Russia). E-mail: mademin52@mail.ru

THE SCIENTIST AND THE BUREAUCRACY. (TO THE HISTORY OF THE UNREALIZED VERSION OF SCIENTIFIC BIOGRAPHY OF A. P. UMANSKY)

Keywords: Alexei Pavlovich Umansky; archaeology; studying the history of the Teleuts; post-graduate course; thesis.

The purpose of the article is to consider the dramatic events in the biography of the famous Siberian historian and archaeologist Alexei Pavlovich Umansky that led to a radical change in the problems of his scientific research. To solve the set goal, the following tasks are to be solved: to identify the reasons that determined the desire of the Barnaul scientist to work in the field of archeology; to characterize his contacts with the Leningrad archaeologist M.P. Gryaznov; to show the influence of external bureaucratic factors on the scientific activities of Umansky. The publication is based on the methodological principles of intellectual history and the practice of modern historical and anthropological research. The problematic field of work is related to the relationship between scientists and authorities, when bureaucratic obstacles were insurmountable obstacles to their creative aspirations. The source of the article is the unpublished correspondence of A.P. Umansky with prominent Russian archaeologists M.P. Gryaznov, B.A. Latynin, M.P. Zolotukhin, A.I. Martynov, as well as archival documents. As a result of long-standing archaeological explorations and excavations, A.P. Umansky received a vast archaeological material at his disposal. On its basis, he planned to prepare a candidate dissertation, having attached for a year to the Leningrad branch of the Institute of Archeology. However, the Ministry of education of the RSFSR did not give permission for the attachment of thesis to an academic institution, which was not in charge of it, by offering him a post-graduate course at one of the pedagogical institutes or universities. Not succumbing to the hypnosis of the ministerial paper, A. P. Umansky takes bold practical steps to change the situation that forced the bureaucratic machine to come to a certain movement. As a result, the Presidium of the USSR Academy of Sciences has already given a positive conclusion on admission of the Barnaul researcher in a one-year postgraduate course at the Leningrad branch of the Institute of Archaeology. Further decisions of the Ministry of education are striking in their incompetence and formalism: it informed that Umansky may be registered as a graduate student in an academic institution, but neither the Ministry, nor the Barnaul Pedagogical Institute could bear the corresponding costs. Almost next two years went to the search and negotiation of new institutions and a research supervisor. As a result, the problem was solved only in the institutional framework of the Kemerovo Pedagogical Institute. As a result of the conducted research, the author came to the conclusion that, due to external circumstances, A.P. Umansky had

to change abruptly the already well-established plans for scientific work and master the topic, which did not involve the use of archaeological material accumulated for years and did not fit well into the researcher's established scientific interests. It is likely that if the idea with the Leningrad postgraduate studies was realized, then there could be an authoritative archeological school under the leadership of A.P. Umansky subsequently.

REFERENCES

1. Repina, L.P. (2005) Lichnost' i obshchestvo, ili istoriya v biografiyakh [Personality and society, or history in biographies]. In: Repina, L.P. & Petrova, M.S. (eds) *Istoriya cherez lichnost': istoricheskaya biografiya segodnya* [History Through Personality. Historical Biographi Today]. Moscow: Krug". pp. 5–18.
2. Repina, L.P. (2011) *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika* [History at the turn of the 21st century: social theories and historiographical practice]. Moscow: Krug".
3. Demin, M.A. (2013) A.P. Umanskiy: pervye shagi v nauku [A.P. Umansky: the first steps in science]. In: Demin, M.A. (ed.) *Voprosy arkheologii i istorii yuga Zapadnoy Sibiri* [Problems of archeology and history of the south of Western Siberia]. Barnaul: Altai State Pedagogical Academy. pp. 30–42.
4. Demin, M.A. (2016) A.P. Umansky's Archeological Research in Altai (1956–1963). *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoricheskie nauki i arkheologiya – Izvestiya of Altai State University. Historical Science and Archeology*. 2(90). pp. 200–205. (In Russian). DOI: 10.14258/izvasu(2016)2-36
5. Umanskiy, A.P. (1963a) *Pis'mo A.P. Umanskogo. Noyabr' – dekabr' 1963 g.* [Letter from A.P. Umanskiy. November – December, 1963]. From T.A. Umanskaya's personal archive.
6. Latynin, B.A. (1963a) *Pis'mo B.A. Latynina. 22 oktyabrya 1963 g.* [Letter from B.A. Latynin. October 22, 1963]. From T.A. Umanskaya's personal archive.
7. Latynin, B.A. (1963b) *Pis'mo B.A. Latynina. 18 noyabrya 1963 g.* [Letter from B.A. Latynin. November 18, 1963]. From T.A. Umanskaya's personal archive.
8. Umanskiy, A.P. (1963b) *Pis'mo A.P. Umanskogo. 20 dekabrya 1963 g.* [Letter from A.P. Umanskiy. December 20, 1963]. From T.A. Umanskaya's personal archive.
9. Gryaznov, M.P. (1964) *Pis'mo M.P. Gryaznova. 2 yanvarya 1964 g.* [Letter from M.P. Gryaznov. January 2, 1964]. From T.A. Umanskaya's personal archive.
10. Umanskiy, A.P. (1964a) *Pis'mo A.P. Umanskogo. 8 sentyabrya 1964 g.* [Letter from A.P. Umanskiy. September 8, 1964]. From T.A. Umanskaya's personal archive.
11. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-1820. List 1. File 155.
12. Umanskiy, A.P. (1964b) *Pis'mo A.P. Umanskogo. Konets avgusta ili sentyabr' 1964 g.* [Letter from A.P. Umanskiy. End of August or September, 1964]. From T.A. Umanskaya's personal archive.
13. Umanskiy, A.P. (1964c) *Pis'mo A.P. Umanskogo. 30 avgusta 1964 g.* [Letter from A.P. Umanskiy. August 30, 1964]. From T.A. Umanskaya's personal archive.
14. Umanskiy, A.P. (1964d) *Pis'mo A.P. Umanskogo. 21 oktyabrya 1964 g.* [Letter from A.P. Umanskiy. October 21, 1964]. From T.A. Umanskaya's personal archive.
15. Umanskiy, A.P. (1964e) *Pis'mo A.P. Umanskogo. 22 oktyabrya 1964 g.* [Letter from A.P. Umanskiy. October 22, 1964]. From T.A. Umanskaya's personal archive.
16. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-1820. List 1. File 149.
17. The Archive of the Altai State Pedagogical University. A.P. Umanskiy's personal file.
18. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-1820. List 1. File 156.
19. Umanskiy, A.P. (1965) *Pis'mo A.P. Umanskogo. 1 yanvarya 1965 g.* [Letter from A.P. Umanskiy. January 1, 1965]. From T.A. Umanskaya's personal archive.
20. Latynin, B.A. (1965) *Pis'mo B.A. Latynina. 9 maya 1965 g.* [Letter from B.A. Latynina. May 9, 1965]. From T.A. Umanskaya's personal archive.
21. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-1820. List 1. File 154.
22. Umanskiy, A.P. (1966) *Pis'mo A.P. Umanskogo. 18 maya 1966 g.* [Letter from A.P. Umanskiy. May 18, 1966]. From T.A. Umanskaya's personal archive.

УДК 94(4)
DOI: 10.17223/19988613/51/21

Е.С. Марей

ГРЕХ И ЗЛОДЕЯНИЕ В «СЕНТЕНЦИЯХ» ТАЙОНА САРАГОССКОГО: СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЙ И ИХ ИСТОЧНИКИ

Публикация подготовлена при поддержке Гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук: Интерпретация римских юридических понятий в трудах Григория Великого и формирование правовой культуры Средневековья (МК-885.2017.6).

Рассматривается содержание понятия «грех» (лат. peccatum) в трактате «Сентенции» Тайона, епископа Сарагосы (втор. пол. VII в.). Анализируются виды грехов, выделяемых Тайоном, его интерпретация этого термина, а также значения синонимичных понятий (напр. «порок», «несправедливость» и т.п.). Большое внимание уделяется источникам епископа, главным образом «Моралиям» Григория Великого и «Сентенциям» Исидора Севильского, и методике работы с ними. Не внеся никакого нового смысла в понимание терминов peccatum и его синонимов, Тайону, тем не менее, удалось сделать главное: он сумел адаптировать текст Григория к своему времени и сократить его, сохранив при этом его основные идеи и положения. Работа Тайона с «Моралиями» много говорит о характере современной ему культуры, главной целью которой было сохранение и упрощение уже имеющегося знания.

Ключевые слова: Тайон Сарагосский; Григорий Великий; Исидор Севильский; интерпретация юридических понятий; peccatum; delictum.

История и культура Толедского королевства вестготов неразрывно связана с именем выдающегося просветителя и эрудита Исидора Севильского (ок. 560–636 г.). Самым известным его произведением по праву считаются «Этимологии, или Начала» в 20 книгах, где, опираясь на сочинения римских и христианских авторов, Исидор приводит этимологии практически всех значимых понятий любой сферы знания [1. С. 176–190; 2. С. 196–276; 3; 4. Т. 1. С. 7–257; 5]. Весомую часть в структуре энциклопедии составляет пятая книга, первая часть которой посвящена понятиям права. Объясняя римские правовые термины в соответствии с нормами христианской доктрины и морали, Исидор тем самым изменял их коннотации и отчасти содержание. Его интерпретации ключевых терминов римского права легли затем в основу формирующейся правовой культуры Средневековья [6 passim]. Ничуть не менее значимы и другие произведения Севильца, например «Сентенции» в трех книгах, в которых Исидор рассматривает богословские категории, раскрывает суть добродетелей и пороков и, наконец, формулирует идеал епископа, монаха, судьи, короля и др. [7. С. 143–162]. Жанр сентенций – морализаторского трактата [8. С. 3–48] – был продолжен младшим современником Исидора, епископом Сарагосы Тайоном. Вслед за Исидором Тайон написал свои «Сентенции» в пяти книгах, где изложил свой взгляд на добродетели и пороки.

Таким образом, после смерти Исидора Севильского культурная традиция, заложенная им, отнюдь не прерывалась. Однако если фигура и произведения самого епископа Севильи неизменно притягивают внимание исследователей, то наследие его учеников и продолжателей – того же Тайона Сарагосского – часто остается вне их поля зрения. Попробуем закрыть эту лакуну хотя бы отчасти. Анализ произведения Тайона поможет нам проследить судьбу наследия Исидора Севильского и проблемы его интерпретации. В свою очередь это поможет пролить свет на характер средневековой культуры. Перу Тайона принадлежит только одно произведение – «Сентенции» в пяти книгах[1], которое, однако, получило весьма широкое распространение в Средневековой Европе. Так как рассмотрение всех «Сентенций» Тайона – тема, достойная отдельной большой работы, в настоящей статье я ограничусь анализом понятий, связанных понятием греха (*peccatum, delictum*).

Выбор именно этого термина отнюдь не случаен. Понятие греха является одним из ключевых в средневековой христианской культуре, влияющих на мировоззрение и жизнь человека, связанных непосредственно с идеей Страшного суда и воздаяния.

Таким образом, цель нашей работы состоит в том, чтобы на примере понятий греха показать способы и механизмы использования Тайоном произведений его предшественников, что, в свою очередь, поможет нам отчасти пролить свет на историю бытования этих произведений в Толедском королевстве. Прежде всего, определим, сочинения каких авторов были известны Тайону и использовались при работе над «Сентенциями». Для этого необходимо обратиться к его биографии.

В целом, о жизни Тайона Сарагосского известно немного. Его жития не сохранилось (или вовсе не существовало), поэтому главным источником его биографии являются письма: к епископу Барселоны Квирику, епископу Толедо Евгению и два письма епископа Сарагосы Браулиона, адресованные Тайону. Нет никаких данных о месте и времени его рождения и его семье. Сам епископ в письме Квирику назвал свое прозвище – Самуил[2]. Возможно, это указывает на то, что он происходил из семьи крещеных евреев, однако других данных о семье у нас нет [11. С. 403]. Из письма

Браулиона можно понять, что Тайон был аббатом монастыря в окрестностях Сарагосы и был дружен с самим Браулионом, который, в свою очередь, был тесно связан с Исидором Севильским[3]. Традиция делает Тайона учеником Браулиона, но, как показывает современная испанская исследовательница Р. Мигель Франко, нет никаких надежных оснований верить этому [12. С. 289–291]. Впрочем, очевидно, что Тайон так или иначе входил в круг Браулиона Сарагосского и был дружен с его учеником Евгением Толедским.

После смерти Браулиона в 651 г. Тайон стал епископом Сарагосы и в этом качестве участвовал в работе VIII (653 г.) Толедского собора, на котором была обнародована «Книга приговоров» (Вестготская правда), а также присутствовал на IX (655 г.) соборе в Толедо. Пожалуй, это все, что можно сказать о его епископате: информации столь мало, что даже неизвестна точная дата его смерти [11. С. 403–410; 13. С. 207–208].

Об образовании Тайона можно судить на основе его переписки. Так, сохранилось одно любопытное, хотя далеко не всегда ясное письмо Браулиона Сарагосского, которое, очевидно, было ответом на оскорбление Тайона. Из письма мы узнаем, что последний посоветовал епископу Сарагосы «сесть на верблюда и беречь голову, чтобы не удариться о двери церкви»[4]. Примечательно, что, отвечая на нападки Тайона (содержание которых нам не вполне ясно), Браулион процитировал Горация и Вергилия, упомянул имена Квинтилиана, Овидия, Эзопа и др. Это единственное письмо Браулиона, в котором так много реминисценций произведений античных авторов. По-видимому, все еще уязвленный, он пытался продемонстрировать свое интеллектуальное превосходство, но в то же время все эти авторы, хотя бы по именам или в изложении, должны были быть известны и Тайону, иначе невозможно объяснить такое количество прямых цитат и скрытых аллюзий [15. С. 104–106].

Таким образом, Тайон был весьма образованным человеком, а значит, с большой долей вероятности читал самую популярную книгу вестготского королевства – «Этимологии» Исидора Севильского. Это тем более вероятно, что редактором исидоровой энциклопедии был Браулион Сарагосский, с которым Тайон был дружен. Несомненно, Тайону были доступны и «Сентенции» Исидора Севильского, которые были не менее популярны и значимы, чем его энциклопедия. Все это делает Тайона Сарагосского продолжателем интеллектуальной традиции Толедского королевства, заложенной Исидором Севильским. Однако главным авторитетом для будущего епископа Сарагосы был не Исидор, а римский папа Григорий Великий[5].

Одним из самых известных и значительных произведений Григория являются его «Моралии, или Толкования на книгу Иова», которые представляют собой комментарий к библейской книге Иова. Структура его выстроена так, что папа сначала истолковывает исторический смысл текста, затем переходит к аллегорическому и тропологическому толкованию [16. С. 274–275]. Стоит отметить, что «Моралии» оказали колоссальное влияние на мировоззрение Тайона, что неудивительно, ведь именно он по поручению короля Хиндасвинта привез из Рима в Испанию рукописи произведений понтифика [17. С. 145]. Впрочем, сочинения Григория были известны в Испании и раньше: так, «Моралии» были написаны по просьбе Леандра Севильского и, несомненно, имелись в библиотеке Севильи. Однако, как можно заключить из текста «Мосарабской хроники», комментарий был известен в Испании неполностью, поскольку хронист упоминает, что Тайон отправился в Рим за *оставшимися* книгами «Моралий» (*residuis libris moralium*)[6]. Также ничто не мешает предположить, что ко времени поездки экземпляр Леандра был утерян или пришел в негодность. Например, в скриптории Сарагосы произведений Григория не было, и Браулион очень просил ученика привезти ему рукописи, чтобы можно было снять с них копии [14. Письмо 42]. Поездка Тайона увенчалась успехом: из письма к Евгению Толедскому можно узнать, что ему удалось скопировать и привезти в Испанию не только «Моралии», но и «Гомилии на Иезекииля»[7] и комментарии к книгам Ветхого и Нового завета[8].

Идеи Исидора Севильского и Григория Великого нашли свое отражение в «Сентенциях» Тайона, законченных ок. 653 г. Главным источником тайоновых «Сентенций», по его же собственным словам, были «Моралии на книгу Иова»[9]. В целом, «Сентенции» Тайона стали собранием отрывков и выдержек из «Моралий», сгруппированных тематически; по признанию самого автора, он сделал это для того, чтобы облегчить жизнь будущего читателя[10]. Произведение Тайона состоит из пяти книг. В первой он рассказывает о Боге и ангелах, во второй – о тех, кто посвятил себя служению Богу (т.е. о святых, мучениках, клириках и монахах). В третьей книге разбираются различные виды таинств, а также приводятся примеры главных христианских добродетелей. Четвертая книга, наоборот, посвящена различным видам греха. Ее продолжает пятая книга, в которой речь идет о преступлениях, суде и правосудии.

Таким образом, в его трактате изложена система мироздания: Бог, ангелы, праведники и грешники, а завершается он описанием высшего Суда, который рассматривается как конечная цель всей истории[11]. Очевидно, что категории греха, преступления и связанные с ними занимают в четвертой книге «Сентенций» значимое место. Книга открывается краткой главой о речи (*locutio*), которая, согласно Тайону, бывает четырех видов: можно говорить плохо о дурном, хорошо о добром, плохо о добром и, наконец, хорошо о дурном[12]. Это служит прологом к дальнейшему рассуждению сарагосского епископа, подводящим читателя к мысли, что даже разговор о грехе (т.е. об очевидно дурном явлении) может послужить во благо. Не случайно на протяжении всей книги и особенно в конце ее Тайон

рассуждает о том, как побороть порок и как противостоять греху. Во второй главе Тайон напоминает читателям о неотвратимости небесного суда, затем говорит о тех грешниках, которые раскаялись, и о способах искупления греха, а после этого, наконец, начинает подробно описывать, как Сатана и демоны искушают человека. Далее Тайон переходит к описанию пороков (*vitium*) – алчности, чревоугодия, болтливости, лени, тщеславия и т.п. Наконец, с тридцать пятой главы начинается анализ собственно греха (*peccatum*) и его видов, а завершает книгу глава «Об отчаянии грешников», в которой речь идет о жалком положении грешника и, как следствие, его неизбежном раскаянии. Итак, композиция четвертой книги выстроена от искушений к порокам, происходящим от самого устройства человеческого тела и психики, и от пороков к греху – сознательному нарушению Божьих заповедей.

Грех в языке Тайона чаще всего обозначался понятиями *delictum* и *peccatum*, однако последнее чаще встречается в четвертой книге «Сентенций» и обозначает грех вообще, в самом широком смысле слова. Согласно точке зрения Тайона, согрешить можно сердцем и делом. В первом случае нечестивые желания проникают в сердце по внушению дьявола, в расчете на плотские наслаждения, с одобрения и согласия грешника или из-за его дерзости[13]. Грехи, совершаемые делом, тоже подразделяются на четыре ступени: сначала вина оступившегося остается никому не известной, затем о его проступке узнают люди, после чего грех входит у него в привычку, наконец, он начинает совершать злодеяния или от отчаяния, или из ложной надежды на лучшее[14].

Нельзя сказать, чтобы приведенная Тайоном классификация отличалась какой бы то ни было оригинальностью: о том же самом, только гораздо более сжато, говорит и Исидор Севильский в своих «Сентенциях»[15]. Однако в данном случае источником Тайона стало вовсе не произведение Исидора, а отрывок из IV книги «Моралий» Григория Великого, посвященный толкованию стихов 3:11–12 из книги Иова[16]: это становится очевидно, если сопоставить два фрагмента. Так, Тайон заимствует у Григория его историческое толкование, а именно историю Адама и Евы, ставшую своего рода «модельным» грехопадением[17]. Характерно, что аллегорическое и тропологическое толкование Тайон пропустил, вероятно, потому, что они были слишком тесно связаны собственно с библейским отрывком, тогда как «Сентенции» задумывались не как комментарий книги Иова, а как самостоятельный морализаторский трактат.

Вместо этого епископ Сарагосы перешел к рассуждению о том, что часто один и тот же грех является одновременно и наказанием, и причиной, побуждающей к другому, еще более тяжкому греху. Так, человек, который начнет неумеренно наслаждаться вкусными кушаньями, в конце концов, пресытится и захочет других наслаждений, например, любовных. Вступив в преступную связь с замужней женщиной, он рано или поздно будет застигнут на месте преступления и ему ничего не останется, как убить обманутого мужа. В данном случае прелюбодеяние является и причиной убийства, и наказанием за чревоугодие, поскольку умножает вину грешника[18]. Оба разобранных отрывка хорошо иллюстрируют метод работы Тайона с источником: он «выдергивает» целостные фрагменты рассуждений Григория Великого, где не цитируется напрямую книга Иова, и расставляет их в соответствии с композицией своего собственного сочинения. Поэтому в одной и той же главе у него могут соседствовать фрагменты совершенно разных книг «Моралий».

Тайон подразделяет грехи на тайные и явные[19] и на тяжкие и легкие[20], причем, как кажется, эту классификацию он позаимствовал у Исидора. Тайную вину за содеянный проступок епископ Сарагосы сравнивает с чревом, в котором был зачат грешник, а явный грех – с выходом грешника из утробы на свет. Перед нами довольно странная и необычная метафора, появление которой можно объяснить, если обратиться к «Моралиям». В самом деле, Тайон цитирует уже упоминавшийся фрагмент – комментарий Григория на стихи 3:11–12 из книги Иова, где праведник жалеет о том, что появился на свет, так что именно этот мотив очевидным образом появляется и в «Сентенциях» и выглядит там уместно[21]. Таким образом, если в «Моралиях» текст Григория является комментарием на книгу Иова, то у Тайона библейский текст приводится в качестве примера, иллюстрирующего его мысль.

Перейдем к разделению грехов на легкие и тяжкие. О первых Тайон пишет очень кратко, отмечая, что они возникают в силу человеческой слабости или незнания – эта мысль также заимствована у Григория Великого[22], хотя в «Моралиях» вообще нет специального разделения на легкие и тяжкие грехи.

Это разделение присутствует в «Сентенциях» Исидора. Севильский энциклопедист не оставил четкого определения понятия *peccatum grave*, но из его произведения можно понять, что вина за грех становится более тяжелой, когда грехи множатся и когда каждый последующий является большим злодейством, чем предыдущий. Приблизительно также рассуждал и Тайон, точнее Григорий Великий, мысль которого воспроизводит епископ Сарагосы. Неискупленный грех влечет за собой новое преступление[23]: человек, сознательно совершивший дурной поступок, будет снова и снова совершать его, даже не подозревая об этом (*etiam nesciens*), и умножение его пороков станет наказанием для него самого[24]. Это происходит из-за того, что, с точки зрения автора, Господь лишает грешника способности понимать, что есть грех. Так, если человек отдает себе отчет в том, что поступает дурно, и, тем не менее, поступает так из-за гордыни, то в дальнейшем он утрачивает само понимание, что есть грех, так что в конце концов грешник уподобляется зверю, который попадает в приготовленную для него ловушку. Здесь Тайон, снова следуя за Григорием (Moral. XXV.9.22),

сравнивает грех (*peccatum*) с виной (*culpa*), уподобляя грешника закоренелому преступнику, каждое новое преступление которого умножает его вину [23. С. 82–83]. В общем, о том же, только другими словами, говорил и Исидор: по ему мнению, грех начинается с дурного помышления, которое влечет за собой удовольствие, а то склоняет к дурному действию, и мало-помалу человек опутывается узами греха[25]. Возможно, и Исидор использовал в качестве источника текст Григория, однако переработал его, выразив мысль папы своими словами и сократив количество цитат и примеров, Тайон же оставил текст понтифика без изменений. В целом можно сказать, что Тайон использует композицию Исидора, но наполняет ее содержанием из «Моралий».

Впрочем, продолжение этой же главы, по всей видимости, все же было написано самим Тайоном, хотя и на основе четвертой проповеди на Иезекииля Григория Великого. Человеку, в силу несовершенства собственной природы, бывает трудно распознать и правильно оценить свои и чужие проступки. Мы склонны оправдывать себя и, наоборот, слишком сурово осуждать ближнего, и в этом, по мнению, епископа Сарагосы, уподобляемся нечистым на руку торговцам, которые отмеряют товар разной мерой. Тайон призывает читателей быть честными перед собой и относиться к ближнему так же, как к себе[26]. Таким образом, как мы можем судить, Тайон при работе над своим произведением комбинировал подходящие отрывки из сочинений понтифика.

В целом, слово *peccatum* в «Сентенциях» является общим понятием для обозначения греха. Однако, несмотря на то что Тайон привел подробную классификацию грехов и описал их, он не сформулировал точного определения этого термина. Поэтому для определения коннотаций понятия *peccatum* в «Сентенциях» Тайона следует определить, чем же оно отличается от своих синонимов, встречающихся в «Сентенциях».

В четвертой книге речь идет не только о грехе (*peccatum*), но и о пороке – *vitium*, отдельным видам которого посвящена целая глава. Их синонимия в «Сентенциях» Тайона более чем понятна: его непосредственный предшественник, Исидор Севильский, часто смешивал понятия *vitium* и *peccatum* в тексте, более того, вопреки ожиданиям, епископ Севильи не дал их точного определения в своих «Этимологиях». Впрочем, в первых книгах энциклопедии, посвященных грамматике и риторике, *vitium*, как правило, обозначает ошибку на письме или в речи. Характерно употребление словосочетания *vitium naturale* или *vitium naturae* в первой книге «Дифференций»: здесь речь идет о врожденном, природой установленном изъяне[27]. Таким образом, *vitium* в широком смысле обозначает ошибку, отклонение от нормы, чаще этически нейтральное.

Впрочем, в христианской традиции слово *vitium* использовалось для обозначения конкретных пороков, которые Исидор Севильский называет главными: чревоугодия (*gulae concupiscentia*), блуда (*fornicatio*), алчности (*avaritia*), зависти (*invidia*), уныния (*tristitia*), гнева (*ira*), тщеславия (*inanis gloria*) и главнейшего порока – гордыни (*superbia*)[28]. Именно эти пороки являются причиной и первоначалом всего греховного и злого в человеке. Разумеется, эта мысль принадлежит не Исидору – перечень основных пороков мы обнаруживаем в тех же «Моралиях». Очевидно, что Тайон просто следует сложившейся традиции. Таким образом, возвращаясь к различию между *peccatum* и *vitium*, можно заключить, что первый обозначает грех в широком смысле, а второй используется для обозначения набора конкретных грехов и пороков.

Другим синонимом *peccatum* является слово *delictum,* которое употребляется почти наравне с ним. На самом деле, *delictum* и *peccatum* стали путаться гораздо раньше, еще в античную эпоху: не случайно римский грамматик II в. по имени Фронтон пытался их различить[29]. Однако следует полагать, что это объяснение не имело успеха или было забыто, так как Григорий Великий опять попытался установить то же самое различие. Сначала он повторил Фронтона, но с некоторыми изменениями, определив *peccatum* как злодеяние, а *delictum* как уклонение от доброго[30]. Затем предложил свое собственное, принципиально иное толкование, согласно которому *peccatum* есть злодеяние, а *delictum* – только помышление о таковом[32]. Тождество рассматриваемых понятий мы можем увидеть в произведениях Исидора Севильского, например в его «Синонимах» [6. С. 169–173]. При этом Исидора настолько не волновали тонкости терминологии, что он даже не попытался развести термины *delictum* и *peccatum* в своих «Дифференциях» – грамматическом трактате, специально посвященном различию синонимов [28. С. 66–78; 29. С. 368–376]. Однако можно установить, что, несмотря на отмеченное тождество и взаимозаменяемость понятий *delictum* и *peccatum*, последнее все же чаще является родовым понятием, включающим в себя *delictum*.

В своем произведении Тайон попытался отделить понятия *delictum* и *peccatum* от категорий *impietas*, *iniquitas* и *scelus* – этому различению во много посвящена пятая книга «Сентенций». Прежде всего, он проводит различие между грешниками (*peccatores*) и нечестивцами (*impios*). Первые верят в Христа и стараются следовать Его заповедям, но иногда сбиваются с истинного пути вследствие слабости человеческой природы, таким образом, в принципе, грешником можно назвать любого человека. Вторые же не принимают христианскую веру и сознательно отрекаются от нее[33]. В этом случае Тайон почти дословно повторяет мысль Исидора Севильского[34].

Далее он переходит к различению пар *iniquitas* / *peccatum* и *delictum / scelus.* Почему Тайон сгруппировал их именно так? Ведь традиционно различие искали между терминами *delictum* и *peccatum* (как это делали Фронтон, Григорий Великий и Исидор Севильский). Однако Тайон исходит не из традиции: в книге Иова

перечень грехов выстроен именно таким образом[35]. Григорий Великий написал на этот фрагмент развернутый комментарий, который потом безо всяких изменений повторил Тайон в своих «Сентенциях».

Разбирая пару *iniquitas / peccatum,* римский папа отсылает читателя к первому посланию Иоанна, где эти понятия совпадают[36]. Напомню, что Амвросий Медиоланский в своей «Апологии пророка Давида», а затем и Исидор, опиравшийся на это произведение, доказывали, что *iniquitas* тяжелее *peccatum*[37]. Однако Тайон Сарагосский воспроизвел не их аргументацию, а тезис Григория Великого, показавшийся ему наиболее простым и изящным. По мнению римского папы, *iniquitas* гораздо тяжелее, поскольку «ведь грешником себя признает каждый человек, а несправедливым иногда и постыдится»[38].

Далее, для того, чтобы различить понятия *delictum* и *scelus*, Тайон вслед за Григорием Великим сравнивает их с *peccatum*. По его мнению, *delictum* легче, а злодеяние (*scelus*) тяжелее греха, ведь последнее всегда подразумевает действие, тогда как *delictum* чаще всего включает в себя только дурные мысли[39]. По образному выражению Григория, *scelus* тянет за собой «груз греха» (*pondus peccati*), тогда как *delictum* его лишен. Тайон безоговорочно заимствует его идею[40].

Подводя итоги, можно выстроить более или менее стройную классификацию грехов и злодеяний. В «Сентенциях» Тайона *peccatum* является обобщающим понятием, обозначающим грех в самом широком смысле этого слова. Значение слова *iniquitas* обозначает более тяжелые грехи, однако сам факт того, что и Тайон, и его предшественники неизменно стремятся их различить, указывает на то, что часто эти понятия употреблялись в одном ряду. Под *delictum* подразумеваются дурные мысли, а под *scelus* – дурные поступки, потому последнее тяжелее и несет в себе «груз греха».

Значение всех этих терминов, а также классификацию грехов автор почерпнул главным образом из «Моралий» Григория Великого, за которыми ездил в Рим. Это произведение вообще является главным источником его «Сентенций», из которого епископ Сарагосы подчас заимствовал целые фрагменты. Однако было бы неправильным сводить «Сентенции» Тайона лишь к пересказу идей Григория Великого. Начнем с того, что римский папа вообще не ставил себе целью дать определение греха и привести его стройную концепцию. Как отмечает итальянский историк Ф. Гастальделли, Григорий Великий рассуждал о грехе не как философ, а как психолог, стремясь всеми доступными способами заставить своих слушателей вести благочестивую и безгрешную жизнь. Поэтому его рассуждения часто бессистемны и сбивчивы [23. С. 92–93]. Далее, в «Моралиях» материал располагается в соответствии с Книгой Иова, так что идеи и высказывания Григория на тему греха и злодеяния разбросаны по всей книге. В свою очередь Тайон стремился составить систематизированный трактат, в котором бы разбирались нормы поведения, добродетели и пороки, и именно эта систематизация, отбор текста, интерпретация отдельных фрагментов и составляют авторство Тайона. В отличие от «Моралий», представляющих собой многоуровневый комментарий, «Сентенции» Тайона являются законченным трактатом, где материал изложен в соответствии с развитием мысли автора.

В целом, епископ Сарагосы не внес ничего нового в понимание всех вышеперечисленных понятий. Однако, как видно на их примере, именно его «Сентенции» благодаря их относительно небольшому объему и внятной структуре (заимствованной у Исидора) стали тем источником, благодаря которому идеи Григория Великого, высказанные в «Моралиях», получили широкое распространение как в Толедском королевстве вестготов, так и вообще в средневековой Европе.

Тот факт, что Тайон, в общем, лишь адаптировал в удобной для читателей форме основные положения, высказанные Григорием Двоесловом, красноречиво говорит о самом характере культуры Толедского королевства вестготов во второй половине VII в. Очевидно, что смерть «последнего римлянина» Исидора Севильского в 636 г. прервала живую интеллектуальную традицию, на смену которой пришли упрощение и копирование уже имеющихся образцов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Существует еще анонимное произведение «Толкование на Песнь Песней», авторство которого тоже иногда приписывают Тайону, однако этот вопрос остается дискуссионным [9. С. 115–127].

[2] Ep. ad Quiricum: Domno venerabili sanctissimoque viro Quirico episcopo, Taius indignus Caesaraugustanae urbis episcopus, *cognomento Samuel*. Цит. по: [10. Колл. 727].

[3] Именно Браулион, как принято считать, подал Исидору идею написать «Этимологии». Известно, что после смерти Севильца не кто иной, как Браулион отредактировал и издал энциклопедию.

[4] Epistolario de San Braulio (далее – ESB). Письмо 11: Tu e contra uelut gragulus Isopius superbia tumidus in camelo me iussisti ascendere, et caput cabere ne in fores eclesie inpingerem. Цит. по: [13].

[5] Ep. ad Eugenium: Quis namque nostri temporis eloquentia facundus, prudentia praeditus, sapientia profundus, sanctum condignis efferat laudibus Gregorium? Nec ipsi, ut censeo, Graecae Romanaeque facundiae philosophorum praecipui, *Socrates scilicet, vel Plato, Cicero atque Varro*, si nostris temporibus adfuissent, condigna verba prompsissent. Цит. по: [8. Кол. 725].

[6] Continuatio Hispana. 28: Hic (король Хиндасвинт. – *Е.М.*) Taionem Cesaragustanum episcopum ordinis literature satis inbutum et amicum scripturarum Rome ad suam petitionem pro residuis libris moralium porrigit destinatum. Цит. по: [18].

[7] Ep. ad Eugenium: Denique dum historiam beati Job sub triplici indagatione, id est, historica, typica, vel morali, studuit explanatione discutere, atque Ezechielis prophetae primam vel ultimam partem non impari expositione percurrere…

[8] Ep. ad Eugenium: Cujus rei quantitatem in sex Codicibus, quatuor scilicet Veteris Instrumenti, duobus etiam Novi Testamenti, suis connexis ordinibus, praetermissis Scripturis quas eisdem virorum sanctissimus ex ordine tractavit, adjutus orationibus vestris explere curavi. Cfr. [11. C. 407].

[9] Ep. ad Quiricum. 4: … ac de sacris voluminibus, scilicet sancti papae Gregorii Romensis, *sententiarum capitula* (здесь и далее выделено мной – Е.М.) in quinque libellis discreta, uno Codicis textu conclusa, auxiliante Domino, *colligendo decerpsimus*…

[10] Ep. ad Eugenium: … studiosus quisque, cum in eisdem voluminibus cujuslibet sacri testimonii explanationem requirit, ne multiplici lectione fatigatus, non cito reperiat quod voluerit, ad ista quae decerpsi recurrens, repente quod desiderabat liberae satisfactionis discretione reperiet. См.: [16. С. 274–275; 17. С. 145].

[11] Издание труда Тайона было осуществлено в 1776 г. испанским эрудитом М. Риско в серии «Священная Испания» (Tajonis Caesaraugustani epicopi Sententiarum libri V // España Sagrada. T. 31. Madrid, 1776. P. 171–546), в середине XIX в. оно было воспроизведено в «Латинской патрологии» Ж.-П. Миня (PL. T. 80. Col. 727–990), которое я и использовала в настоящей работе. В начале XX в. историк и палеограф С. Гарсия Вильяда осуществил публикацию фрагментов (гл. 33 и 34), пропущенных в издании М. Риско. См.: [19. С. 23–31]. Полного критического издания «Сентенций» Тайона нет до сих пор. См.: [20. С. 247–248].

[12] Taionis Sent. IV.1.

[13] *Taionis* Sent. IV.25: Quatuor modis peccatum perpetratur in corde, quatuor consummatur in opere. In corde namque suggestione, delectatione, consensu, et defensionis audacia, perpetratur. Fit enim suggestio per adversarium, delectatio per carnem, consensus per spiritum, defensionis audacia per elationem. Cfr. *Greg. Magni* Moral. IV.27.49 (дословные совпадения). Цит. по: [21].

[14] *Taionis* Sent. IV.25: … ita etiam quatuor modis peccatum consummatur in opere. Prius namque latens culpa agitur; postmodum vero etiam ante oculos hominum sine confusione reatus aperitur, dehinc et in consuetudinem ducitur; ad extremum quoque, vel falsae spei seductionibus, vel obstinatione miserae desperationis enutritur. Cfr. *Greg. Magni* Moral. IV.27.49 (дословные совпадения); *Isidori* Sent. II.17.2. Цит. по: [22].

[15] *Isidori* Sent. II.17.2.

[16] Иов. 3:11–12: *Для чего не умер я, выходя из утробы, и не скончался, когда вышел из чрева? Зачем приняли меня колени? зачем было мне сосать сосцы?*

[17] *Taionis* Sent. IV.25. Cfr. *Greg. Magni* Moral. IV.27.49.

[18] *Taionis* Sent. IV.25: Plerumque unum idemque peccatum poena est et causa peccati , quod melius ostendimus, si res ipsas ad medium deducimus. Effrenata enim ventris jugluvies in fervorem luxuriae plenitudinem carnis instigat, perpetrata autem luxuria, saepe aut perjurio aut homicidio tegitur, ne humanarum legum ultione puniatur. Ponamus ante oculos, quod quidam voracitatis sibi frena laxavit, qua voracitate superatus adulterii facinus admisit: deprehensus autem in adulterio, latenter virum adulterae, ne ad judicium traheretur, occidit. Hoc itaque adulterium inter voracitatem et homicidium positum de illa videlicet nascens, hoc generans, peccatum est et poena et causa peccati. Cfr. *Greg. Magni* Moral. XXV.9.24.

[19] *Taionis* Sent. IV.26. De manifestis occultique peccatis. Cfr. *Greg. Magni* Moral. IV.27.51; *Isidori* Sent. II.20.1 – 5.

[20] *Taionis* Sent. IV.39 De levioribus peccatis. Cfr. *Greg. Magni* Moral. XIX.23.39; *Isidori* Sent. II.18. 1–6; *Taionis* Sent. IV.40. De gravioribus peccatis. Cfr. *Greg. Magni* Moral. XXV.9.22; *Isidori* Sent. II.19. 1–9.

[21] *Taionis* Sent. IV.36: Uniuscujusque hominis culpa latens, quasi vulva peccati est, quae occulte peccatorem concipit, et reatum suum in tenebris abscondit. A vulva enim de utero exitur, cum peccator quae in occulto commiserit haec etiam in aperto committere non erubescit. Scriptum quippe est: Egressus ex utero non statim perii? id est, postquam ad apertam iniquitatem exii, cur me tunc saltem perditum non cognovi? Cfr. *Greg. Magni* Moral. Moral. IV.27.51.

[22] *Taionis* Sent. IV.39: Crebro peccatum, aut ignorantia, aut infirmitate perpetratur, ut vel nesciat homo quid velle debeat, vel non omne, quod voluerit, possit. Cfr. *Greg*. Moral. XIX.23.39.

[23] *Taionis* Sent. IV.40: Peccatum namque quod poenitentia non diluit ipso suo pondere mox ad aliud trahit.

[24] *Taionis* Sent. IV.40: Prioris peccati merito peccatorum subsequentium fovea tegitur, ut qui malum sciens perpetrat, deinceps juste in aliis etiam nesciens cadat. Hoc quippe agitur, ut culpis culpae feriantur, quatenus supplicia fiant peccantium ipsa incrementa vitiorum.

[25] *Isidori* Sent. II.23.3.

[26] *Taionis* Sent. IV.40.

[27] *Isidori* Differ. I.92: Ira praesens est, et ex causa nascitur; iracundia autem ***vitium naturale*** et perpetuum est; *Ibid*. 94: Tristitia vero, vitium naturae perpetuum est; *Ibid*. I.99: Porro timiditas animi vitium sempiternum est. Цит. по: [24].

[28] *Isidori* Differ. II.41. Цит. по: [25].

[29] *Front.* De differentiis vocabulorum: Delictum et peccatum. qui deliquit, non fecit quod facere debuit; qui peccavit, hoc fecit, sed parum recte. Ср.: [26. С. 57–58].

[30] *Gregorii Magni* Homil. in Ezech. II.9.3: Hoc etenim inter peccatum et delictum distat, quod peccatum est mala facere, delictum vero est bona derelinquere, quae summopere sunt tenenda. Цит. по: [27].

[31] *Gregorii Magni* Homil. in Ezech. II.9.3: Vel certe peccatum in opere est, delictum in cogitatione.

[32] *Taionis* Sent. V.17: Hac distantia peccatores ab impiis discernuntur, quia cum omnis impius sit peccator, non tamen omnis peccator est impius. Peccator enim dici etiam qui in fide pius est potest. <...> Impius vero proprie dicitur, qui a religionis pietate separatur.

[33] *Isidori* Differ. I.298: Inter Impium et peccatorem hoc distare solet, quod omnis impius peccator, non tamen omnis peccator impius habendus est. Impius quippe est quisquis a fidei pietate alienus efficitur, peccator vero qui prava actione foedatur.

[34] *Taionis* Sent. V.18: Hinc beatus Job ait: Quantas habeo iniquitates et peccata, scelera atque delicta ostende mihi. Ср.: Job. 13:23; *Greg. Magni* Moral. XI.42.57.

[35] *Greg. Magni* Moral. XI.42.57: Et quamvis inter iniquitatem atque peccatum nihil distare perhibeat Joannes apostolus, qui ait: Iniquitas peccatum est (I In. 3:4. – *E.M.*), ipso tamen usu loquendi plus iniquitas quam peccatum sonat, et omnis se homo libere peccatorem fatetur, iniquum vero dicere nonnunquam erubescit. См.: [26. С. 103]. Автор ошибочно приписывает этот фрагмент перу Тайона, однако его комментарии к нему очень важны для настоящей работы. Думается, выводы А.В. Марея можно распространить и на соответствующий отрывок из «Моралий».

[36] *Isidori* Differ. I.299: Sed gravior est iniquitas...

[37] *Taionis* Sent. V.18: Quamvis inter iniquitatem atque peccatum nihil distare perhibeat Joannes apostolus, qui ait: Iniquitas peccatum est, ipso tamen usu loquendi plus iniquitas quam peccatum sonat. Omnis homo libere se peccatorem confitetur. Iniquum vero dicere nonnunquam erubescit. Ср. *Greg. Magni* Moral. XI.42.57.

[38] *Greg. Magni* Moral. XI.42.57: Inter scelera vero et delicta hoc distat, quod scelus etiam pondus peccati transit, delictum vero pondus peccati non transit <...> Et nunquam scelus nisi in opere est, delictum vero plerumque in sola cogitatione [26. С. 103].

[39] *Taionis* Sent. V.18: Inter scelera vero atque delicta hoc distat, quod scelus etiam pondus peccati transit, delictum vero pondus peccati non transit. <...> Et nonnunquam scelus in opere est, delictum vero plerumque in sola cogitatione.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уколова В.И. Исидор Севильский как деятель культуры раннего Средневековья // Проблемы испанской истории. М., 1984.
2. Уколова В.И. Античное наследие и культура раннего Средневековья (конец V – середина VII в.). М., 1989.
3. Fontaine J. Isidore de Séville et la culture classique dans l'Espagne wisigothique. Paris, 1959.
4. Díaz y Díaz M.C. Introducción general por M.C. Díaz y Díaz // San Isidoro de Sevilla. Etimologias. Edición bilingue preparada por José Oroz Reta y Manuel-A. Marcos Casquero. Madrid : Biblioteca de autores cristianos, 1993. T. 1–2.
5. Henderson J. The Medieval World of Isidore of Seville. Truth from words. Cambridge, 2007.
6. Марей Е.С. Энциклопедист, богослов, юрист: Исидор Севильский и его представления о праве и правосудии. М., 2014.

7. Биркин М.Ю. Социальные функции епископской проповеди в Толедском королевстве в начале VII века (по данным сочинений Исидора Севильского) // Теология и политика. Власть, Церковь и текст в королевствах вестготов (V – нач. VIII в.). М., 2017. С. 143–162.
8. Codoñer C. La sententia y las Sententiae de Isidoro de Sevilla // Wisigothica. After M.C. Díaz y Díaz / ed. by C. Codoñer y P.Farmhouse Alberto. Firenze, 2014.
9. Palacios Martín A. Tajón de Zaragoza y la «Explicatio in Cantica canticorum» // Anuario de Estudios Filológicos. 3. 1980. P. 115–127.
10. Taio Caesaraugustianus Episcopus. Epistolae // Patrologiae Latinae cursus completus. T. 80. Coll. 723–728ª.
11. Orlandis Rovira J. Historia del reino visigodo español: los acontecimientos, las instituciones, la sociedad, los protagonistas. Madrid, 2003.
12. Miguel Franco R. Ecos del Epistolarium de Braulio de Zaragoza en la carta prefacio de Tajón de Zaragoza a Eugenio de Toledo (CPL 1267) en los Moralia de Job // Lemir. 14. 2010.
13. García Moreno L.A. La prosopografía del reino visigodo de Toledo. Salamanca, 1974.
14. Epistolario de San Braulio // Introd., ed., trad. por L. Riesco Terrero. Sevilla, 1975.
15. Марей Е.С. Средневековый епископ и античная литература: роль цитат в письмах Браулиона Сарагосского // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. IX. 2014.
16. Прозоров В.Б. «Моралии на книгу Иова» // Этика. Энциклопедический словарь / под ред. Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова. М. : Гардарики, 2001. С. 274–275.
17. Evans G.R. The Thought of Gregory the Great. Cambridge, 1988.
18. Continuatio Hispana // MGH: AA. T. 11: Chronica Minora. Berolini, 1894. Vol. 2. P. 323–369.
19. García Villada Z. Fragmentos inéditos de Tajón //Revista de archivos, bibliotecas y museos. 1914. T. 30. P. 23–31.
20. Ауров О.В. Власть, Церковь и текст в Испании до 1000 года // Теология и политика. Власть, Церковь и текст в королевствах вестготов (V–начало VIII в.). М., 2017.
21. Gregorius I Magnus. Moralium Libri Sive Expositio In Librum Beati Job. Pars I // Patrologiae Latinae cursus completes / ed. J.-P. Migne. T. 75; Pars II. T. 76. Paris, 1835.
22. Isidorus Hispalensis. Sententiae // Cura et studio Pierre Cazier. Corpus Christianorum. Series latina CXI. Turnholti, 1997.
23. Gastaldelli F. Prospective sul peccato in San Gregorio Magno // Salesianum. Vol. 28. 1966. P. 65–94.
24. Isidoro de Sevilla. Diferencias / Introducción, edición crítica, traducción y notas por C. Codoñer Merino. Paris : Les Belles Lettres, 1992;
25. Isidori Hispalensis episcopi Liber Differentiarum II // cura et studio M.A. Andrés Sanz. Corpus Christianorum. Series latina CXI A. Turnhout : Brepols, 2006.
26. Марей А.В. Язык права средневековой Испании. От Законов XII Таблиц до Семи Партид. М., 2008.
27. Gregorius I Magnus. Homiliarum In Ezechielem Prophetam Libri Duo // Patrologiae Latinae cursus completes / ed. J.-P. Migne. Paris, 1835. T. 76.
28. Марей Е.С. Грамматика и богословие в «Дифференциях» Исидора Севильского // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Всеобщая история». 2013. № 13. С. 66–78.
29. Уколова В.И. «Различия» Исидора Севильского: Слово как инструмент познания // Средние века. 2016. № 77 (3–4). С. 368–376.

Marey Elena S. National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia). Email: elena.fontis@gmail.com

SIN AND CRIME IN THE "SENTENCES" OF TAIO OF ZARAGOZA: THE CONTENT AND THE SOURCES OF THE CONCEPTS

Keywords: Taio of Zaragoza, Gregory the Great, Isidore of Seville, interpretation of Roman law, peccatum, delictum.

The purpose of the article is to define the terms describing sin in the “Sentences” of Taio, a bishop of Zaragoza in the second half of VII century. To achieve this goal I tried to find the sources of Taio’s concepts and to analyze the ways of citing and interpreting them. I selected some Latin words with an interesting sense (peccatum, delictum, iniquitas, vitium) and tried to compare meanings of them. My main source was “Sentences”, a treatise wrote by Taio, a very readable book in the early medieval Europe. The “Sentences” contain five books. In the first, the author talks about God and the angels, in the second - about those who dedicated themselves to the service of God. The third book deals with various types of sacraments, as well as examples of the main Christian virtues. The fourth book, on the contrary, is devoted to various kinds of sin, the fifth deals with crimes, trial and justice. I also used the texts those had an enormous influence upon Taio: I mean “Moralia” of Gregory the Great and “Sentences” of Isidore of Seville. Taio adopted the ideas of Gregory and Isidore concerning the sin and its kinds. My conclusions could make clearer the sense of Latin words. “Peccatum” is a common world to describe the sins. Taio tried to do a hierarchy of sins and crimes. He divides the sins into graves and lights, secrets and overts. Every unwept sin, every sin without repentance pull the other sin, more grave and horrible, and in the end it is a web of sins, but a poor sinner cannot recognize it. The other synonims of “peccatum” are terms “vitium”, “delictum” and “iniquitas”. We use to translate “vitium” as vice. It means in “Sentences” seven cardinal vices, as greed, lust, anger, envy, despondency, gluttony and arrogance. “Delictum” is quite similar to “peccatum”, they are getting muddled just in Antiquity, but usually “delictum” is more light sin or it is only bad thought. In the end “iniquitas” is injustice. Taio’s ideas are not original at all; he took it over “Moralia” and Isidore’s “Sentences”. His originality consists in using and combination of two main works. He took a form and structure from Isidore’s treatise and filled it by Gregory’s ideas and examples. However, his “Sentences”, with their relatively small volume and distinct structure became the source by which the ideas of Gregory the Great, expressed in “Moralia”, were widely spread both in the Visigothic Kingdom and generally in medieval Europe.

REFERENCES

1. Ukolova, V.I. (1984) Isidor Sevil'skiy kak deyatel' kul'tury rannego srednevekov'ya [Saint Isidore of Seville as a cultural worker of the early Middle Ages]. In: Pozharskaya, S.P. et al. (eds) *Problemy ispanskoy istorii* [Problems of Spanish History]. Moscow: Nauka.
2. Ukolova, V.I. (1989) *Antichnoe nasledie i kul'tura rannego Srednevekov'ya (konets V – seredina VII v.)* [Ancient heritage and culture of the early Middle Ages (the late 5th – mid 7th centuries)]. Moscow: Nauka.
3. Fontaine, J. (1959) *Isidore de Séville et la culture classique dans l’Espagne wisigothique* [Isidore of Seville and classical culture in Visigothic Spain]. Paris: Études Augustiniennes.
4. Díaz y Díaz, M.C. (1993) Introducción general por M.C. Díaz y Díaz [General introduction by M.C. Díaz and Díaz]. In: Oroz Reta, J. & Marcos Casquero, M.-A. (eds) *San Isidoro de Sevilla. Etimologias* [Saint Isidore of Seville. Etymologies]. Vol. 1–2. Madrid: Biblioteca de autores cristianos.
5. Henderson, J. (2007) *The Medieval World of Isidore of Seville. Truth from words*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Marey, E.S. (2014) *Entsiklopedist, bogoslov, yurist: Isidor Sevil'skiy i ego predstavleniya o prave i pravosudii* [Encyclopaedist, theologian, lawyer: Isidore of Seville and his ideas about law and justice]. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo, Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke.
7. Birkin, M.Yu. (2017) Sotsial'nye funktsii episkopskoy propovedi v Toledskom korolevstve v nachale VII veka (po dannym sochineniy Isidora Sevil'skogo) [Social functions of episcopal preaching in the Toled Kingdom in the early 7th century (according to Isidore of Seville)]. In: Aurov, O.V. & Marey, E.S. (eds) *Teologiya i politika. Vlast', Tserkov' i tekst v korolevstvakh vestgotov (V – nach. VIII v.)* [Theology and Politics. Power, Church and Text in the Kingdoms of the Visigoths (the 5th – early 8th centuries)]. Moscow: Delo. pp. 143–162.

8. Codoñer, C. (2014) La sententia y las Sententiae de Isidoro de Sevilla [The Sententia and the Sententiae of Isidore of Seville]. In: Codoñer, C. & Farmhouse Alberto, P. (eds) *Wisigothica. After M.C. Díaz y Díaz* [Visigorths. After M.C. Díaz y Díaz]. Florence: Sismel – Edizioni del Galluzzo.
9. Palacios, M.A. (1980) Tajón de Zaragoza y la "Explicatio in Cantica canticorum" [Taius of Zaragoza and the "The development of the Song of Songs"]. *Anuario de Estudios Filológicos*. 3. pp. 115–127.
10. Taio Caesaraugustianus Episcopus. (1846) Epistolae [Correspondence]. In: Migne, J.P. (ed.) *Patrologiae Latinae cursus completes* [Corpus Complete Book]. Vol. 80. Coll. 723 – 728ª. Paris: Apud Garnieri Fratres.
11. Orlandis Rovira, J. (2003) *Historia del reino visigodo español: los acontecimientos, las instituciones, la sociedad, los protagonistas* [History of the Spanish Visigothic kingdom: events, institutions, society, protagonists]. Madrid: Rialp.
12. Miguel Franco, R. (2010) Ecos del Epistolarium de Braulio de Zaragoza en la carta prefacio de Tajón de Zaragoza a Eugenio de Toledo (CPL 1267) en los Moralia de Job [Echoes of the Epistolarium of Braulio of Zaragoza in the preface letter of Taius of Zaragoza to Eugenius II of Toledo (CPL 1267) in the Moralia in Job]. *Lemir*. 14. pp. 289–300.
13. García Moreno, L.A. (1974) *La prosopografía del reino visigodo de Toledo* [he prosopography of the Visigothic kingdom of Toledo]. Salamanca: Universidad de Salamanca.
14. Braulio of Zaragoza. (1975) *Epistolario de San Braulio* [Correspondence of St. Braulio of Zaragoza]. Seville: Universidad de Seville.
15. Marey, E.S. (2014) Srednevekovyy episkop i antichnaya literatura: rol' tsitat v pis'makh Brauliona Saragosskogo [Medieval bishop and ancient literature: the role of quotations in the letters of Braulio of Saragossa]. *Aristey. Vestnik klassicheskoy filologii i antichnoy istorii*. 9.
16. Prozorov, V.B. (2001) "Moralii na knigu Iova" [Morals on the Book of Job]. In: Apresyan, R.G. & Guseynov, A.A. (eds) *Etika. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Ethics. The Encyclopaedic Dictionary]. Moscow: Gardariki. pp. 274–275.
17. Evans, G.R. (1988) *The Thought of Gregory the Great*. Cambridge: Cambridge University Press.
18. Anon. (1894) Continuatio Hispana. In: *MGH: AA. T. 11: Chronica Minora*. Vol. 2. pp. 323–369.
19. García Villada, Z. (1914) Fragmentos inéditos de Tajón [Unpublished Fragments of Taius]. *Revista de archivos, bibliotecas y museos*. 30. pp. 23–31.
20. Aurov, O.V. (2017) Vlast', Tserkov' i tekst v Ispanii do 1000 goda [Power, Church and Text in Spain before 1000]. In: Aurov, O.V. & Marey, E.S. (eds) *Teologiya i politika. Vlast', Tserkov' i tekst v korolevstvakh vestgotov (V – nach. VIII v.)* [Theology and Politics. Power, Church and Text in the Kingdoms of the Visigoths (the 5th – early 8th centuries)]. Moscow: Delo.
21. Gregorius I Magnus. (1835) Moralium Libri Sive Expositio In Librum Beati Job. Pars I. In: Migne, J.P. (ed.) *Patrologiae Latinae cursus completes* [Corpus Complete Book]. Vol. 75–76. Paris: Apud Garnieri Fratres.
22. Isidore of Seville. (1997) Sententiae [Decisions]. In: *Cura et studio. Corpus Christianorum*. Series latina CXI. Turnholti.
23. Gastaldelli, F. (1966) Prospective sul peccato in San Gregorio Magno [Prospective in San Gregorio Magno]. *Salesianum*. 28. pp. 65-94.
24. Isidore of Seville. (1992) *Diferencias* [Differences]. Paris: Les Belles Lettres.
25. Isidore of Seville. (2006) *Differentiarum II*. Turnhout: Brepols.
26. Marey, A.V. (2008) *Yazyk prava srednevekovoy Ispanii. Ot Zakonov XII Tablits do Semi Partid* [The language of law of medieval Spain. From the Laws of the XII Table to the Seven Partides]. Moscow: LKI.
27. Gregorius I Magnus. (1835) Homiliarum In Ezechielem Prophetam Libri Duo [Homilies on the Book of the Prophet Ezekiel]. In: Migne, J.P. (ed.) *Patrologiae Latinae cursus completes* [Corpus Complete Book]. Vol. 76. Paris: Apud Garnieri Fratres.
28. Marey, E.S. (2013) Grammatika i bogoslovie v "Differentsiyakh" Isidora Sevil'skogo [Grammar and theology in the "Differences" by Isidore of Seville]. *Vestnik RGGU. Seriya "Istoricheskie nauki. Vseobshchaya istoriya"*. 13. pp. 66–78.
29. Ukolova, V.I. (2016) "Razlichiya" Isidora Sevil'skogo: Slovo kak instrument poznaniya ["Differences" by Isidore of Seville: The word as an instrument of cognition]. *Srednie veka*. 77 (3-4). pp. 368–376.

УДК 93
DOI: 10.17223/19988613/51/22

Д.В. Свирина

ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕПОРТАЦИИ ПОВОЛЖСКИХ НЕМЦЕВ: ОСНОВНОЙ НАРРАТИВ И МОТИВЫ (НА МАТЕРИАЛАХ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, Правительства Красноярского края краевого государственного автономного учреждения «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности» в рамках реализации проекта «№ 17-11-24013 Этносы в Сибири: условия сохранения культурной памяти».

Настоящая статья посвящена памяти поволжских немцев о депортации 1941 г., их устным воспоминаниям о переселении и его последствиях. Главным источником стали интервью с депортированными и их потомками, проживающими на территории Красноярского края. Основное внимание сфокусировано на форме полученных рассказов. С одной стороны, рассматривается проблема конструирования общего нарратива. С другой – его варианты, раскрывающие особенности восприятия переселенцами жизни после депортации. В центре внимания также находится отношение рассказчиков к своему положению после депортации.
Ключевые слова: депортация поволжских немцев; нарратив; устная история; память.

Воспоминания о депортации представляют интересный кейс для изучения национальной идентичности поволжских немцев после распада СССР. В 1941 г. депортация немцев осуществлялась по национальному признаку, и, учитывая предыдущий опыт национального строительства, депортированные немцы не могли не думать о себе в национальных категориях. Перспективу исследований относительно общей проблемы депортации и ее последствий могут расширить исследования опыта конкретных мест и сообществ. Одной из работ с таким фокусом является исследование К. Браун о трансформации Крес[1] из разнообразной по составу населения территории в украинизированное место за первые три десятилетия существования советской власти [1]. Автор обращает внимание не только на официальные источники, но и на людей, их мнения, которые скрываются за этими источниками. Тем самым ей удалось заглянуть за пределы 1930-х гг. и понять, как депортированные немцы или поляки говорят о своём положении уже в 1990-е гг. Она взяла интервью, на основе которых сделала выводы относительно того, как эти переселенные народы воспринимают свое место в советской истории.

Данная работа затрагивает аналогичный вопрос, но через обращение к другому опыту. Немцы Поволжья были депортированы не из «отсталых» Крес, а из передовой республики, что сложнее вписывается в нарратив прогресса. Поэтому важно понять, как вспоминающие пишут и говорят о семье, себе и своём опыте.

Устные истории[2], анализ которых занимает большую часть настоящей работы, подразумевают, что рассказчик стремится к нарративизации воспоминаний о депортации. Процесс конструирования рассказа о жизни как соотношение различных событий и их интерпретация есть результат и процесс понимания индивидом своей жизни и себя. Результатом этого процесса является нарратив. Индивидуальный нарратив выступает в качестве посредника между индивидуальной жизнью и рассказом о социальном порядке. С одной стороны, он формируется под влиянием социально-значимых символов и значений. С другой стороны, индивидуальный нарратив связывает личный опыт как социальный аспект и идентичность, к которой обращается человек и которая конструируется им самим. Этот источник дает нам информацию не о фактах прошлого, а об их осмыслении людьми. Поэтому представляется важным проанализировать существующие у информантов нарративные конструкции и соотнести их с контекстом их воспроизведения.

Основная масса интервью собрана в рамках двух экспедиций (2016, 2017) в населённые пункты Красноярского края, где продолжают проживать депортированные и их потомки. В данной работе будут использованы шесть интервью, которыми, конечно, не исчерпывается предложенная тема, но в силу нарративности она ярче показывают типичный нарратив и мотивы рассказов депортированных поволжских немцев или их потомков (таблица).

Список информантов*

№	ФИО	Пол	Год рождения
Карпатузский р-н Красноярского края			
1	Б.А.К.[3]	жен.	1938
2	О.А.Г.	жен.	1955
3	Р.Ф.Г.	жен.	1951
4	С.Е.А.	жен.	1929
5	Ч.Л.Ф.	жен.	1931
6	Ш.И.И.	жен.	1938

* Здесь и далее приведены инициалы (ФИО) информантов.

Информантов можно разделить на две группы. К первой группе можно отнести тех, кто в момент переселения был ребенком младшего школьного возраста (до 10 лет). Год рождения в данном случае – важный факт, говорящий о том, что они родились в Автономной ССР Немцев Поволжья (далее – РНП) в период с 1928 по 1938 г. Кто-то из них успел закончить несколь-

ко классов немецкоязычной школы. Также нужно обратить внимание на то, что к этой группе относятся в основном женщины (остается под вопросом, могут ли эти интервью демонстрировать своего рода «женский взгляд» на депортацию). Вторая группа объединяет тех, кто родился в семье ссыльных немцев уже после депортации.

Грань между двумя выделенными группами очень тонка. Можно утверждать, что обе группы представляют собой поколение постпамяти[4]. Те, кто родился незадолго до депортации, помнят малочисленные детали их жизни в РНП, они пережили саму депортацию. Но их память о депортации формировалась в условиях взаимодействия со старшими членами семей. Их непосредственные воспоминания ложатся на те нарративные структуры, которые появляются не под влиянием их поколения. Родившиеся в условиях спецпоселения знают о депортации их родителей и других по историям и поведению своих депортированных родственников. Это создало общую основу для рассказов.

Понять, как переосмысляется прошлое на постсоциалистическом пространстве, становится одной из задач многих исследователей. Так, К. Вердери в своей работе о политической жизни «мёртвых тел» (dead bodies) фокусируется на том, каким образом происходили деконструкция старого порядка и конструирование нового [2]. Самой большой проблемой для неё является борьба смыслов (миров), которая должна привести к какому-то соглашению. Эта борьба вытекает из глубинных изменений, которые она находит в событиях 1989 г. Она называет смену социалистического порядка движением тектонических плит, чем подчеркивает глубинность политических изменений, повлёкших за собой реальный конфликт смыслов. В стабильной ситуации у людей есть шаблон, к которому он обращается для высказывания, в то время как в период смены режима, соответственно, возникает критический момент для создания высказывания, так как такой шаблон разрушен и отсутствует.

Российские немцы, которые репатриировались в Германию начиная с 1980-х гг., преодолевают подобный нарротологический конфликт. Как показывает исследование О.И. Зевелевой, репатрианты сегодня воспроизводят схожие рассказы, которые сводятся к идеям о долгожданном возвращении на родину, обретению настоящей свободы в Германии. Главную роль в формировании такого представления сыграл дискурс, сформированный в рамках процесса репатриации: начиная от сбора документов до пребывания в лагерях для репатриантов [3]. Качественно другой процесс представляет опыт депортированных немцев, оставшихся жить в России, в местах депортации.

Результаты дальнейшего анализа рассказов нельзя представлять без понимания того, что приводимые выводы основываются на образе «коллективного» повествования. Каждый рассказ не похож на другой, и все они имеют существенные противоречия в трактовке отдельных событий. В то же время достаточно ярко проявляются повторяющиеся сюжеты и мотивы. Центральная проблема, на которую я обращаю внимание, связана с ролью и положением рассказчиков или членов их семьи в рассказах о депортации.

Для многих депортация стала событием, которое разделило жизнь информантов и их семей на «до» и «после». «До» связано с хорошей и стабильной жизнью в РНП. Рассказчики начинают с перечисления фактической информации, которая помогает охарактеризовать момент до начала переселения. Например, с того, что родители Р.Ф.А. проживали в деревне Кук Саратовской области [4] или что осенью 1941 г. Ч.Л.Ф. было 10 лет и её семья проживала в деревне Екатерининталь Краснокутского района Саратовской области [5]. Такая информация с определенными временными и пространственными характеристиками становится отправной точкой для последующего рассказа о депортации. Дальнейшее повествование связано с описанием того, как новость о депортации застала людей и что им пришлось делать. В этом сюжете возникает мотив «24 часов», который описывает ситуацию, когда депортируемому немецкому населению дали сжатые сроки на сборы:

Инф.: *...а когда война началась, у них [у родителей, бабушек и дедушек] все это забрали, скотину зарезали. Сказали: «**Вот вам сутки*** (здесь и далее выделено мной. – *Д.С.*), *и чтобы вы собрались в дорогу и съехали». Ну что можно было за сутки сделать…* [6].

Другой информант подчеркивает то же самое:

Инф.: *Всё там оставили, в Саратовской области. С собой взяли чё, как говорится, что можно было унести. <...> Ну, вот, она [мать] все время говорила, что там жили хорошо. И корова была, и все было. И всё же оставили, всё побросали. Там **двадцать четыре часа** на сборы и всё* [4].

В этих рассказах «24 часа» связаны с последующим бедственным положением депортированных. За такой короткий срок их семьи потеряли все, что имели. На этой основе у информантов возникает убежденность в том, что до депортации жили хорошо, хотя точными сведениями они могут не располагать. Но в представлениях рассказчиков было всё, что нужно для хорошей жизни: дома, скот, хозяйство и т.п.:

Инф.: *Знаю, что оставили дом, оставили хозяйство там. В общем, что разрешили котомки эти взять с собой. Постель помню, подушки были, перины, вот это все постельное. А так в основном ничего не было* [7].

Информантка перечислила вещи, которые, по её воспоминаниям, удалось взять («*подушки были, перины, вот это все постельное*»), но в итоге пришла к заключению, что *«в основном ничего не было»*. Это противоречивое восприятие может быть связано с воспоминаниями о том, что было, какие вещи взяли с собой и общим представлением о депортации как об акте подневольного характера.

Однако в восприятии и объяснении сюжета о «24 часах» встречаются рассказы иного характера:

«Как раз это в сорок первом году. Пошли на линейку и там объявили, что началася война. [Поет песню «Двадцать второго июня, ровно в 4 часа…»]. Ну, и чё… Вышел приказ. Говорят [депортированные], что, дескать, мол, даже не дали собраться. Не правда это! Это вышел приказ 1 сентября у нас в деревне [с. Штрауб], а 17 сентября у мами день рожденья. Это незабываемое число. Нас выселили. Так что, 17 дней давали. Даже, вот я говорю, у нас вот, здесь, вот, есть [немцы] вафельницу привезли от тудова. А если в у мами не было никого: брат и я. Ему 14 лет, а мне 12 лет. За подол взялися и пошли, собрали и пошли. Куда… Вот и все. Кто-то… кто-то вафельницу привезли. Уж об остальном говорить не надо. Ну, это же так? <…> Ну, почему-то, дескать, мол, в газете у нас тут эта, в «Знамя труда» писали, что, дескать, мол, не дали даже собраться и всё осталось. Я говорю – не правда!» [8].

С.Е.А. опровергает историю о том, что на сборы давали слишком мало времени. Её слова дают нам понять, что она слушала чужие истории, которые не совпадают с тем, как она помнит депортацию. Оставление дома в РНП связывается с материальным миром, является общим местом во многих рассказах, становится важными вещи, которые удалось или не удалось взять с собой. И именно по такому принципу оценивается правдивость или ложность историй, которые слышала или читала информантка. В её случае семья не могла взять с собой слишком много вещей, и она приводит причины этому: «*А если в у мами не было никого: брат и я. Ему 14 лет, а мне 12 лет. За подол взялися и пошли, собрали и пошли»,* а отец был ранее отправлен в трудармию во время раскулачивания.

Рассказы о времени после высылки связаны с дестабилизацией положения депортированных, которое поддерживает существование у рассказчика двух направлений рассуждения. С одной стороны, продолжается история о гонениях. С другой стороны, кто-то занимает активную позицию и начинает поиски другого основания для утерянной стабильности в жизни. Другими словами, возникают две призмы самопрезентации: пассивность и активность.

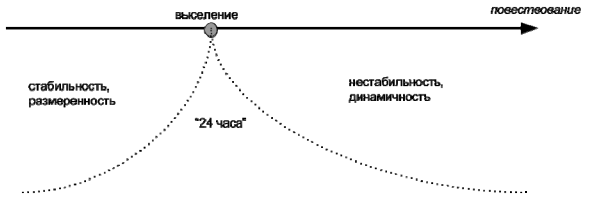


Рис. 1. Обобщённая схема нарративов о депортации

Особенно ярко выражена идея бесконечного переезда в рассказе Ш.И.И. До депортации в Сибирь ее семья проживала в г. Марксштатд. Мать была грамотной, владела и немецким, и русским языками. После учебы в Москве работала телеграфисткой. Отец работал столяром-краснодеревщиком высшего разряда. Есть старшая сестра. Осенью 1941 г., как и других немцев Поволжья, их депортировали с прежнего места жительства. Уже с самого начала рассказ Ш.И.И. обозначает первый пункт движения: «*Как сестра говорит, нас сразу повезли в село Моторско… ой…*». Моторское на самом деле оказалось Еловкой, что информантака уточнит позже. Но прежде она даже попросила выключить диктофон, что может показывать о значимости верных названий, особенно если речь идет о тех местах, где пришлось жить какое-то время.

Еловка стала первым пунктом, в который «сгрузили» несколько немецких семей. После того как отцу пришла повестка в трудармию, он потребовал, чтобы их переселили в Каратуз. Каратуз был более пригоден к жизни бывшей горожанки-жены. Мать Ш.И.И. с двумя маленькими дочками часто переезжала: «*Ну, и потом [ст. сестра], когда приехала [в гости к Ш.И.И.], я говорю… Она говорит: "Пойдем по селу" – "Пойдем" – "Вот тут мы жили, тут". Я говорю с чего. Я как думала, наверное, квартир 10 знала. А она, мы потом посчитали, а там 20 с лишним квартир. Ну, а что, там месяц, там. Как эти маталися*».

После возвращения отца в 1945 г. семье выделили в Каратузе квартиру. В тот период времени в Алма-Ате жили братья бабушки (матери отца), и постепенно семья Ш.И.И. перебралась туда. Необозначенным остается то, уехала ли сама информантка в Алма-Ату: «*Там жили бабушкины и дедушкины братья и сестры. Ну, вот, они переманили бабушку – бабушка уехала, потом уже папу. Он ее сын был. Папу позвали, вот и* ***мы все*** *уехали в Алма-Ату. Ну, а потом сестра с Алма-Аты, у нее муж, этот… ой, в поезде он кто, кондуктор? Ну вот, он в поезде был. <…> Потом эти немцы уехали из Алма-Аты, потом стали из-за углов все эти казахи, уже стали заселяться в эти комнаты, и русским никак нигде работы не было»*.

Сначала Ш.И.И. указала, что переехали «мы все», т.е. вся семья, и она тоже. Но постепенно рассказчица из активной роли переключается в пассивную позицию наблюдателя со стороны. С этого момента в центре повествования находится сестра, которая уехала в Алма-Ату вместе с родителями. В ходе рассматривания фотографий попалась фотокарточка с родителями рассказчицы: «*Ну, вот в таком возрасте* ***они уехали*** *в Алма-Ату*». Это вызывает предположение, что сама информантка осталась жить в Каратузе и больше не меняла место жительства, когда родители и старшая сестра с мужем уехали из Каратуза. А позже, в 1990-х, сестра уехала вместе с дочерьми в Германию, куда их пригласила родственница. Ш.И.И. не пыталась поступить так же.

В этой истории говорится о том, как много переезжала семья Ш.И.И.: Марксштатд – Еловка – Каратуз – Алма-Ата – Германия. Это основная линия повествования о депортации – многочисленные переезды, поиски жилья, работы. Каждое новое место проживания наполнено своими историями, которые связаны с тем,

как они – девочки – учились в школе, как приходилось зарабатывать родителям (работа) и др. Жизненный путь, история её семьи связаны с постоянными переездами. Это подтверждает предположение о том, что сама инофрмантка не уезжала по этому маршруту дальше Каратуза, она по настоящее время живет в этом поселке. Но её рассказ повествует о том, что постоянно нужно было переезжать, двигаться, не стоять на месте. Цепочку переездов она продолжила через рассказ о старшей сестре, которая долгое время жила в Алма-Ате и, в конце концов, репатриировалась в Германию. Но и это не конец, потому что сама информантка продолжала «двигаться», только уже в другом формате – она ездила в гости к своей сестре.

Другим примером подобной модели рассказа о депортации служит интервью с Ч.Л.Ф.[5], рассказ которой также демонстрирует передвижение с места на место:

***Инф**.: Ну, и привезли нас в город **Красноярск**, из Красноярска в город **Канск** мы лежали. Месяц. Там… <…> И… попали мы в город Канск, **Дзержинский район, село Кондратьево.** <…> Ну, жили-жили, год прожили, нас осенью в **Красноярск** на вокзал и на пароход, и **по Енисею мы четверо суток плыли**. <…> Вечером шёл уже снег – это осень была – снег шёл с дождем, мы выбросили трап там на голом месте, там 120 человек по списку – все на берег. <…> Там [пос. **Денежкино**] я так и выросла в этой… на Севере. Вышла замуж. Это мы… А, нам повезло, отца в [нрзб] на другой год на какой-то… <…> Ну, попали в Палое [Черемушки]. Моего отца туда… <…> Ну, вот мы и попали сюда. Нас направили. Подождите… Мы… Почему мы в **Черемушки** попали?... Нужен был бухгалтер. Отец по профессии, вот.*

У Ч.Л.Ф. также наблюдается мотив передвижения, на основе которого строится нарратив о депортации ее семьи. Стоит обратить внимание на один момент. Когда информантке не исполнилось полных 18 лет, она вышла замуж, еще в Денежкино. Это демонстрирует заключение конкретного этапа жизни, связанного с детством, юностью и депортацией. Можно предположить, что замужество в случае с Ч.Л.Ф. работает как промежуточное звено между семейной историей о депортации и историей её самостоятельной семейной жизни. Отдельная часть рассказа посвящена мужу, который участвовал в войне. История о муже стала своего рода проводником к возможности рассказывать о войне с точки зрения победителя, а не побежденного, репрессированного. Важны его личные военные заслуги и заслуги его родственников, тоже участвовавших в войне: один брат погиб на войне, а второй вернулся инвалидом. В ходе беседы Ч.Л.Ф. обращается к наградам мужа:

«Тогда на вояк внимания еще не было. И им никакой почести не было [короткая пауза]. Я, это, сейчас, хочу показать [идет в соседнюю комнату]. Вот, что от него осталось [достает из шкафа пиджак мужа с военными наградами]. Вот его костюм» [5].

Хранящийся в шкафу пиджак с наградами символизирует достижения мужа. Они стали уже семейной реликвией[6]. Пиджак и награды стали символом семейного вклада в дело войны, сопричастности к общей советской/русской истории. В то же самое время война уже не воспринимается как ужасная семейная история, повлекшая депортацию немцев, проживающих в РНП и других районах. Рассказчица даже ни разу не употребила самого слова «депортация». В ее истории была «эвакуация». История ее семьи начинается именно с этого: «*Это было в 1941 году, когда нас **эвакуировали***». Продолжая историю, она еще раз повторяет: «*…в 1941 году началась война Великая Отечественная, она началась 22 июня, и в эту же осень всю нем Поволжья **эвакуировали***». Развивая эту идею, информант упоминает про руководителя страны – Сталина – и высказывает предположение, что если бы Сталин не поступил таким образом (не переселил бы людей), то Советский Союз в войне бы не выиграл.

Мотив оправдания присутствует и в других воспоминаниях. Например, в коротких письменных воспоминаниях эвакуированной немки из Ленинградской области, которая осталась жить в д. Тагора (Кежемский район, Красноярский край), П.А.Я., в конце она еще раз вспоминает о том ужасе, который пришлось пережить ей во время бомбежек Ленинградской области: *«Потом стали помаленьку разрабатывать участки под огород и хоть очистки картофельные да садили. А ведь вырастало что-то. Сибирская земля очень большая. И в лесу растет все необходимое для жизни человека, только не ленись – трудись. **А меня еще и климат (сосновый бор) окончательно вылечил***» [9. Л. 5]. Эвакуация в данном повествовании оказывается не только спасением от тех военных действий, которые обрушились на жителей западной части СССР, но и мерой, приведшей к исцелению, ставшему возможным благодаря сибирской природе. Мотив возвеличивания природы Сибири отчетливо прослеживается и в интервью с Ч.Л.Ф.: «*Ну, а природа чудесная: рыба клевала там хоть на палочку, на веревочку лови. Рыба вся вкусная на Енисее – дорогая рыба. <…> …брат все говорил: «Хорошо, что нас выгнали от туда [РНП], а-то и в калмыцких степях жили, мы хоть лес увидали*» [5].

Тем не менее в рассказах выделяются высказывания, связанные с трудностями обустройства жизни на новом месте. Этот повторяющийся сюжет можно обозначить как «голая кочка». Данное словосочетание часто употребляется самими информантами.

*«Вот, нас… вечером шел уже снег – это осень была, снег шел с дождем, мы выбросили трап там на **голом месте**, там 120 человек по списку – все на берег. И пароход ушел, поднялись наверх, а там это, была избушка маленькая. **Больше ничего не было»*** [5].

*«И вообще не одеть, а есть вообще собирали что попало и шкурки ели-варили и… ну, что **приехали на голую кочку**, одеть у самих ничего нет, а у нас, у них хоть какая-то картошка была там что-то как-то,*

какой-то баранчик, какая-то курица, а у нас вообще ничего» [10].

«Мама с папой говорит, мы приехали, здесь зима, холодно, хотя, они уже осенью приехали. Война-то началась летом, а они приехали как раз на зиму, осенью. ***Ни жилья, ничего****, и все что какие-то деньги у них были, кое-как что-то купили, чтобы зиму перезимовать»* [6].

Таким образом люди осваивались на новом месте и осваивали это место. В отличие от информантов К. Браун, которые стали своего рода колонизаторами, депортированные немцы вспоминают о том, что по приезде в Сибирь им пришлось многому учиться у местных. Когда семья Ч.Л.Ф. оказалась на севере, на берегу Енисея, ей пришлось учиться строить дома, ловить рыбу и обрабатывать её, ловить зайцев, шить тёплую одежду. Ш.И.И. делала акцент на том, что мать была городской и деревенской жизни не знала: «*Ну вот, она [хозяйка квартиры] и послала ее за дровами. А мама откуда знает, взяла саночки, взяла какую-то веревочку, а одежда легкая – че, снега-то были в те времена, да и вообще сейчас-то вон – ну и вот и пошла. Шла-шла, прутик сорвет. Че, она не знала какие уже дрова, че, ни топора – ничего. Она бы ей хоть рассказала, женщина та*» [10].

В работах историков, посвященных системе спецпоселений Красноярского края, достаточно подробно освещаются данные о численности депортированного населения разных категорий, в частности поволжских немцев. Как правило, подобные подсчеты сделаны на основе отчетов различных государственных структур, отвечающих за отправку, прием и размещение депортированных. По «переписи 1939 г. накануне депортации на территории края проживало 3 962 немца. Принудительное переселение поволжских немцев в начале Великой Отечественной войны привело к резкому увеличению их численности в Сибири, в том числе и в Красноярском крае. В сентябре – октябре 1941 г. из Поволжья в край прибыло свыше 75 тыс. чел.» [11]. «Фактически же прибыло на 1-е ноября 1941 года 17307 семей, в количестве 7 7359 человек, они были расселены в 42-х районах края» [12], которых на 1934 г. было около 57.

В тех же работах авторы стараются проследить закономерности использования труда депортированных в качестве «осваивателей» (колонизаторов) сибирских территорий. Например, рыбным промыслом на севере края, «осваивательский» характер которого связан с реализацией Постановления ЦК ВКП(б) «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и Дальнего Востока» от 06.01.1942 г. «Трудовая мобилизация спецконтингентов, отправляемых на север, была четко спланирована и проходила по строго уставленному графику. С мая по июль 1942 г. на новом месте жительства оказалось 6 312 чел. поволжских немцев. Среди вторично депортированных были также латыши, финны, греки. В итоге, по окончании навигации, на север переместили 23 тыс. чел. В результате осуществления вторичной депортации немцы попали в труднодоступные и малозаселенные северные районы, расширив, таким образом, географию размещения этноса в крае» [11].

Стоит подчеркнуть, что, во-первых, депортация немцев из РНП была более массовая: бóльшая численность населения подверглась депортации в очень сжатые сроки, нежели при депортациях в 1920–1930-е гг. Это усугубляло различные трудности по размещению и адаптации. Во-вторых, концепция «народ-враг», возымела свое влияние на местное население, именно в условиях начавшейся с Германией войны. «*Ну, вот, а тогда, вы помните плакат? <…> Тогда были плакаты вот эти… немцы такие в касках и рога вот такие в каске [показывает]. И, вот, все равно думали, что немцы рогатые, что у них рога. Ну, вот, когда в деревне нас свалили всех тут это... <…> И потом люди побежали смотреть, что говорилось рога или чё там*» [10]. Население тех территорий, в которые были переселены немцы, было наполнено ожиданиями увидеть и начать бороться с реальным врагом.

В самом начале информантам было предложено ответить на вопрос «Как Вы оказались в Сибири?». И как было показано выше, они рассказывали о депортации, пользуясь общей схемой, в коротой депортации было отведено место центральной критической точки. Всё, что было до депортации, оценивалось информантами скорее как «хорошо» из-за определенной стабильности. Такая характеристика в целом и более детальные описания жизни дают представление о стабильном и независимом понимании жизни до депортации. Депортация заставляет людей по-другому рассматривать свою жизнь после переселения, которая связывается с освоением новых условий жизни, новых мест жизни.

История бывших мест депортации, в которых сегодня продолжают жить информанты, связана с активной переселенческой и репрессивной политикой, как советского правительства, так и царского. Такая особенность, как разнообразие населения по этническому признаку, подчеркивается не только в тех материалах, которые можно обозначить как официальные, так как они представлены на сайтах администраций рассматриваемых двух районов, но и в рассказах самих информантов, в различных воспоминаниях о друзьях, школе, работе и т.д.

То, что сегодня можно увидеть в селах Каратузского и Ирбейского районов, также может подсказать нам ответ на вопрос о том, почему информанты рассказывают о себе определенным образом. Это проявляется, например, в том, что их истории встраиваются в рассказы о Великой Отечественной войне. Это проявляется не с позиции пострадавших от репрессий, как народа-врага, а с той позиции, что они пережили это ужасное событие и внесли свой вклад в победу. Это можно увидеть в тех источниках, которые формируют такие рассказы о себе. Эти источники обнаружены в семейных и публичных (или официальных) нарративах и в индивидуальном опыте информантов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Польское название пограничных территорий современных Украины, Белоруссии и Литвы, входивших в состав Польши в межвоенный период.
[2] Устная история понимается мной в теоретической рамке, предложенной Алессандро Портелли. См.: Алессандро Портелли, Особенности устной истории // Хрестоматия по устной истории / пер., сост., введение, общ. ред. М.В. Лоскутовой. СПб. : Изд-во ЕУСПб, 2003. С. 32–51.
[3] Здесь и далее указаны шифры аудиозаписей с информантами: инициалы информанта, организации, проводившие полевое исследование и хранящие его материли, место проведение интервью, год и номер аудиозаписи в списке.
[4] Категория «постпамять» формировалась в рамках изучения Холокоста, в особенности в работах Марьяны Хирш. Термин призван помочь преодолеть разрыв временной и качественной дистанции между пережившими Холокост и их детьми. Подробнее см.: Marianne Hirsch, The Generation of Postmemory // Poetics Today. 2008. 29:1. P. 103–128.
[5] На момент депортации в семье было трое детей: старшая сестра, информант и двухмесячный младший брат. Семья жила в г. Екатерининталь (Краснокутский р-н, Саратовская обл.). Отец работал бухгалтером, заканчивал специальные курсы. Мать умела читать и писать. Родители хорошо говорили по-русски.
[6] Под «семейной реликвией» можно понимать то, что способно «прояснить смысл их репрезентации хранителем как предъявление вещественных доказательств подлинности его происхождения, понимаемого как неотъемлемая часть личности». См.: Анна Соколова. Семейные реликвии и еврейская память // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 7. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/019online/sokolova.pdf (13.11.2017)

ЛИТЕРАТУРА

1. Brown Kate. A Biography of No Place: From Ethnic Borderland to Soviet Heartland. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 2004.
2. Verdery Katherine. The Political Lives of Dead Bodies: Reburial and Postsocialist Change. N.Y. : Columbia University Press, 1999.
3. Зевелева О.И. Дискурсивно-биографический подход в исследованиях репатриации (на примере российских немцев в Германии) : дис. ... канд. социол. наук. РГГУ, 2016. URL: https://www.hse.ru/data/xf/2015/12/03/1080876108/1%D0%94%D0%B8%D1% 81%D1%81%D0% B5%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%97%D0%B5%D0%B2%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%B0.pdf (дата обращения: 13.11.2017).
4. РФГ, Красноярский государственный педагогический университет (КГПУ) – Мемориал, Каратузское-2016, ПФ-19 (1951 г.р.).
5. ЧЛФ, КГПУ – Мемориал, Черемушка-2016, ПФ-20 (1929 г.р.).
6. ОАГ, КГПУ – Мемориал, Каратузское-2016, ПФ-35 (1951 г.р.).
7. БАК, КГПУ – Мемориал, Каратузское-2016, ПФ4 (1938 г.р.).
8. СЕА, КГПУ – Мемориал, Каратузское-2016, ПФ15 (1929 г.р.).
9. Архив НИЦ «Мемориал» (СПБ). Из письменных воспоминаний Пиннер А.Я. (Красноярский край, Кежемский р-н, д. Тагора), 2009 г.
10. ШИИ, КГПУ – Мемориал, Каратузское-2016, ПФ-21 (1938 г.р.).
11. Зберовская Е.Л. Трудовые мобилизации немцев-спецпереселенцев в 1940-е гг. на территории Красноярского края // Немцы в Сибири: история, язык, культура : материалы междунар. науч. конф., г. Красноярск, 13–16 октября 2004 г. / отв. ред. В.А. Дятлова. Красноярск, 2005. С. 46–50.
12. Занданова Л.В., Метлин С.А. Спецпереселение немцев Поволжья и Ленинграда в Приангарье: депортационная политика, переселенческие и адаптационные процессы (1941–1945 гг.). URL: http://penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=1033 (дата обращения: 13.11.2017)

Svirina Daria V. European university at Saint-Petersburg (Saint-Petersburg, Russia). E-mail: dsvirina@eu.spb.ru

MEMORIES ABOUT THE DEPORTATION OF VOLGA GERMANS: MAIN NARRATIVE AND MOTIVES (BASED ON KRASNOYARSKY KRAY DATA)

Keywords: the deportation of Volga Germans, narrative, oral history, memory.

The policy of Soviet was linked with categories “nationality” or “nation”. This link became the base of future issues of transformations policy in perestroika. When the time of transformation had come population encountered the problem of creating new identity or remembering old one. Nationality was important notion during a Soviet development and still is for post-soviet countries. The case of Volga Germans allows to pay attention to transformation of their national identity after the deportation and what form it has today in people’ memories. This article is devoted to the memory about the deportation of Volga Germans in 1941, who have stayed to live in the former forced settlements (specposelenie), their oral histories about the deportation and its consequences. Major sources are interviews with people who were deported from the Volga German Autonomous Soviet Socialist Republic (VGASSR) to Krasnoyarsk region and who stayed to live there. All informants can be attributed to the generation of postmemory. It means that their memories about the deportation were formed by parents’ and grandparents’ stories. Interviewes were collected during expedition in Karatuzsky district and Irbeisky district of Krasnoyarsk region in 2016. In this research six interviews with woman who were born before the deportation in VGASSR and after in Siberia are analyzed. These stories show main narrative and repeating motives bright. Main attention is paid to the form of the stories. On the one hand, the paper is concerned with the problem of narrativization. The narrative about deportation may be considered and contradict to the narrative about great victory in the war. On the other hand, some informants have the narrative about the deportation. They began their stories from the fact that their family had period of 24 hours for travel arrangements. It can be called as the marker of relocation in general. But at that time there is contesting this sustainable motive story. This short time period separates previous stability and good life in VGASSR and following unstableness and severities after the deportation in Siberia. The unstableness appears through there is the constant movement from one place to other place. In other words, the dynamics in informants’ life after the deportation begins to be determining characteristic of stories of deported people or their descendants. Unstable on new place in oral histories continues by the motive of “naked bump” (“golaya kochka”). Informants underlined the predicament in forced settlement.

REFERENCES

1. Brown, K. (2004) *A Biography of No Place: From Ethnic Borderland to Soviet Heartland*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
2. Verdery, K. (1999) *The Political Lives of Dead Bodies: Reburial and Postsocialist Change*. New York: Columbia University Press.
3. Zeveleva, O.I. (2016) *Diskursivno-biograficheskiy podkhod v issledovaniyakh repatriatsii (na primere rossiyskikh nemtsev v Germanii)* [Discourse biographical approach in the studies of repatriation (a case study of Russian Germans in Germany)]. Sociology Cand. Diss. [Online] Available from: https://www.hse.ru/data/xf/2015/12/03/1080876108/1%D0%94%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%97%D0%B5%D0%B2%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%B0.pdf. (Accessed: 13th November 2017).

4. RFG, KGPU-Memorial, Karatuzskoe-2016, PF-19 (1951 g.r.)
5. ChLF, KGPU-Memorial, Cheremushka-2016, PF-20 (1929)
6. OAG, KGPU-Memorial, Karatuzskoe-2016, PF-35 (1951)
7. BAK, KGPU-Memorial, Karatuzskoe-2016, PF4 (1938)
8. SEA, KGPU-Memorial, Karatuzskoe-2016, PF15 (1929)
9. Pinner, A.Ya. (2009) *Iz pis'mennykh vospominaniy Pinner A.Ya. (Krasnoyarskiy kray, Kezhemskiy r-on, d. Tagora)* [From written memoirs by A.Ya. Pinner (Krasnoyarsk Territory, Kezhemsky District, Tagore Village)]. Archive of the Memorial Research Centre, St. Petersburg.
10. ShII, KGPU-Memorial, Karatuzskoe-2016, PF-21 (1938)
11. Zberovskaya, E.L. (2005) [Labour mobilisation of Germans – special settlers in the 1940s in the Krasnoyarsk Territory]. *Nemtsy v Sibiri: istoriya, yazyk, kul'tura* [Germans in Siberia: History, Language, Culture]. Proc. of the Conference. Krasnoyarsk. October 13–16, 2004. Krasnoyarsk. pp. 46–50. (In Russian).
12. Zandanova, L.V. & Metlin, S.A. (2010) *Spetspereselenie nemtsev Povolzh'ya i Leningrada v Priangar'e: deportatsionnaya politika, pereselencheskie i adaptatsionnye protsessy (1941–1945 gg.)* [Special resettling of the Volga and Leningrad Germans to the Angara region: Deportation policy, resettlement and adaptation (1941–1945)]. [Online] Available from: http://penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=1033. (13th November 2017)

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(470)"16/18"+930:001.12
DOI: 10.17223/19988613/51/23

В.Я. Мауль

РАЗИНСКОЕ ВОССТАНИЕ В ХАОСЕ ВРЕМЕННОГО КОЛЛАПСА (РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ОДНОЙ НОВОЙ КНИГЕ)

В рецензии анализируется «исторический очерк» историка Н.И. Никитина «Разинское движение: взгляд из XXI в.», изданный в 2017 г. отдельной книгой в издательстве Института российской истории РАН. Рассматриваются основные концептуальные положения авторского понимания разинской темы, в том числе его познавательные подходы к опубликованным историческим источникам и имеющейся историографической литературе по истории народного движения под предводительством С.Т. Разина. Отмечены наличие недостатков в теоретических конструкциях, предложенных Н.И. Никитиным, а также отсутствие научной новизны во взглядах и оценках разинского восстания. Показано, что набор, формулировки и трактовки дискутируемых в книге Н.И. Никитина проблем отражают уровень представлений о разинском движении, характерных для отечественной историографии конца 1980-х – начала 1990-х гг. Делается вывод, что они не соответствуют содержанию современного понимания проблемы социального протеста в России.
Ключевые слова: разинское восстание; историография; Н.И. Никитин; «взгляд из XXI в.»; С.Т. Разин; разинцы; историографическая критика; рецензия.

Не секрет, что на постсоветском научном пространстве тематика народных движений в дореволюционной России утратила былую привлекательность и популярность. Немногочисленным сегодняшним «бунтоведам» остается с тоской ностальгировать о приоритетах советской историографии, уповая на то, что когда-нибудь ситуация вновь перевернется к лучшему. На фоне такого историографического затишья появление книги ведущего научного сотрудника ИРИ РАН, кандидата исторических наук Н.И. Никитина о разинском движении не могло остаться незамеченным специалистами [1]. Оно незамедлительно спровоцировало среди них оживленные пересуды в кулуарах, в ходе которых звучали суждения самого различного толка. Уже одним этим обстоятельством «очерк» Н.И. Никитина заслуживает пусть лапидарной, но специальной историографической реакции. Смею надеяться, что занимаясь без малого тридцать лет протестной проблематикой, заслужил право высказать соображения о новом исследовании по истории разинского восстания, вышедшем из-под пера историка, давно известного своими публикациями по казачеству, сибирским землепроходцам и феномену колонизации, но никогда прежде предметно не интересовавшегося бунтами и бунтовщиками.

Текстовая часть этой небольшой книги (160 с.) структурно состоит из введения, четырех глав и завершающего раздела, носящего длинное название «Вместо заключения. О последствиях, характере и историческом значении разинского движения» (31 с.). Сами же главы, значительно отличаясь по объему, отражают процесс последовательной реализации авторского понимания темы: 1) «Донское казачество после Смуты» (5 с.); 2) «Усиление социальной напряженности на Дону в 1660-х годах и поход Василия Уса» (8 с.); 3) «Волжско-Каспийский поход Степана Разина и его последствия» (25 с.); 4) «Разинское движение 1670–1671 гг.: триумф и разгром» (53 с.). Все это дополняется примечаниями / сносками, краткой хронологией разинского движения, списком литературы и указателем имен.

Интригующе заманчиво выглядит подзаголовок книги – «взгляд из XXI в.», обещающий россыпь новых эвристических находок, историографических нюансов и методологических подходов к осмыслению, казалось бы, неплохо изученного сюжета отечественной истории. Очевидно же, что после многочисленных работ авторитетных предшественников не было никакого иного смысла браться за разинскую тему. Любопытно, что в список литературы Н.И. Никитин включил ряд собственных трудов, большая часть которых опубликована в диапазоне с 1986 по 1994 г., видимо, намекая, что уже тогда у него сформировался озвученный теперь взгляд из XXI столетия.

Впрочем, Н.И. Никитин не счел нужным поделиться с читателями разъяснением, что конкретно он имел в виду, дав столь эпатажный подзаголовок. Остается только строить различные догадки. Маловероятно, что подразумевалась банальная констатация факта – данная книга написана автором, живущим в XXI в. Возможно, Н.И. Никитин хотел в свете нынешнего разумения проанализировать имеющуюся историографию Разинщины, прежде всего, работы, появившиеся в начале нашего века, но, скорее всего, задумывал с учетом возможностей современного «инструментария» исторической науки нарисовать принципиально иную, нежели прежде, картину разинского движения. Увы, приходится

признать: какое бы предположение ни было верным, в любом из названных вариантов автор книги оказался не на высоте.

Так, остается непонятным, на каком научном фундаменте Н.И. Никитин рассчитывал сконструировать современный взгляд на проблему, коль скоро никаких новых источников для этого им не было привлечено. Чаще всего на страницах книги они цитируются не напрямую, а заимствуются из монографий и статей историков разинского восстания (В.И. Буганов, Н.А. Мининков, А.П. Пронштейн, В.М. Соловьев, Е.В. Чистякова и др.). Или по известным сборникам документов, среди которых на первом месте стоит фундаментальное четырехтомное (в пяти книгах) издание «Крестьянская война в России под предводительством Степана Разина» и опубликованные под редакцией А.Г. Манькова два выпуска иностранных известий о разинском восстании [2–4]. Конечно, само по себе последнее обстоятельство ни для кого из ученых не является предосудительным. По общему мнению, разделяемому Н.И. Никитиным, за долгие годы изучения был опубликован «почти весь сохранившийся документальный материал, имеющий прямое отношение к движению Степана Разина» [1. С. 5]. Понятно, что названные и иные публикации источников осуществлялись как раз с целью стать весомым подспорьем для последующих научных изысканий. У историков всегда имеется шанс попытаться «разговорить» опубликованные и давно известные источники, более глубоко, качественно и подробно раскрыв их информационный потенциал. Подобные исследования также востребованы наукой и вызывают не меньший интерес со стороны профессионального сообщества, но они же требуют применения тонких познавательных интерпретаций и новых методологических стратегий. Однако Н.И. Никитин не стал обременять себя «заумными» эпистемологическими экзерциициями, ограничившись старым добрым нарративом.

На протяжении всех четырех глав с большей или меньшей подробностью освещаются основные предпосылки, причины и события разинского восстания в духе привычного как минимум с советских времен социально-экономического детерминизма. Чтобы в этом убедиться, достаточно для сравнения взять в руки исследование любого тогдашнего историка о С.Т. Разине и Разинщине. Именно тяготы социально-экономической жизни вольных донских казаков и подневольного люда страны обусловливали, по мнению автора, их протестную поведенческую активность на протяжении 60-х – начала 70-х гг. XVII в. Мягко говоря, мысль отнюдь не новая и, как показывает внимательное обращение к источникам, вовсе не самая продуктивная. По крайней мере, многочисленные примеры из истории народного протеста убеждают в том, что зачастую бунтовали далеко не самые сирые и обездоленные представители социальных низов. Что для перерастания подспудного недовольства населения в открытые формы неповиновения им нередко требовалось осмыслить свое положение в привычных религиозно-монархических категориях традиционной ментальности. Допустим, как результат правления «ложного» царя или как следствие неправедных происков «бояр-изменников», о которых царь-батюшка знать не знает, ведать не ведает. Например, О.Г. Усенко справедливо указал на важную для простонародья психологическую грань между понятиями «эксплуатация» и «угнетение». Первое – «чисто экономическая категория: это регулярное изъятие прибавочного продукта (частично или целиком) у непосредственных производителей. Угнетение же – понятие социально-психологическое, а именно принуждение человека к чему-либо вопреки его воле и / или ограничение свободы его жизнедеятельности, вызывающее у него какие-либо негативные эмоции. “Усиление гнета” могло происходить и при неизменности характера и уровня эксплуатации. Все дело в том, как и чем эксплуатация оправдывалась, насколько она выглядела нормальной или терпимой для тех, кто был ее объектом» [5. С. 62]. По ходу дела замечу, что даже дореволюционные историки, признавая в принципе значение социально-экономических факторов, порой бывали изобретательнее и разнообразнее Н.И. Никитина в толковании природы мощного народного движения под предводительством С.Т. Разина.

Лишь изредка в тексте четырех глав автор отвлекается от незатейливого пересказа давно известной информации. Вопреки взятой на вооружение методике безоценочного повествования он, словно бы внезапно, вдруг вспоминает о недопустимости «нарушать принципы историзма в целом и герменевтики в частности» и призывает «понять происшедшее, взглянув на него глазами живших тогда людей». Но нигде ранее или позднее не руководствуется собственной в общем верной декларацией. И это не случайно, поскольку невозможно смотреть на прошлое глазами самого прошлого, когда пропагандируешь «взгляд из XXI в.». Н.И. Никитину все-таки надо было определиться со своими познавательными ориентирами – либо одно, либо другое. Путаница с методологией сыграла с ним злую шутку. Потому-то его якобы взвешенные попытки оценить насильственные практики обоих противоборствующих в восстании сторон (разинцев и их противников) [1. С. 52–58, 80–82, 89–91] выглядят всего лишь ученым морализаторством нашего современника, но никак не стремлением понять полисемантичную наполненность кровавых расправ с точки зрения современников С.Т. Разина – носителей принципиально иного культурного багажа.

Наиболее привлекательным для читателей выглядит раздел «Вместо заключения», где Н.И. Никитин, наконец-то, отказывается от аксиологического безмолвия и пытается дать собственные оценки разинскому восстанию и его отражению в фольклоре и историографии. Кстати, этим же сюжетам посвящена его отдельная статья, вышедшая практически одновременно с «очер-

ком» в «Трудах Института российской истории РАН» [6]. Причем статья едва ли не дословно воспроизводит текст заключительного раздела книги. Впрочем, и там и тут можно заметить несуразности в авторской исследовательской манере. Например, не соглашаясь с некоторыми взглядами историков на разинский фольклор, Н.И. Никитин не счел нужным самостоятельно ознакомиться с многочисленными («более чем 200 записанных песен о Разине») произведениями народного творчества. Между тем они также неоднократно были опубликованы. Остается только недоумевать, откуда же у Н.И. Никитина могли появиться собственные суждения, отличающиеся от тех исследователей, кто этот самый фольклор изучал специально и досконально. Аналогичным образом он поступает при анализе характеристик, «которые давали разинскому движению и его лидеру народнически и социал-демократически настроенные литераторы и публицисты XIX – начала XX в.». Кроме ссылки на автореферат докторской диссертации В.М. Соловьева (даже не на саму диссертацию), иного источника осведомленности Н.И. Никитина о взглядах упомянутых авторов мы не найдем. То же самое касается оценки мнения дореволюционного историка Д.И. Иловайского, подходов «крайне политизированной» ранней советской историографии и многого другого [1. С. 103–107].

Далее Н.И. Никитин вполне по-современному акцентирует важную проблему типологии массовых народных движений XVII–XVIII вв., в том числе применительно к разинскому восстанию. Но сводит ее, по сути дела, к примитивной дихотомии «крестьянские войны» – «гражданские войны», не понимая, что в таком случае воюет с «ветряными мельницами», всего лишь отдавая дань должного давно минувшему историографическому прошлому. Но даже здесь автор рассуждает на неглубоком теоретическом уровне. Поэтому у читателей нет возможности узнать, какое содержание советские историки вкладывали в понятие «крестьянские войны в России», какими признаками они наделялись и, соответственно, почему ныне этот термин оказался не в чести у специалистов. А вот соглашаться с призывом Н.И. Никитина (вслед за В.М. Соловьевым) уйти в сторону от полемики по поводу типологии выступлений социальных низов в дореволюционной России спешить не стоит, ибо вопрос этот отнюдь не второстепенный [Там же. С. 108–111].

На первый взгляд, совершеннейшей неожиданностью выглядит обращение Н.И. Никитина к проблеме альтернативности и инвариантности истории на примере разинского движения. Однако оказывается, что и здесь он вторичен, не оригинален, к тому же, слабо представляет вопрос, о котором взялся рассуждать. Чтобы оценивать гипотетические возможности исхода разинского бунта (например, вероятность победы восставших), автору книги надо было сначала познакомиться с азами контрфактического моделирования прошлого, давно уже предложенными в исторической науке [7, 8]. В данном же случае Н.И. Никитин ничтоже сумняшеся просто «прикидывает на глазок», но делает концептуально значимый вывод: «подобный вариант развития событий был невозможен в принципе». Вот интересно, догадывались ли сами разинцы, поднимаясь на борьбу, о ее бесперспективности? Или царское правительство, обрушившее на восставших значительную часть своей военной мощи? Посчитав этот вопрос не самым значимым, Н.И. Никитин полагает куда более важным обсудить последствия отрицаемой им победы бунтовщиков. В качестве примера опять же гипотетической феодализации повстанческой верхушки и ее «быстрого превращения в помещиков», он предлагает «обратить свой взор на близкую Украину», где в середине XVII в. именно так все и произошло [1. С. 121–122]. При этом совершенно забывая историографическую аксиому – аналогия не является доказательством. Но сие, похоже, Н.И. Никитину не ведомо.

По набору, формулировкам и трактовкам дискутируемых проблем возникает стойкое ощущение, что познания Н.И. Никитина о разинском восстании не идут дальше того предела, на котором остановилось изучение этой темы в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Поэтому, заявив «взгляд из XXI в.», Н.И. Никитин в своем «очерке» за редким исключением черпает сведения из работ XIX–XX столетий, а в заключительной части, по существу, воспроизводит предложенную в указанное же время (т.е. в начале 90-х) логику рассуждений В.М. Соловьева, который справедливо назван «весьма авторитетным специалистом в этой области» [Там же. С. 111]. И тут мы сталкиваемся с очередным историографическим парадоксом. При декларируемом уважительном отношении к названному выше историку в книге Н.И. Никитина практически отсутствуют отсылки к небесспорной, но одной из самых ярких и самых «свежих» (1994) монографий В.М. Соловьева «Анатомия русского бунта. Степан Разин: мифы и реальность» [9]. В отличие от его же совместной с Е.В. Чистяковой работы 1988 г., она вспоминается всего лишь дважды: в одном случае не совсем по делу, в другом – без указания конкретных страниц (больше подобных пробелов в примечаниях нет). И все же равнодушие к подлинно новаторскому исследованию В.М. Соловьева – не самый главный и не единственный историографический недостаток рецензируемого «очерка». Об изрядных пробелах свидетельствует всего одна ссылка (№ 21), сделанная в общем порядке на небольшое (80 с.) популярное издание крупнейшего знатока разинского восстания советского историка И.В. Степанова [10]. В то время как его же незавершенный в виду смерти фундаментальный двухтомный труд, по-видимому, не знаком Н.И. Никитину [11, 12]. Один из лучших исследователей донской истории Н.А. Мининков преимущественно цитируется по его обобщающей работе (в соавторстве с А.П. Пронштейном), опубликованной в 1983 г. Куда более современная монография этого ученого (1998) остается за пределами авторского внимания [13]. Ряд

новейших специальных публикаций вообще был проигнорирован Н.И. Никитиным (К. Ингерфлом, В.Н. Королев, М. Чертанов и др.). Отсутствуют сведения о других работах современных историков, упомянутых в его книге, либо их взгляды подвергаются порой безосновательной обструкции. Перечень историографических лакун можно продолжать и далее.

«Под раздачу» скопом попал и автор, пишущий данные строки. В частности, Н.И. Никитину не понравились опыты реконструкции ритуально-символической природы масштабных расправ, творимых российскими бунтовщиками XVII–XVIII вв. Что ж, подобное отношение встречается не впервой. Закономерно, что приверженцам традиционных подходов к истории столь непривычные для них истолкования не могут быть по душе. Изрядно утрируя мои, как он пишет, «остроумные построения», с которыми, меж тем, знаком только по кандидатской и докторской диссертациям, в основном на уровне авторефератов, он оценивает их как пример «упрощений» и «схематизаций», отмечает в качестве недостатка «чисто умозрительный характер». Забавно, что регулярный протест возникает у Н.И. Никитина при встрече с отдельными попытками истолковать прошлое сквозь категорию «сексуальности» [1. С. 56–57, 113]. Что, в свою очередь, вызывает уже мое недоумение. Если «рожденный в СССР» автор книги считает, что и в позднем Средневековье в России не было секса, то вряд ли с ним можно согласиться. Либо он придерживается пуританских принципов и полагает, что интимные отношения в жизни людей не играют никакой роли, в том числе в жизни тех, кто населял «бунташное» столетие. Чтобы убедить в обратном, остается пожелать ему расширить кругозор знакомством с многочисленными работами отечественных и зарубежных исследователей «психологии толпы» и гендерной истории. После чего еще раз и более внимательно взглянуть на исторические источники, в том числе по разинскому движению.

Прихотливо смешивая мои взгляды со взглядами О.Г. Усенко, Н.И. Никитин предъявляет ошибочный упрек в том, что наши «построения» «не имеют никаких зацепок в источниках». Конечно же, имеют. Только узнать об этом возможно при чтении не авторефератов, а опубликованных монографий или статей, часть коих размещена в e-library. Понятно, что иначе никакие интерпретационные модели не могли бы появиться на свет. В противовес нашему, по его словам, «субъективизму», автор предлагает ориентироваться «на конкретно-исторический материал», откуда, видимо, надеется почерпнуть факты в готовом виде [Там же. С. 57]. Складывается впечатление, что Н.И. Никитин – давний поклонник «Анналов» Тацита и вслед за римским историком мечтает подходить к прошлому «без гнева и пристрастия», как он пишет в аннотации, «всесторонне и объективно». Либо он сторонник методологии немецкого историка Л. фон Ранке, а потому уверен в способности исследователя описать прошлое, как оно «происходило на самом деле». Ну или, наконец, не исключено, его манит «незамысловатый» претенциозный перифраз французского историка Н. Фюстеля де Куланжа: «Голос историка – это голос Бога». А потому, дескать, – «факты, факты, ничего кроме фактов». Во всех указанных случаях чаяния Н.И. Никитина следует квалифицировать как наивные и утопичные. Эфемерность подобных намерений давно доказана исторической наукой, «история в этом смысле недоступна нашему познанию. Восстановить картину того фрагмента прошлого, который мы исследуем, во всей полноте и бесконечном многообразии, во всех его бесчисленных связях и переплетениях нам не дано» [14. С. 85].

Несомненно, факт как таковой, поскольку он установлен, иногда может иметь большое значение. Но любому историку известно, что чаще всего на первый план выходит не сам факт, а его интерпретация, вокруг которой разгораются научные споры. Об этом с легким сарказмом писал И.Н. Данилевский: «...вряд ли нас волнует тот факт, что однажды, около 227 000 средних солнечных суток назад, приблизительно на пересечении 54° с.ш. и 38° в.д., на сравнительно небольшом участке земли (около 9,5 км²), ограниченном с двух сторон реками, собралось несколько тысяч представителей биологического вида Homo sapiens, которые в течение нескольких часов при помощи различных приспособлений уничтожали друг друга. Затем оставшиеся в живых разошлись: одна группа отправилась на юг, а другая на север… Между тем именно это и происходило, по большому счету, “на самом деле”, объективно на Куликовом поле» [15. С. 5–6].

Иначе говоря, историческая природа факта не снижает степени относительности и субъективности реконструируемой картины прошлого, связанных с познавательной деятельностью историка, который не в силах «добру и злу внимать равнодушно». Тем не менее научная интерпретация не является произвольной, а основывается на реальной базе, которую составляют факты истории. Историк как бы открывает значение факта, используя весь методологический арсенал, который дает ему в руки историческая наука с тем, чтобы получить максимально полное и адекватное знание о прошлом. Но затруднять себя подобными гносеологическими сложностями Н.И. Никитину не хочется. Гораздо проще без затей пересказать заимствованные из чужих трудов сведения в виде более-менее связной вереницы событий.

Совершенно очевидно, что для сегодняшнего историка недостаточно презентации новых фактов, которых, напомню, в рассматриваемой работе мы не найдем. Чтобы быть по-настоящему современным ученым, чтобы соответствовать историографическому и методологическому уровню начала XXI в., историк должен стремиться истолковать логику поступков своих героев, пытаться понять смысл их действий. На этом нелегком поприще герменевтической дешифровки культурной символики прошлого

(а традиционная культура насквозь символична), конечно, возможны и даже неизбежны досадные промахи и преувеличения. Но иного пути для современного историка просто не существует. Иначе он обречен на бесконечное повторение и воспроизведение пройденного историографией, как это, по сути, случилось в «очерке» Н.И. Никитина.

Не буду углубляться в дебри имеющихся в справочном аппарате книги многочисленных опечаток и путаниц. Приведу лишь несколько иллюстративных примеров. В сноске № 25 вместо известного дореволюционного историка С.М. Соловьева указан современный историк В.М. Соловьев. Ошибочка всего в один инициал, однако, адресовала читающую публику к совсем другому ученому. Сноска под № 96 маркирует цитату из работы О.Г. Усенко, а примечания сделаны на мою докторскую диссертацию, на соответствующей странице которой, разумеется, нет ничего подобного. Да и название диссертации (№ 95) указано неправильно и без выходных данных. В сноске № 212 отмеченные страницы не соответствуют тексту цитируемых изданий и т.д. и т.п. Пожалуй, только в таком смысле можно согласиться, что рецензируемая книга, действительно, является продуктом XXI столетия со всеми распространенными сегодня удручающими квазинаучными атрибутами: механической компиляцией, выдаваемой за собственные открытия, наличием множества ляпов и нелепых ошибок, дилетантизмом и ни на чем не основанном апломбе.

Подводя итоги, замечу, что обещанного взгляда из XXI в. читатели так и не дождались. Вместо этого, разинское восстание на страницах «очерка» прочно «заблудилось» в хаосе временного коллапса, явно тяготея к историографическому «вчера». В целом неплохая по содержанию книга добротно, пусть и поверхностно, пересказывает общеизвестные события и основные трактовки народного бунта под предводительством С.Т. Разина. Как напоминание о них неизбалованному соответствующим чтением среднестатистическому россиянину, живущему в начале XXI в., – это, в общем-то, хорошо само по себе. В чем невозможно отказать Н.И. Никитину – это мастерское владение пером. Книга действительно написана достаточно живым стилем, а потому читается легко и с интересом. Не случайно, что другие работы этого же автора ранее неоднократно публиковались в научно-популярных книжных сериях и периодических изданиях. Но едва ли рецензируемый «очерк», изданный в академическом издательстве, может претендовать на что-то большее. Новая книга на старую тему, написанная уважаемым и авторитетным в исторической науке ученым, к сожалению, производит впечатление талантливого, но впопыхах состряпанного компилятивного эрзаца для закрытия какого-нибудь очередного институтского плана по публикациям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никитин Н.И. Разинское движение: взгляд из XXI в. М. : Институт российской истории РАН, 2017. 160 с.
2. Крестьянская война в России под предводительством Степана Разина : в 4 т. М. : Изд-во АН СССР, 1954–1976.
3. Записки иностранцев о восстании Степана Разина / под ред. А.Г. Манькова. Л. : Наука, 1968. 175 с.
4. Иностранные известия о восстании Степана Разина / под ред. А.Г. Манькова. Л. : Наука, 1975. 192 с.
5. Усенко О.Г. Социальный протест в России до начала XX века : терминология и классификация // Из архива тверских историков. Вып. 6 : Сборник воспоминаний и научных трудов. К 70-летию со дня рождения профессора М.М. Червяковой. Тверь : Научная книга, 2006. С. 60–80.
6. Никитин Н.И. Об историческом значении и характере «крестьянских войн» в России (на примере движения Степана Разина) // Труды Института российской истории РАН. 2017. № 14. С. 219–239.
7. Нехамкин В.А. Контрфактические исследования в историческом познании : генезис, методология. М. : МАКС Пресс, 2006. 176 с.
8. Нехамкин В.А. Становление контрфактической истории: философско-методологический аспект. 2010. 296 с.
9. Соловьев В.М. Анатомия русского бунта. Степан Разин: мифы и реальность. М. : ТИМР, 1994. 252 с.
10. Степанов И.В. Крестьянская война под предводительством С.Т. Разина (1670–1671 гг.). М. : Госполитиздат, 1957. 80 с.
11. Степанов И.В. Крестьянская война в России в 1670–1671 гг.: Восстание Степана Разина. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1966. Т. 1. 371 с.
12. Степанов И.В. Крестьянская война в России в 1670–1671 гг.: Начальный период Крестьянской войны. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1972. Т. 2, ч. 1. 158 с.
13. Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего Средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1998. 512 с.
14. Гуревич А.Я. «Территория историка» // Одиссей : Человек в истории. М. : Credo, 1996. С. 81–109.
15. Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М. : Аспект Пресс, 2001. 389 с.

Maul Viktor Ya. Tyumen Industrial University (Nizhnevartovsk affiliate), (Nizhnevartovsk, Russia). VYMaul@mail.ru

RAZIN UPRISING IN THE CHAOS OF A TEMPORARY COLLAPSE (THINKING ABOUT NEW BOOK)

Key words: Razin uprising; historiography; N.I. Nikitin; "the view from the XXI century"; S.T. Razin; participants Razin uprising; historiographic criticism; review.

The review analyzes the “historical sketch” by the historian N.I. Nikitin “Razin movement: a view from the XXI century”, published in 2017 as a separate book in publishing house of Institute of Russian history. We examine the main conceptual provisions of the author’s understanding Razin topics including cognitive approaches to published historical sources and the available historiographic literature on the history of the national movement under the leadership of S.T. Razin. There are shortcomings in the theoretical structures proposed by N.I. Nikitin, and also the lack of scientific novelty in the views and estimates of the Razin rebellion. It is shown that the set of statements and interpretations discussed in the book by N.I. Nikitin problems reflect the level of ideas about Razin motion, typical for Russian historiography of the late 1980s – early 1990s concluded that they do not correspond to the content of a modern (XXI century) understanding social protest in Russia.

REFERENCES

1. Nikitin, N.I. (2017) *Razinskoe dvizhenie : vzglyad iz XXI v.* [The Razin movement: a view from the 21st century]. Moscow: Institute of Russian History, RAS.
2. Shvetsova, E.A. (ed.) (1954–1976) *Krest'yanskaya voyna v Rossii pod predvoditel'stvom Stepana Razina. V 4-kh tt.* [Peasants' War in Russia under the leadership of Stepan Razin. In 4 vols]. Moscow: USSR AS.
3. Mankov, A.G. (ed.) (1968) *Zapiski inostrantsev o vosstanii Stepana Razina* [Foreigners about Stepan Razin's uprising]. Leningrad: Nauka.
4. Mankov, A.G. (ed.) (1975) *Inostrannye izvestiya o vosstanii Stepana Razina* [Foreign news about Stepan Razin's uprising]. Leningrad: Nauka.
5. Usenko, O.G. (2006) Sotsial'nyy protest v Rossii do nachala XX veka: terminologiya i klassifikatsiya [Social protest in Russia before the early 20th century: Terminology and classification]. In: Leontieva, T.G. (ed.) *Iz arkhiva tverskikh istorikov* [From the Archives of Tver Historians]. Issue 6. Tver: Nauchnaya kniga. pp. 60–80.
6. Nikitin, N.I. (2017) Ob istoricheskom znachenii i kharaktere "krest'yanskikh voyn" v Rossii (na primere dvizheniya Stepana Razina) [On the historical significance and nature of "peasant wars" in Russia (on the example of Stepan Razin's movement)]. *Trudy Instituta rossiyskoy istorii RAN*. 14. pp. 219-239.
7. Nekhamkin, V.A. (2006) *Kontrfakticheskie issledovaniya v istoricheskom poznanii: genezis, metodologiya* [Counterfactual research in historical knowledge: genesis, methodology]. Moscow: MAKS Press.
8. Nekhamkin, V.A. (2010) *Stanovlenie kontrfakticheskoy istorii: filosofsko-metodologicheskiy aspect* [The formation of counterfactual history: the philosophical and methodological aspect]. Moscow: Maks-Press.
9. Soloviev, V.M. (1994) *Anatomiya russkogo bunta. Stepan Razin: mify i real'nost'* [Anatomy of the Russian rebellion. Stepan Razin: Myths and Reality]. Moscow: TIMR.
10. Stepanov, I.V. (1957) *Krest'yanskaya voyna pod predvoditel'stvom S.T. Razina (1670-1671 gg.)* [The peasant war led by S.T. Razin (1670–1671)]. Moscow: Gospolitizdat.
11. Stepanov, I.V. (1966) *Krest'yanskaya voyna v Rossii v 1670-1671 gg.: Vosstanie Stepana Razina* [The peasant war in Russia in 1670–1671: The Rise of Stepan Razin]. Vol. 1. Leningrad: Leningrad State University.
12. Stepanov, I.V. (1972) *Krest'yanskaya voyna v Rossii v 1670-1671 gg.: Nachal'nyy period krest'yanskoy voyny* [The peasant war in Russia in 1670–1671: The initial period of peasant war]. Vol. 2(1). Leningrad: Leningrad State University.
13. Mininkov, N.A. (1998) *Donskoe kazachestvo v epokhu pozdnego srednevekov'ya (do 1671 g.)* [The Don Cossacks in the late Middle Ages (until 1671)]. Rostov on Don: Rostov State University.
14. Gurevich, A.Ya. (1996) "Territoriya istorika" [The territory of a historian]. In: Gurevich, A.Ya. (ed.) *Odissey: Chelovek v istorii* [Odysseus: Man in History]. Moscow: Coda. pp. 81–109.
15. Danilevskiy, I.N. (2001) *Russkie zemli glazami sovremennikov i potomkov (XII-XIV vv.)* [The Russian lands through the eyes of contemporaries and descendants (the 12th – 14th centuries)]. Moscow: Aspekt Press.

УДК 930.1
DOI: 10.17223/19988613/51/24

М.Н. Мосейкина

РЕЦЕНЗИЯ: ЗАРУБЕЖНАЯ РОССИЯ: ОРГАНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ. 1917–1939 гг. МАТЕРИАЛЫ К МЕЖАРХИВНОМУ СПРАВОЧНИКУ / Н.С. САБЕННИКОВА, В.Л. ГГЕНТШКЕ, А.С. ЛОВЦОВ. ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ И АРХИВНОГО ДЕЛА. МОСКВА ; БЕРЛИН : ДИРЕКТ-МЕДИА, 2017

Анализируется межархивный справочник «Зарубежная Россия: организации российской эмиграции. 1917–1939 гг.», подготовленный сотрудниками Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела. Рецензент считает, что появление этого издания способствует расширению знаний о состоянии источниковой базы в изучении проблемы Российского зарубежья и ее целостности в мировом пространстве.
Ключевые слова: Российское зарубежье; эмиграция; архивы; межархивный справочник; систематизированная информация.

Тема истории Российского зарубежья по-прежнему остается одной из самых востребованных в отечественной историографии. Различные справочные издания, являющиеся отправной точкой всякого научного исследования в этой области, для каждого ученого становятся своего рода нитью Ариадны, позволяющей не сбиться с курса в океане документальных источников.

Особое место здесь следует отвести межархивным справочникам. Специалистам известно, что лишь в редких случаях весь объем документальных источников хранится в одном архиве, большей же частью они рассредоточены по различным хранилищам.

Межархивные справочники, число изданий которых неуклонно растет, способствуют осознанию целостности мировой источниковой базы, не зависимо от того, в каком архиве и какой страны хранятся отдельные разрозненные документы. В рамках комплексного подхода к решению источниковедческих задач межархивные справочники имеют особое значение для исследователей, использующих в своей научной работе документы, отложившиеся в различных архивах, в том числе и зарубежных как менее доступных для исследования.

Изучение Зарубежной архивной Россики – одно из профильных направлений деятельности специалистов из Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД), результатом которой стали уже хорошо известные в эмигрантоведении публикации как монографического плана [1], так и справочно-информационного характера [2, 3]. Авторы рецензируемого межархивного справочника «Зарубежная Россия: организации российской эмиграции. 1917–1939 гг.» – И.С. Сабенникова, В.Л. Гентшке, А.С. Ловцов, путем кропотливой работы также решают важную задачу выявления и сведения воедино широкого круга информации по зарубежной Россике, предоставляемой как отдельными архивными каталогами, так и авторами самостоятельных научных изданий (монографий, статей), что делает данное рецензируемое издание объективно актуальным и имеющим важное практическое значение.

Учитывая то, что значительный массив документов российской эмиграции хранится в зарубежных архивах и их поиск для российских исследователей в силу ряда причин затруднен, авторы задумали данный межархивный справочник по Зарубежной России, позволяющий получить информацию о местонахождения документов русской эмиграции в ряде англоязычных стран. Авторами справочника проведена колоссальная работа по выявлению такого рода документов, благодаря чему были собраны сведения о различных эмигрантских структурах и организациях по фондам и коллекциям почти тридцати архивохранилищ.

В справочнике читателям предоставляется систематизированная информация о документах, характеризующих институциональную составляющую российской эмиграции (главным образом постреволюционной), которые отложились в наиболее значимых архивах и библиотеках **Австралии** (National Archives of Australia – Национальный архив Австралии; Queensland University Library – Библиотека Университета штата Квинсюленд), **Великобритании** (British Library – Британская библиотека; British Library of Political and Economic Science – Британская библиотека политических и экономических наук; Labour Party Archive – Архив Лейбористской партии; Russian Centre Brotherton Library University of Leeds – Русский архив Бразертонской библиотеки университета г. Лидса; School of Slavonic and East European Studies Library – Библиотека Школы славянских и восточноевропейских исследований), **Ирландии** (National Archives of Ireland – Национальный архив Ирландии; Main Library of the Independent Anglican Church of Ireland – Главная библиотека независимой англиканской церкви в Ирландии; Military Archives of Ireland – Военный архив Ирландии), **США** (Amherst Center for Russian Culture, Amherst College, Amherst, Massachusetts – Центр российской

культуры Амхерстского колледжа; Archive of Holy Trinity Orthodox Seminary, Jordanville – Архив Свято-Троицкой духовной семинарии в Джорданвилле; Archive of the Tolstoy Foundation, Inc. (New York) – Архив Толстовского фонда; Columbia University in the City of New York, Bakhmeteff Archive of Russian and East European Historys and Culture – Бахметевский архив российской и восточноевропейской истории и культуры при Колумбийском университете; Duke University. David M. Rubenstein Rare Book and Manuscript Library – Университет Дьюка. Библиотека редких книг и рукописей Дэвида М. Рубинштейна; Georgetown University Library – Библиотека Джорджтаунского университета; Hoover Institution Archives, Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford University, Palo Alto, California – Архив Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете; Harvard Law School Library, Harvard University – Библиотека Школы права Гарвардского университета; Harvard University Library – Библиотека Гарвардского университета; Library of Congress – Библиотека Конгресса; Museum of Russian Culture in San Francisco – Музей русской культуры в Сан-Франциско; New York Public Library – Нью-Йоркская публичная библиотека; Providence College Phillips Memorial Library – Мемориальная библиотека Филлипса при Провиденс Колледже; Trinity College Library – Библиотека Тринити Колледжа; Yale University. Beinecke Rare Book and Manuscript Library – Йельский университет. Библиотека редких книг и рукописей Бейнеке; Yale University. Sterling Memorial Library. Historical Manuscripts and Archives Department – Йельский университет. Мемориальная библиотека Стерлинга. Отдел исторических рукописей и архивов).

Межархивный справочник «Зарубежная Россия: организации российской эмиграции. 1917–1939 гг.» явился результатом большой работы авторов по выявлению информации, ее переводу с английского языка, анализу и систематизации результатов. Основными источниками в процессе подготовки данной работы стали не только опубликованные каталоги, путеводители, описи, специальная научная и справочная литература, но и аналогичные материалы, размещенные на сайтах национальных архивов, библиотек, организаций.

Авторы выбрали предметно-тематическую схему построения справочника, что логично определяется представленным в нем материалом и делает весьма удобным его использование для специалистов. Структура справочника включает в себя достаточно информативную вводную часть, 16 тематических разделов, а также приложения. Вводная часть включает в себя предисловие и исторический обзор в качестве раздела «Зарубежная архивная Россика о структурной составляющей российской эмиграции», знакомство с которыми позволит каждому исследователю легче ориентироваться как в сути изучаемой проблемы, так и в самом материале справочника. Основная часть справочника логично структурирована и состоит из 16 тематических разделов: 1) российское государство накануне октября 1917 г.; 2) белое движение в годы Гражданской войны; 3) общественно-политические движения, партии и организации; 4) военные, военно-политические организации и союзы российской эмиграции; 5) дипломатические представительства и организации; 6) религиозные конфессии, организации, союзы; 7) печать; 8) коммерческие организации; 9) профессиональные объединения, творческие союзы; 10) благотворительные, ветеранские организации, объединения и фонды; 11) научные, учебные организации и объединения; 12) культурно-просветительные, досуговые, спортивные общества, объединения по интересам; 13) молодежные движения, союзы, организации; 14) Дом Романовых (данный раздел включает в себя не только личные фонды членов семьи Романовых, но и фонды персоналий, организаций, имеющие в своем составе документы по истории Российской империи); 15) зарубежные организации, поддерживавшие беженцев и эмигрантов; 16) дополнительные материалы к теме. Предлагаемые в справочнике разделы отражают структуру и основные направления деятельности российской постреволюционной эмиграции, создавшей между двумя мировыми войнами культурно-национальное сообщество, именуемое Русским зарубежьем.

В этой связи положительным, на наш взгляд, является то, что авторы справочника, посвященного эмигрантским институциям, дополнили издание сведениями о документах, позволяющих показать общую картину событий, связанных с историей постреволюционный волны и прежде всего с причинами исхода из России и возникновением феномена Русского зарубежья. Включение в справочник данных об эмигрантских институциях более позднего периода также выглядит логичным, поскольку их учредителями, участниками или объектами непосредственной деятельности чаще всего были представители именно первой волны эмиграции. Такой подход дает полноту охвата всего объема документов, отражающих структурную составляющую российской постреволюционной эмиграции.

Безусловно удобным для исследователей является и то, что авторы приводят в справочнике сведения о наличии копий уникальных документов тех или иных фондов зарубежных архивов, хранящихся в настоящее время в ГАРФ (в частности, из США – это «Коллекция микрофильмов Гуверовского института войны, революции и мира», «Коллекция микрофильмов Музея русской культуры в Сан-Франциско», «Коллекция микрофильмов Свято-Троицкой Духовной Семинарии г. Джорданвилль»).

Особого внимания заслуживают приложения, которыми снабжена данная публикация. Прежде всего необходимо назвать аннотированный именной указатель (по сути являющийся отдельным справочником в справочнике); многостраничный перечень эмигрантских организаций и учреждений; список использованной литературы и

Интернет-сайтов, которые значительно повышают информационную и научную ценность издания.

Данный межархивный справочник не заменим как для специалистов (архивистов, историков, литературоведов), так и для всех тех, кто интересуется историей России и Русского зарубежья. Вместе с тем следует отметить, что в справочнике недостаточно оказалась представлена информация об экономических организациях русской эмиграции, которых было немало в разных странах русского рассеяния (в частности, во Франции – это Российский торгово-промышленный и финансовый союз, Комитет русских коммерческих банков, Объединение деятелей русского финансового ведомства в Париже и др.), поскольку предпринимательская деятельность русской эмиграции в разные годы являлась одной из форм ее социально-экономической адаптации.

Представляется, что работа по дальнейшему выявлению институций русской эмиграции в зарубежье будет продолжена авторами. Ведь и рецензируемое издание, как мы смогли убедиться, не является единственным в списке их публикаций. Оно стало частью научного проекта по изучению Зарубежной архивной Россики, осуществляемого учеными ВНИИДАД в течение уже многих лет. Остается пожелать авторам продолжения столь важной для научного сообщества работы по восстановлению документальной целостности российской истории, в том числе за счет расширения географического ареала русского присутствия за рубежом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сабенникова И.В. Русская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование. 2-е изд. Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2015.
2. Сабенникова И.В., Гентшке В.Л., Ловцов А.М. Архивные материки Российского зарубежья: тенденции и направления изучения; аннотированный указатель. Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2015.
3. Сабенникова И.В., Гентшке В.Л. Зарубежная архивная Россика: география размещения, выявление, публикация источников. М. : Новый хронограф, 2014.

Moseikina Marina N. RUDN University (Moscow, Russia). E-mail: moseykina_mn@rudn.university

REVIEW: FOREIGN RUSSIA: ORGANIZATIONS OF RUSSIAN EMIGRATION. 1917-1939. MATERIAL FOR THE INTER-ARCHIVE REFERENCE BOOK. / COMPILED BY I.S. SABENNIKOVA, V.L. GENTSHKE, A.S. LOVTSOV. ALL-RUSSIAN RESEARCH INSTITUTE OF ARCHIVES AND RECORDS MANAGEMENT. MOSCOW; BERLIN: DIRECT-MEDIA PUBL, 2017.

Key words: foreign Russia; emigration; archives; interarchives reference book; systematic information.

REFERENCES

1. Sabennikova, I.V. (2015) *Russkaya emigratsiya (1917-1939): sravnitel'no-tipologicheskoe issledovanie* [Russian emigration (1917–1939): A comparative-typological study]. 2nd ed. Moscow; Berlin: Direkt-Media.
2. Sabennikova, I.V., Gentshke, V.L. & Lovtsov, A.M. (2015) *Arkhivnye materiki Rossiyskogo zarubezh'ya: tendentsii i napravleniya izucheniya* [Archival continents of the Russian Diaspora: Trends and areas of study]. Moscow; Berlin: Direkt-Media.
3. Sabennikova, I.V. & Gentshke, V.L. (2014) *Zarubezhnaya arkhivnaya Rossika: geografiya razmeshcheniya, vyyavlenie, publikatsiya istochnikov* [Foreign archival Rossica: Geography of location, identification, and publication of sources]. Moscow: Novyy khronograf.

УДК 39
DOI: 10.17223/19988613/51/25

В.И. Терентьев

РЕЦЕНЗИЯ: КИМЕЕВ В.М. ШОРЦЫ. КТО ОНИ? ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ. 2-Е ИЗД., ДОП. И ПЕРЕРАБ. КЕМЕРОВО : КЕМГУ, 2016. 255 с.

Анализируется новая монография известного этнографа В.М. Кимеева о тюркском народе шорцы, проживающем в Кемеровской области.
Ключевые слова: В.М. Кимеев; шорцы.

В самом конце 2016 г., спустя более четверти века, мой Учитель, известный сибирский этнограф Валерий Макарович Кимеев переиздал в дополненном и переработанном виде свою первую монографию, опубликованную в 1989 г. по результатам защищенной им кандидатской диссертации.

Вызывает удивление то, что за период, проследовавший между двумя изданиями, не было опубликовано ни одной этнографической книги, посвященной шорцам. В последнее время в России редко встречаются монографические исследования, посвященные конкретной этнической общности. И дело тут не только в «постреквиемских» перестановках акцентов в используемых теоретико-методологических подходах этнографической науки. Основная причина – смена объект-предметной направленности новейших исследований, а также переориентация ученых на издание статей, диктуемая погоней за публикационной активностью и необходимостью отработки грантов. Сегодня призраками практически забытой советской традиции издания классических народоведческих этнографических монографий являются работы из академической серии «Народы и культуры». В принципе, казалось бы, что на вопрос, поставленный в заглавии книги, автор отвечает в первых предложениях введения и заключения: «Шорцы – это тюркоязычный народ… уникальный по своей природе и истории… окончательно сложившийся в период национально-государственных преобразований советской власти в первой половине XX в.» (С. 4, 165). Тем не менее риторика названия работы, присущая некоторым аналогичным этнологическим исследованиям, вышедшим в советское время (например, «Кто вы, айны?» Ч.М. Таксами и В.Д. Косарева), в наши дни обретает новое содержание. Если в XX в. авторы ставили, в первую очередь, задачу дать историко-этнографическую характеристику народа, то сегодня гораздо актуальнее понять, кого из смешанного населения стоит считать, в нашем случае, шорцами, когда только 3,3% народа владеет шорским языком, в таежных поселках проживает и занимается натуральным хозяйством около 10–20% этнической общности (С. 5–6), а остальная часть в культурном отношении мало чем отличается от других россиян.

Работа состоит из шести глав. В первой историографической главе «История изучения шорцев» В.М. Кимеев делает анализ всех известных источников по теме, начиная с XVII в., с так называемого ознакомительного этапа, и заканчивая современностью. Отдельно автор обращает внимание на работы «краеведов и публицистов из среды национальной интеллигенции», в которых содержатся «не выдерживающие никакой критики утверждения» (С. 23), а также на другие публикации, в том числе и профессиональных культурологов, конструирующих «шорскую кухню, традиционно-праздничную обрядность и хореографическую культуру» (Там же).

Во второй главе «Этногенез и этническая история кузнецких татар-шорцев» рассматриваются гипотезы о происхождении шорского населения, дается характеристика девяти этнолокальных групп кузнецких татар, объединенных в три крупные этнотерриториальные общности, которые в советский период слились «в составе Горно-Шорского национального района в единый шорский этнос» (С. 31), показано влияние русской колонизации и советской национальной политики на этногенез во всех его пониманиях. В.М. Кимеев указывает на возможный выход из кризисного состояния в изучении происхождения шорцев: не останавливаться на попытке изучения их как «единого этнического целого», а рассмотреть данную проблему по отдельным этнолокальным группам (С. 30).

Автор делает важный вывод: в результате реорганизации Горно-Шорского национального района в 1939 г. «без поддержки со стороны государства еще до конца не консолидированный малочисленный шорский народ в условиях прогрессирующей ассимиляции самостоятельно развиваться не мог», в послевоенные годы же «главной задачей Горной Шории было развитие промышленности, а вопросы социально-экономического и культурного развития… отошли на второстепенный план» (С. 67). Причем критики реорганизации национального района подчас забывают, что в 1930-е гг. по всему СССР было ликвидировано примерно 5 тыс. аналогичных административно-территориальных образований. В.М. Кимеев лаконично резюмирует, что «шорцы здесь не составили исключения» (Там же). В этой же главе автор констатирует, что после «ликвидации колхозов Горной Шории как нерентабельных» в 1960 г. «прекратилось финансирование ново-

го строительства, после чего дома, школы, клубы постепенно пришли в негодность», в результате этого к концу 1980-х гг. «из 13 клубов на 85 населенных пунктов (Nota Bene. – *В.Т.*) 4 в аварийном состоянии, а 5 требуют капитального ремонта» (С. 67–68).

В третьей классической этнографической главе «Традиционные занятия шорцев» дано описание их охоты, рыболовства, собирательства, скотоводства, земледелия, пчеловодства, торговли, отхожих промыслов и средств передвижения. Рассматриваются традиционные ремесла шорцев: древняя металлургия, кузнечество, гончарство, обработка шерсти, волокнистых растений, ткачество, выделка кожи, народное искусство, художественные промыслы и орнамент. Не стоит сомневаться в подлинности и доскональности излагаемых этнографических подробностей и деталей, поскольку автор провел в экспедициях в Горной Шории и попросту прожил среди шорцев более 40 лет. Фактически В.М. Кимеев вышел на тот уровень исследований, когда он как этнограф не то чтобы стал частью поля (за достижение данной цели как свидетельства полного погружения в изучаемую культуру ратуют некоторые этнографы-аборигены), но, скорее, поле стало частью его дома, когда постоянные друзья-информанты из этнической среды подолгу пребывают у него в гостях и считают его чуть ли не своим родственником.

Также классическим для этнографического исследований темам посвящены четвертая («Традиционно-бытовая культура шорцев») и пятая («Духовная культура шорцев») главы. Здесь описываются поселения, жилища, хозяйственные постройки, домашняя утварь, пища, одежда, обувь и украшения, а также дошаманистские культы, шаманизм, семейные обряды, фольклор, история создания шорской письменности и безуспешные попытки обучения шорскому языку в наши дни. В.М. Кимеев, будучи, помимо прочего, экспертом в сфере шорских музейных коллекций, по обыкновению, легко и грамотно оперирует терминологией на шорском языке, связанной с материальной и духовной культурой. Характеризуя ситуацию религиозного синкретизма, автор отмечает важные черты, присущие современным шорцам: «...большинство придерживается светского мировоззрения» (С. 121), для них «характерен религиозный нигилизм», а «попытки внедрения неошаманизма… пока не находят поддержки даже у старшего поколения…» (С. 138). Автор обращает внимание на то, что именно в 1930-е гг. по мере просвещения народа «окончательно сложилось общешорское этническое самосознания и закрепилось общее самоназвание – шорцы» (С. 149).

Особый интерес представляет заключительная, шестая, глава монографии «Современные этнополитические и этнокультурные процессы у шорцев». В первом параграфе В.М. Кимеев описывает процесс «национально-культурного возрождения», характеризует деятельность «Ассоциации шорского народа» и излагает хронологию Съездов шорского народа, организованных Ассоциацией. В подавляющем большинстве рассматриваемых событий рубежа 1980–1990-х гг. автор принимал непосредственное участие как консультант, активный деятель и наблюдатель.

Во втором параграфе В.М. Кимеев осмысляет «этнокультурный неотрадиционализм» у современных шорцев и прослеживает перспективу «сохранения традиционной культуры» в контексте «сохранения этнокультурного наследия» в составе экомузеев (С. 163–164). Автор констатирует факт утраты основных черт традиционной культуры у всех групп шорцев и подчеркивает сконструированный характер современного их вторичного этнокультурного пространства, демонстрируемого сегодня в качестве образца традиционной культуры шорцев, в действительности фактически ничего общего с ней не имеющего. Практики неотрадиционализма развиваются в основном в городской среде. В.М. Кимеев простыми словами описывает депрессивную социокультурную обстановку, царящую в «чисто шорском» пос. Усть-Анзас, рисуя картину вымирания шорских таежных улусов (С. 161), и выступает за адресную поддержку конкретных активных работоспособных, продуктивных сельских домохозяйств, а не безликого «этноса», когда все средства оседают в карманах представителей городской национально-политической элиты.

В заключении автор, подводя итоги, вполне определенно отмечает, что «проблема “возрождения” национального языка и общешорской традиционно-бытовой культуры… вряд ли… может в ближайшие годы быть решена». Успешным в этом направлении, помимо создания различных общественных организаций и музеев, можно считать «проведение традиционных праздников при поддержке местных властей» (С. 167).

Текст монографии качественно и содержательно дополняют приложения: уточненный перечень районов и населенных пунктов компактного проживания коренных малочисленных народов Севера в Кемеровской области (1989 г.), таблицы родового состава шорцев конца XIX – начала XX в. и распределения по волостям исторических предков шорцев в XVII–XVIII в. и фотографии, как сделанные лично автором, так и этнографами Н.П. Дыренковой, Л.П. Потаповым и топографом Г.И. Ивановым, хранящиеся в коллекциях Кунсткамеры, Новокузнецкого и Алтайского краевого краеведческих музеев, а также другими фотографами: А.В. Вяргизовым, Д. Коробейниковым и А.В. Придчиным. Примерно половина фотографий публикуется впервые. Словно закольцовывая композицию двух изданий, В.М. Кимеев в 2016 г. помещает последней иллюстрацией фотографию сказителя А.М. Кискорова с семьей, которая была размещена на обложке книги 1989 г.

Единственным замечанием к рецензируемой работе могут быть только наличие повторов, опечаток и отсутствие вводной части к последней главе, в какой-то мере затрудняющее чтение. Но это, скорее, редакторская недоработка, ни в коей мере не умаляющая сей труд.

В целом хотелось бы рекомендовать данное самое полное на настоящий день описание шорцев к прочтению не только специалистам: этнологам, историкам и музееведам, кому адресует монографию сам автор, но также сотрудникам областной и районной администраций и, собственно, шорцам: рядовым жителям городов и таежных поселков и представителям национально-политической элиты. Не будет преувеличением сказать, что практически каждый шорец читал данную работу еще в первом издании, после чего доходило до парадоксов. Исследователи, приезжая в шорские улусы с целью изучения местной культуры, при общении с аборигенами часто получали ответ: «Почитайте книжку В.М. Кимеева, там же все написано, что еще рассказать?» Комментарии излишни.

Тем не менее с того времени, во-первых, выросло новое молодое поколение, вероятнее всего, не знакомое с содержанием монографии, а во-вторых, в процессе «возрождения культуры» элита при активной финансовой поддержке региональных властей продолжает политику конструирования новых традиций и трансляцию их в массы посредством «театрализации этничности». Чтение данной книги поможет избежать подобного мифотворчества и получить ответ на вопрос, поставленный в заглавии: так кто же они, шорцы?

Terentyev Vladislav I. Plekhanov Russian University of Economics, Ulaanbaatar branch (Mongolia, Ulaanbaatar). E-mail: vlad33@bk.ru

REVIEW: KIMEEV V.M. SHORIANS: WHO ARE THEY? ETHNOGRAPHIC ESSAYS. THE SECOND EDITION. KEMEROVO: KEMSU, 2016. 255 P.

Keywords: Kimeev; shorians.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНТЮХОВА Екатерина Андреевна, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры сравнительной политологии Московского государственного института международных отношений (У) МИД России (г. Москва). E-mail: e.antyukhova@gmail.com

ВАСИЛЬЕВ Дмитрий Валентинович, кандидат исторических наук, доцент, первый проректор Российской академии предпринимательства (г. Москва). E-mail: dvvasiliev@mail.ru

ВОДЯСОВ Евгений Вячеславович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета (г. Томск). E-mail: vodiasov_ev@mail.ru

ГЛИНКИН Виталий Сергеевич, старший преподаватель кафедры востоковедения исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: glinkinvs@yandex.ru

ГОРДЕЕВА Мария Александровна, младший научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск). E-mail: sharshova@yandex.ru

ГОРЮНОВА Ольга Ивановна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательской части Иркутского государственного университета, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск). E-mail: as122@yandex.ru

ГРИШИНА Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, декан историко-филологического факультета Челябинского государственного университета. E-mail: natalyagrishina@mail.ru

ДЕМИН Михаил Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Алтайского государственного педагогического университета (г. Барнаул). E-mail: mademin52@mail.ru

ДМИТРИЕВ Андрей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Новосибирского национального исследовательского государственного университета. E-mail: khaldeus@academ.org

ИВАНОВ Александр Сергеевич, доцент кафедры естественнонаучных и гуманитарных дисциплин Сургутского института нефти и газа (филиал) Тюменского индустриального университета в г. Сургуте. E-mail: 88d@bk.ru

КАТЦИНА Татьяна Анатольевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Сибирского федерального университета (Красноярск). E-mail: tkatsina@sfu-kras.ru

КИРИЧЕНКО (Балдано) Светлана Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (г. Улан-Удэ). E-mail: l-a-n-a@mail.ru

КОЗЛОВ Михаил Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры исторических, философских и социальных наук Гуманитарно-педагогического института Севастопольского государственного университета. E- mail: kmn_75@mail.ru

МАРЕЙ Елена Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент школы исторических наук факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ (г. Москва). E-mail: elena.fontis@gmail.com

МАУЛЬ Виктор Яковлевич, доктор исторических наук, профессор Тюменского индустриального университета (филиал в г. Нижневартовске). E-mail: VYMaul@mail.ru

МЕЗИТ Людмила Эдгаровна, кандидат исторических наук, доцент Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (г. Красноярск). E-mail: mezit@yandex.ru

МОСЕЙКИНА Марина Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (г. Москва). E-mail: moseykina_mn@rudn.university

НОВИКОВ Алексей Геннадьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник научно-исследовательской части Иркутского государственного университета, научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск). E-mail: as122@yandex.ru

ПОДРЕЗОВ Михаил Владимирович, аспирант кафедры социально-гуманитарных и правовых дисциплин Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В.М. Шукшина (г. Бийск). E-mail: misha_1101@mail.ru

ПРОТАСОВ Евгений Тарасович, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова (г. Улан-Удэ). E-mail: protasov-evg@mail.ru

САРСАМБЕКОВА Арна Сапаркалиевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник центра тюркологии Тюменского государственного университета, ассоциированный профессор (доцент) Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилёва (г. Астана, Казахстан). E-mail: sarsambekova@yandex.com

СЕЛИВАНОВ Дмитрий Евгеньевич, аспирант кафедры отечественной истории Томского государственного университета (г. Томск). E-mail: sde29study@yandex.ru

СЛИВИНА Дарья Викторовна, магистр истории, лаборант факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге. E-mail: dsvirina@eu.spb.ru

ТАДЫШЕВА Наталья Олеговна, кандидат исторических наук, заместитель директора Научно-исследовательского института алтаистики им. С.С. Суразакова (г. Горно-Алтайск). E-mail: tadisheva@mail.ru

ТЕРЕНТЬЕВ Владислав Игоревич, кандидат исторических наук, учитель истории Улан-Баторского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова (г. Улан-Батор, Монголия). E-mail: vlad33@bk.ru

ФЕДОРОВА Татьяна Александровна, аспирантка кафедры всеобщей истории Самарского государственного социально-педагогического университета. E-mail: Angel_924@mail.ru

ЧЕРКАСОВ Алексей Владимирович, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин филиала Государственного морского университета имени адмирала Ф.Ф. Ушакова в г. Севастополе. E -mail: lakets2006@meta.ua

ШАЙМЕРДИНОВА Нуриля Габбасовна, доктор филологических наук, профессор кафедры тюркологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилёва (г. Астана, Казахстан). E-mail: nurila1607@mail.ru

ЯРЫГИН Сергей Александрович, доктор PhD, старший преподаватель кафедры тюркологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилёва (г. Астана, Казахстан). E-mail: kazak_serega@mail.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2018 № 51

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский
Главный редактор – В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь – В.С. Воробьева

Подписано к печати 22.02.2018 г. Формат 60x84 1/8. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Усл. печ. л. 20,7. Тираж 50 экз. Заказ № 3045. Цена свободная.

Дата выхода в свет 05.03.2018 г.

Редакторы: Ю.П. Готфрид, К.В. Полькина
Корректор Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редакторы-переводчики – Н.А. Глущенко, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет
Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: **http://journals.tsu.ru/history**

Founder – Tomsk State University
Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.
Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://journals.tsu.ru/history.
The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://journals.tsu.ru/history. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь В.С. Воробьева
E-mail: petroom@mail.ru

Editorial Office and Publisher Office address:
TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Veronica Vorobyeva
E-mail: petroom@mail.ru

Издательство:
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательский Дом ТГУ
Телефон 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher:
Publishing House of Tomsk State University,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru